К44 9/53
автограф

Леониду Михайловичу Савелову
с глубоким уваженіемъ
автор

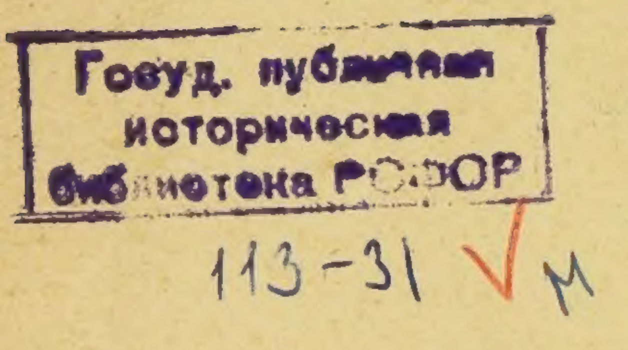
ПОЛУОСТРОВЪ ЯМАЛЪ.

Б. М. ЖИТКОВЪ.

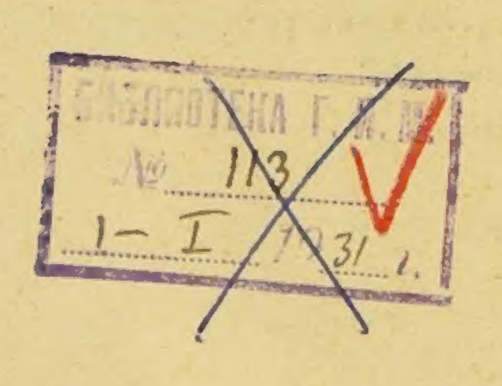
Съ 2 картами и 18 рисунками въ текстѣ.

Отдѣльный оттискъ изъ т. XLIX „Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1913.



4464



Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Отъ редакторовъ		V
Предисловіе		VII
Глава I.	Краткій историческій очеркъ изслѣдованій Ямала	1
Глава II.	Путь экспедиціи отъ Москвы до Обдорска. Обдорскъ. Отъ Обдорска до устья Щучьей рѣки	17
Глава III.	Путь экспедиціи черезъ Ямалъ отъ устья рѣки Щучьей до рѣки Сё-яга (Зелёной) и группы озеръ Ямбу-то и Нёй-те	24
Глава IV.	Маршрутъ Б. М. Житкова черезъ сѣверныя области полуострова отъ озера Ямбу-то до о. Бѣлаго и обратно на югъ по берегу Карскаго моря до устья Морды и черезъ тундру къ озерамъ Ней-то	41
Глава V.	Работы по съемкѣ древняго торговаго пути. Обратный путь экспедиціи отъ рѣки Мутной по бассейну Морды до низовья Юрюбея, оттуда къ озерамъ Ярро-то и далѣе до промысла Пуйко на Обской губѣ. Возвращеніе въ Обдорскъ	89
Глава VI.	Географическій очеркъ полуострова Ямала. Древнія и новѣйшія карты. Рѣки и озера полуострова. Замѣчанія о берегахъ и объ устройствѣ поверхности	109
Глава VII.	Краткій очеркъ климатическихъ условій Ямала. Замѣчанія о растительномъ покровѣ. Списокъ собранныхъ растеній	158
Глава VIII.	Фауна Ямала. Млекопитающія. Птицы. Списокъ собранныхъ экспедиціей рыбъ по опредѣленію Л. С. Берга и краткія замѣчанія о распространеніи рыбъ. О нѣкоторыхъ группахъ безпозвоночныхъ животныхъ	177
Глава IX.	Каменные самоѣды, ихъ жизнь и характеръ. Сказки самоѣдовъ. Сказка о хозяинѣ Вылкѣ	203
Глава X.	Оленеводство Тобольской губерніи	252
Глава XI.	Происхожденіе и значеніе названія Ямалъ. Дѣленіе полуострова въ географическомъ отношеніи на три	

		стр.
	области. Рѣчные пути черезъ полуостровъ. Вопросъ о положеніи инородцевъ	292
Глава XII.	Списокъ самоѣдскихъ названій урочищъ съ переводомъ на русскій языкъ	300
Глава XIII.	Л. Ф. Рудовицъ. Метеорологическія наблюденія экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Ямалъ въ 1908 г. подъ начальствомъ Б. М. Житкова	309
Глава XIV.	Ю. М. Шокальскій. Гипсометрическія опредѣленія экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Ямалѣ подъ начальствомъ Б. М. Житкова	333
Глава XV.	К. М. Мещерскій. Карта полуострова Ямалъ . . .	335
Списокъ отчетовъ и статей, опубликованныхъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей на Ямалъ въ 1908 году.		348

Отъ редакторовъ.

Согласно постановленію Международнаго VII Географическаго Конгресса въ Берлинѣ въ 1899 году, каждая карта, издаваемая при какихъ-либо трудахъ, должна сопровождаться подробною запискою съ указаніемъ матеріаловъ, на коихъ она основана и тѣхъ данныхъ, какія вошли въ нее.

Въ виду этого, карта Ямала, приложенная къ настоящему труду, сопровождается особою запискою, гдѣ въ подробности изложены всѣ свѣдѣнія, требуемыя Конгрессомъ,—свѣдѣнія, имѣющія большое значеніе для всѣхъ, кому доведется въ будущемъ пользоваться настоящею картою какъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ по картографіи сѣвера Россіи.

Планы озеръ Нёй-те и Ямбу-то составлены на основаніи полуинструментальной съемки, произведенной капитаномъ В. Н. Введенскимъ, участникомъ экспедиціи.

Ю. Шокальскій.
А. Герасимовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1907 году я подалъ въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества проектъ путешествія на Самоѣдскій полуостровъ. Планъ мой удостоился одобренія Совѣта, которымъ и было ассигновано на 1908 годъ на нужды экспедиціи 4.000 рублей, — согласно представленной мною смѣтѣ. Совѣтомъ отпущены были также необходимые для работъ экспедиціи инструменты и испрошено для всѣхъ участниковъ путешествія право безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Складная парусинная лодка и нѣкоторые инструменты отпущены были въ распоряженіе экспедиціи по распоряженію г. Начальника Главнаго Гидрографическаго Управленія А. И. Вилькицкаго. А. И. Вилькицкому, Ю. М. Шокальскому и начальнику картографической части Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского Министерства Н. В. Морозову обязанъ я также полученіемъ копій съ нѣкоторыхъ старинныхъ картъ, хранящихся въ архивѣ Управленія, а также и многими цѣнными указаніями. Зоологическое снаряженіе отпущено было Московскимъ Университетомъ. Небольшая денежная субсидія экспедиціи выдана была Императорскимъ Обществомъ Акклиматизаціи, Совѣтомъ котораго было мнѣ поручено ознакомиться по возможности съ оленеводствомъ тобольскихъ тундръ.

Въ экспедиціи, кромѣ меня, приняли участіе: 17-го сапернаго батальона капитанъ В. Н. Введенскій въ качествѣ топографа и ассистентъ Московскаго Сельско-хозяйственнаго

института Д. П. Филатовъ, занимавшійся сборами флоры и фауны. Въ качествѣ переводчика служилъ въ экспедиціи толмачъ Обдорской миссіи обдорскій крестьянинъ Г. П. Кудринъ. Помогалъ ему, а также и намъ во всѣхъ наблюденіяхъ и работахъ, миссіонеръ стана въ Хэ, о. Мартиніанъ Мартемьяновъ, прикомандированный къ экспедиціи для ознакомленія съ жизнью самоѣдовъ на мѣстахъ ихъ лѣтнихъ стоянокъ распоряженіемъ преосвященнаго Антонія, епископа Тобольскаго, теплое участіе котораго останется, конечно, всегда памятнымъ участникамъ путешествія. Члены экспедиціи имѣли удачу и удовольствіе узнать въ этихъ двухъ своихъ спутникахъ не только прекрасныхъ знатоковъ самоѣдовъ и ихъ языка, но и веселыхъ и дѣятельныхъ товарищей, хорошо къ тому же знакомыхъ съ жизнью тундры вообще.

Въ Обдорскѣ для передвиженія экспедиціи по тундрѣ заблаговременно собрано было стадо въ 450 оленей и наняты слѣдующіе инородцы: самоѣдъ Николай Ваиуйта, взятый вмѣстѣ съ чумомъ, семьей и небольшимъ числомъ собственныхъ оленей; самоѣдъ Нярби Яптикъ; самоѣдъ Хазово Окотэтта; самоѣдъ Николай Худи, котораго сопровождала его сестра, дѣвица Анна Худи; остякъ Николай Пугорчинъ. Проводниковъ черезъ отдѣльныя территоріи полуострова и временами и оленей для боковыхъ разъѣздовъ и отдѣльныхъ экскурсій доставали мы на Ямалѣ безъ затрудненій. Самоѣды были во время Обдорской ярмарки широко оповѣщены о нашемъ прибытіи, и насъ встрѣчали всюду, какъ гостей. Излишекъ въ запасахъ провизіи, взятой мною съ этой цѣлью, въ свою очередь позволилъ намъ держать полы нашихъ чумовъ и палатокъ широко открытыми для посѣтителей.

Сложными и разнообразными хлопотами по подготовкѣ путешествія въ Обдорскѣ обязаны мы мѣстнымъ людямъ, безъ содѣйствія которыхъ сдѣлать поѣздку въ глубину тундръ— по крайней мѣрѣ съ большой надеждой на успѣхъ—очень трудно. Широкое содѣйствіе экспедиціи было оказано То-

больскимъ губернаторомъ, Н. Л. Гондатти, помощь котораго, какъ одного изъ первыхъ въ Россіи знатоковъ Сибири вообще и Обдорскаго края въ частности, была намъ очень важна. Въ Обдорскѣ горячее и цѣнное участіе въ судьбѣ экспедиціи при первомъ же извѣстіи о ней принялъ начальникъ Обдорской миссіи, игуменъ Иринархъ, отдавшій болѣе 10 лѣтъ своей жизни широкой просвѣтительной дѣятельности въ глухомъ Обдорскомъ краю. Ему наше предпріятіе обязано и сложными предварительными сношеніями, и организаціей сбора коллекцій въ Обдорскѣ и на нижней Оби, и разнообразными матеріальными жертвами. Энергичная помощь была намъ оказана Березовскимъ исправникомъ, старожиломъ и знатокомъ края Л. Н. Ямзинымъ и бывшимъ Обдорскимъ приставомъ (теперь помощникъ исправника въ Обдорскѣ) Л. Н. Оболтинымъ. Послѣднимъ изъ нихъ понесенъ большой трудъ при закупкахъ разнообразныхъ предметовъ снаряженія для экспедиціи, выборѣ и наймѣ людей и т. д.

Любезной помощью при сборахъ обязаны мы многимъ жителямъ Обдорска и въ особенности П. Ф. Телѣжкину, И. И. Карпову и А. И. Туполеву. Гостепріимствомъ послѣдняго пользовались мы на Пуйко, только что выйдя изъ тундры послѣ долгаго пути.

Съ возвращеніемъ изъ тундры и отъѣздомъ членовъ экспедиціи изъ Обдорска еще не окончились хлопоты, связанныя съ путешествіемъ. Самоѣды, отъ которыхъ набраны были олени, служившіе намъ во время пути, выходятъ изъ глубины тундръ Ямала къ Обдорску къ декабрю, когда только и могла быть произведена обратная раздача оленей хозяевамъ. Пастухи наши были поэтому задержаны до декабря 1908 года, пробывъ на службѣ экспедиціи почти годъ. Кромѣ того, самая раздача самоѣдамъ оленей потребовала много хлопотъ. Во время пути по тундрѣ потеряли мы отъ различныхъ причинъ 13 или 14 оленей; но позже—со времени отъѣзда нашего изъ Обдорска и до времени раздачи оленей обратно ихъ

хозяевамъ—въ продолжительную осеннюю стоянку частью пало отъ болѣзней, частью было потеряно пастухами въ общемъ около 100 головъ оленей. Чтобы возмѣстить нѣсколько потери, понесенныя оленеводами, Совѣтъ Географическаго Общества выхлопоталъ выдачу самоѣдамъ Ямала 60 штукъ винтовокъ Бердана съ патронами. Раздачей этихъ винтовокъ и вообще ликвидаціей всѣхъ дѣлъ экспедиціи завѣдовала въ Обдорскѣ особая комиссія подъ предсѣдательствомъ игумена Иринарха.

Экспедиціей по всѣмъ пройденнымъ линіямъ на полуостровѣ ведена была маршрутная съемка; полуинструментально сняты В. Н. Введенскимъ большія озера Нéй-те и Ямбу-то, входящія въ составъ древняго торговаго пути, и нивелированъ волокъ между ними. Сдѣланы анероидныя и гипсотермометрическія опредѣленія высотъ. Во все время пути, по три раза въ день, велись метеорологическія записи. Собраны коллекціи по фаунѣ и флорѣ и этнографическія. Согласно рѣшенію Совѣта Общества, собранныя коллекціи переданы Московскому университету. Часть зоологическихъ сборовъ въ настоящее время уже обработана спеціалистами.

По распоряженію А. И. Вилькицкаго картографическая обработка съемокъ экспедиціи сдѣлана была въ Главномъ Гидрографическомъ Управленіи. Приложенная къ настоящему отчету карта составлена на основаніи всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи Управленія данныхъ К. М. Мещерскимъ.

Мнѣ осталось поблагодарить еще П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и Ю. М. Шокальскаго за многіе совѣты и разнообразную помощь, оказанную ими экспедиціи, а также Ю. М. Шокальскаго и А. И. Герасимова за скучный трудъ надзора за печатаніемъ книги и за чтеніе корректуръ.

Москва.
Ноябрь 1912 г.

ГЛАВА I.

Краткій историческій очеркъ изслѣдованій Ямала.

Сношенія русскихъ съ югрой или землей Югорской, крайнимъ предѣломъ новгородскихъ владѣній на востокѣ, извѣстны съ глубокой древности. Хронографы XVI вѣка записали легендарное сказаніе о заселеніи сѣверной Россіи, въ которомъ упоминаются уже земли за Ураломъ. Легенда „О исторіи еже отъ начала русскія земли и созданіи Новагорода" разсказываетъ, что потомки Словена и Руса, основавшихъ городъ на берегу Ильменя и назвавшихъ рѣку Волховъ по имени сына Словенова, который былъ „бѣсоугодникъ и чародѣй лютъ", княжили надъ окрестною страною и овладѣли берегами Ледовитаго океана, перейдя и Камень: „Сынове ихъ и внуци княжаху по колѣномъ своимъ и налѣзоша себѣ славы вѣчныя и богатства многа мечемъ своимъ и лукомъ, обладаша же и сѣверными странами и по всему морю даже до предѣлъ Ледовитаго моря и окрестъ желтоводныхъ и зеленоводныхъ и по великимъ рѣкамъ Печерѣ и Выми и за высокими горами въ странѣ рекомой Скиръ по великой рѣцѣ Оби до устья Бѣловодныя рѣки, еяже вода бѣла аки млеко; тамо бо звѣри родятся рекоміи соболь".

Еще давнія изслѣдованія Лерберга [1], разобравшаго рядъ историческихъ данныхъ, установили, что подъ именемъ Югоріи

[1] Lehrberg. Unters. zur Erläut. d. älteren Gesch. Russlands. S-Pt. 1816, стр. 3 и слѣдующія.

въ древности подразумѣвалась обширная и не ясно, вѣроятно, по недостатку географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній отграниченная страна по нижнему Иртышу и Оби, а югрой или югричами русскіе называли племена остяковъ и вогуловъ. Извѣстно, что нѣкоторые старые историки и географы искали землю Югорскую по сю сторону Уральскихъ горъ. Съ другой стороны, въ позднѣйшее сравнительно время Шренкъ [1]) высказалъ предположеніе, что названіе „югра“ произведено отъ остяцкаго слова „оргой“ и первоначально прилагалось новгородцами къ самоѣдамъ и странѣ ихъ, лежавшей къ сѣверу отъ 67° с. ш. Эта „сѣверная Югорія“ охватывала, слѣдовательно, побережье Карскаго моря и теперешній полуостровъ Ямалъ.

Очень вѣроятно, что не только въ извѣстіяхъ, распространявшихся устно, но и въ различныхъ документахъ предѣлы Югорской страны не могли быть обозначены сколько-нибудь строго, и границей ея съ сѣвера могъ приниматься океанъ. Съ другой стороны, извѣстно, что названіе самоѣдовъ также знакомо было русскимъ уже со временъ глубокой древности. „Югра языкъ нѣмъ—говоритъ лѣтописецъ—и сидитъ съ самоядью въ полунощныхъ странахъ“.

Гдѣ бы ни проводили мы границъ Югріи и какихъ бы инородцевъ ни числили въ составѣ ея населенія, остается справедливымъ, что народы, населявшіе бассейнъ Оби, уже съ давнихъ временъ находились въ торговыхъ сношеніяхъ, съ одной стороны, съ землями южной Азіи, съ другой—съ Европейской Россіей, и что новгородцы очень рано пытались наложить руку на Югрію. Повидимому, уже въ первой половинѣ XI вѣка новгородскій отрядъ ходилъ походомъ въ Югорскую землю, и Лербергъ полагаетъ, что экспедиція эта велась моремъ, черезъ Югорскій шаръ. Извѣстны также новгородскіе походы за Камень въ концѣ XI и въ XII столѣтіяхъ.

[1]) Reise nach d. Nordost. d. Europ. Russl. Dorpat. 1854, T. II, Cap. VIII, Ueber die Jugren u. d. Jugrische Land.

Въ XIII столѣтіи торговыя сношенія Новгорода съ сибирскими инородцами были въ полной силѣ, и нѣкоторыя зауральскія племена платили дань новгородцамъ. Послѣ паденія Новгорода была завоевана Москвою Пермь, а вслѣдъ затѣмъ начались походы Москвы и за Уральскія горы. Въ 1483 году великій князь Иванъ послалъ отрядъ для покоренія югры. Въ 1499 году послана была изъ Вологды и Устюга по рѣкамъ въ Печору и оттуда за Уралъ болѣе значительная рать подъ начальствомъ князей Семена Курбскаго, Петра Ушатаго и воеводы Василья Гаврилова. „Изъ нихъ Курбскій, въ бытность мою въ Московіи,—говоритъ Герберштейнъ [1],—былъ еще въ живыхъ и на мои разспросы объ этомъ отвѣчалъ, что онъ 17 дней взбирался на гору, которая на ихъ языкѣ называется столбомъ, и все-таки не могъ достигнуть ея вершины". Герберштейнъ записалъ также легендарные разсказы и географическія свѣдѣнія о землѣ Югорской, о жителяхъ Лукоморіи, „лежащей въ горахъ по другую сторону Оби", и объ извѣстной, помѣщенной на многихъ картахъ „золотой бабѣ", стоявшей въ Обдоріи.

Покорившіеся и обложенные данью югорцы, кажется, платили таковую не слишкомъ аккуратно и при случаѣ не прочь были отъ вооруженныхъ столкновеній съ русскими. Но торговля черезъ Уралъ продолжала развиваться. Въ XVI столѣтіи хорошо извѣстны были три дороги изъ бассейна Печоры за Уралъ: по Усѣ, черезъ ея истоки, на рѣку Собь; черезъ Щугоръ на Сыгву и Сосьву и по Илычу, черезъ перевалъ, также въ бассейнъ Сосьвы. Въ то же время торговые люди стали широко пользоваться — неизвѣстно точно, съ какого именно времени — и морскимъ путемъ черезъ Карское море въ устье Оби.

Когда, съ половины XVI столѣтія, англійскія, а послѣ голландскія морскія торговыя экспедиціи начали появляться у русскихъ береговъ, иностранцы не разъ получали отъ

---

[1]) Записки о Московіи. Спб. 1865 (перев. Анонимова), стр. 127.

русскихъ промышленниковъ указанія, свидѣтельствующія о томъ, что примыкающія къ Россіи и западной Сибири части Ледовитаго моря были этимъ промышленникамъ хорошо извѣстны. Плаванія торговцевъ съ Двины, Мезени и Печоры черезъ Карское море еще усилились послѣ основанія въ 1601 году на нижнемъ теченіи Таза укрѣпленнаго города Мангазеи, заложеннаго въ центрѣ области, издавна носившей то же названіе [1]).

Въ первые годы царствованія Михаила Федоровича тобольскіе воеводы обратили вниманіе на торговыя экспедиціи русскихъ сѣверянъ въ Мангазею. Опасаясь прихода въ Сибирь, по слѣдамъ русскихъ торговцевъ, и „нѣмцевъ“, о плаваніяхъ которыхъ для отысканія сѣверовосточнаго прохода были они, очевидно, освѣдомлены, и указывая, съ другой стороны, что русскіе купцы, плавая съ хлѣбомъ и иными товарами моремъ, укрываются отъ торговыхъ пошлинъ, воеводы ходатайствовали передъ московскимъ правительствомъ о закрытіи морского пути. По дѣлу этому собраны были отъ торговыхъ людей справки. Пинежанинъ Левка Шубинъ въ показаніяхъ своихъ далъ подробное описаніе морского пути изъ Холмогоръ въ Обь, которымъ ходилъ онъ „съ товарищи“ еще при „блаженныя памяти государѣ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ“ [2]). Изъ показанія этого (какъ и изъ другихъ документовъ) оказывается, что промышленники обыкновенно не огибали Ямала, а проходили его — какъ проходили обыкновенно, пользуясь рѣками Чижею и Чёшею, и полуостровъ Канинъ — черезъ рѣки и озера, пересѣкавшія Ямалъ сѣвернѣе устья Тазовской губы. Со стороны Карскаго моря кочи торговыхъ людей входили въ рѣку Мутную, вытекающую изъ трехъ связанныхъ между собою озеръ въ центрѣ Ямала. Потомъ суда переволакивали въ большое

---

[1]) См. Д. Н. Анучинъ. „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“. Древности (изд. И. М. Арх. Общ.), т. XIV.

[2]) Русская Историч. библіотека, т. II, 1875, стр. 1049—1095.

озеро, изъ котораго вышла рѣка Зеленая, впадающая въ Обскую губу.

Путь изъ европейскихъ морей въ Сибирь черезъ Карское море и полуостровъ Ямалъ сталъ извѣстенъ также и англичанамъ, наѣзжавшимъ въ началѣ XVII вѣка съ торговыми цѣлями въ Россію. Такъ, переводчикъ англійской торговой экспедиціи на Печору, посланной изъ Англіи въ 1611 году, Ричардъ Финчъ, сдѣлалъ подробное сообщеніе объ этомъ пути въ письмѣ къ купцу Смиту. Точно также англичане Джосіа Логанъ и Вильямъ Порсглоу, участники той же экспедиціи, записали свѣдѣнія о нѣкоторыхъ подробностяхъ торговыхъ сношеній жителей Печоры черезъ Карское море и Ямалъ съ Мангазеей [1]).

Конечно, въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь, сѣверное побережье и страны зауральскія русскимъ промышленникамъ и отдѣльнымъ иностраннымъ купцамъ извѣстны были лучше, чѣмъ западно-европейскимъ географамъ. На нѣкоторыхъ западно-европейскихъ картахъ Россіи первой половины XVII столѣтія, составленныхъ, вѣроятно, по русскимъ источникамъ, нанесенъ, правда, уже — хотя и очень приблизительно — полуостровъ Ямалъ и рѣки Мутная и Зеленая. Но еще въ 70-хъ годахъ XVII вѣка такой образованный человѣкъ, какъ Яковъ Рейтенфельсъ, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ своемъ „Сказаніи о Московіи“ писалъ о странахъ за Обью: „Отъ этихъ мѣстъ (Оби) русскіе въ самое недавнее время, какъ мы слышали въ Москвѣ, доходили до рѣки Пясиды, очень широкой, которую они, однако, не отважились перейти, хотя съ противоположнаго берега они, по ихъ разсказамъ,

---

[1]) Purchas, his Pilgrims, p. III, p. 544, 546, 551. О Мангазеѣ и торговомъ пути черезъ Ямалъ см. Б. Житковъ. Городъ Мангазея и торговый путь черезъ Ямалъ. Ест. и Геогр. 1903, май. А. Филипповъ. Рѣчной путь въ Сибирь черезъ п-въ Ямалъ. Зап. по гидрографіи, XXVI, 1904. Д. Н. Анучинъ. Городъ Мангазея и Мунгазейская земля. Землевѣдѣніе. 1903, кн. IV. Б. Житковъ. Морской торговый путь въ Сибирь. Ест. и Геогр., 1910, май.

слышали звонъ колоколовъ, а на самой рѣкѣ видѣли корабли, очень похожіе на индѣйскіе или китайскіе. Тѣ же лица, гораздо раньше, инымъ путемъ, ведомыя татарами и тунгузами, перешли рѣку Енисей, болѣе крупную, нежели Обь, и сообщаютъ, что живущіе по этой рѣкѣ близъ огнедышащихъ горъ люди безобразны благодаря зобу, который виситъ у нихъ подъ подбородкомъ, клохчутъ при разговорѣ и шипятъ и ведутъ гнуснѣйшій образъ жизни"... [1]).

Извѣстно, что морской путь въ Мангазею русскимъ купцамъ запрещенъ былъ въ 1620 году — изъ соображеній фискальныхъ — подъ страхомъ смертной казни. Промысловыя же плаванія русскихъ для охоты за морскимъ звѣремъ въ Карское море и къ берегамъ Ямала, повидимому, продолжались еще много лѣтъ. Въ 1690 году два русскихъ судна потерпѣли крушеніе у Шараповыхъ кошекъ, и командѣ судовъ пришлось зимовать на кошкахъ. При высокой водѣ и сильномъ вѣтрѣ отмели — за исключеніемъ немногихъ, болѣе возвышенныхъ мѣстъ — заливало водою, и на нихъ громоздились высокіе торосы льда. Промышленники, въ числѣ 15 человѣкъ, зимовали въ хижинѣ, сдѣланной изъ глины и корабельныхъ досокъ, отапливались плавникомъ, котораго было много, и питались мясомъ медвѣдей, песцовъ и моржей. Моржей въ теченіе зимы убили очень много. 11 участниковъ зимовки умерли отъ цынги, остальные были спасены русскимъ же звѣроловнымъ судномъ. Витсенъ записалъ разсказъ участника несчастной зимовки, кормщика Родіона Иванова. Тотъ же авторъ упоминаетъ, что за годъ раньше одно русское звѣроловное судно потерпѣло крушеніе восточнѣе устья Оби [2]).

Однако въ теченіе семнадцатаго вѣка количество судовъ,

---

[1]) Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ III о Московіи. Падуя, 1680 г., перев. А. Станкевича, Москва, 1906, стр. 202.

[2]) Путешествіе Норденшельда на пароходѣ „Вега", ч. I, Спб., 1881, стр. 257.

плававшихъ въ Карское море, повидимому, все сокращалось. Распоряженія правительства, старавшагося стянуть всю торговлю на дороги черезъ Уралъ, гдѣ удобнѣе было собирать пошлины, парализовали морское торговое движеніе. Въ XVIII вѣкѣ инициатива изслѣдованія Карскаго моря и прилежащихъ береговъ перешла, напротивъ, въ руки правительства. Участники Великой сѣверной экспедиціи Муравьевъ и Павловъ на двухъ кочахъ въ 1734 году подходили къ берегамъ Ямала на широтѣ Мутнаго залива и Шараповыхъ кошекъ, а въ слѣдующемъ достигли—по ихъ донесенію—73°11' с. ш. Въ два слѣдующія лѣта смѣнившіе прежнихъ начальниковъ экспедиціи лейтенанты Малыгинъ и Скуратовъ на двухъ ботахъ обошли Ямалъ и вошли въ Обскую губу. Одновременно съ плаваніемъ судовъ геодезистъ Селифонтовъ проѣхалъ сухимъ путемъ вдоль восточнаго и сѣвернаго берега Ямала, сдѣлавъ съемку. На основаніи этихъ работъ составлена была первая карта полуострова [1]).

И по окончаніи работъ отряда Сѣверной экспедиціи правительство продолжало, при случаѣ, собирать свѣдѣнія объ Обской губѣ и побережьѣ Карскаго моря. Вотъ текстъ подлиннаго указа 1760 года [2]), полученнаго мною отъ игумена Обдорской миссіи, о. Иринарха.

„Полученъ сей указъ чрезъ сотника Ивана Ускова ноября 27 дня 1760 года.

„Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ Березовской воеводской канцеляріи въ Обдорской острогъ прикащику Березовскому казачью атаману Сверч-

[1]) Соколовъ. Исторія Сѣверной эксnед. 1733—43 г. Зап. Гидрограф. Департ., IX, 1851. Многія новыя данныя о плаваніи Муравьева и Павлова, зимовкѣ ихъ въ Пустозерскѣ и возникшихъ потомъ судебныхъ дѣлахъ находятся въ статьѣ свящ. М. Попова „Первая морская экспедиція къ устью Оби“, „Море“, 1906, № 43—44.

[2]) Указъ этотъ относится, слѣдовательно, къ тому времени, когда географическимъ департаментомъ академіи наукъ завѣдывалъ М. В. Ломоносовъ.

кову сего 1760 году октября 23 дня поданнымъ въ Березовскую Воеводскую канцелярію города Березова казачей сотникъ Иванъ Усковъ доношеніемъ объявилъ: по силѣ де данной ему изъ Березовской Воеводской канцеляріи сентября отъ 19 дня сего 1760 году инструкцыи повелено ему Ускому въ силу прописаннаго въ оной Ея Императорскаго Величества и правительствующаго Сената указу слѣдовать отъ Березова до Обдорскаго острогу, а оттоль на Ледовитое море по прибытіи тамъ имѣющихся островахъ которые ведомы тамошнимъ ясашнымъ самоятцамъ справитца обстоятелно какъ велики и коль далече отъ матерой земли и какихъ звѣрей на нихъ тѣ ясашные самоядцы ловятъ также какъ оные острова называются и растояніе назначить мерными верстами кроме самой невозможности и тотъ проездъ до означеннаго Ледовитаго моря велено имѣть ему на собственныхъ своихъ собакахъ и оленяхъ а хотя де у него Ускова имеютца собственные ево олени точію весьма малое число и одними безъ перемены въ такое отдаленное мѣсто також и собаками тамошнихъ поморскихъ тундренныхъ местахъ и за великими снегами также и за неименіемъ лесовъ въ которыхъ и пищи сварить нечѣмъ и за неименіемъ имъ корму никакъ следовать невозможно и просилъ: дабы де указомъ повелено было какъ ему такъ и при немъ будущимъ казакомъ потъ правіантъ и ружье отъ Березова до означеннаго ледовитого моря определить указное число подводъ давать ясашнымъ остякомъ и самоятцомъ отъ юртъ до юртъ також и въ вожи брать по одному человѣку и для переводу ихъ языка толмача Ѳедора Палтырева а безъ онаго следовать и о тамошнихъ островахъ подлинного известія получить никакъ не возможно. И того жъ октября 28 дня по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Березовской Воеводской канцеляріи а по доношенію реченнаго сотника Ускова для показанныхъ въ ономъ законныхъ ево невозможностей и что онъ на объявленное ледовитое море отправленъ по силѣ правительствующаго Сената указу для усмо-

тренія объ островахъ подлинности которые требуютца въ императорскую Академію наукъ весма строго для сочиненія вновь исправнѣйшаго россійскаго атласа и дабы въ такомъ полезномъ и нужномъ произведеніи не имѣло ни малейшей остановки въ дачѣ оному Ускову до Обдорскаго острогу до Ледовитаго моря и обратно до Обдорска ясашнымъ остякомъ и самоядцомъ отъ юртъ до юртъ къ показанію дороги въ вожи по одному человѣку также и о чиненіи въ томъ порученномъ ему дѣлѣ что нужда и надобность необходимо потребуетъ вспоможенія дано изъ Березовской Воеводской Канцеляріи прочетно ея Императорскаго Величества указъ велеть по окончаніи ясашного збору толмача Өедора Палтырева для переводу остяцкого и самоятцкого языковъ отдать въ команду означенному сотнику Ускову въ скорости и прикащику Сверчкову учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу ноября 6 дня 1760 году. Миронъ Черкашенниновъ. Аөанасій Катинъ. Канцеляристъ Никита...“

Кромѣ такихъ сравнительно примитивныхъ способовъ собиранія свѣдѣній о Ледовитомъ океанѣ, пробовали проникнуть къ сѣверо-западнымъ берегамъ Сибири и другимъ путемъ. Морскому офицеру Розмыслову, посланному въ 1768 году для описи Маточкина шара и береговъ Новой Земли, приказано было попытаться достичь Обской губы. „Если же, по благости Божіей,—сказано въ инструкціи архангельскаго губернатора Головцына Розмыслову,—и по переходѣ черезъ оный проливъ по осмотру вашему найдется за тѣмъ проливомъ море мореплаванію способное и льдовъ нѣтъ, то не возможно-ль будетъ до устья Оби рѣки имѣть таковыми судами способный проходъ... За тѣмъ проливомъ во время вояжа къ устью Оби рѣки буде увидите, и то обстоятельно описать, какія суда, отколь и куда, и съ чѣмъ, и какими мѣстами ходятъ... Какъ небезызвѣстно вамъ, что со стороны Россійской Имперіи объ открытіи пути въ Сѣверную Америку многіе опыты съ великимъ казеннымъ иждивеніемъ чинены и пріемлемы были, но оные и по-

нынѣ остались еще безъ желаемаго успѣху, то егда вы за проливъ съ Новой Земли въ Карское море прибудете, то вы не оставьте, по широтѣ мѣста соображая на картѣ положеніе моря, примѣчаніе своего сдѣлать, не будетъ ли способовъ впредь испытать съ того мѣста воспріять путь въ Сѣверную Америку, чтобы льды тому не воспрепятствовали, что все вамъ по своему благоразумію и имѣя довольное въ мореплаваніи искусство, когда Господь васъ благополучно возвратитъ, и подать ко мнѣ письменно"... [1]).

Какъ извѣстно, судно Розмыслова оказалось дырявымъ, и не только въ Америку, но и въ Обь ему пойти не пришлось. Позже—въ 1832 году—порученіе достичь Оби и Енисея со стороны Новой Земли имѣли также Кротовъ и Пахтусовъ [2]).

Въ XIX столѣтіи были сдѣланы нѣкоторыя важныя изслѣдованія, касавшіяся береговой линіи, а отчасти и южныхъ частей полуострова Ямала. Въ 1806 году „департамента водяныхъ коммуникацій" полковникъ Поповъ изслѣдовалъ естественныя водяныя сообщенія между Обской губой и Карскимъ моремъ и проходилъ бассейномъ Юрюбея. Работы этой экспедиціи, какъ кажется, не сохранились [3]).

Побережье Ямала на всемъ его протяженіи нанесено было на карту въ 1827 и 1828 годахъ штурманомъ Ивановымъ, который объѣхалъ берега полуострова на оленяхъ изъ Обдорска. Ивановъ былъ однимъ изъ участниковъ организованной въ 1826 году экспедиціи для описи сѣвернаго берега Россіи отъ

---

[1]) Н. Чулковъ. Экспедиц. на Новую Землю подъ нач. Розмыслова въ 1768—69 гг. Арх. Губ. Вѣд., 1898, №№ 43, 45, 46, 48, 51 и 79. Б. Житковъ. Новая Земля. М. 1903.

[2]) Въ 1771 году спутникъ Палласа, студентъ Василій Зуевъ, проходилъ отъ Обдорска къ Карской губѣ. По описанію его трудно проложить его путь на существующихъ теперь картахъ. Повидимому онъ шелъ западнѣе нижняго теченія Щучьей и рѣки Падараты, т.-е. внѣ территоріи собственно Ямала (Pallas, Reise, III).

[3]) Къ тому, что извѣстно объ экспедиціи Попова и поѣздкѣ англичанина Бетсона въ 1789 году, вернусь я позже, въ географическомъ очеркѣ полуострова.

Канина носа до устья Оби. Ивановымъ и помощникомъ его Рагозинымъ не описаны лишь сѣверный берегъ Бѣлаго и южный берегъ Обской губы, южнѣе мыса Хаманёла [1]).

Въ 1862 году поперекъ Карскаго моря прошла первая—за новѣйшій періодъ изслѣдованія сѣверныхъ береговъ—морская экспедиція, участникамъ которой пришлось противъ воли выйти на берегъ Ямала и проѣхать на оленяхъ часть территоріи полуострова.

Сынъ извѣстнаго по своимъ работамъ на сѣверѣ Европейской Россіи капитана 1-го ранга П. И. Крузенштерна лейтенантъ П. П. Крузенштернъ, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный и одаренный большой инициативой, сдѣлавъ на парусной шкунѣ своего отца „Ермакъ" въ 1860 году небольшую пробную экспедицію изъ Печоры въ западную часть Карскаго моря, лѣтомъ 1862 г. пошелъ на той же шкунѣ въ Енисей. Но годъ выпалъ льдистый. Уже вблизи Югорскаго шара шкуна затерта была льдомъ, которымъ дрейфовало ее къ востоку съ половины августа до 7 сентября. Шкуну пришлось бросить, и послѣ 7-ми дней пути по льду и тяжелыхъ лишеній Крузенштернъ съ командой вышелъ на берегъ Ямала нѣсколько южнѣе мыса Бѣлушьяго. Вскорѣ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе удалось найти самоѣдовъ и на оленяхъ добраться до Обдорска. Въ интересномъ отчетѣ Крузенштерна находится, къ сожалѣнію, очень мало данныхъ о населеніи полуострова [2]). Норденшельдъ, подробно изложившій исторію плаванія этой экспедиціи въ книгѣ о путешествіи „Веги", замѣчаетъ, что отчетъ П. Крузенштерна представляетъ первое

[1]) Описаніе всей экспедиціи, журналъ Иванова и карта напечатаны въ Зап. Гидр. Департ., т. V, 1847.

[2]) Отчетъ Крузенштерна съ картой напечатанъ въ № 2 „Морского Сборника" за 1863 г. Донесенія о ходѣ экспедиціи въ М. С. за 1862 г. № 12. Краткій рапортъ Крузенштерна—М. С. 1863, № 1. Біографич. данныя о Крузенштернѣ въ книгѣ: P. v. Krusenstern. Skizzen aus seinem Seemannsleben. Hirschberg in Schlesien (авторъ книги неизвѣстенъ). Я обращался къ нѣмецкимъ букинистамъ, чтобы найти эту рѣдкую книгу, но это не удалось сдѣлать. Кратко содержаніе ея изложено въ М. С. 1874, № 1.

подробное описаніе переѣзда черезъ Карское море съ запада на востокъ [1]).

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ нѣсколько норвежскихъ звѣролововъ вновь „открыли" Карское море. Съ 1868 по 1872 годы норвежцы Карлсенъ, Іоганнесенъ и др. на охотничьихъ яхтахъ исколесили Карское море. Нѣкоторыя суда подходили къ Бѣлому и западному берегу Ямала и застали у устья Еитармы и въ другихъ мѣстахъ побережья самоѣдскіе чумы. Пошедшій, благодаря опыту этихъ плаваній, въ 1875 году въ устья Енисея Норденшельдъ высаживался на берегъ Ямала около средины протяженія западнаго берега и далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ береговъ и природѣ полуострова [2]). Во время плаванія „Веги" Норденшельдъ съ двумя спутниками высаживался на Бѣлый. Въ „Путешествіи вокругъ Европы и Азіи" (стр. 191) помѣщено Норденшельдомъ краткое описаніе Бѣлаго и сѣвернаго берега Ямала, куда также высаживались путешественники.

---

[1]) Въ томъ же 1862 году извѣстный М. К. Сидоровъ, отыскивая средства для перевозки графита съ рѣки Курейки въ Обь и вообще въ мѣста сбыта, поручилъ довѣренному своему Кушелевскому проѣхать черезъ тундры съ Оби на Енисей, съ Оби на Печору и водой изъ Обской въ Тазовскую губу. Въ теченіе 1862—64 годовъ Кушелевскимъ выполнены 3 указанныя экспедиціи. Съ оленьими обозами прошелъ онъ отъ Оби черезъ верховья Войкара, въ другую зиму—отъ Обдорска на востокъ черезъ тундры къ устью Курейки и, наконецъ, лѣтомъ на шкунѣ въ Тазовскую губу. Ѳ. Студитскій (Истор. открыт. морск. пути изъ Европы въ Сибирскія рѣки, I, стр. 65) говоритъ, что двѣ изъ этихъ трехъ экспедицій стоили Сидорову 100.000 руб. Онѣ не имѣли и не могли имѣть ни научнаго, ни практическаго значенія. Кушелевскій описалъ ихъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, вышедшихъ подъ страннымъ заглавіемъ „Сѣверный полюсъ и земля Ялмалъ (Петербургъ. 1868), ни словомъ, впрочемъ, не упоминая о Сидоровѣ. Въ довольно безграмотной книжкѣ этой есть нѣкоторыя данныя о жизни каменныхъ самоѣдовъ, часть которыхъ кочуетъ по Ямалу. Путешествія Кушелевскаго оставили временно нѣкоторый слѣдъ въ картографіи: на отдѣльныхъ морскихъ картахъ 70-хъ годовъ можно было видѣть проведенныя къ востоку и западу отъ Оби прямыя линіи, вдоль которыхъ было написано: „дорога, проектированная (?) Кушелевскимъ".

[2]) Въ „Отчетахъ экспедиціи 1875 года" и въ „Путешествіи „Веги" вокругъ Европы и Азіи", т. I, стр. 197.

Здѣсь находится, между прочимъ, краткій списокъ растеній, найденныхъ на Бѣломъ.

Лѣтомъ 1876 года двѣ экспедиціи сразу прошли по самымъ южнымъ границамъ полуострова, изслѣдуя одновременно теченія рѣкъ Щучьей и Падараты, о возможности соединенія верховьевъ которыхъ каналомъ въ тѣ времена дѣлались многократно предположенія. Проектъ этотъ послѣ былъ оставленъ по неудобоисполнимости его, тѣмъ болѣе, что даже и постройка канала въ этомъ направленіи (отъ Оби къ Байдарацкой губѣ) не избавила бы судовъ отъ плаванія черезъ Карское море. Общество для содѣйствія русской промышленности и торговли отправило экспедицію въ составѣ технолога П. И. Матвѣева и топографа Орлова, которые сняли и нивеллировали линію отъ устья Щучьей къ Байдарацкой губѣ. Краткій отчетъ экспедиціи этой [1]) содержитъ лишь немногія данныя о природѣ пройденной мѣстности. Въ то же лѣто участники западно-сибирской экспедиціи, снаряженной въ Бременѣ, О. Финшъ, А. Брэмъ и графъ Вальдбургъ-Цейль, прошли тѣмъ же путемъ, также сдѣлавъ съемку теченія рѣкъ Щучьей и Падараты. Отчетъ доктора Финша [2]) заключаетъ подробное описаніе пройденныхъ мѣстностей и природы ихъ, данныя о фаунѣ, объ условіяхъ жизни инородцевъ и т. д. Нѣмецкіе путешественники претерпѣли много затрудненій въ пути вслѣдствіе падежа оленей.

Въ томъ же богатомъ экспедиціями 1876 году и въ слѣдующемъ состоялись двѣ поѣздки Х. Даля — первая на парусной шкунѣ, построенной въ Тюмени, въ Обскую губу для изслѣдованія ея фарватеровъ, вторая — на пароходѣ изъ Любека въ Тобольскъ [3]). Экспедиціи эти касаются Ямала лишь

[1]) Отчетъ эксsucc. Общ. для сод. русск. пром. и торговлѣ для изслѣдованія водяного и сухопутнаго сообщенія Байдарацкой губы съ Обью черезъ перешеекъ п-ва Ялмала. С.-Пбргъ, 1877 (съ картой).

[2]) Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin 1879. Глава XII.

[3]) Описаніе двухъ экспедицій въ рѣку Обь, снаряженныхъ гр. Камаровскимъ, Трапезниковымъ, Сибиряковымъ, Сабашниковымъ и Чернядевымъ въ 1876 и 77 годахъ. Москва 1877.

въ томъ отношеніи, что начальникомъ ихъ опредѣлены были астрономическіе пункты на устьѣ Щучьей и на промыслѣ Пуйко. Пунктъ на островѣ Пуйко опредѣленъ вторично астрономомъ Фусомъ во время работъ гидрографической экспедиціи 1881 года, снявшей часть дельты Оби.

Въ 1892 году комитетъ по сооруженію Сибирской желѣзной дороги рѣшилъ доставить грузъ рельсъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей въ Красноярскъ моремъ черезъ устья Енисея. Въ 1893 году въ Англіи были построены по заказу морского министерства два парохода—„Лейтенантъ Овцынъ" и „Лейтенантъ Малыгинъ"—и парусная баржа „Лейтенантъ Скуратовъ", которые и были отправлены подъ командой лейтенанта А. Ѳ. Добротворскаго въ Енисей, куда и прибыли благополучно.

На пути экспедиціей были произведены и нѣкоторыя гидрографическія работы, между прочимъ обслѣдованъ проливъ Малыгина. Пароходъ „Малыгинъ" входилъ въ проливъ, причемъ сдѣланы были промѣры со шлюпки, выяснившіе, что вдоль южнаго берега Бѣлаго, въ разстояніи отъ него на 1—1½ мили, тянется „нѣчто вродѣ барьернаго рифа" изъ плотнаго мелкаго песка. Глубины здѣсь измѣняются очень быстро. Когда „Малыгинъ" сѣлъ на эту отмель, то оказалось, что подъ носомъ парохода было 4 фута, подъ кормой—12, а въ 20—30 саженяхъ за кормой—5 саженъ. Чѣмъ дальше въ проливъ, тѣмъ стѣна песчаной отмели круче, а вершина ея ýже и мельче; въ горлѣ пролива отмель становится шире и сливается съ береговыми отмелями. Констатировано сильное отливное теченіе, которое въ первый получасъ послѣ полной воды достигало скорости 4-хъ узловъ. Выходя изъ пролива къ востоку, пароходъ увидѣлъ по курсу землю и, идя вдоль нея на сѣверъ, въ виду южнаго берега Бѣлаго повернулъ и пошелъ вдоль него обратно, а затѣмъ, выйдя изъ пролива, обогнулъ Бѣлый съ сѣвера.

В. И. Семеновъ [1]) полагаетъ, что передъ носомъ парохода при выходѣ изъ пролива видѣнъ былъ Бѣлый, который „своимъ южнымъ берегомъ покрываетъ Ямалъ, какъ полумѣсяцъ, и по параллели значительно длиннѣе, чѣмъ показано на картѣ“. На самомъ дѣлѣ, по всему вѣроятію, въ виду парохода сначала былъ низкій, вытянутый съ N на S островокъ *Табъ-о*, лежащій въ восточномъ устьѣ пролива, южнѣе мыса Шуберта. Возможно, что въ низкую воду сѣверный конецъ его соединенъ цѣпью отмелей съ мысомъ Шуберта, и берегъ издали представлялся поэтому сплошной линіей, тянувшейся сначала на N, потомъ на W и SW (южный берегъ Бѣлаго).

6 и 8 августа 1893 года на берегъ полуострова приблизительно подъ 70° высаживался съ нѣсколькими спутниками Нансенъ, шедшій на „Фрамѣ“ въ извѣстное свое полярное путешествіе. Въ дневникѣ путешествія сообщаетъ онъ очень краткое описаніе берега, на который выходилъ [2]).

Карты побережья Ямала получили нѣкоторыя измѣненія и дополненія, причемъ опредѣленъ рядъ астрономическихъ пунктовъ, благодаря послѣднимъ русскимъ гидрографическимъ экспедиціямъ, изслѣдовавшимъ устья западно-сибирскихъ рѣкъ и часть Карскаго моря. Въ 1894—95 годахъ Комитетомъ по сооруженію Сибирской желѣзной дороги послана экспедиція въ составѣ парохода „Лейтенантъ Овцынъ“ и баржи „Лейтенантъ Скуратовъ“ подъ общимъ начальствомъ А. И. Вилькицкаго. Экспедиціей изслѣдованы и положены вновь на карту нижнее теченіе Енисея, Енисейскій заливъ и Обская губа, причемъ снятъ и восточный берегъ Ямала. Работами экспедиціи Ф. К. Дриженко [3]) на пароходѣ „Пахтусовъ“ подъ командой Н. В. Морозова нанесенъ вновь западный берегъ полуострова къ сѣверу отъ мыса Морра-сале и сѣверный

[1]) В. И. Семеновъ. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Спб. 1894.

[2]) Среди льдовъ, изд. „Землевѣдѣнія“, Москва, 1897, стр. 76.

[3]) Ѳ. Дриженко. Работы гидрогр. экспед. Сѣверн. Ледов. океана за 1904 годъ. Морской Сборникъ, 1906, № 2.

берегъ Бѣлаго, причемъ астрономически опредѣлено 5 пунктовъ. Карта дельты Оби и многія географическія данныя о низовьѣ Оби и дельтѣ до бухты Находки, по съемкамъ самого автора, находятся въ работѣ А. А. Дунина-Горкавича „Географическое описаніе низовьевъ рѣки Оби“ [1]).

---

[1]) Записки по гидрографіи, вып. XXXI, 1909 г.

ГЛАВА II.

Путь экспедиціи отъ Москвы до Обдорска. Обдорскъ. Отъ Обдорска до устья Щучьей рѣки.

Экспедиція Географическаго общества 1908 года выѣхала изъ Москвы на Тулу и Ряжскъ въ воскресенье, 24-го февраля, вечеромъ. Послѣ нѣкоторыхъ задержекъ вслѣдствіе обычнаго, хотя и безпричиннаго, опозданія поѣздовъ, заставившаго насъ потерять ½ сутокъ въ Челябинскѣ, прибыли мы утромъ 1 марта въ Тюмень. Въ 2 часа пополудни того же дня выѣхали на лошадяхъ въ Тобольскъ, куда прибыли на слѣдующій день, сдѣлавъ съ небольшимъ въ сутки 260 верстъ. Скука ѣзды длинными зимними дорогами въ Сибири облегчается нѣсколько быстрой, мѣстами почти бѣшеной, ѣздой ямщиковъ и удобствомъ остановокъ на земскихъ квартирахъ въ богатыхъ сибирскихъ селахъ, обстановка и весь укладъ жизни которыхъ выгодно отличаются отъ условій жизни крестьянъ въ бѣдныхъ деревняхъ средней Россіи. Сдѣлавъ въ Тобольскѣ нѣкоторыя закупки и повидавшись со многими лицами, мы 5-го вечеромъ выѣхали изъ города по сѣверному тракту въ длинный (около 1300 верстъ) путь до Обдорска и 8-го прибыли въ село Самаровское (устье Иртыша), гдѣ были встрѣчены выѣхавшимъ по распоряженію березовскаго исправника Л. Н. Ямзина намъ на встрѣчу изъ Березова урядникомъ, который и сопровождалъ насъ до Березова. Покинувъ послѣ краткой остановки Самаровское, прибыли мы 10-го въ 12 часовъ дня

въ Кондинское, гдѣ осматривали монастырь и посѣтили его настоятельницу. Въ началѣ пути на лошадяхъ стояли умѣренные морозы, 5-го и 6-го температура ночью опускалась до —25°. 8-го, 9-го и 10-го стояла оттепель, нѣсколько испортившая дороги. Въ Кондинскомъ изъ-за оттепели и узкости дорогъ, предстоявшихъ впереди, бросили мы свою тяжелую кибитку и пересѣли въ двое саней. Багажъ нашъ отъ Тюмени шелъ на отдѣльныхъ саняхъ. 12-го утромъ пріѣхали въ Березовъ, гдѣ пользовались въ теченіе двухъ дней радушнымъ гостепріимствомъ Л. П. Ямзина, мѣстнаго старожила и хорошаго знатока края и быта инородцевъ. 14-го въ полдень выѣхали мы изъ Березова, въ селѣ Мужахъ встрѣтили Обдорскаго пристава Л. П. Оболтина и переводчика Г. П. Кудрина и 16-го утромъ прибыли въ Обдорскъ. Бойкое село издалека открылось передъ нами со своими двумя церквами и группами красивыхъ домовъ.

Переѣздъ нашъ отъ Тобольска до Обдорска не представлялъ затрудненій. Лошадей на земскихъ станціяхъ въ селахъ и ниже по Оби въ остяцкихъ юртахъ достаточно. Остяки припрягаютъ иногда къ санямъ „начальниковъ“ (за каковыхъ сходятъ всѣ проѣзжающіе по казеннымъ подорожнымъ) бо̀льшее, чѣмъ полагается, количество лошадей и ѣздятъ—гдѣ это возможно по условіямъ дороги—съ большой быстротой и еще бо̀льшимъ крикомъ. Часто во время отчаянной ночной ѣзды по узкой дорогѣ, проложенной то по льду Оби, то по зарослямъ низкихъ островов лѣваго берега (долина Оби достигаетъ мѣстами 40—50 верстъ въ ширину и изрѣзана рукавами, протоками и озерами) приходило мнѣ въ голову, что встрѣча съ такимъ же поѣздомъ случайно проѣзжающаго чиновника повела бы къ катастрофѣ, подобной столкновенію двухъ поѣздовъ. Но рискъ встрѣтить кого-нибудь на этихъ дорогахъ ничтоженъ. Если не ошибаюсь, ниже Самаровскаго всего два—три раза видѣли мы проѣзжихъ остяковъ, которые, заслышавъ издали гвалтъ несущагося поѣзда, похожаго — съ

провожающими собаками и сидящими на передовыхъ лошадяхъ остяками—на „дикую охоту“, воспѣтую нѣмецкими легендами, сворачивали въ сторону оленей и быстро исчезали въ заросляхъ.

Ниже Березова къ Обдорску возятъ на однихъ перегонахъ на лошадяхъ, на другихъ на оленяхъ. Часто половина экипажей запряжена оленями, половина лошадьми или конями, какъ здѣсь говорятъ. Ѣздятъ по одному пассажиру (не считая ямщика) въ низкихъ нартахъ, надъ которыми сзади сдѣлана кибитка, и которыя очень удобны потому, что въ нихъ можно лежать вытянувшись. Багажъ въ такую нарту можетъ быть взятъ только въ очень ограниченномъ количествѣ. Запрягаютъ ее одной лошадью или 3—4 оленями.

Населеніе Обдорска (оффиціально село Обдорское) состоитъ частью изъ русскихъ, частью изъ зырянъ,—всего въ количествѣ около 1500 душъ. Зыряне—пришельцы изъ-за Урала—отличаются большой предпріимчивостью и коммерческими способностями, прокладывая новые торговые пути, поселяясь въ глухихъ мѣстахъ (въ послѣднее время, напр., на Надымѣ) и поставивъ на коммерческую ногу оленеводство. Они легко воспринимаютъ культуру, склонны и способны къ образованію, сохранили, однако, свой языкъ. Населеніе Обдорска занимается главнымъ образомъ рыболовствомъ и торговлей съ инородцами, особенно самоѣдами, которые въ началѣ зимы спускаются изъ тундры со своими стадами въ черту лѣсовъ. Торговля пріурочивается главнымъ образомъ ко времени ярмарки—январю мѣсяцу. Объ условіяхъ этой торговли писано достаточно; я не буду здѣсь на этомъ останавливаться и вернусь позднѣе—въ главѣ о самоѣдскихъ промыслахъ—только къ продажѣ послѣдними пушнины и цѣнамъ на нее. Торговому и промышленному развитію Обдорска сильно мѣшаетъ отсутствіе телеграфа. Телеграфная линія отъ Тобольска доведена только до Самаровскаго [1]).

[1]) Если не ошибаюсь, въ послѣднее время произведены изысканія и начаты работы по проведенію линіи до Березова и Обдорска.

Заслуживаетъ большого уваженія просвѣтительная дѣятельность Обдорской миссіи, во главѣ которой до 1910 года стоялъ игуменъ Иринархъ, отдавшій Обдорскому краю лучшіе годы жизни. Ему и основанному имъ при миссіи братству св. Гурія, объединяющему всѣхъ болѣе культурныхъ жителей Обдорска, село обязано и теперь уже богатой библіотекой (свыше 3.000 томовъ), заключающей между прочимъ интересные матеріалы (книги и рукописи), касающіеся Сѣвера Россіи вообще и Березовскаго края въ частности. Основана также инородческая школа и инородческій пріютъ, куда помѣщаются дѣти остяковъ, зырянъ и самоѣдовъ, иногда съ годичнаго возраста. Пріютъ находится въ вѣдѣніи общины изъ трехъ монахинь. Маленькіе воспитанники и воспитанницы пріюта, между прочимъ, обучаются церковному пѣнію, также пѣнію псалмовъ и пѣсенъ. Слухъ маленькихъ остяковъ и самоѣдовъ достаточно музыкаленъ, голоса пріятны. Я помню, что нельзя было безъ особаго чувства слушать пѣсню о темной рощѣ, въ которой цвѣтутъ розы и поютъ соловьи, спѣтую маленькими дикарями въ селѣ подъ полярнымъ кругомъ, среди необозримой холодной тундры, кое-гдѣ покрытой чахлымъ криволѣсьемъ. Лучшая пѣвица хора—маленькая татарка изъ-подъ Тобольска.

Въ Обдорскѣ должны мы были сдѣлать послѣднія приготовленія къ далекому пути черезъ тундры. О территоріи Ямала и въ Обдорскѣ нельзя было получить никакихъ свѣдѣній. Немногіе русскіе и зыряне доѣзжали до рѣки Хадыте и по побережью губы до Находки. Далѣе тянулись невѣдомыя области, знакомыя только самоѣдамъ. Нѣсколько человѣкъ послѣднихъ, не успѣвшіе еще откочевать изъ окрестностей Обдорска, пріѣзжали въ село поговорить со мной. Одинъ изъ нихъ сообщилъ, между прочимъ, что въ глубинѣ Ямала есть озеро, которое самоѣды называютъ *Луце-хавы-то*, въ переводѣ „озеро умершихъ русскихъ“. Онъ же передалъ мнѣ сохранившіяся среди самоѣдовъ преданія о *тýрманѣ*, который ѣздилъ

по Ямалу, искалъ дороги и ставилъ столбы. Переводчикъ Г. И. Кудринъ самоѣдскій расчетъ времени, протекшаго съ этого событія, передалъ 80-ю годами. Рѣчь, несомнѣнно, шла (въ чемъ я убѣдился и позже на Ямалѣ) о штурманѣ Ивановѣ. Имя его—или, вѣрнѣе, наименованіе должности—сохранилось въ составѣ многихъ самоѣдскихъ названій на полуостровѣ.

Нанятые заблаговременно для передвиженія экспедиціи олени, собранные по развёрсткѣ отъ оленеводовъ Ямала, въ числѣ 420 головъ стояли верстахъ въ 40 отъ Обдорска. Значительное количество нартъ и упряжи было доставлено самоѣдами вмѣстѣ съ оленями. Мы имѣли съ собой два чума, которые могли вмѣщать всѣхъ людей зимою, и 2 палатки для разъѣздовъ или облегченнаго движенія лѣтомъ. Складная парусинная лодка, отпущенная Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ и доставленная въ Тобольскъ, привезена была нами въ Обдорскъ. Кромѣ нея взято было еще двѣ долбленыя, такъ наз. „колыданныя", лодочки. Лодки были необходимы, для возможности передвиженія грузовъ по рѣкамъ и озерамъ въ случаѣ возможной потери стада оленей отъ падежа или иной причины, а также и для переправъ каравана лѣтомъ черезъ рѣки. Для послѣдней цѣли служили также бывшіе съ нами принятые въ саперныхъ войскахъ гутаперчевые поплавки системы капитана Полянскаго, изъ которыхъ съ помощью нѣсколькихъ досокъ можно быстро собирать плотъ. Для работъ отпущены были Географическимъ обществомъ кипрегель, буссоль Шмалькальдера (я имѣлъ еще такую же запасную буссоль), 2 анероида, гипсотермометръ, психрометръ Ассмана и термометры водяные и воздушные. Вооруженіе каравана состояло изъ 4 охотничьихъ ружей (трехъ 20-го калибра и одного 12-го), трехъ четырехлинейныхъ винтовокъ, одной трехлинейной и одной двухлинейной со значительнымъ количествомъ патроновъ и запасами пороху и дроби. Фотографическое снаряженіе состояло изъ двухъ камеръ—9 × 12 и 13 × 18 cm.—съ большимъ запасомъ пластинокъ и небольшимъ плёнокъ. Часть провизіи взята была изъ Москвы.

Отсюда доставлены были рисъ, консервированныя овощи, консервированныя сливки, кофе, какао, шоколадъ, лимонный и клюквенный сокъ и коньякъ. Въ Обдорскѣ закуплена была главная масса провизіи для всего каравана по расчету приблизительно на 6 мѣсяцевъ пути. Заготовлены были мука, крупа, ржаные сухари, сушка, печеный хлѣбъ, кирпичный чай, сахаръ, масло и рыбій жиръ, а также значительное количество предметовъ, необходимыхъ для кочевого хозяйства, между прочимъ, также неводъ и ставныя сѣти [1]). Оленьимъ мясомъ, дичью и рыбой — что и оправдалось впослѣдствіи — могли мы считать себя обезпеченными. При заготовкѣ всего необходимаго оказалъ намъ большія услуги приставъ Л. П. Оболтинъ. Черезъ него же были заблаговременно заказаны въ Обдорскѣ полные комплекты самоѣдскаго платья и зимней и лѣтней обуви (лѣтніе кожаные „бродни" для ходьбы по тундрѣ гораздо удобнѣе сапогъ).

Всѣ приготовленія заняли время до конца марта. Д. П. Филатовъ и В. Н. Введенскій употребили въ это время два дня (21 и 22 марта) на экскурсію въ верховья Соби (или, какъ называютъ ее въ Обдорскѣ, „Собской рѣки") къ проходамъ черезъ Уралъ, отправившись туда черезъ Собскія юрты. Въ юртахъ застали они промыселъ щукъ и извѣстныхъ собскихъ ершей, ловъ которыхъ уже кончался. Щуки ловились преимущественно 5—10 фунтовыя. Отъ Собскихъ юртъ ѣхали къ западу черезъ остяцкіе чумы, нѣсколько сѣвернѣе долины Соби, въ которую съ сѣвера впадаетъ рядъ ручьевъ съ долинами въ 40—70 саженъ шириною. Подъемъ къ Уралу

[1]) Вслѣдствіе удобства сообщенія съ Обдорскомъ въ лѣтнее время по Оби и развитого на Оби судоходства цѣны на продукты въ Обдорскѣ не высоки. Довольно дороги и плохи издѣлія обрабатывающей промышленности, которыя и имѣются въ общемъ въ весьма ограниченномъ выборѣ. Но, напр., муку ржаную изъ казеннаго магазина получилъ я по 85 коп. пудъ, порохъ оттуда же по 55 к. фунтъ, дробь по 15 коп. Отъ купцовъ гречневую крупу по 1 р. 40 коп. пудъ, печеный хлѣбъ по 65 коп. пудъ, рисъ по 6 р. п., соль по 40 к. пудъ, масло по 45 к. фунтъ, кирпичный чай по 1 р. 10 к. кирпичъ, осетрину мѣстную по 6 р. пудъ.

Видъ на Уралъ въ верховьяхъ Соби.

Лагерь экспедиціи близъ устья Щучьей.

Фототип. П. Шереръ, Набгольцъ и Ко, Москва

почти не замѣтенъ. Мѣстность лѣсистая. Изъ птицъ замѣчены глухари, сойки (*Perisoreus infaustus*) и синицы. Олени въ чумахъ, которые миновали, страдали отъ нападеній волковъ. На второй день пути пересѣкли Собь, которая течетъ въ каменистомъ ложѣ. На рѣкѣ есть рыболовные заборы, — кромѣ ерша и щуки ловятъ также налимовъ. Подняться въ самый проходъ черезъ Уралъ и снять его не удалось изъ-за сильнаго бурана. Низкихъ проходовъ (образованныхъ горными долинами) въ верховьяхъ Соби нѣсколько; самоѣды и зыряне съ обозами съ Печоры ѣздятъ не самымъ низкимъ проходомъ, въ которомъ много ручьевъ.

29 марта передъ вечеромъ выѣхали мы изъ Обдорска къ мѣсу стоянки нашего каравана—въ мѣстности Порѣча по пути къ устью Воксарки. Игуменъ Иринархъ, приставъ Л. П. Оболтинъ, ѣхавшій по дѣламъ въ Пуйко, и Обдорскій купецъ Сѣдельниковъ провожали насъ. Всѣ тяжести были отправлены къ мѣсту стоянки стада раньше. Мы ѣхали быстро и въ 11 часовъ вечера прибыли къ чумамъ, разбитымъ среди перелѣсковъ, состоявшихъ изъ высокихъ, но рѣдко росшихъ деревьевъ.

На другой день мы распростились съ нашими спутниками и сняли лагерь. Обозъ нашъ состоялъ изъ 60 грузовыхъ нартъ, которыя шли отдѣльными „анасами“ по 6—8 нартъ, несшихъ около 8 пудовъ грузу и запряженныхъ парами оленей. 31-го, слѣдуя лѣсистой мѣстностью, миновали устье Воксарки. Мѣстность кругомъ была пустынна. Кое-гдѣ замѣтны были только слѣды зайцевъ, и одинъ разъ издали видѣли орлана. 1-го шли дальше Обью и встали лагеремъ у мыса *Тадибе-ларуа-сале* (мысъ волшебной лиственницы). При тихой погодѣ стояли морозы въ 17°—20° С. 2-го потеплѣло, но разразился сильный буранъ, заставившій насъ сутки простоять на мѣстѣ. Разстояніе верстъ въ 8—10 отдѣляло насъ отъ устья Щучьей, откуда намѣревались мы войти въ предѣлы собственно Ямала, и гдѣ должны были быть начаты топографическія работы.

ГЛАВА III.

Путь экспедиціи черезъ Ямалъ отъ устья рѣки Щучьей до рѣки Сё-яга (Зелёной) и группы озеръ Ямбу-то и Нёй-те.

Въ полдень 3 апрѣля сняли мы лагерь у волшебной лиственницы, пересѣкли послѣ полутора-часового пути устье рѣки Щучьей (названіе это—переводъ самоѣдскаго имени *Пырри-яга*) и вступили въ предѣлы Ямала. Мы перешли нижній рукавъ устья Щучьей, которое, по словамъ нашихъ проводниковъ, образуетъ еще два протока, впадающіе нѣсколько выше въ Малую Обь. На лѣвомъ берегу устья расположены Ямбуринскія юрты (въ которыхъ живутъ инородцы только во времена рыбнаго промысла), на правомъ—нѣсколько выше впаденія рукава Щучьей въ Обь — рыболовный песокъ Рочева. Погода была ясная и тихая, термометръ показывалъ — 20°. Небо было едва подернуто высокими прозрачными облаками, вѣроятно, состоявшими изъ ледяныхъ кристалловъ. Цѣлый день любовались мы эффектными свѣтовыми явленіями на небѣ. Солнце было окружено двумя кругами, и по сторонамъ его, гдѣ пересѣкались большой и малый круги, горѣли два яркихъ ложныхъ солнца. Передъ закатомъ образовались два яркіе столба по бокамъ солнца, а когда оно закатилось за горизонтъ, появился ярко-красный столбъ надъ солнцемъ, начавшій „дышать“, то дѣлаясь ярче, то тусклѣе, пока постепенно не слился со свѣтомъ зари. Заря сначала была ярко-розовая, потомъ проступилъ ясный лиловый цвѣтъ, еще позже на вы-

сотѣ 20°—30° надъ горизонтомъ появился желтый оттѣнокъ. Ночью морозъ дошелъ до—25°. Столбы стояли по обѣимъ сторонамъ мѣсяца, третій столбъ пересѣкалъ мѣсяцъ, спускаясь внизъ до самаго горизонта.

Около устья Щучьей встрѣтили мы безоленныхъ самоѣдовъ (такихъ много стоитъ по нижней Оби и губѣ, нанимаясь лѣтомъ на промыслы), перекочевывавшихъ на другое мѣсто. Все имущество вмѣстѣ съ маленькимъ чумомъ погружено было на двухъ нартахъ, которыя тащили самоѣдъ, самоѣдка и двѣ собаки.

Пересѣкши нѣсколько большихъ соровъ [1]), соединенныхъ протоками со Щучьей, поднялись мы изъ лайды (поймы) рѣки въ тундру и остановились въ предѣлахъ мѣстности *Сапкай* среди нѣсколькихъ небольшихъ перелѣсковъ, состоявшихъ изъ рѣдко-стоящихъ лиственницъ саженъ до трехъ высотою. Названіе Сапкай (въ переводѣ *неровная* или *кочковатая мѣстность*) прилагается самоѣдами къ низкой, болотистой и покрытой кочками тундрѣ, которая тянется неширокой полосой вдоль Обской губы отъ Щучьей до Яды или Находки. Небольшія рощицы рѣдколѣсья изъ лиственницъ, отчасти березъ и елей разбросаны мѣстами по этому пространству. Самоѣды, минуя эту мѣстность во время перекочевки на сѣверъ, часто запасаются здѣсь дровами (а болѣе крупныя деревья иногда срубаютъ на халмеры и слопцы); поэтому лѣсъ во многихъ мѣстахъ вырубленъ.

Ночью въ первый разъ произошла тревога, подобныя которой не разъ случались и послѣ. Два волка спугнули нашихъ оленей, пасшихся довольно далеко отъ чума. Волки въ этихъ мѣстахъ многочисленны и часто слѣдуютъ за оленьими стадами. Спугнутое волками стадо обыкновенно несется къ чуму, подъ защиту людей, съ шумомъ и топотомъ врываясь въ средину обоза. Люди должны поспѣшно выскочить и крикомъ успокоить животныхъ. Случается иногда, что охваченные

---

[1]) Словомъ *соръ* на нижней Оби обозначаютъ озеро, соединенное протокомъ съ рѣкой.

паникой олени убѣгаютъ на большое разстояніе и лишь съ большимъ трудомъ могутъ быть собраны. Извѣстны—рѣдкіе, впрочемъ,—случаи, когда самоѣды при нападеніи волковъ вовсе теряли стада, убѣгавшія на громадныя разстоянія. Поэтому сторожа съ собаками, караулящіе стадо, обыкновенно держатся ночью на чеку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣтятъ по слѣдамъ или подозрѣваютъ по условіямъ мѣстности присутствіе волковъ.

4-го и 5-го двигались впередъ въ сѣверо-восточномъ направленіи параллельно теченію рѣки *Хадытé*, впадающей въ большіе сорà между устьемъ Щучьей и промысловымъ пескомъ Пуйко. Это одна изъ болѣе замѣтныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Обскую губу между Щучьей и бухтой Находка. Однако, по словамъ самоѣдовъ, она сильно мелѣетъ къ осени, если дождей мало. На пути перешли нѣсколько небольшихъ озеръ и рядъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ слѣва въ Хадыте́. Озера въ этой мѣстности въ большинствѣ случаевъ мелководны и промерзаютъ зимою до дна. Въ среднемъ и верхнемъ бассейнѣ Хадыте рощи и группы деревьевъ на ровной тундрѣ исчезаютъ, и лѣсъ сосредоточивается по берегамъ ручьевъ, причемъ деревья стоятъ обыкновенно бордюромъ по обѣ стороны ручья, гуще въ болѣе южной полосѣ, рѣже — далеко другъ отъ друга отстоящими и болѣе приземистыми, часто корявыми деревьями—далѣе къ сѣверу. Болѣе всего лиственницы, немного ели и березы. Березы низки и корявы, но развиваютъ иногда пышныя, плоскія по формѣ кроны. Лиственницы мѣстами достигаютъ 5—6 вершковъ въ отрубѣ и 4—5 саженъ высоты.

Разыгравшійся съ утра 5-го довольно сильный буранъ, продолжавшійся до вечера, затруднялъ движеніе впередъ. Мы прошли, однако, около двадцати верстъ и, переночевавъ, утромъ 6-го перешли Хадыте, верховья которой, по словамъ самоѣдовъ, лежатъ еще далеко сѣвернѣе. Снѣговой покровъ, по которому мы двигались въ тундрѣ, достигалъ толщины

4—6 вершковъ и былъ довольно твердъ, такъ что олени не проваливались. Но долина и русло Хадыте оказались заваленными глубокимъ и рыхлымъ снѣгомъ (приметаемымъ буранами къ лѣсу, окружающему русло рѣки), и здѣсь мы съ трудомъ проложили себѣ дорогу. Долина рѣки въ мѣстѣ нашего перехода достигала 400 саженъ ширины и почти сплошь была покрыта лѣсомъ, не имѣвшимъ обычнаго „сѣвернаго" характера. Лѣсъ мѣстами былъ густъ, отдѣльныя лиственницы достигали 10 саженъ высоты и 8 вершковъ въ отрубѣ, имѣя притомъ правильное и мощное развитіе вѣтвей. Много виднѣлось елей, покрытыхъ пышной хвоей. Березы и густой высокій талъ расли по берегамъ рѣки. Выше по рѣкѣ виднѣлись полосы рѣдколѣсья изъ лиственницъ съ обычнымъ на крайнемъ сѣверѣ слабымъ развитіемъ вѣтвей; но внизъ, по словамъ нашихъ самоѣдовъ, долина рѣки расширялась и была наполнена такимъ же густымъ высокоствольнымъ лѣсомъ. Русло рѣки въ мѣстѣ нашего перехода имѣло саженъ 12 ширины. Весной и въ началѣ лѣта оно богато водой, и сплавъ лѣса для нуждъ рыболовныхъ заведеній на Обской губѣ, безъ сомнѣнія, возможенъ. Въ настоящее время лѣсъ въ губу доставляется изъ-за Обдорска или съ Надыма.

Новый буранъ отъ NW съ вѣтромъ временами силы шторма, хотя при ясномъ небѣ и солнцѣ, едва видимомъ сквозь тучи поднятаго бурей и несшагося снѣга, остановилъ насъ сейчасъ же за Хадыте. Съ трудомъ поставили чумы. 7-го достигли западнаго изъ нѣсколькихъ ручьевъ, образующихъ верховья рѣчки *Тоботарка-яга* (Раздвоенное копыто), впадающей въ Хадыте. Тундра становилась нѣсколько волнистой, вдали виднѣлись одиночные, разбросанные по тундрѣ холмы, замѣтенъ былъ легкій подъемъ къ сѣверу. 8-го въ теченіе всего дня снова дулъ вѣтеръ со снѣгомъ отъ SO, и буранъ не давалъ тронуться съ мѣста. Вечеромъ пошелъ снѣгъ въ видѣ мелкихъ твердыхъ кристалловъ, похожій на очень мелкую крупу. Утромъ 9-го температура—2°, вѣтеръ SW свѣжій, порывами.

Утромъ перешли мы еще одно изъ верховьевъ Тоботарки и затѣмъ, миновавъ низменную мѣстность между бассейнами Хадыте и Яды, перешли *Яду*, — въ низовьяхъ своихъ довольно значительную, но мелководную лѣтомъ рѣку, впадающую въ Обскую губу нѣсколько южнѣе бухты Находки. Многочисленные курганы, которые почти всѣ носятъ самоѣдскія названія, разбросаны въ этой мѣстности. Берега Тоботарокъ образуютъ мѣстами высокіе крутые склоны и осыпи саженъ до 5—6 высотою. Остановились лагеремъ въ довольно широкой долинѣ рѣчки *Пóрне-яга*, впадающей въ Яду. Лиственницы сажени въ 2 высотою и вершка въ 2 толщиною, но не корявыя и съ мало замѣтною конусовидностью ствола, вытянуты здѣсь рѣдкими рядами вдоль ручьевъ. Ольховникъ въ ростъ человѣка одиночными кустами и группами кустовъ растетъ по рѣчнымъ долинамъ. Днемъ была оттепель до $+4^{\circ}$. Тундра кругомъ пустынна. Одинъ разъ за послѣдніе дни самоѣды видѣли небольшое стадо куропатокъ, и днемъ 10-го волкъ перешелъ дорогу каравану вблизи передовыхъ нартъ. Но, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, винтовки были заложены въ нартахъ, и запоздалый выстрѣлъ не принесъ ему вреда.

Области, пройденныя нами, заняты главнымъ образомъ кочевьями мало-оленныхъ самоѣдовъ, держащихся неподалеку отъ Обской губы и богатыхъ рыбой большихъ озеръ Ярро-то, изъ которыхъ вытекаетъ Юрюбей. Между Щучьей и Хадыте лежатъ кочевья Варвацкихъ оленныхъ остяковъ, число которыхъ опредѣлить очень трудно, такъ какъ они часто мѣняютъ мѣста кочевій въ зависимости отъ хода рыбнаго промысла. Приблизительно хозяевъ здѣсь человѣкъ 20, число оленей у хозяина отъ 20 до 50. Между Хадыте и бассейномъ Тоботарокъ и частью ближе къ губѣ и озерамъ Ярро-то кочуютъ малооленные самоѣды изъ рода Пуйко. Нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ песками по Обской губѣ. Между Тоботаркой и Ядой есть самоѣды изъ рода Вануйта, между Ядой и Ярро-то—изъ рода Тéймя. Большинство малооленныхъ самоѣдовъ отдаютъ

своихъ оленей пасти въ отдѣльные чумы (такъ что олени соединяются въ большія стада подъ присмотромъ одного чума), а сами работаютъ лѣтомъ на рыбныхъ промыслахъ русскихъ или самостоятельно промышляютъ рыбу. Промысла на Оби и Ярро-то привлекаютъ временно и самоѣдовъ изъ другихъ родовъ, такъ что границы между кочевьями и права на владѣнія водами здѣсь гораздо менѣе опредѣленны, чѣмъ далѣе къ сѣверу, за Ярро-то и Юрюбеемъ.

10-го шли слабо-волнистой тундрой между бассейномъ Яды и озерами Ярро-то. Плоская въ общемъ равнина нѣсколько повышается,—здѣсь лежитъ перевалъ между верховьями рѣчекъ, текущихъ въ Обскую губу, и озерами Ярро-то, принадлежащими уже къ бассейну Карскаго моря. Изъ рѣкъ Обскаго бассейна ближе всѣхъ къ озерамъ Ярро-то лежатъ верховья *Пюютe* (въ переводѣ „Ольховая рѣчка", соотвѣтствуетъ „Прутиичной" карты Иванова) и *О-яга* („Ойя" старыхъ картъ, „Островская" карты Иванова; *о*—выговаривается въ носъ и съ едва-замѣтнымъ придыханіемъ—по-самоѣдски значитъ островъ). Мелкія озера разбросаны здѣсь по тундрѣ. Хвойныхъ деревьевъ нѣтъ вовсе; только ольховникъ и кусты ивы попадаются изрѣдка у озеръ и въ долинахъ ручьевъ. Склоны гребней и холмовъ, поднимающихся метровъ до 15 надъ поверхностью равнины, почти обнажены отъ снѣга, который стаскиваетъ вѣтрами. И травяной покровъ этихъ холмовъ повидимому бѣденъ. Во многихъ мѣстахъ на вершинахъ ихъ песокъ выдутъ вѣтромъ, и кое-гдѣ обнажается галька.

11-го съ пологихъ гребней и холмовъ, расположенныхъ верстахъ въ 5 южнѣе *Ярро-то*, увидѣли мы обширную снѣжную поверхность озера. Повидимому, здѣсь лежали высшія точки перевала, такъ какъ мы могли видѣть равнину впередъ до озера и назадъ на значительное пространство. Въ разныхъ пунктахъ на послѣднихъ переходахъ были сдѣланы гипсотермометрическія наблюденія. 12-го при свѣжемъ западномъ вѣтрѣ и температурѣ 0° пересѣкли мы озеро по льду вдоль

его западнаго берега и остановились на сѣверо-западномъ берегу сѣвернѣе перешейка, который отдѣляетъ это озеро отъ второго, лежащаго западнѣе и носящаго то же названіе *Ярро-то* (по-самоѣдски „Песчаное"). Изъ этихъ двухъ озеръ двумя истоками выходитъ *Юрибей*.

Передъ вечеромъ разразился буранъ чрезвычайной силы. Чумы еще не были вполнѣ укрѣплены, и люди устанавливали нарты и доставали вещи, нужныя для пасхальной стоянки (12-го была страстная суббота). Я стоялъ среди нѣсколькихъ нартъ, находившихся надъ озеромъ вблизи береговаго склона, когда отъ NW начались рѣзкіе порывы вѣтра. Вслѣдъ за тѣмъ горизонтъ сразу закрылся непроницаемой стѣной клубящагося снѣга, и снѣжный штормъ налетѣлъ разомъ съ большой силой. Нѣсколько груженыхъ нартъ погнало внизъ съ берега на ледъ озера; порывомъ вѣтра подняло нюгу [1]) на нашемъ чумѣ. Одинъ изъ самоѣдовъ, бывшихъ вблизи, поспѣшилъ упасть всѣмъ туловищемъ на край нюги и прижать его къ землѣ. Подоспѣвшіе люди успѣли укрѣпить ее, иначе чумъ нашъ могло разнести въ клочки. Изорвало нѣсколько нюгу и на другомъ чумѣ.

Буранъ бушевалъ всю ночь. Пасхальное богослуженіе, однако, собрало въ нашъ чумъ весь составъ экспедиціи, хотя люди почти ползкомъ перебирались изъ одного чума въ другой. Проповѣдь о. Мартиніана на самоѣдскомъ языкѣ удалась вполнѣ. Благополучно, хотя и не безъ большихъ затрудненій, совершенъ былъ и крестный ходъ вокругъ чума. Всѣ участники экспедиціи получили подарки. Утромъ, когда я проснулся, я оказался наполовину занесеннымъ снѣгомъ; въ той сторонѣ чума, гдѣ спали Г. П. Кудринъ и о. Мартиніанъ, возвышался цѣлый сугробъ. Снѣгъ несло съ такой силой, что набило его подъ нюги и занесло чумъ. Мы едва отогрѣлись чаемъ и разными деликатесами, которые достали по случаю Пасхи.

---

[1]) *Нюгами* называютъ большія сшитыя изъ оленьихъ шкуръ одѣяла, которыми окутываютъ деревянный, сложенный изъ шестовъ, остовъ чума.

Буранъ продолжался нѣсколько дней съ краткими лишь перерывами. Въ первый разъ нѣсколько стихло 14-го вечеромъ. В. Н. Введенскій снялъ объѣздомъ озеро, на которомъ мы стояли, и позже прошелъ до верховьевъ рѣки Поюте, намѣреваясь доѣхать до губы. На Поюте онъ, однако, снова захваченъ былъ бураномъ и съ трудомъ добрался обратно до чума. При вновь наступившемъ перерывѣ бури снятъ былъ также восточный берегъ сосѣдняго озера Ярро-то, которое простиралось далеко къ западу.

Верстахъ въ четырехъ отъ берега почти кругомъ всего озера тянулся валъ изъ нагроможденныхъ льдинъ, мѣстами сажени въ 1 1/2 высотою. Вѣроятно, онъ обозначаетъ ту линію, по которую прибрежныя части озера замерзаютъ ранѣе его средины, и гдѣ ледъ нѣкоторое время ломаетъ и двигаетъ вѣтрами. Верстахъ въ двухъ за валомъ, въ сѣверной части озера, мы пробили ледъ. Снѣжный покровъ надо льдомъ имѣлъ толщину въ 6 вершковъ, толщина льда равнялась 7 футамъ, подо льдомъ было еще 8 футовъ воды. Температура воды на поверхности 0°, на днѣ + 1,8°. По берегамъ озера, на возвышенныхъ мѣстахъ, есть халмеры и мѣста жертвоприношеній съ небольшимъ количествомъ *сядаевъ* (деревянныхъ идоловъ). Берега озера мѣстами плоскіе, постепенно понижающіеся къ водѣ, мѣстами образуютъ глинистые обрывы въ 5—10 метровъ высотою.

Нѣсколько разъ во время продолжительной нашей стоянки пріѣзжали къ намъ самоѣды изъ тѣхъ, которые запоздали нѣсколько перекочевкой отъ Обдорска на сѣверъ и стояли неподалеку. Пріѣзжалъ, между прочимъ, Илина Вануйта, владѣлецъ 1.000 оленей, кочующій сѣвернѣе Юрюбея, и старшина Муйнода Вануйта, мѣста котораго находятся близъ Обской губы на рѣкѣ Юрюбечи. Они охотно разсказывали о мѣстахъ своихъ кочевокъ. Гости у насъ во время стоянокъ вообще не переводились, тѣмъ болѣе, что угощеніе для нихъ было всегда готово. Самоѣды сообщили намъ, между прочимъ,

что въ первые дни пасхи въ стадахъ отелились первыя важенки.

На Ярро-то удалось намъ, наконецъ, поохотиться. Еще южнѣе Ярро-то во время оттепели слышалъ я раза два крики куропатокъ-самцовъ. Вблизи озера нашли мы нѣсколько стай и убили болѣе десятка птицъ. Большинство ихъ принадлежало къ виду *Lagopus lagopus* L., но было два или три экземпляра также тундровыхъ куропатокъ (*Lagopus mutus* Mont.). Самцы только что начинали линять. Старшина Муйпода сообщилъ намъ, что видѣлъ двухъ канюковъ, а въ страстную субботу— лебедя. Птица сидѣла на льду озера въ тундрѣ и, поднявшись, полетѣла въ сторону Обской губы. Другіе самоѣды говорили мнѣ также, что отдѣльные экземпляры лебедей и гусей появляются въ тундрѣ задолго до начала пролета, когда все еще одѣто льдомъ и снѣгомъ, и потомъ снова исчезаютъ. Кромѣ куропатокъ ничего живого вблизи озеръ не было. Слѣды зайцевъ, которые встрѣчали мы изрѣдка въ предѣлахъ криволѣсья на Хадыте, здѣсь не были замѣчены.

15-го и 16-го буранъ понесъ съ новою силой при крѣпкомъ вѣтрѣ сначала отъ S, потомъ отъ O. Только 17-го къ вечеру нѣсколько стихъ вѣтеръ. Я отобралъ часть съѣстныхъ припасовъ (муки, сухарей, масла, кирпичнаго чаю и немного консервовъ) съ тѣмъ, чтобы устроить два склада. Одна партія припасовъ отправлена была на западное озеро Ярро-то, другая передана самоѣду, собиравшемуся съ наступленіемъ весны передвинуться съ Ярро-то въ низовья Юрибея. Муки, сухарей и сушки оставлено было всего въ двухъ складахъ около 40 пудовъ. Для перевозки этой клади до мѣста двумъ самоѣдамъ передано было 14 оленей изъ числа животныхъ, ослабѣвшихъ дорогой и нуждавшихся въ продолжительной стоянкѣ на хорошихъ мхахъ, которые имѣются вблизи Ярро-то. Наличность этихъ складовъ, облегчая нашъ обозъ, въ то же время могла быть намъ очень полезна при какой-нибудь неудачѣ въ дальнѣйшемъ пути. Если бы мы, напримѣръ, поте-

ряли отъ падежа или иной случайности стадо даже въ глубинѣ полуострова, намъ нужно было бы думать только о томъ, чтобы добраться съ нашими легкими лодками до Юрюбея. При обиліи озеръ и рѣкъ на полуостровѣ, причемъ озера часто соединены протоками, а рѣки тѣсно сближены верховьями, это не было бы особенно труднымъ. Путь же отъ Ярро-то не только до верховьевъ Поюте или Яды, но и прямо до Обской губы, не великъ. И при благополучномъ теченіи экспедиціи склады оказались очень полезными. По тяжелому лѣтнему пути, когда шли мы обратно, я могъ не перегружаться съѣстными припасами, которые были возобновлены сначала на нижнемъ теченіи Юрюбея, потомъ на Ярро-то. Въ свое время мы нашли склады въ полной сохранности.

18-го съ утра долго откапывали нарты, такъ какъ весь лагерь былъ заметенъ глубокимъ снѣгомъ. Только передъ вечеромъ могли мы тронуться въ путь, двигаясь почти прямо на сѣверъ. Скоро перешли большое озеро *Менианъ-то* (Омутное), богатое, по словамъ самоѣдовъ, рыбой. Нѣсколько позже перешли западный истокъ Юрюбея, вытекающій изъ длиннаго (западнаго) Ярро-то. Правый истокъ шелъ восточнѣе, почти параллельно нашему пути. Долина рѣки довольно широка, русло саженъ 12—15 шириною. Нашъ „начальникъ оленей", Николай Вануйта, обыкновенно стоящій лѣтомъ въ верховьяхъ Юрюбея, утверждалъ, что глубина западнаго рукава Юрюбея и лѣтомъ нигдѣ не бываетъ менѣе 6—7 футовъ, обыкновенно болѣе. Показаніе это вѣроятно, во-первыхъ, потому, что истокъ идетъ изъ большого и, по словамъ самоѣдовъ, глубокаго озера; во-вторыхъ, оттого, что черезъ этотъ рукавъ въ западное Ярро-то нерѣдко заходятъ изъ Карскаго моря бѣлухи.

На слѣдующій день, несмотря на утомленіе оленей, сдѣлали мы большой переходъ. Мы шли „хребтомъ" [1]), хотя

[1]) Такъ называютъ въ Обдорскѣ, переводя самоѣдское слово „хой", центральныя нѣсколько возвышенныя области Ямала между верховьями

значительно западнѣе водораздѣла: главное русло Юрюбея осталось къ востоку. Высокая тундра отличается здѣсь значительными неровностями. Часто попадаются глубокія рытвины и щели. Вершины гребней и холмовъ поднимаются метровъ на 20—25 надъ впадинами. Нерѣдки озера, окруженныя лайдами. Перешли по льду большое озеро *Е́рво-то*, иначе *Тэттанъ-то*. Его сѣверный берегъ поднимается отвѣсными осыпями метровъ въ 25 надъ уровнемъ воды. Осыпи состоятъ изъ мелкаго песка съ прослойками супеска и суглинка и кое-гдѣ съ галькой. Въ одномъ мѣстѣ на берегу видѣлъ я также нѣсколько крупныхъ обломковъ гранита, пудовъ до 10—15 вѣсомъ. Температура, при довольно тихой погодѣ, колебалась отъ —17° до —14°. Большинство изъ встрѣченныхъ здѣсь озеръ рыбныя, т.-е. зимою не промерзаютъ до дна, и самоѣды лѣтомъ промышляютъ на нихъ. Самоѣдскіе промыслы весной по льду происходятъ также на Обской губѣ у Находки и ниже—близъ устья Поюте и, мѣстами, до Каменнаго мыса. Здѣсь ловится, между прочимъ, и осетръ (главнымъ образомъ мелкій, такъ наз. *карышъ* и *лобарь*—отъ трехъ до десяти фунтовъ).

20-го апрѣля миновали мы расположенные на курганѣ Нярме-сотты многочисленные халмеры, принадлежащіе самоѣдскому роду Е́зынги. Всѣ халмеры были сдѣланы основательно изъ хорошаго лѣса, въ видѣ четырехъ-угольныхъ ящиковъ съ двумя стойками по бокамъ, снабженными перекладиной. На женскихъ могилахъ на этой перекладинѣ вѣшается колокольчикъ, одинъ изъ тѣхъ, которые женщины привязываютъ къ нартамъ своихъ парадныхъ упряжекъ, а иногда—болѣе мелкіе—носятъ и на рукавахъ малицъ. Во время вѣтровъ уже издалека бываетъ слышенъ звонъ этихъ колокольчиковъ надъ халмерами. У крещеныхъ самоѣдовъ на перекладинѣ обыкновенно укрѣпляется крестъ. На берегу Ярро-то видѣлъ я одинъ халмеръ, который представлялъ собою перевернутую вверхъ килемъ отрѣ-

---

рѣкъ Карскаго и Обскаго бассейновъ. Называютъ такъ и вообще всякій возвышенный водораздѣлъ.

занную половину лодки, а въ другомъ мѣстѣ гробомъ—повидимому ребенка—служила бочка.

На слѣдующій день перешли мы главное русло Юрюбея. Насколько можно было разобрать подъ снѣгомъ, русло рѣки имѣетъ въ ширину 20—30 саженъ и вьется въ долинѣ версты въ 3—4 шириною. Мы находились теперь въ области водораздѣла (мѣстность носила здѣсь такой же характеръ, какъ и южнѣе Юрюбея) и, пройдя его, 22-го вышли на рѣку *Ёръ-яга* („Средняя" карты Иванова — правильный переводъ самоѣдскаго слова *ёръ*) верстахъ въ 8—9 восточнѣе большого озера *Сяо-то* (озеро нельмъ), изъ котораго эта рѣка вытекаетъ. На одномъ изъ гребней водораздѣла находится жертвенное мѣсто съ большой кучей роговъ жертвенныхъ оленей. Рѣка Ёръ-яга при самомъ выходѣ изъ озера и на нѣсколько верстъ ниже носитъ названіе *Сяо-то-сё*, въ переводѣ „протокъ озера Сяо". Ниже, получивъ новое названіе Ёръ-яга (отъ положенія своего между двумя сосѣдними рѣчками), течетъ она къ востоку и впадаетъ въ губу общимъ устьемъ съ рѣками *Сабъ-яга* и *Лякка-яга*. Въ озерѣ Сяо-то самоѣды ловятъ нельму (которой здѣсь въ противоположность большинству озеръ много), муксуна, сырка, щокура, пыжьяна, налимовъ и щукъ. Мнѣ разсказывали также, что изрѣдка заходятъ въ озеро тюлени. Лѣтомъ въ сухую погоду на Ёръ-яга во многихъ мѣстахъ есть броды, и иногда воды остается мало. Западнѣе Сяо-то, отдѣленные отъ него узкимъ переваломъ, лежатъ верховья нѣсколькихъ маленькихъ рѣчекъ, текущихъ въ Юрюбей. Капитанъ В. Н. Введенскій при довольно дурной погодѣ объѣхалъ съемкой озеро, но не доходилъ до этихъ рѣчекъ, закрытыхъ, впрочемъ, снѣгомъ. Самоѣды говорили мнѣ, что верховья одной изъ нихъ придвинуты саженъ на 200—300 къ озеру. Между Сяо-то и Юрюбеемъ есть и озера. Здѣсь находится, слѣдовательно, снова такое мѣсто, въ которомъ тѣсно сближены верховья рѣкъ Карскаго и Обскаго бассейновъ.

23-го стояли мы вблизи Сяо-то, чтобы дать отдыхъ оле-

нямъ. Снова стрѣляли куропатокъ, у которыхъ начало появляться уже много темныхъ перьевъ на шеѣ. Здѣсь же въ первый разъ встрѣтили стадо снѣжныхъ пуночекъ (*Plectrophenax nivalis*), которыхъ въ Сибири зовутъ „снѣгирями". Съ вечера подулъ вѣтеръ отъ NO при —20°. Въ разгаръ бурана пріѣхалъ старшина Муйпода Вануйта съ работникомъ и привезъ письма и газеты, посланныя дня черезъ три послѣ нашего отъѣзда изъ Обдорска съ самоѣдами, пошедшими послѣ насъ на Ямалъ. 24-го буранъ шумѣлъ весь день съ большой силой. Чумы и весь лагерь замело снѣгомъ. Олени приходили къ чумамъ и ложились между нартами, ища защиты. Къ сожалѣнію, мы стояли на довольно плохихъ пастбищахъ. Здѣсь—хребтомъ—идетъ большая дорога самоѣдовъ, перекочевывающихъ съ юга на сѣверъ и обратно, и ягель сильно вытравленъ. Во время пастьбы олени разбредались, и караульщикамъ, принужденнымъ на открытыхъ нартахъ выносить всю силу снѣжной бури, приходилось трудно. Вѣтеръ и буранъ продолжались до полудня 26-го, т.-е. почти трое сутокъ. Безвыходно сидя въ чумѣ, мы занимались слушаніемъ и записываніемъ сказокъ, которые разсказывали—вѣрнѣе пѣли речитативомъ—самоѣды. Разсказали, между прочимъ, коротенькую побасенку про осетра. „Осетръ раньше былъ желѣзный. Плыветъ онъ вдоль берега и говоритъ: я всѣхъ больше, я всѣхъ сильнѣе. Услышала травинка на берегу и сказала: такъ ли ты всѣхъ сильнѣе? Вотъ возьмутъ, сдѣлаютъ изъ меня нитку и тебя на эту нитку поймаютъ. Разсердился осетръ и заплакалъ; плакалъ долго и отъ слезъ сталъ мягкій, каковъ онъ теперь, только позвонки и щиты остались жесткіе, каковы прежде были".

Несмотря на буранъ, пріѣхали старшина Нязи Окотэтта и старикъ Сэкоди Окотэтта, судя по позднѣйшимъ опытамъ, превосходно знакомый съ мѣстностью и способный безошибочно находить дорогу въ самыя сильныя метели, когда задумывались другіе самоѣды. Однако на разспросы о нѣкоторыхъ

рѣкахъ и озерахъ, которые интересовали меня во все время пути (особенно, о верховьяхъ Морды и озерѣ Луце-хавы-то, гдѣ предполагалъ я искать древній торговый путь черезъ Ямалъ) отвѣчалъ онъ уклончиво и больше отзывался незнаніемъ. Нязи и Сэкоди шли съ чумами невдалекѣ отъ насъ, и въ дальнѣйшемъ пути второй изъ нихъ нѣкоторое время былъ нашимъ проводникомъ.

Только послѣ полудня 26-го могли мы сняться съ лагеря. Вечеръ былъ тихій и ясный съ умѣреннымъ морозомъ. Кругомъ слышались крики затоковавшихъ куропатокъ. Въ слѣдующіе дни двигались впередъ при довольно тяжелыхъ условіяхъ. Ягеля кругомъ почти не было. Значительное количество оленей „пристало", и постоянно приходилось замѣнять работавшихъ въ анасахъ оленей свѣжими. Нѣсколькихъ оленей, которые, ослабѣвши, вовсе не могли идти, везли на нартахъ. 28-го утромъ дулъ довольно крѣпкій SO, но наканунѣ вечеромъ таяло, и образовавшаяся на снѣгу корка мѣшала разыграться позёмному бурану. Эта же корка дѣлала еще болѣе затруднительнымъ наше положеніе, такъ какъ ослабѣвшимъ и безъ того оленямъ трудно было разгребать снѣгъ.

Нѣсколько приподнятый и сильно пересѣченный водораздѣлъ, тянущійся съ востока на западъ, отдѣляетъ бассейнъ Ёръ-яга отъ рѣчекъ, текущихъ сѣвернѣе въ губу. Разница высотъ и низменностей превосходитъ здѣсь 25 метровъ. За нимъ перешли мы систему нѣсколькихъ большихъ озеръ, связанныхъ протоками и изливающихъ свои воды въ *Сабрей-яга*. Здѣсь лежатъ богатыя рыбой озера *Сабрей* или *Саббари-то*, *Нинлхай-то* и *Полкуръ-то*. Нѣсколько сѣвернѣе, окруженное болотами, лежитъ озеро *Ядне*. Самоѣды увѣряли меня, что въ немъ есть глубины до 8 саженъ. На курганѣ между озерами Сабрей и Полкуръ-то находится уважаемое самоѣдами священное мѣсто. Здѣсь стоятъ два новыхъ сядая и одинъ старый, сгнившій, поставленный, по словамъ Сэкоди, „до Ваули" (самоѣдъ, подготовлявшій въ 40-хъ годахъ нападеніе на

Обдорскъ и тамъ же повѣшенный). Между сядаями, какъ обыкновенно, воткнута сухая лиственница, рядомъ лежатъ рога удавленныхъ въ жертву оленей. Лица сядаевъ были вымазаны масломъ, тутъ же лежали кусочки сушекъ, которыми наканунѣ угощали мы пріѣзжихъ самоѣдовъ.

Передъ остановкой на ночлегъ 28—29 перешли рѣку *Сё-яга*, о тождественности которой съ древней Зелёной я еще не подозрѣвалъ. Названіе Сё-яга можно перевести словами „озерный протокъ“ или „проходная рѣчка“.

29-го дошли мы послѣдними силами истощенныхъ оленей до порядочныхъ пастбищъ. Въ этотъ день въ первый разъ видѣли канюковъ и одинъ экземпляръ рогатаго жаворонка (*Otocoris alpestris*). 30-го стояли на прежнемъ мѣстѣ. Западнѣе насъ, по словамъ самоѣдовъ, лежало большое озеро. Но на вопросы о названіи его, о положеніи верховьевъ Морды и озера Луце-хавы-то всѣ отзывались незнаніемъ. Г. П. Кудринъ уѣхалъ искать чумы мѣстныхъ вотчинниковъ, для которыхъ было затруднительно отговариваться незнаніемъ мѣстности. Поздно вечеромъ, при туманѣ и дождѣ, прибыли самоѣды братья Юза и Сэури Вануйта. Послѣ нѣсколькихъ колебаній они сообщили намъ, что озеро Луце-хавы-то лежитъ за ближайшимъ очень большимъ и глубокимъ озеромъ, которое называется *Ямбу-то*. Озеро Луце-хавы-то считается однимъ изъ наиболѣе священныхъ мѣстъ на Ямалѣ. Самоѣды просили насъ убѣдительно не брать изъ него воды. На вопросы о томъ, что находится за Ямбу-то и Луце-хавы-то, по западную сторону водораздѣла, и далеко ли верховья Морды, самоѣды отзывались незнаніемъ. Я не настаивалъ, полагая, что все выяснится постепенно. Юза и Сэури Вануйта и отецъ ихъ Холя стоятъ лѣтомъ вблизи Ямбу-то. Оленей у нихъ около 5.000. Близко кругомъ стоятъ еще нѣсколько крупныхъ оленеводовъ. Пастбища кругомъ сильно вытравлены.

Вечеромъ 1 мая подвинулись мы верстъ на 12 далѣе къ сѣверу, остановившись нѣсколько южнѣе верховьевъ рѣки *Ясавэй*,

впадающей въ губу общимъ устьемъ съ Сё-яга. При юго-западномъ вѣтрѣ слабо таяло. Передъ полуночью налетѣлъ снѣжный штормъ отъ SW. Чумъ нашъ всю ночь трясся подъ порывами вѣтра. Къ утру немного стихло.

Послѣ полудня 2 мая поѣхали мы съ В. Н. Введенскимъ на озеро Ямбу-то. Юза и Сэури Вануйта, все еще толкомъ ничего не знавшіе о большихъ озерахъ, лежащихъ къ западу, поѣхали проводниками. Кудринъ помѣстился на одной нартѣ съ болѣе экспансивнымъ Сэури и, угощая его табакомъ, пилилъ всю дорогу. Хладнокровныя разсужденія Кудрина о томъ, что онъ за всю свою долгую практику переводчика встрѣтилъ только двухъ подлецовъ-самоѣдовъ, которые, зная превосходно мѣстность, для какихъ-то цѣлей скрывали свои знанія и обманывали начальниковъ, и что и тѣ живутъ далеко въ низовой тундрѣ, а на Ямалѣ, навѣрно, такихъ нѣтъ вовсе; равно и намеки на то, какъ жестоко караетъ начальство такихъ самоѣдовъ, когда потеряетъ, наконецъ, терпѣніе,— принесли, наконецъ, ожидаемый результатъ. Когда моя отставшая нарта подъѣхала къ остановившимся впереди спутникамъ, Сэури и Юза стояли передъ капитаномъ Введенскимъ и, оживленно жестикулируя, чертили на снѣгу планъ окружающей мѣстности. Кудринъ едва успѣвалъ переводить. Мы стояли на низкомъ перешейкѣ, почти обнаженномъ отъ снѣга, протяженіемъ не болѣе 100 саженъ; небольшое круглое озеро лежало по срединѣ его. Далѣе справа и слѣва уходили изъ глазъ снѣжныя равнины громадныхъ озеръ. Крутые обрывы ихъ береговъ едва можно было различить вдали за туманной марой. Сэури показывалъ въ обѣ стороны и болталъ неудержимо. „Вотъ это озеро Ямбу-то; рѣка Сё-яга течетъ изъ него прямо въ губу. Лѣтомъ на ней броды, въ дожди переѣзжаемъ въ лодкахъ. Здѣсь озеро *Ней-то*, за нимъ еще два, но всѣ связаны горлами. Изъ Ней-то течетъ рѣка въ Морды, зовется тоже *Сё-яга*. Морды течетъ хупто-хупто (далеко)—до моря. Можно идти лодкой изъ моря въ губу, только здѣсь тащить

надо. Вотъ передъ нами Луце-хавы-то—оно маленькое, но глубокое. По нему не плаваемъ — святое озеро. Но когда здѣсь умерли русскіе, никто изъ самоѣдовъ не помнитъ. Вѣроятно, давно".

Древній торговый путь былъ найденъ. Слѣдующій день провели мы въ сборахъ. Состояніе оленей не позволяло двигать далѣе на сѣверъ нашъ тяжелый обозъ. Я собирался съ Кудринымъ налегкѣ въ дальнѣйшій путь до Бѣлаго. В. Н. Введенскій готовился къ поѣздкѣ на Обскую губу и съемкѣ озеръ и, по возможности, всей водяной системы отъ губы до Карскаго моря. На долю Д. П. Филатова оставались заботы о караванѣ и зоологическія работы съ наступленіемъ весны.

Передъ вечеромъ я разбирался въ нартѣ на концѣ лагеря, когда услышалъ крикъ самоѣдовъ: „япту, япту!" Гусь пролеталъ надъ лагеремъ. Кругомъ стояла глубокая зима, и гдѣ останавливался на отдыхъ и кормежку этотъ одинокій развѣдчикъ, сказать было трудно. Въ послѣдніе дни видѣли мы кругомъ только тундровыхъ куропатокъ,—въ противоположность бѣлымъ куропаткамъ (*Lagopus lagopus*) еще безъ всякихъ признаковъ линьки.

ГЛАВА IV.

Маршрутъ Б. М. Житкова черезъ сѣверныя области полуострова отъ озера Ямбу-то до о. Бѣлаго и обратно на югъ по берегу Карскаго моря до устья Морды и черезъ тундру къ озерамъ Ней-то.

Найденный нами древній торговый путь, точное опредѣленіе положенія котораго являлось одною изъ наиболѣе интересныхъ задачъ экспедиціи, необходимо было нанести на карту. Кромѣ того сильно истощенные послѣдними переходами олени наши нуждались въ отдыхѣ, тѣмъ болѣе, что намъ предстоялъ обратный путь по лѣтней дорогѣ, настолько тяжелый, что самоѣды сомнѣвались, можно ли будетъ сдѣлать его съ обозами безъ потери бóльшей части оленей. Я рѣшилъ поэтому, поручивъ капитану В. Н. Введенскому инструментальную съемку озеръ, лежащихъ къ востоку и западу отъ Луце-Хавы-то, и маршрутную — рѣки Сё-яга (Зеленой) до Обской губы, а Д. П. Филатову—сборы весенней фауны и флоры, двигаться далѣе на сѣверъ черезъ самоѣдскія кочевки, взявъ съ собою только переводчика Г. П. Кудрина. По собраннымъ свѣдѣніямъ, по восточную сторону „хребта“ до рѣки Тамбея стояли стада нѣсколькихъ крупныхъ хозяевъ; далѣе, вблизи восточнаго устья пролива Малыгина, лежали кочевыя мѣста нѣсколькихъ самоѣдовъ изъ рода Вануйта, извѣстныхъ на Ямалѣ подъ прозвищемъ *Уэнога*, такъ что мы надѣялись достать оленей всюду на пути къ устью Обской губы. Достигнувъ же сѣверныхъ береговъ полуострова, мы, сообразно съ обстоятельствами,

могли на мѣстѣ рѣшить, какой дорогой и какимъ способомъ пуститься въ обратный путь. Караванъ долженъ былъ ожидать нашего возвращенія до 1-го іюля, передвигаясь по ходу работъ отъ озера Ямбу-то къ западу—по возможности до устья Морды; съ перваго же іюля, если бы мы къ этому сроку не возвратились, итти къ югу, выбирая по возможности кратчайшій и наиболѣе легкій путь къ ближайшимъ рыболовнымъ пескамъ Обской губы—Хаманёлу или Пуйко.

День 4 мая проведенъ былъ всѣми въ сборахъ въ путь, такъ какъ и В. Н. Введенскій съ о. Мартиніаномъ выѣзжали „на легкихъ" (перекладныхъ оленяхъ) на Обскую губу для съемки теченія р. Сё-яга и привязки нашихъ маршрутовъ. Мы съ Кудринымъ, отправляясь на двухъ нартахъ, имѣли съ собой еще одну, нагруженную съѣстными припасами на 1 мѣсяцъ, патронами, маленькой парусинной палаткой и запаснымъ платьемъ.

Въ 5 часовъ вечера выѣхали мы въ путь, слѣдуя на сѣверо-западъ къ перевалу, и часа черезъ три довольно быстрой ѣзды достигли чума Мыйти Окотэтта, одного изъ крупнѣйшихъ оленеводовъ Ямала. Въ стадѣ его, сильно порѣдѣвшемъ отъ послѣднихъ падежей, было, однако, свыше 4000 оленей. Самъ Мыйти, поразившій меня своимъ необыкновеннымъ для самоѣда ростомъ (въ немъ было около 9 вершковъ) и чертами лица скорѣе чукотскаго, чѣмъ самоѣдскаго типа, широко извѣстенъ въ тундрѣ благотворительностью и пользуется и въ Обдорскѣ уваженіемъ со стороны русскихъ и зырянъ. Я имѣлъ съ собою нѣсколько бронзовыхъ медалей Императорскаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній и уполномочіе Совѣта Общества на раздачу этихъ медалей наиболѣе уважаемымъ инородцамъ-оленеводамъ. Одну изъ нихъ поднесъ я своему хозяину, который поблагодарилъ вѣжливо и съ достоинствомъ.

Послѣ чаю, въ 10 часовъ вечера, выѣхали мы далѣе и, слѣдуя вблизи перевала на NtO и NNO, пересѣкли сначала рядъ ручьевъ верховьевъ *Ясавай*, потомъ притоки *Венуй*—

Нгынемордомо и Венуй-еўо-тарка. Оленей мѣняли въ чумахъ Едю Вануйта (1 тысяча оленей). Хасовази Вануйта (300—400 оленей) и Ляпся Окотэтта (500 — 600 головъ). Изъ нихъ второй стоялъ отъ перваго въ разстояніи всего 5—6 верстъ. Верстахъ въ 5 къ W отъ чумовъ Ляпся видна сопка Венуйседе, у которой, по словамъ самоѣдовъ, лежатъ истоки рѣки Венуй. Отъ двухъ первыхъ чумовъ къ западу водораздѣлъ Карскаго моря и Обской губы лежитъ приблизительно въ 7—8 верстахъ. Пройденный нами путь пролегалъ все время довольно ровной тундрой, мѣстами лишь пересѣченной узкими овражками, разработанными весенней водой, или пологими увалами. Снѣгу было здѣсь нѣсколько больше, чѣмъ раньше,—снѣговой покровъ на ровныхъ мѣстахъ достигалъ толщины 6 и даже мѣстами 8 вершковъ. Было тепло и пасмурно, временами шелъ снѣгъ. Близость весны сказывалась уже въ появленіи раннихъ птицъ. Полярная сова слетѣла съ гребня, далеко не подпустивъ нартъ; я видѣлъ также издали двухъ канюковъ и какую-то воробьиную птицу—по всему вѣроятію, рюма (*Otocoris alpestris*).

5-го передъ полуднемъ выѣхали мы дальше, слѣдуя на NNO вдоль теченія Венуй-еуо, крутые берега котораго виднѣлись верстахъ въ 4—5 слѣва отъ насъ, и въ три часа достигли трехъ чумовъ самоѣда Ганти изъ рода Окотэтта, который стоялъ со стадомъ въ 1000 оленей нѣсколько южнѣе излучины Венуй, круто поворачивавшаго здѣсь на востокъ. Я принужденъ былъ остановиться въ этихъ чумахъ, такъ какъ уже почти сутки страдалъ мучительной нервной болью головы и лица, дѣлавшей ѣзду по застругамъ снѣжныхъ полей почти невыносимой. Среди дня сильно таяло,—температура поднялась до + 9. Въ тоже время упалъ барометръ, и послѣ тихаго дня часовъ въ 6 вечера начался крѣпкій вѣтеръ, продолжавшійся, однако, всего часа два. Въ ночь на 6 мая снова подморозило до — 4°С. По словамъ нашего хозяина, мы стояли къ SW отъ устья рѣки *Поруй* (маленькая рѣчка

верстъ въ 12—15 длиною), и до Обской губы, по прямому направленію къ востоку, было верстъ 30 — 35. Восточнѣе той линіи чумовъ, по которой мы ѣхали, ближе къ берегамъ Обской губы, не стоялъ никто изъ самоѣдовъ: мохъ есть мѣстами и тамъ, но тундра очень ровна, и когда телятся важенки, имъ негдѣ укрываться отъ вѣтра съ новорожденными пѣшками.

6 мая пересѣкли Венуй, текущій въ довольно широкой долинѣ. Ширина русла рѣки достигаетъ всего 15—20 саженъ, но воды, по словамъ самоѣдовъ, много все лѣто, такъ что рѣку переѣзжаютъ въ лодкахъ. Оленей мѣняли въ чумахъ ватажнаго старшины Лякочи Окотэтта и, перейдя рѣку *Сабетту* и ея лѣвые притоки, ночевали въ чуму Сэттоко Окотэтта. Первый изъ этихъ самоѣдовъ, вмѣстѣ съ двумя братьями, стоявшими неподалеку, имѣетъ около 3000 оленей, второй—500 головъ.

Во всѣхъ посѣщенныхъ нами чумахъ хозяева принимали насъ радушно и охотно вступали въ бесѣды. Пройденныя нами области заняты стоянками самоѣдовъ изъ рода Окотэтта, далѣе—въ бассейнѣ Тамбея—начинаются вотчины рода Тўзидовъ. На губу въ этой широтѣ самоѣды весной выходятъ рѣдко. Большихъ озеръ въ тундрѣ нѣтъ. Промышляютъ главнымъ образомъ песца и птицу. Дикій олень рѣдко заходитъ изъ сѣверныхъ частей полуострова южнѣе Тамбея — до Венуя. Бѣлаго медвѣдя на губѣ никогда не бываетъ. Изрѣдка въ тундрѣ встрѣчается россомаха. По словамъ самоѣдовъ (насколько можно было разобраться въ ихъ счисленіи по лунамъ), губу въ этой широтѣ взламываетъ не ранѣе конца іюня, причемъ открытая вода стоитъ около трехъ мѣсяцевъ, и въ теченіе этого времени льду съ сѣвера не приноситъ. Зимой губу переѣзжаютъ, если нужно, на оленяхъ,—иногда промышляютъ тюленей у противоположнаго ея берега. Теперь есть трещины и полыньи.

Отъ Сэттоко узналъ я, что самоѣдъ Сэйлома Окотэтта стоитъ на р. Сё-яга (Мутной) верстахъ въ 20 или болѣе къ

западу отъ озеръ Нейто, изъ которыхъ эта рѣка выходитъ. Извѣстіе это необходимо было передать Введенскому и Филатову. Самоѣды вызвались переслать черезъ чумы до мѣста стоянки нашего каравана письмо, которое, дѣйствительно, дошло черезъ три дня до мѣста назначенія.

7 мая двигались мы далѣе черезъ плоскую въ общемъ тундру, перейдя рядъ рѣкъ, изъ которыхъ наибольшія *Нѣдарма*, впадающая въ губу, и Тируй-яга, впадающая въ Тамбей. Послѣдняя течетъ въ долинѣ версты въ 4 шириной. Дорогой обогнали часть стадъ ватажнаго старшины Сомдера Вануйта, въ чумы котораго прибыли вечеромъ. Богатый старшина обращалъ на себя вниманіе типомъ лица, правильныя черты котораго почти не носили на себѣ отпечатка монгольской крови. Еще въ болѣе сильной степени былъ похожъ на красиваго русскаго парня его сынъ, который былъ нашимъ проводникомъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Мы двинулись далѣе ночью, такъ какъ днемъ замѣтно таяло. Прекрасные олени везли насъ быстро, но сильные здѣсь заструги дѣлали ѣзду довольно утомительной. Среди ночи переѣхали *Тамбей*, который несетъ свои и лѣтомъ обильныя воды въ болотистой долинѣ верстъ въ 5—6 шириною. Русло рѣки имѣетъ въ ширину 40—50 саженъ. Теченіе Тамбея является приблизительной границей распространенія на югъ дикаго оленя, а широта его устья—распространенія въ губѣ тюленя въ большомъ количествѣ. У Тамбея на губу самоѣды выѣзжаютъ промышлять тюленя и рыбу *пыръ-иале* (омуля). Ловлей омуля и ограничивается здѣсь рыбный промыселъ, такъ какъ большихъ рыбныхъ озеръ нѣтъ въ тундрѣ.

Передъ утромъ начало буранить. Крѣпкій вѣтеръ не могъ уже съ полной силой поднять слежавшійся послѣ оттепелей снѣгъ, однако всё же заставилъ насъ потерять направленіе и встать безъ прикрытія въ ровной тундрѣ. Одинъ изъ проводниковъ нашихъ уѣхалъ на поиски чума, а мы—прочіе—улеглись спать на нартахъ. Когда я проснулся, было пасмурное, но тихое и прозрачное утро. Чумы, которыхъ мы не видѣли во

мглѣ бурана, стояли верстахъ въ трехъ отъ насъ за небольшимъ ручьемъ. Вожатый нашъ, наткнувшійся на нихъ тотчасъ по выѣздѣ, спалъ близъ меня на своей нартѣ: олени лежали, полузанесенные снѣгомъ. Черезъ полъ-часа мы были въ чумѣ старшины Нанди Тузида.

Вотчины рода Тузида тянутся къ сѣверу отъ Тамбея до рѣчки Хабей-яга. Старшина имѣетъ около 3000 оленей. близко отъ него стояли два его брата, изъ которыхъ одинъ недавно уѣхалъ „на легкихъ“ (безъ чума и обоза) къ губѣ промышлять тюленя. Мѣста кочевокъ рода Тузида граничатъ съ вотчинами самоѣдовъ Уэнога; мѣста послѣдняго рода тянутся до пролива Малыгина. Нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ этому роду самоѣдовъ имѣютъ значительныя стада оленей, но всѣ усердно промышляютъ дикаго оленя и бѣлаго медвѣдя. Съ побережья именно пролива Малыгина и съ Дровяного берега приходитъ на Обдорскую ярмарку наибольшій процентъ медвѣжьихъ шкуръ.

Проведя день въ чумахъ старшины Нанди, мы выѣхали далѣе въ восьмомъ часу вечера. Отъ самыхъ чумовъ уже видна стала полоса темно синяго тумана — прямо на NO — надъ устьемъ Обской губы. Тамъ было открытое море. Переѣхали ручьи верховьевъ *Соболé-яга* и *Хабéй-яга* и въ 10 часовъ свернули на NW къ показавшемуся вдали чуму, принадлежавшему самоѣду изъ Уэноговъ,—стражей „Ямальскаго шайтана“.—извѣстнаго не только на Ямалѣ, но и во всѣхъ самоѣдскихъ тундрахъ жертвеннаго мѣста, находящагося недалеко отъ мыса Хаэнъ. Завязали оленей, и Г. П. Кудринъ вмѣстѣ съ самоѣдами исчезъ въ чуму. Онъ былъ въ ажитаціи, такъ какъ близость океана и вопросъ о доступности для насъ— случайныхъ посѣтителей — знаменитаго жертвеннаго мѣста сильно занимали его мысли. Въ началѣ совѣщанія онъ прослѣдовалъ къ грузовой нартѣ и промчался обратно въ чумъ съ бутылкой водки. Гаврила Павлычъ относился бережливо къ нашимъ скромнымъ запасамъ, такъ что признаки были

явно благопріятные. Прошелъ часъ и другой. Ночь была пасмурная, но тихая и довольно теплая. Мнѣ лѣнь было выходить изъ нарты и не хотѣлось итти въ дымный чумъ, и я занялся перечитываніемъ въ десятый разъ томика „Buch der Lieder“ Гейне, который случайно имѣлъ съ собою. Подъ конецъ я задремалъ и проснулся, когда тронулись олени. Мы понеслись быстро по гладкой, какъ столъ, тундрѣ. Черезъ полъ-часа остановились дать вздохнуть оленямъ, и Кудринъ подвелъ къ моей нартѣ невысокаго и съ очень пріятнымъ лицомъ самоѣда, провозгласивъ торжественно: „ихній главный батька“. Это былъ Лямби Уэнога, жрецъ великаго шайтана. Черезъ два часа ѣзды, миновавъ расположенное на низкомъ курганѣ жертвенное мѣсто, у котораго останавливаются обыкновенно для принесенія жертвы самоѣды, идущіе промышлять звѣря на проливъ, пріѣхали мы въ чумъ Тёроку Уэнога, стоявшій у верховьевъ небольшой рѣки *Хóле-яга*, текущей къ сѣверу въ проливъ Малыгина.

Тёроку Уэнога, одинъ изъ богатыхъ оленщиковъ, промышляющихъ по побережью восточной части пролива Малыгина и на устьѣ Обской губы, стоялъ съ „мелкимъ скотомъ“ (т.-е. важенками, приплодомъ прошлаго года и нѣшками) въ верховьяхъ рѣкъ Холе-яга и Яптикъ-яга, на низкой тундрѣ, мѣстами только богатой ягелемъ. Сѣвернѣе, ближе къ проливу Малыгина, ягеля нѣтъ или почти нѣтъ, и оленей тамъ подкармливаютъ травой на проталинахъ. Поэтому промышленники подходятъ для промысловъ къ побережью обыкновенно съ первымъ наступленіемъ весны. Во время нашего пріѣзда братъ Тёроку стоялъ ближе къ проливу со стадомъ „быковъ“ (кастрированныхъ ѣздовыхъ оленей) и оттуда выѣзжалъ на ледъ промышлять. Незадолго до насъ убили послѣдняго медвѣдя, шкура котораго сушилась около чума. Но въ послѣднее время изъ устья губы ледъ окончательно вынесло, звѣря на морѣ не было, и ѣздили изрѣдка промышлять только оленей, которыхъ на восточной сторонѣ побережья Малыгина, впрочемъ, меньше.

чѣмъ на западной. Оленя, какъ и тюленя на льду, промышляютъ, подползая къ звѣрю съ доской, поставленной на два маленькихъ, обитыхъ оленьей шкурой, полоза. Поставленная на ребро доска, которую ползущій охотникъ двигаетъ передъ собой рукой, закрываетъ стрѣлка, который, приблизившись на выстрѣлъ, просовываетъ дуло винтовки въ прорѣзъ доски. Медвѣдя преслѣдуютъ по льду на выѣзжанныхъ для этой цѣли оленяхъ и стрѣляютъ съ нарты. Почти у всѣхъ промышленниковъ на восточной сторонѣ Малыгина я видѣлъ кремневки. Одна или двѣ берданки, которыя я видѣлъ здѣсь въ чумахъ, были сильно испорчены небрежнымъ обращеніемъ.

Въ чумѣ Тёроку встрѣтилъ я пріѣхавшаго повидать насъ старика Гакке Вануйта, которому считаютъ около ста лѣтъ. Онъ былъ еще бодръ и имѣлъ пышную черную шевелюру безъ признаковъ сѣдыхъ волосъ. Передъ вечеромъ 9 мая выѣхали мы далѣе, слѣдуя водораздѣломъ Холе-яга и Яптикъ-яга, а позже долиною *Яптикъ-яга*. Обѣ рѣчки текутъ параллельно, сближаясь мѣстами на 3—4 версты, и впадаютъ въ проливъ общимъ устьемъ восточнѣе мыса Хаэ-сале. Тундра здѣсь ровна и низка, и границы рѣчныхъ долинъ подъ снѣгомъ не замѣтны. Вечеръ былъ ясный при 3° мороза. По сѣверному и сѣверо-восточному горизонту виднѣлся синій туманъ („водяное небо“): океанъ былъ свободенъ отъ льда на большомъ протяженіи. „Водяное небо“ тянулось между компасными румбами 170°—270° (по буссоли Шмалькальдера, считая градусы отъ точки S).

Передъ полуночью прибыли въ чумъ, стоявшій верстахъ въ 15 отъ пролива. И въ этомъ и въ сосѣднихъ чумахъ самоѣды лодокъ не имѣютъ, — промышляютъ морского звѣря только на льду. Промышленники говорили мнѣ, что океанъ очищается отъ льда иногда и зимою и стоитъ открытымъ по мѣсяцу. Чаще открытая вода начинается миляхъ въ 8—10 восточнѣе Бѣлаго, но иногда ледъ сламываетъ и относитъ и у самыхъ береговъ острова. Въ проливѣ Малыгина ледъ не

Лѣсъ по р. Хадыте.

Рѣчка въ высокой тундрѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко, Москва

ломаетъ всю зиму. Очищается проливъ обыкновенно не ранѣе іюля. Здѣшніе самоѣды на Бѣлый ѣздятъ промышлять рѣдко. На островѣ много оленей и песцовъ, изрѣдка видятъ волковъ.

Въ 10 часовъ утра 10-го выѣхали къ мысу Хаэнъ (Хаэсале), куда прибыли въ часъ, потративъ нѣкоторое время дорогой на охоту за оленями. Гладкая тундра понижается едва замѣтно къ океану и кончается низкими глинистыми обрывами гдѣ въ два, гдѣ въ четыре метра вышиною. Подъ обрывомъ тянутся песчаныя отмели, занесенныя снѣгомъ. Границы разлоговъ въ устьяхъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ въ океанъ и западнѣе — въ проливъ Малыгина, выступаютъ не рѣзко, такъ какъ тундра мѣстами постепенно понижается къ лайдамъ рѣчныхъ устій. Открытой воды отъ мыса Хаэнъ не было видно. Гладкая поверхность песковъ, а далѣе, вѣроятно, льда, покрытыхъ снѣгомъ, тянулась мили на 2 къ сѣверу; дальше вдоль берега виднѣлась гряда торосовъ, шедшая узкой полосой съ востока на западъ. Вѣроятно, положеніе этой гряды совпадаетъ съ границей очень отмелой прибрежной полосы океана. Знакъ, поставленный здѣсь въ 1904 году гидрографической экспедиціей Ф. К. Дриженко на пароходѣ „Пахтусовъ", стоялъ на своемъ мѣстѣ; только нѣсколько досокъ было оторвано,—быть можетъ, вѣтромъ или медвѣдями,—и лежало рядомъ. Мы укрѣпили ихъ на мѣсто. Судя по состоянію неба, открытая вода была недалеко. „Водяное небо" тянулось по всему сѣверному горизонту, уходя къ востоку въ устье губы. Густыя испаренія клубились,—вѣроятно, надъ полыньей недалеко отъ берега—по румбу буссоли 180° (на N); нѣсколько восточнѣе и западнѣе виднѣлись пятна ледяного блеска, прерывавшія полосу болѣе далекаго тумана, тянувшагося, повидимому, изъ-за сѣвернаго берега Бѣлаго къ устью Обской губы.

Мы разузнали уже ранѣе, что жертвенное мѣсто Яумалъ-хэ лежитъ въ тундрѣ вблизи мыса Хаэнъ. Мы выѣхали туда, слѣдуя на SW, и послѣ 40 минутъ довольно быстрой ѣзды увидѣли въ пологой складкѣ тундры длинный рядъ кучъ

сядаевъ, обложенныхъ черепами жертвенныхъ оленей, обвязанныхъ обрывками шкуръ и сукна и занесенныхъ снѣгомъ. Насъ сопровождали жрецъ Лямби, Тёроку Уэнога и прибывшій наканунѣ въ чумъ промышленникъ Уэррено Уэнога, отъ которыхъ и можно было получить необходимыя разъясненія. Ямальскій шайтанъ, по выраженію самоѣдовъ, „живетъ въ семи чумахъ". Это значитъ, что деревянные идолы *(сядаи)* сгруппированы въ семь отдѣльныхъ кучъ, стоящихъ вытянутымъ рядомъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія одна отъ другой. Нѣсколько идоловъ стоятъ, кромѣ того, отдѣльно по одному и по два. Деревянные идолы здѣсь или обычнаго самоѣдскаго типа въ видѣ короткихъ обрубковъ древеснаго ствола со стесанной наверху головой и грубыми насѣчками на мѣстѣ глазъ, носа и рта: или въ видѣ длинныхъ и тонкихъ обтесанныхъ палокъ, покрытыхъ группами зарубокъ по семи въ каждой группѣ. Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ изображеній тутъ находились также двѣ или три фигуры человѣка, гораздо тщательнѣе вырѣзанныя изъ дерева, и нѣсколько деревянныхъ изображеній птицъ (гагаръ), вполнѣ похожихъ на тѣ, которыя въ обиходѣ у енисейскихъ остяковъ и тунгусовъ. Въ средину каждой кучи, какъ это обычно и на другихъ жертвенныхъ мѣстахъ Ямала, вставлена сухая лиственница—священное дерево самоѣдовъ. Каждая куча сядаевъ считается мѣстомъ поклоненія отдѣльныхъ родовъ самоѣдовъ,—около одной приносятъ жертвы Яптики, у другихъ—Окотэтта, Вануйты и т. д. Паломники—по обѣту—пріѣзжаютъ сюда иногда не только изъ отдаленнѣйшихъ частей Ямала, но и изъ-за Урала. Птицы, по объясненію бывшихъ съ нами самоѣдовъ, изображаютъ крылатыхъ духовъ и посвящены свѣту (дню).

Дружескія отношенія, неизмѣнно существовавшія между нами и самоѣдами въ теченіе всей экспедиціи, позволили намъ съ Кудринымъ посѣтить святилище, молва о которомъ живетъ въ отдаленныхъ областяхъ европейскихъ и западно-сибирскихъ тундръ, и которое по древности своей и своему зна-

ченію можно сравнить только со святынями Вайгача, истребленными нѣкогда миссіонерами. Но этого мало. Въ отвѣтъ на нѣкоторые подарки, сдѣланные мною самоѣдамъ, они подарили мнѣ нѣсколько отдѣльныхъ идоловъ, между ними также птицу и очень древнее—и по ихъ словамъ и по состоянію дерева—изображеніе сидящей человѣческой фигуры, подобнаго которому я не видѣлъ никогда ни на одномъ самоѣдскомъ жертвенномъ мѣстѣ. Самоѣды говорили, что эта фигура—баба, и что она чрезвычайно полезна промышленникамъ на медвѣдя: они полагали, однако, что на мѣсто „бабы" можно поставить другого идола.

Здѣсь же, около шайтана, за завтракомъ и чаркой водки, я выслушалъ съ любопытствомъ легенду о происхожденіи Яумальскаго шайтана, разсказанную мнѣ жрецомъ Лямби, котораго обязанность — охранять сядаевъ и провожать къ святилищу паломниковъ. Вотъ содержаніе его разсказа. Очень много лѣтъ тому назадъ одинъ изъ предковъ Уэноговъ охотился съ другими самоѣдами на оленей. Онъ лежалъ въ засадѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ теперь, а другіе самоѣды гнали на него оленей. Впереди оленей бѣжала бѣлая важенка. Уэнога пустилъ стрѣлу, которая убила важенку. Когда стали свѣжевать её, ножъ уперся въ какой-то предметъ, который лежалъ во внутренностяхъ звѣря. Оказалось, что предметъ этотъ — небольшое металлическое кольцо съ перекладинами, похожее нѣсколько на пряжки, которыя самоѣдки носятъ на поясахъ. Самоѣды поняли тогда, что какой-нибудь духъ превратился въ оленя и далъ себя убить, чтобы положить святой предметъ на опредѣленное мѣсто. Поэтому на томъ мѣстѣ, гдѣ была убита важенка, и стали ставить сядаевъ.

Предметъ, которому приписывается описанное выше происхожденіе, донынѣ сохраняется неизмѣнно въ чумѣ жреца Яумальскаго шайтана (въ данное время у Лямби Уэнога) и считается величайшею святынею всѣхъ Каменныхъ самоѣдовъ. Освоившійся съ нами жрецъ выразилъ полное согласіе пока-

зать намъ святое кольцо. Но чумъ его былъ далеко сзади, а я не могъ терять времени. Позже въ чумѣ одного изъ Уэноговъ онъ сдѣлалъ въ моей записной книжкѣ схематическій рисунокъ святого предмета: и когда я перерисовалъ изображеніе съ бо́льшимъ искусствомъ и принявъ въ разсчетъ словесное описаніе предмета, всѣ присутствующіе самоѣды—съ нѣсколько даже суевѣрнымъ изумленіемъ—подтвердили полное сходство изображенія съ его оригиналомъ. Всюду самоѣды согласно утверждали, что и древнѣйшіе старики ихъ слышали отъ отцовъ и дѣдовъ подтвержденіе древности этой святыни.

Вечеромъ вернулись мы въ промысловый чумъ Тёроку, а на другой день, 11 мая, выѣхали въ восточномъ направленіи на Дровяной берегъ (Поелово). Дорогой пересѣкли неширокую—версты въ $1\frac{1}{2}$—долину Яптикъ-яга и маленькую рѣчку Того-пиме. Склоны долинъ этихъ рѣчекъ поднимаются едва замѣтно: низкая однообразная тундра постепенно переходитъ въ рѣчныя лайды. Чумъ промышленника изъ Уэноговъ съ небольшимъ количествомъ быковъ стоялъ недалеко отъ берега океана: чумъ только-что подошелъ съ юга, но предполагалъ откочевать снова южнѣе, къ хорошимъ мхамъ, такъ какъ океанъ стоялъ открытымъ, и ледъ не подгоняло къ берегу.

Мы достигли берега, по указанію самоѣдовъ, приблизительно въ 5—6 верстахъ западнѣе того мѣста, гдѣ матерой берегъ поворачиваетъ къ югу, образуя западный берегъ Обской губы, и которое на картѣ штурмана Иванова называется мысъ *Дровяной*. Къ востоку отъ этого поворота далеко въ море, по словамъ самоѣдовъ, тянутся песчаныя отмели. Самоѣды утверждали, что форма этихъ отмелей на картѣ Иванова не вѣрна, что въ южную часть ихъ не вдается, какъ это изображено Ивановымъ, широкій заливъ, а отмели, напротивъ, опоясываютъ сѣверо-восточный уголъ Ямала сплошнымъ полукруглымъ выступомъ. Не имѣя въ концѣ концовъ времени и средствъ пройти съемкой всю линію южнаго побережья Малыгина, я и здѣсь уступилъ просьбамъ самоѣдовъ и не поѣхалъ восточнѣе, къ

берегамъ Обской губы. Олени наши, взятые изъ промысловыхъ чумовъ, стоявшихъ вблизи пролива на очень плохихъ кормахъ, быстро слабѣли. Ягеля на берегахъ океана не было вовсе, зима стояла въ полной неприкосновенности, и проталинъ не было нигдѣ.

Мы подъѣхали къ берегу въ 7 часовъ вечера. Какъ и у мыса Хаэнъ, однообразная тундра обрывалась здѣсь къ песчаному заплеску уступомъ въ 3—4 метра высотою. По прибрежнымъ отмелямъ во множествѣ—мѣстами цѣлыми грудами—навалены были бревна плавника, частью древняго, трухляваго, частью свѣжаго. У берега мили на $1^1/_2$ шириною тянулся припай, покрытый въ полумилѣ отъ берега грядами высокихъ торосовъ; въ одной милѣ далѣе свободный океанъ катилъ черно-синія волны. Ледъ до торосовъ былъ твердый, хотя и изборожденный мѣстами засыпанными снѣгомъ трещинами: мы безъ труда достигли пѣшкомъ торосовъ, которые тянулись нѣсколькими параллельными грядами. Нѣкоторые изъ торосовъ представляли собою громадныя, состоящія изъ хаотически нагроможденныхъ льдинъ и обломковъ льда кучи, высота которыхъ достигала 10 метровъ. По словамъ самоѣдовъ, на линіи торосовъ кончались отмели: сюда почти уходитъ вода при самыхъ низкихъ отливахъ. Въ приливъ въ сизигіяхъ вода подходитъ почти къ обрыву матераго берега. За торосами на разстояніи мили тянулся тонкій ледъ, съ большими полыньями и мѣстами сломанный настолько, что путь по нему ни на оленяхъ, ни пѣшкомъ не былъ возможенъ. Граница припая тянулась приблизительно по румбу на сѣверо-восточный уголъ острова Бѣлаго.

На берегу океана находилось жертвенное мѣсто довольно оригинальнаго вида. Около небольшой группы грубо сдѣланныхъ сядаевъ нагромождена была громадная куча, состоявшая сплошь изъ череповъ бѣлыхъ медвѣдей. Только нѣсколько головъ дикихъ оленей лежало сверху или надѣто было частью на священныя палки съ зарубками. Сверху лежали свѣжіе

черепа, въ нижнихъ рядахъ—совершенно вывѣтрившіеся. Вѣроятно, не одну сотню лѣтъ самоѣды складываютъ здѣсь черепа самаго цѣннаго въ промысловомъ отношеніи звѣря во славу тадебцыевъ. Съ разрѣшенія самоѣдовъ я обогатилъ здѣсь свои коллекціи десятью прекрасными черепами, пожертвовавъ для возможности везти ихъ на нашей единственной грузовой нартѣ частью взятыхъ съ собою съѣстныхъ припасовъ. Самоѣды просили меня только не брать вполнѣ свѣжихъ головъ, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, исчезновеніе недавно положенныхъ не обвѣтрившихся еще череповъ медвѣдей съ жертвеннаго мѣста могло сильно повредить удачѣ медвѣжьяго промысла будущаго года.

Близость открытаго моря точно оживила нѣсколько пустынныя снѣжныя пространства тундры. Два раза видѣлъ я здѣсь пролетѣвшихъ вдали надъ льдомъ полярныхъ чаекъ (*Larus glaucus*). Коллекція наша обогатилась парою „снѣгирей“, здѣсь, очевидно, собиравшихся гнѣздиться; вблизи по побережью видѣлъ я еще нѣсколько паръ. Температура въ 9 часовъ вечера при довольно высокомъ стояніи барометра держалась на $+2^\circ$.

Вечеромъ двинулись отъ Дровяного берега къ югу, снова къ стоявшему въ верховьяхъ Холе-яга чуму Тёроку, чтобы оттуда достичь чумовъ, находившихся вблизи западнаго устья пролива. Остановились мѣнять оленей въ чуму Уэррено Уэнога, провожавшаго насъ къ шайтану. Обитатели чума всѣ числились христіанами; однако, какъ и у Тёроку и многихъ другихъ самоѣдовъ, и здѣсь при чумѣ стояла „шайтанская“ нарта съ маленькими домашними сядаями, и самъ Уэррено былъ отчасти проводникомъ къ великому шайтану, хотя, видимо, и не игралъ при немъ такой роли, какъ жрецъ Ямби. Мы предполагали уже въ ночь или съ ранняго утра двинуться дальше, но около трехъ часовъ утра 12-го вѣтеръ задулъ отъ SW, началъ быстро крѣпчать и поднялъ буранъ. Температура къ срединѣ дня поднялась съ -2° до $+4^\circ$. Снѣгъ

былъ крѣпокъ, и при оттепели почти перестало мести; но несло сверху, и ѣхать противъ крѣпкаго вѣтра было невозможно. Намъ пришлось коротать время въ бесѣдахъ. Нашъ хозяинъ, какъ и нѣкоторые другіе самоѣды изъ Уэноговъ и Ямаловъ, охотящихся на западной сторонѣ пролива, не откочевывалъ зимой на югъ и провелъ весь годъ на Малыгинѣ. Остаются здѣсь самоѣды главнымъ образомъ для того, чтобы промышлять медвѣдя, охота на котораго начинается, какъ только окончится ночь. Въ нынѣшнемъ году медвѣдя промышляли удачно,—по всему побережью Малыгина убили 9—10 звѣрей. На вопросъ мой, не страдаютъ ли зимой самоѣды отъ цынги, всѣ отвѣчали отрицательно. Цынги здѣсь не знаютъ, и благополучіе зимовокъ правильно объясняютъ обиліемъ свѣжаго мяса и особенно крови („цынга крови боится"). Вѣроятно, и жизнь въ чумахъ,—т.-е. въ сущности почти на свѣжемъ воздухѣ,—гораздо меньше располагаетъ къ цынгѣ, чѣмъ зимовки въ отапливаемыхъ, но курныхъ и со спертымъ воздухомъ, промысловыхъ избушкахъ, въ которыхъ часто страдаютъ отъ цынги русскіе промышленники.

Провизіей на зиму этотъ чумъ, какъ и большинство сосѣднихъ чумовъ зажиточныхъ самоѣдовъ, былъ снабженъ, повидимому, очень хорошо. Насъ угощали кирпичнымъ чаемъ съ сахаромъ, свѣжимъ масломъ и бѣлыми кренделями. Бабы щеголяли пестротою малицъ и домашнихъ ягушекъ, безчисленными привѣсками на косахъ и мѣдными и серебряными кольцами на пальцахъ. Кольца на рукахъ носятъ и мужчины. Оленеводство, соединенное съ выгоднымъ морскимъ промысломъ на медвѣдя и ластоногихъ, съ избыткомъ обезпечиваетъ жизненныя потребности обитателей сѣверныхъ частей Ямальской тундры. Только рыбы и гусей промышляютъ здѣсь очень мало. Рыбныхъ озеръ близъ Малыгина нѣтъ; ловятъ въ небольшомъ количествѣ только омулей въ устьяхъ рѣчекъ. Птицы въ этихъ мѣстахъ вообще мало.

Стада Уэноговъ сравнительно со стадами нѣкоторыхъ бога-

тыхъ оленеводовъ, которыхъ встрѣчали мы ранѣе въ глубинѣ тундры, невелики. Такъ, у Тёроку было около 1000 оленей, у Уэррено вмѣстѣ съ двумя братьями—не болѣе 500 головъ. Немного южнѣе чумовъ Уэноговъ стояло нѣсколько самоѣдовъ изъ рода Тузида также съ небольшими стадами. Вотчины Уэноговъ къ западу простираются до рѣки Яды, къ югу граничатъ съ кочевьями Тузидовъ.

Путь къ югу отъ Дровяного берега идетъ очень ровной тундрой безъ замѣтнаго подъема отъ океана. Въ одномъ мѣстѣ только переѣхали мы небольшое мелкое озеро и вслѣдъ затѣмъ нѣсколько узкихъ крутоберегихъ ручьевъ, текущихъ въ Яптикъ-яга. „Все однообразно и плоско—записано въ моемъ дневникѣ—снѣжная равнина уходитъ изъ глазъ безъ малѣйшей неровности: изрѣдка только попадаются пологія лощинки, по которымъ весной и въ дожди, конечно, стекаетъ вода".

Рано утромъ 13 мая переѣхали въ чумъ Тёроку на Холеяга. День былъ ясный, и на солнцѣ сильно таяло. Въ 6 часовъ вечера термометръ показывалъ $+5^{\circ}$. Чумъ Тёроку, въ которомъ гостили мы второй разъ, свидѣтельствовалъ о достаткѣ хозяина. Въ чумѣ было три женщины—мать хозяина и двѣ жены. Мать обращала на себя вниманіе своимъ скорѣе европейскимъ типомъ лица и довольно свѣтлыми и немного кудрявившимися волосами. Повидимому, женщины культивировали здѣсь религіозное настроеніе. Въ чумѣ находился идолъ остяцкаго типа ввидѣ безобразнаго мѣшка или перепоясанной подушки, покрытый въ изобиліи различными привѣсками. На шайтанской нартѣ, какъ обыкновенно, покрытой шкурой дикаго оленя съ черепомъ и рогами, было пять шайтановъ: 3 деревянныхъ, изъ которыхъ два въ костюмахъ изъ сукна и одинъ въ оленьей малицѣ, причемъ на всѣхъ навѣшаны амулеты—пояски, кольца и деревяшки; одинъ, представляющій старый заржавленный клинокъ отъ сабли, невѣдомо когда и откуда попавшій на берега пролива Малыгина, съ привѣшан-

ными къ острію полосками сукна и поясками, и одна деревянная гагара съ вырѣзанными на ней узорами.

Въ ночь съ 13-го на 14-е мая, пользуясь прохладой ночныхъ часовъ съ низкимъ стояніемъ солнца, которое мы уже болѣе двухъ недѣль видѣли незаходящимъ за горизонтъ, поѣхали мы къ западу и, пройдя длинный путь и перейдя дорогой довольно широкую долину *Яды*, прибыли въ чумъ Тойли Окотэтта. Богатый самоѣдъ этотъ вмѣстѣ съ тремя братьями — хозяевами отдѣльныхъ стадъ и чумовъ—кочуетъ вблизи западнаго устья пролива Малыгина, приблизительно отъ Яды до рѣки Папнте, впадающей въ Карское море. Самоѣды эти вмѣстѣ съ нѣсколькими другими представителями рода Окотэтта образуютъ отдѣльную ватагу и извѣстны не подъ родовымъ именемъ Окотэтта, а подъ прозвищемъ Ямалъ (каменные самоѣды названіе Ямалъ прилагаютъ не ко всему полуострову, а только къ сѣверной полосѣ его, прилегающей къ проливу Малыгина). Въ ночь на 15-е перешли въ чумъ Ептомы Ямалъ, стоявшаго съ быками нѣсколько южнѣе устья рѣки Моготты, впадающей въ проливъ. „Водяное небо" видно было на сѣверѣ западнѣе Бѣлаго и дальше на западъ за W-берегомъ полуострова. Тундра и здѣсь всюду ровная, какъ столъ, долины рѣчекъ почти незамѣтны подъ снѣгомъ. Какъ и ранѣе, тундра пустынна. На двухъ послѣднихъ большихъ переходахъ видѣлъ я только нѣсколько штукъ снѣжныхъ подорожниковъ и застрѣлилъ одинокую тундровую куропатку, одну изъ трехъ или четырехъ, встрѣченныхъ за все время длиннаго пути отъ Тамбея до Морды. Два или три раза видѣли дорогой дикихъ оленей (стайками по 3—6 головъ); подходъ или подъѣздъ къ нимъ на совершенно гладкой снѣжной поверхности тундры былъ невозможенъ: олени сильно преслѣдуются здѣсь самоѣдами и чрезвычайно сторожки. Самоѣды говорили мнѣ, что птицъ здѣсь очень мало и лѣтомъ.

Поздно вечеромъ 15 мая согнали оленей и снарядили нарты для поѣздки черезъ проливъ на островъ Бѣлый. Дѣло

было не очень простое — не съ точки зрѣнія какихъ либо трудностей пути, но съ точки зрѣнія религіозной. Мнѣ показалось, что самоѣды совсѣмъ не охотно везли насъ на святой островъ. Молодая дѣвица, дочь хозяина, по имени Уорнэко, что въ переводѣ значитъ „шустрая“, прекрасно управлявшаяся съ оленями и своей расторопностью оправдывавшая свое имя, окурила оленей, нарты и всѣхъ насъ бобровой струей, которая вывозится самоѣдами изъ Обдорска и сохраняется для случаевъ нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоній. Потомъ мы тронулись въ путь и послѣ получаса быстрой ѣзды достигли устья *Мюютты*, которое образуетъ разлогъ мили въ 1½ шириною. Двинувшись потомъ къ востоку по южному берегу пролива, прибыли на мысъ *Юмба* (въ переводѣ „земляная куча“), который выступаетъ замѣтной возвышенностью, поднимаясь метровъ на 10 надъ уровнемъ пролива. Кругомъ береговые обрывы достигаютъ высоты всего 3—5 метровъ. Мысъ Юмба названъ такъ вслѣдствіе присутствія земляного кекура (курганчика), сложеннаго изъ песку и дерна, метра въ 2 высотою. Это — почтенный по возрасту знакъ, сдѣланный участниками Великой сѣверной экспедиціи Малыгинымъ и Скуратовымъ на мѣстѣ астрономическаго опредѣленія при описи берега Ямала [1]). Самоѣды считаютъ этотъ знакъ дѣломъ рукъ „турмана“ (штурмана Иванова) и называютъ его поэтому *Турманъ-юмба*. Ивановъ говоритъ, что знакъ этотъ, который посѣтилъ онъ въ 1828 году, былъ уже нѣсколько размытъ дождями. Въ настоящее время берегъ сильно оборванъ волнами, и обрушился уже въ море и одинъ край самого кекура. Я сфотографировалъ почтеннаго свидѣтеля Великой сѣверной экспедиціи, который, вѣроятно, въ ближайшіе 2—3 года окончательно исчезнетъ въ волнахъ.

Стоя на возвышенномъ мысу, видѣлъ я въ разныхъ мѣ-

---

[1]) См. отчетъ штурмана Иванова въ статьѣ „Опись береговъ Сѣвернаго океана отъ Канина носа до Обдорска“. Записки Гидрографич. Департамента. Часть V, 1847 г.

стахъ на льду нѣсколько стаекъ оленей. Одни переходили съ материка на островъ, другіе наоборотъ. Но олени миновали болѣе крупные торосы, и мы тщетно старались выбрать мѣсто, подходящее для охоты. Одинъ изъ самоѣдовъ пытался подскакать на нартѣ къ звѣрямъ и, дѣйствительно, довольно удачно перерѣзалъ путь стайкѣ, но, опоздавъ соскочить съ нарты, промахнулся. Мы пересѣкли проливъ. Ледъ былъ въ общемъ довольно гладокъ, мѣстами только взломаны и подняты были небольшія льдины. Гряда высокихъ, безпорядочно нагроможденныхъ торосовъ тянулась миляхъ въ 1½ отъ береговъ материка вдоль пролива и такая же вдоль берега острова. Вѣроятно, тороса нагромождены были по краю круто-поднимающейся песчаной отмели, которая идетъ вдоль берега Бѣлаго, и на которую наткнулся пароходъ „Малыгинъ" экспедиціи въ Енисей 1893 года [2]).

Береговая линія острова Бѣлаго мѣстами была едва замѣтна подъ снѣгомъ. Въ однихъ мѣстахъ берегъ постепенно понижается къ проливу, въ другихъ поднимается обрывомъ въ 2, 3 и даже 4 метра надъ песчанымъ заплескомъ, который, по словамъ самоѣдовъ, въ низкія воды обнажается на большое пространство отъ обрыва. Два жертвенныхъ мѣста съ грубо обтесанными сядаями, покрытыми оленьими черепами, лоскутками и поясами съ кольцами, возвышались на берегу въ разстояніи саженей 80 одно отъ другого. Далѣе вглубь острова тянулась идеально-ровная снѣжная поверхность. Я пошелъ къ востоку вдоль берега острова и ушелъ довольно далеко. Самоѣдъ на нартѣ догналъ меня. Два оленя неожиданно выскочили изъ-за склона пологаго овражка и набѣжали на меня на разстояніе хорошаго выстрѣла. Со мной была только буссоль Шмалькальдера, и я показалъ самоѣду на ружейный чехолъ, прилаженный, какъ обыкновенно, вдоль края его нарты. Но вожатый мой, глядя на оленей, покачалъ головой: въ чехлѣ

[2]) См. Семеновъ. „Забытый путь изъ Европы въ Сибирь", 1894 г., стр. 80 и 84.

была незаряженная кремневка. Мы вернулись къ нартамъ и палаткѣ, разбитой на льду подъ береговымъ обрывомъ.

Послѣ краткаго отдыха, безполезнаго, однако, оленямъ, такъ какъ ягеля вблизи не было, и почти не было и травы подъ снѣгомъ, мы съ Кудринымъ и двумя самоѣдами поѣхали вглубь острова. Ровная поверхность уходила изъ глазъ и похожа была скорѣе на покрытый снѣгомъ ледъ большого озера, чѣмъ на сушу. Верстъ пятнадцать проѣхали мы, увидавъ только нѣсколько снѣгирей. Самоѣды упрашивали меня вернуться. Олени были сильно утомлены, сплошныхъ ягельныхъ пастбищъ, на которыхъ можно было бы подкормить оленей на привязи, на островѣ нѣтъ. По словамъ самоѣдовъ, выѣзжая на болѣе продолжительный срокъ на промыслы по берегамъ пролива, они выбираютъ тщательно подготовленныхъ и откормленныхъ оленей. Я не исключаю, впрочемъ, предположенія, что гдѣ-нибудь на святомъ островѣ находятся мѣста, которыя не подлежали нашему обозрѣнію. Ставъ на нарту, я оглядѣлъ въ бинокль горизонтъ. Все та же идеальная равнина тянулась во всѣ стороны. Водяное небо опоясывало всю сѣверную половину горизонта. Отблескъ льда небольшимъ пятномъ виднѣлся приблизительно на томъ же мѣстѣ, гдѣ видѣлъ я его ранѣе съ мыса Хаэнъ. Мы возвратились къ берегу острова и послѣ легкаго завтрака пересѣкли снова проливъ и прибыли въ чумъ послѣ полудня.

Поверхность Бѣлаго, повидимому, нѣсколько ниже сѣверной части Ямала. Самоѣды во время промысловъ лишь исключительно рѣдко, по словамъ ихъ, доходятъ до сѣверныхъ береговъ острова, которые въ общемъ не выше южныхъ, вѣрнѣе, даже ниже: по словамъ самоѣдовъ, обрывы сѣвернаго берега поднимаются на высоту меньшую, чѣмъ ростъ человѣка. О судьбѣ знака, поставленнаго пароходомъ „Пахтусовъ“ въ 1904 году на мысѣ Рагозина (сѣверо-западный уголъ острова) самоѣды ничего не знали и никогда его не видѣли. На островѣ промышляютъ оленей и песцовъ, иногда видятъ и волковъ. Почва

острова всюду песчаная, покрытая рѣдкой травой. Есть небольшія мелкія озера и ручьи, начинающіеся не далеко отъ береговъ. Позднимъ лѣтомъ промышленники на островѣ не бываютъ, такъ какъ не имѣютъ лодокъ и переходятъ проливъ только на оленяхъ по льду. Поверхность острова всюду ровна, нѣтъ ни одной сопки. На озерахъ мѣстами гнѣздятся черныя казарки, но вообще птицъ на островѣ очень мало. Самоѣды называютъ Бѣлый *Эръ-о* (о носовое и съ придыханіемъ)—въ буквальномъ переводѣ не *Бѣлый*, а *Ледяной* островъ. Маленькій островокъ, лежащій нѣсколько южнѣе берега Бѣлаго въ восточномъ устьѣ пролива, по самоѣдски зовется *Табъ-о* (Земляной островъ). Большая часть его покрывается водами высокихъ приливовъ. Въ срединѣ островка есть площади, покрытыя *рыбьей травой — няриу* (вѣроятно, *Carex salina*).

16-го вечеромъ снарядились мы въ дальнѣйшій — уже обратный путь. Я предполагалъ двигаться вдоль берега Карскаго моря, гдѣ разсчитывалъ, между прочимъ, встрѣтить болѣе богатую фауну пролетныхъ птицъ. Но хозяева наши не знали, гдѣ можно будетъ передать насъ слѣдующимъ самоѣдамъ. Стоянки оленеводовъ зимою лежатъ на моховыхъ пастбищахъ ближе къ центральнымъ областямъ полуострова. Съ появленіемъ проталинъ отдѣльные промышленники на быкахъ подходятъ къ берегамъ Карскаго моря, гдѣ нѣтъ или почти нѣтъ ягеля, чтобы промышлять морского звѣря. Неизвѣстно было, стоятъ ли уже гдѣ-нибудь на побережьѣ такіе чумы. Мы должны были имѣть возможность дойти до рѣки Нясидай, на которой, несомнѣнно, стояли самоѣды изъ рода Яптикъ, и гдѣ можно было найти старшину Лангози. Снарядили легкій чумъ съ четырьмя десятками оленей. Самоѣды Тойли и Ептома и дѣвица Уорнэко въ качествѣ хозяйки сопровождали насъ. Въ 12 часовъ ночи тронулись въ путь, идя западнѣе долины Моготты, по водораздѣлу Карскаго моря и пролива Малыгина. Въ четыре часа увидѣли знакъ на устьѣ рѣки Паните. Но

вслѣдъ затѣмъ съ моря нанесло непроницаемый туманъ. Поставили лагерь. Передъ вечеромъ я объѣхалъ нижнее теченіе *Пайнте*. Дулъ легкій и ровный SO при пасмурномъ небѣ и температурѣ въ 0°. Южный берегъ долины рѣки, текущей съ востока на западъ, тянется высокими глинистыми обрывами, такъ что поверхность тундры, лежащей южнѣе долины, поднята выше, чѣмъ плоская тундра, въ которую постепенно переходитъ сѣверный склонъ долины. Вѣроятно, обрывы эти представляютъ собою древнюю береговую террасу. Пара сапсановъ гнѣздилась здѣсь на одномъ изъ обрывовъ. Парочки снѣжныхъ пуночекъ и рогатыхъ жаворонковъ держались по тундрѣ у устья рѣки.

Передъ отъѣздомъ моимъ въ экспедицію командиръ транспорта „Пахтусовъ“ полковникъ Н. В. Морозовъ просилъ меня, между прочимъ, по возможности выяснить судьбу знаковъ, поставленныхъ на мѣстахъ астрономическихъ опредѣленій транспорта „Пахтусовъ“ въ 1904 году во время описи западнаго берега Ямала. Самоѣды знали, что я интересуюсь судьбою знаковъ. Тойли и Ептома уже заблаговременно сообщили, что „царскій столбъ“ цѣлъ и числится подъ надзоромъ самоѣдовъ изъ рода Ямалъ. Но когда мы подъѣхали къ знаку, они пришли въ смущеніе. Нѣсколько досокъ повернутой къ морю обшивки знака было оборвано и валялось рядомъ, и—что было еще важнѣе—двѣ нижнія связи исчезли. Слѣдствіе велось быстро и умѣло. Самоѣды пѣшкомъ, а иногда и на колѣняхъ, изслѣдовали всё окружающее пространство на довольно большое разстояніе. Потомъ они явились съ докладомъ. Около недѣли тому назадъ къ знаку подходилъ медвѣдь. Онъ оторвалъ доски, вотъ слѣды когтей, тамъ внизу на пескѣ и снѣгѣ уже обтаявшіе слѣды лапъ. Медвѣдь пошелъ потомъ черезъ припай къ морю. Позже къ знаку подъѣзжалъ человѣкъ на партѣ. Онъ забралъ связи и уѣхалъ вдоль берега къ югу.

Мнѣ показалось, что самоѣды не знали навѣрное, при-

кажу ли я поймать медвѣдя или человѣка, и были готовы на то и другое. Сильно заинтересованный, я предложилъ попытаться найти человѣка. Самоѣды молча кивнули головами.

Ночью мы сняли чумъ и пошли къ югу по морскому льду. Синій туманъ клубился по западному горизонту — открытая вода была близко. Позже тюленьи промышленники, выѣхавшіе незадолго до нашего прохода на ледъ отъ устья Паинте, говорили мнѣ, что на десять приблизительно верстъ отъ берега стоялъ твердый припай, далѣе на такое же разстояніе тянулся разбитый и рыхлый ледъ, за которымъ была чистая вода. Проводники наши, иногда зимующіе въ районѣ между Паинте и Моготтой, сообщили мнѣ, что и зимою твердый припай тянется на разстояніе 10—15 верстъ отъ берега. Дальше и въ зимніе мѣсяцы ледъ часто относитъ, и море подолгу стоитъ открытое. Окончательно очищаются берега въ іюлѣ, и море обыкновенно открыто до поздней осени. Изрѣдка только лѣтомъ наноситъ ледъ. Тюлени (нерпы) многочисленны всюду по этому побережью. Рѣдко бьютъ зайцевъ, еще рѣже—моржей и медвѣдей. Олени въ большомъ числѣ держатся только между проливомъ и Паинте, и болѣе рѣдки южнѣе, попадаясь, однако, и до Пясидай. Вновь большими стадами появляются они въ пустынныхъ областяхъ побережья на широтѣ Шарановыхъ кошекъ.

Берега моря, мимо которыхъ мы шли, мѣняютъ свою высоту. У устья Паинте берегъ низкій—метровъ въ 5—6—къ морю постепенно понижается задернованными склонами. Большіе тороса тянутся здѣсь въ милѣ отъ берега,—прибрежныя части моря, очевидно, отмелы. Южнѣе тороса придвинуты были почти къ самому берегу, который поднимается обнаженными обрывами мѣстами метровъ до 20 высотою. По увѣренію самоѣдовъ, берегъ здѣсь (миляхъ въ 4—5 южнѣе Паинте) сравнительно приглубый. Не доходя до мѣста нашей новой стоянки между рѣками *Хóллего* и *Сююýяпудà* (Шутте карты Иванова), увидѣли мы въ сторонѣ въ тундрѣ промысловый чумъ. „Не

этотъ человѣкъ взялъ связи?" — спросилъ я Тойли. — *Іо́нгу* (нѣтъ)—отвѣтилъ онъ—этого мы знаемъ.

Въ ночь съ 18-го на 19-е мая увидѣли мы широкое устье *Е́птармы*. Низкіе берега моря, образованные ея лайдой, тянулись далеко къ сѣверу и югу отъ устья рѣки. Чумъ стоялъ на тундрѣ у края долины. Самоѣды наши свернули къ нему. Чумъ принадлежалъ самоѣду Ма́ку изъ рода Окотэтта. Онъ стоялъ на промыслахъ съ небольшимъ числомъ ѣздовыхъ быковъ. „Поговори пока съ хозяиномъ" — сказалъ Е́птома Г. П. Кудрину, исчезая гдѣ-то за чумомъ. Сильно заспанный Маку проявлялъ суетливое и нѣсколько растерянное гостепріимство, но его дѣло было уже проиграно. Тойли и Ептома съ торжествомъ повели насъ къ чуму и завернули снизу нюгу. Три свѣжихъ чумовыхъ шеста были вытесаны изъ связей и носили на концахъ слѣды гвоздей, прикрѣплявшихъ ихъ къ столбамъ знака. Виновный сидѣлъ подавленный. Наши проводники волновались. „Отобрать у него тамгу [1],—они будутъ судиться въ Обдорскѣ. Царскій столбъ стоитъ на землѣ Ямаловъ. На нихъ могло пасть подозрѣніе. Пока что—Маку долженъ найти хорошаго плавнику и вытесать новыя связи" (доски мы прибили ранѣе на мѣсто).

— Зачѣмъ взялъ шесты?—допрашивалъ Тойли.—Ихъ медвѣдь оторвалъ—отвѣчалъ виновный.—Знаю, что медвѣдь; зачѣмъ ты увезъ, а не прибилъ на мѣсто?—У меня гвоздей не было. Тойли насмѣшливо пожалъ плечами.—Переведи начальнику—сказалъ онъ Кудрину:—Маку говоритъ, пришелъ медвѣдь, шесты оторвалъ, а гвозди выдернулъ и съ собой унесъ; вѣрно, хочетъ себѣ на Бѣломъ избу строить.

У устья Ептармы снова видѣлъ я пролетѣвшаго сапсапа и двухъ канюковъ *(Archibuteo lagopus)*. Двѣ стаи большихъ поморниковъ *(Stercorarius pomarinus)* пролетѣли надъ

[1]) Знакъ или мѣтка въ видѣ простого рисунка (напр. ⊤), которымъ мѣтятся олени, вещи, и который вообще служитъ каждому самоѣду вмѣсто подписи.

морскимъ льдомъ вдоль берега съ сѣвера на югъ. Знакъ на лѣвомъ плечѣ устья Ентармы стоялъ въ полномъ порядкѣ, слегка лишь поврежденный вѣтрами. Низкій — „лайдоватый" — берегъ тянется къ югу отъ Ентармы сплошь до устья *Седай*. Южнѣе этой рѣки берегъ моря снова поднимается крутымъ обрывомъ. Издали берега показались мнѣ здѣсь имѣющими высоту не менѣе 20 метровъ. Мы пересѣкли устье и лайду Седай и поднялись въ тундру. Верстахъ въ двухъ на SSO отъ устья рѣки въ тундрѣ находится низкій съ плоской вершиной курганъ Седа. Едва на 3—4 метра поднимается онъ надъ окружающей поверхностью тундры. Онъ нанесенъ на новѣйшихъ морскихъ картахъ, но врядъ ли можетъ быть примѣтенъ съ моря даже лѣтомъ, и привлекаетъ вниманіе лишь самоѣдовъ, привычныхъ къ глади тундръ сѣверныхъ областей Ямала. На курганѣ находится жертвенное мѣсто, очень почитаемое самоѣдами. Невдалекѣ за курганомъ миновали мы чумъ одного изъ сыновей старшины Лангози Яптика и остановились еще южнѣе въ чумѣ другого его сына, съ которымъ должны были ѣхать дальше. Рѣка Пясидай была недалеко. Стояла пасмурная, теплая и тихая погода. Снѣгъ таялъ. Слышны были пѣсни снѣгирей и полярныхъ жаворонковъ. Самоѣды говорили мнѣ, что наканунѣ видѣли черныхъ казарокъ.

Въ ночь на 20 мая пріѣхали мы въ чумы старшины Лангози Яптикъ, стоявшаго на *Пясидай* верстахъ въ 20-ти отъ моря. Старикъ старшина принялъ насъ съ распростертыми объятіями. Его вліянію среди самоѣдовъ, проявленному еще зимой въ Обдорскѣ, когда населеніе Ямала узнало объ отправленіи въ тундры экспедиціи, мы въ значительной мѣрѣ были обязаны тѣмъ неизмѣннымъ доброжелательнымъ отношеніемъ со стороны кочевниковъ, которое встрѣчали всюду. Проведя нѣсколько дней въ чумахъ старшины, я съ неизмѣннымъ удовольствіемъ занимался въ свободное время бесѣдами съ нимъ. Онъ обладалъ въ полной мѣрѣ тѣмъ яснымъ, сдержаннымъ и немного хитрымъ умомъ, которымъ самоѣды вообще выгодно

отличаются отъ обыкновенно болѣе экспансивныхъ и часто безтолковыхъ остяковъ, и былъ человѣкъ бывалый. Онъ понималъ ясно, почему я интересуюсь берегами Карскаго моря, состояніемъ льда зимою и лѣтомъ, устьями рѣкъ и путями черезъ Ямалъ, и разсказывалъ мнѣ объ извѣстныхъ ему попыткахъ плаваній къ берегамъ Ямала. Онъ былъ въ числѣ самоѣдовъ, подавшихъ помощь П. П. Крузенштерну, когда этотъ морякъ, первымъ перешедшій Карское море, послѣ гибели „Ермака" вышелъ съ командой по льду на берегъ Ямала. Въ то же время старшина полагалъ, что онъ сильно помогъ заболѣвшимъ цынгой матросамъ Крузенштерна тѣмъ, что не только давалъ имъ внутрь оленью кровь, но—главное—смазалъ полозья нартъ, на которыхъ они ѣхали, кровью убитой собаки. Цынга, по мнѣнію Лангози, жила около устья Пясидай.

Старшина былъ богатъ. Въ настоящее время вмѣстѣ съ тремя сыновьями, изъ которыхъ двое были отдѣлены, а одинъ жилъ со старикомъ, имѣя, однако, собственный чумъ и свое хозяйство, имѣлъ онъ около 5000 оленей. Два года тому назадъ оленей было до 8000, но въ послѣднее время сильный падежъ отъ копытной болѣзни сократилъ стадо. На Пясидай старшина стоялъ налегкѣ. Бо̀льшая часть его стадъ съ имуществомъ въ зимнихъ нартахъ оставалась ближе къ хребту. Сыновья его выѣзжали промышлять на припай. Нерпъ, по ихъ словамъ, бываетъ здѣсь много. Зайцевъ, моржей и медвѣдей удается бить рѣдко.

Два теплыхъ дня окончательно оживили тундру. Переѣзжая широкую — версты въ 3—4 — лайду Пясидай, видѣлъ я въ первый разъ на выступившей изъ-подъ снѣга лужѣ черныхъ казарокъ и чаекъ *(Larus affinis)*; все больше поморниковъ *(Stercorarius pomarinus)* показывалось въ тундрѣ. 20-го собирались мы ѣхать въ море, но поднялся вѣтеръ, и пошелъ мокрый снѣгъ. Я отложилъ поѣздку и занялся охотой. Русло Пясидай было недалеко отъ чумовъ. Вода въ неширокомъ руслѣ текла подъ толстымъ снѣговымъ мостомъ. Но въ одномъ

мѣстѣ снѣгъ, вѣроятно, обрушился уже ранѣе, и на нѣкоторомъ пространствѣ вода была открыта, окруженная обтаявшими площадями песковъ и топкой лайды. Кругомъ всюду лежалъ еще снѣгъ. Немногія появившіяся уже водяныя птицы держались у свободной воды. Послѣ трудной охоты подъ снѣгомъ и дождемъ убилъ я трехъ бѣлолобыхъ гусей (*Anser albifrons*), морянку-самца и чернозобика изъ маленькой стайки. Видѣлъ также ржанокъ (*Sq. helvetica*), зуйка, маленькаго песочника — вѣроятно, *Tringa temmincki* — и лебедя (*Cygnus bewicki*).

21 мая выѣхали мы на четырехъ нартахъ къ морю, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Нясидай. Дорога была уже довольно трудна, — снѣгъ сдѣлался рыхлымъ. Въ ложбинахъ стояла вода. Но ближе къ берегу моря весна была меньше замѣтна. Близъ устья Нясидай посѣтили мы жертвенное мѣсто рода Яптиковъ. Вмѣстѣ со многими деревянными идолами обычнаго типа были здѣсь двѣ вырѣзанныя изъ дерева фигуры, изъ которыхъ одна грубо изображала медвѣдя, другая—что-то вродѣ русалки съ человѣческой головой и хвостомъ. При пасмурной и тихой погодѣ двинулись мы черезъ припай къ открытому морю. Небольшіе торосы усѣивали мѣстами гладкую поверхность льда, но между ними безъ труда можно было выбирать дорогу. Нѣсколько разъ видѣли дорогой тюленей. Звѣри лежали на снѣгу поодиночкѣ около небольшихъ отверстій, похожихъ на норы, которыя они продѣлываютъ („продуваютъ", по словамъ промышленниковъ) во льду, вѣроятно, тогда, когда ледъ на полыньяхъ еще тонокъ. Звѣри держались сторожко. Два раза пробовалъ я подползти съ доской на выстрѣлъ къ тюленю и оба раза спугнулъ звѣрей, которые — потревоженные—бросаются внизъ головой въ свою ледяную нору и уходятъ подъ ледъ. Самоѣды, которые удивлялись моей способности стрѣлять птицъ въ летъ (они стрѣляютъ только пулей и при этомъ всегда кладутъ винтовку на нарту или цѣлятъ лежа), кажется, были довольны моей неудачей и весело ска-

лили зубы, показывая, что я задѣвалъ краями доски за мелкіе торосы, и объясняя, что тюлень принимаетъ такой шумъ за шорохъ подползающаго медвѣдя. Черезъ день, когда задулъ буранъ, они сказали мнѣ, впрочемъ, что и ихъ искусство подкрадываться съ доской, вѣроятно, не помогло бы промыслить тюленя во время нашей поѣздки: передъ дурной погодой звѣрь лежитъ не крѣпко и, едва чѣмъ-нибудь потревоженный, сейчасъ же уходитъ подъ ледъ.

Ледъ припая былъ сплошной. Въ одномъ мѣстѣ только олени нашихъ упряжекъ перескочили неширокую трещину. Въ непосредственной близости къ открытой водѣ трещины были многочисленнѣе. Мы ѣхали не по прямому направленію, и точный подсчетъ пути былъ довольно труденъ. По приблизительному опредѣленію ширина припая была верстъ 12—13. По краю открытаго моря тянулся валъ изъ нагроможденныхъ льдинъ метра въ 2—3 вышиною. Самоѣды говорили мнѣ, что въ послѣднія три зимы припай былъ приблизительно такой же ширины и держался такъ до лѣта. Только наружныя полосы его иногда отрываетъ. За предѣлами припая ледъ то надвигаетъ, то относитъ, такъ что и глубокой зимой море — случается—подолгу стоитъ свободное отъ льда. Во второй половинѣ лѣта и осенью льда у береговъ обыкновенно не видятъ. Сѣвернѣе того мѣста, гдѣ мы стояли, приблизительно противъ устья Седай, хорошо былъ видѣнъ въ бинокль выступъ льда, шедшій въ море. Тамъ припай былъ нѣсколько шире. Съ края льда видно было, что льдины образовали сильно выдающуюся надъ водой подошву. Толщину льда опредѣлить было трудно,— мнѣ кажется, что она во всякомъ случаѣ была значительно менѣе сажени,—приблизительно фута четыре. Температура воды на поверхности была —0,6°, на глубинѣ 5 метровъ —1°, на глубинѣ 12 метровъ —1,4°, на глубинѣ 25 метровъ —1,4°.

Большія стада гагъ *(Somateria spectabilis)* держались на морѣ вдоль припая. Я застрѣлилъ двухъ птицъ, которыхъ достали съ помощью бывшей съ нами легкой колыданной лодки:

самоѣды съ большой ловкостью спустили ее съ довольно высокаго края льда. Видѣли также одну нерпу.

22-го собирались мы съ Кудринымъ тронуться далѣе. Но передъ вечеромъ задулъ крѣпкій NO, перешедшій въ снѣжный штормъ. Я легъ спать въ палаткѣ, но скоро напоромъ вѣтра ее сорвало съ одной стороны. Мнѣ лѣнь было вставать, и я надѣялся отлежаться. Сквозь сонъ слышалъ я послѣ, какъ самоѣды, пришедшіе меня провѣдать, со смѣхомъ крѣпили палатку. Когда я проснулся утромъ, я лежалъ точно на толстомъ тюфякѣ. Силою вѣтра постепенно подбивало снѣгъ подъ нижнее полотнище палатки, сдѣланной въ видѣ мѣшка, застегивавшагося съ одной стороны, такъ что меня приподняло чуть не къ крышѣ. Застегивавшіеся края палатки обмерзли, разошлись, и внутрь также набило снѣгу. Мнѣ пришлось бросить культурное изобрѣтеніе и бѣжать въ чумъ, лучше приспособленный къ такой погодѣ.

Вѣтеръ дулъ съ неизмѣнной силой двое сутокъ при температурѣ въ 0°, потомъ въ — 1°. 24-го стало теплѣе, вѣтеръ перешелъ постепенно на W и къ вечеру стихъ. Мы распростились со старикомъ, напутствовавшимъ насъ различными совѣтами. До рѣки Харасовай (у сѣвернаго края Шараповыхъ кошекъ) мѣста стоянокъ чумовъ были извѣстны. Старшина предлагалъ намъ провизіи, которой было у насъ немного; но мы ограничились двумя бѣлыми хлѣбами, разсчитывая скоро достичь Морды и или застать тамъ нашихъ, или же—еще по снѣгу—поспѣшно проѣхать по правому берегу Морды къ озерамъ Нейте. Будущее показало, что намъ предстоялъ еще длинный и трудный путь.

Мы разстались съ Лангози пріятелями, обмѣнявшись подарками. Я поднесъ ему также бронзовую медаль Общества акклиматизаціи, какъ одному изъ крупнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ въ краѣ оленеводовъ.

Путь къ югу становился труднымъ. И ночами перестало подмораживать, снѣгъ таялъ, черезъ ложбины и ручьи можно

было перебираться только благодаря исключительнымъ на такой случай способностямъ оленей. Ближе къ берегамъ Карскаго моря, однако, снѣга были менѣе тронуты, и почти не было проталинъ. Мы переходили постепенно рядъ рѣчекъ, направляясь къ устью *Салты-яга* („Салтанцю" морскихъ картъ) и пересѣкли потомъ обширныя отмели, окружающія устья *Тіуте* („Моржовка" карты Иванова и морскихъ картъ) и *Сэръ-яга*. Нѣсколько чумовъ бѣдныхъ промышленниковъ стояли въ различныхъ мѣстахъ на побережьѣ и въ тундрѣ въ небольшомъ разстояніи отъ моря. Въ одномъ чумѣ мы застали изготовленіе для трапезы свѣже-убитаго тюленя. Мясо поспѣшно спрятали. Послѣ хозяева говорили Кудрину, что они не были увѣрены, разрѣшитъ ли *ерва* (начальникъ) ѣсть тюленину.

Къ югу отъ мыса Моржоваго (Тіуте), гдѣ находится жертвенное мѣсто съ черепами моржей и бѣлыхъ медвѣдей, морскіе берега снова сильно повышаются. Верстахъ въ трехъ западнѣе Моржоваго (здѣсь останавливались мы въ промысловомъ чуму) высота берега была 12 метровъ. Берегъ здѣсь спускается къ морю задернованными буграми. Южнѣе тянутся крутые обрывы, поднимающіеся на 16, 20 и даже въ одномъ мѣстѣ—по глазомѣрному опредѣленію—не менѣе, чѣмъ на 25 метровъ. Мохноногіе канюки и сапсаны гнѣздятся кое-гдѣ по этимъ обрывамъ. Но пролетныхъ птицъ по берегу моря не было еще видно, и вообще въ этихъ мѣстахъ мало замѣтно еще было начало весны. Нѣсколько чумовъ, стоявшихъ на самыхъ берегахъ моря, только передъ послѣднимъ бураномъ подошли сюда изъ глубины тундры и едва начали охоту. Промышленники говорили мнѣ, что припай въ этомъ мѣстѣ имѣлъ приблизительно такое же протяженіе, какъ и сѣвернѣе. Два изъ чумовъ принадлежали самоѣдамъ изъ рода Яптикъ, одинъ — самоѣду изъ Лаптандеровъ, выходцу изъ Большеземельской тундры.

Съ истощенными запасами подходили мы съ Кудринымъ къ рѣкѣ *Харасовай*, т. е. къ сѣверному концу Шараповыхъ кошекъ. Г. П. Кудринъ разсказывалъ мнѣ о томъ, что въ

Обдорскѣ уже наступила весна, и описывалъ роскошь расцвѣтающей Обдорской природы. Все, что онъ говорилъ, было вѣрно. Но намъ трудно было представить себѣ, что гдѣ-нибудь — хотя бы и южнѣе Обдорска — люди ходятъ подъ зелеными деревьями и дышать воздухомъ теплыхъ ночей. Свѣжіе вѣтра несли съ Карскаго моря туманы и мокрыя метели. Справа отъ насъ уходили изъ глазъ ледяныя поля моря, слѣва тянулась такая же однообразная снѣжная поверхность тундры. Не вдаваясь въ описаніе фауны нашихъ малицъ, я могу сказать только, что мы были чрезвычайно грязны. Оставалось немного кирпичнаго чаю, бульона, сухарей и махорки. Былъ запасъ патроновъ для ружей и винтовки; но не было гусей, да и другія птицы въ послѣдніе дни исчезли.

На мысѣ Харасовай астрономическій знакъ экспедиціи Ф. К. Дриженко, сдѣланный изъ слабаго лѣса, лежалъ на боку. Мы возстановили его, насколько это было возможно. Самоѣды обѣщали мнѣ скрѣпить его плавниковымъ лѣсомъ. Близъ устья Харасовай стояли два промысловыхъ чума съ небольшимъ числомъ оленей и почти безъ запасовъ. Полученныя нами здѣсь свѣдѣнія о дальнѣйшемъ пути были не вполнѣ благопріятны. По берегу вдоль Шараповыхъ кошекъ до устья Морды чумовъ не было. О томъ, есть ли гдѣ-нибудь чумы „въ горѣ", по правой сторонѣ долины Морды, самоѣды ничего не знали. Южнѣе Морды по берегу самоѣды промышляли несомнѣнно. Намъ слѣдовало постараться спуститься къ югу за устье Морды, тѣмъ болѣе, что было вѣроятно, что Введенскій и Филатовъ, двигаясь отъ озеръ Нёйте къ устью Морды, естественно должны были постараться заблаговременно до ростепели переправить тяжести на южный берегъ широкой трудно-проходимой весной долины.

Молодые самоѣды Аницъ Вануйта и Мюмди Окотэтта съ 24-мя оленями согласились итти съ нами до Морды. Мы тронулись на пяти нартахъ, изъ которыхъ одна шла подъ собранными коллекціями; нѣсколько заводныхъ оленей привя-

заны были къ задней нартѣ. Вечеромъ 27 мая пересѣкли мы отмели между линіей Шараповыхъ кошекъ и материкомъ. Пространство это, теперь покрытое льдомъ и снѣгомъ, по словамъ самоѣдовъ, заполнено частью песчаными отмелями, частью вязкимъ иломъ и площадями воды въ 1—1½ аршина глубиною. Вышли на берегъ верстахъ въ 10 восточнѣе мыса *Нэры-сале*. На склонахъ низкаго берега обнажились небольшія площади проталинъ, на которыхъ мы кормили оленей. Кругомъ всюду лежалъ снѣгъ. На проталинахъ, гдѣ стояли мы вечеромъ, кишѣли въ громадномъ количествѣ лемминги (*Myodes obensis*). Они шныряли всюду подъ ногами, залѣзали на нарты и въ палатку и, находясь, вѣроятно, въ состояніи полового возбужденія, съ яростью бросались на ноги людей, на пасшихся оленей, визжали, лаяли и дрались между собою. Всюду потомъ видѣлъ я ихъ въ громадномъ количествѣ до рѣки Морды. Южнѣе стало ихъ гораздо меньше. Бывшая съ нами собака скоро начала откусывать у этихъ мышей только головы, потомъ перестала обращать на нихъ вниманіе и лѣниво прикусывала только тѣхъ, которыя на нее бросались. Олени также не упускали случая схватить и съѣсть лемминга. Смѣшно было глядѣть, какъ маленькіе звѣрки, скрывавшіеся въ ходахъ между кочками тундры, выскакивали съ визгливымъ лаемъ или стрекотаньемъ и яростно бросались на сапоги проходящаго человѣка. Мы принуждены были избивать ихъ въ большемъ количествѣ, чтобы немного очистить мѣсто около палатки и артельнаго котла.

На утро пошли мы поперекъ низкаго полуострова, вдающагося въ отмелыя пространства моря, оставивъ къ западу отъ курса мысъ Уэнъ-ганъ. Низкая тундра стелется здѣсь ровной поверхностью; берега ея поднимаются едва ли выше 1—1½ метровъ надъ уровнемъ воды. При слабомъ W довольно сильно таяло; изрѣдка шелъ мокрый снѣгъ. Передовыя стада гусей неслись намъ на встрѣчу. Нѣсколько стай гагъ пролетѣли со стороны моря вглубь тундры. Опять показались

Берегъ Обской губы около устья Сё-яга (Зелёной).

Жертвенное мѣсто близъ мыса Хаенъ (Ямалъ-хэ).

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ и Ко, МОСКВА

поморники, нѣсколько крачекъ, и въ первый разъ встрѣчены въ значительномъ числѣ лапландскіе подорожники (*Calcarias lapponicus*).

Въ глубинѣ тундры нѣсколько разъ встрѣчали мы оленей. Одно стадо достигало численностью приблизительно 100 головъ. На этихъ низменностяхъ, почти лишенныхъ ягеля, домашнихъ оленей не пасутъ. Шарановы кошки, далеко оттородившія море, дѣлаютъ неудобнымъ и промыселъ на тюленей. Большое пространство тундры кругомъ всегда пустынно, и дикіе олени пасутся здѣсь на свободѣ, тревожимые менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Нѣсколько разъ пытались мы приблизиться къ оленямъ на выстрѣлъ въ гладкой тундрѣ. Наконецъ, одинъ изъ самоѣдовъ, воспользовавшись маленькимъ овражкомъ, подползъ съ доской и убилъ оленя. Но добрый старикъ Илибёмъ-Бэрти, который пасетъ стада дикихъ оленей въ равнинахъ Ямала и посылаетъ каждому самоѣду извѣстное число ихъ въ зависимости отъ его благочестія, на этотъ разъ пригналъ самоѣдскую пулю въ бокъ старой важенкѣ, носившей уже очень слабые рога и къ тому же стельной на сносяхъ. Немедленно организованный опытъ убѣдилъ насъ въ томъ, что въ гастрономическомъ отношеніи она представляла мало интереса. Заряды самоѣдовъ обыкновенно не тратятся на птицъ. Поэтому мнѣ приходилось часами лежать на грязи проталинъ, карауля гусей, которые садились кормиться на обнажившіяся отъ снѣга площади тундры. Прокормленіе самоѣдовъ и теперь и позже облегчалось еще тѣмъ, что они вполнѣ охотно ѣдятъ полярныхъ совъ, канюковъ и поморниковъ, вообще все, кромѣ чаекъ (*халеу*), которыхъ не употребляютъ въ пищу изъ какихъ-то религіозныхъ соображеній. Бывшіе съ нами запасные домашніе олени были всѣ на счету на случай какихъ-либо затрудненій въ пути и для смѣны устававшихъ.

Вечеромъ 28-го стояли мы на низкомъ берегу моря между мысомъ Уэнь-гань и устьемъ рѣки *Мóнгоотты*, ближе къ послѣднему. Въ ночь на 29 прямикомъ по льду достигли береговъ

верстахъ въ 4-хъ южнѣе устья *Нади-яха* („Надаты" карты Иванова). Идя черезъ заливъ перешли щель и оленьимъ шестомъ достали дно на глубинѣ одной сажени. Берега у мѣста нашей стоянки достигали высоты 20—25 метровъ. Высокіе обрывистые берега тянулись и далѣе къ югу и назадъ вдоль пройденнаго пути къ сѣверу до крутого поворота берега къ мысу Уэнъ-ганъ.

Отъ мѣста стоянки нашей на высокомъ берегу тундра поднималась вытянутыми параллельно линіи берега холмами, такъ что гребень, тянувшійся по горизонту, на глазъ былъ выше мѣста нашего лагеря еще метровъ на 20. Внизу подъ обрывомъ берега на нѣкоторое пространство тянулась болотистая низменность (лайда), —результатъ отложеній крутобереrаго ручья, прорвавшагося сквозь холмы къ морю. Весна здѣсь была замѣтнѣе. Ручей игралъ, затопивъ уже часть низменности; вершины и частью и южные склоны холмовъ были обнажены отъ снѣга. Порядочная, но еще мелкая *заберега* (вода поверхъ льда), которую безъ труда перешли мы вбродъ, покрывала прибрежную полосу морского льда. Пролетныя птицы кишѣли на низкой лайдѣ. Гуси частью останавливались кормиться пролетными стаями, частью держались парами. Попадались стайки турухтановъ и чернозобиковъ и пары зуйковъ (*Aegialitis hiaticula*), морскихъ песочниковъ и *Tringa temminkii*. Пролетали авлейки (*Harelda glacialis*), полярныя чайки, хохотуньи (*L. affinis*) и поморники. Изъ воробьиныхъ птицъ въ первый разъ увидѣлъ я здѣсь чекановъ. Несомнѣнно, потокъ пролетныхъ птицъ двигался къ сѣверу вдоль берега полуострова.

30-го послѣ длиннаго пути льдомъ достигли мы мыса *Ясале*, ограничивающаго съ сѣвера устье Морды. Подъ названіемъ этимъ („Земляной мысъ") самоѣды разумѣютъ собственно довольно значительную линію низкаго здѣсь берега, большая часть толщи котораго сверху состоитъ изъ мощныхъ торфяныхъ слоевъ чернаго цвѣта. Я занялся было по обык-

новенію охотой, но самоѣды торопили меня. Съ края берега, гдѣ начинался заливъ, они долго изслѣдовали въ мой бинокль даль за заливомъ. Опасенія ихъ были понятны. Широкое морское устье Морды, почти отъ Ясале до мыса *Порнэ-сале* (мысъ Морды морскихъ картъ), было потоплено водой, которую выносила рѣка. Громадное пространство воды расло у насъ на глазахъ, разливаясь все далѣе по морскому льду. Мы тронулись въ путь, почти не успѣвъ подкормить оленей. Пришлось уйти далеко въ море, чтобы обойти воду, выливавшуюся изъ устья. Но когда мы снова приблизились къ берегу нѣсколько южнѣе мыса Порнэ-сале, мы увидѣли, что и здѣсь выходъ на берегъ будетъ не легокъ. Прибрежные ручьи, вѣроятно, уже нѣсколько дней выливали воду на морской ледъ, и заберега разлилась широко, затопивъ ледъ версты на четыре отъ берега и ровной полосой уходила изъ глазъ на югъ. Уже вблизи насъ льдины были сломаны и безпорядочно подняты водой. При движеніи нашемъ черезъ заберегу оказалось, однако, что сломанъ верхній слой льда. Льдины приблизительно въ полтора-два фута толщиною плавали на поверхности воды, которая стояла поверхъ плотнаго нижняго слоя льда [1]). Глубина воды гдѣ достигала приблизительно по поясъ человѣку, гдѣ была нѣсколько глубже или мельче. Однѣ поднятыя водой льдины образовали цѣлыя маленькія поля въ десятки саженъ діаметромъ; въ другихъ мѣстахъ ледъ былъ измельченъ.

Мы сдѣлали попытку пройти прямикомъ къ берегу, но скоро должны были остановиться. Олени наши и безъ того были вымучены. Мелкія льдины перевертывались подъ тяжестью упряжекъ, и животныя падали въ воду. Съ величайшимъ трудомъ приходилось вытаскивать нарты на льдины. Раздвигать

---

[1]) О такомъ распадѣ морского льда на горизонтальные слои (можетъ быть, вслѣдствіе самыхъ условій намерзанія) упоминаетъ между прочимъ Врангель: „примѣчательно, что ледъ распластался здѣсь по своей толщинѣ на нѣсколько параллельныхъ между собою слоевъ, каждый въ $^{3}/_{4}$ арш. толщиною“ (Путешествіе, прибавленія, стр. 5).

ледъ, чтобы итти прямо водой, тоже не удавалось. Все было мокро, берегли только спички, патроны и запасной порохъ. Разстояніе до берега, несмотря на усилія людей и животныхъ, почти не убавлялось. Силы животныхъ падали,—въ водѣ приходилось мѣнять оленей.

Послѣ долгихъ усилій выбрались мы на большую льдину. Цѣпь такихъ льдинъ тянулась къ югу. Положеніе наше осложнялось еще тѣмъ, что невдалекѣ сзади насъ, у мыса Порнэсале надъ заливомъ и устьемъ Морды, висѣла и клубилась непроницаемая завѣса тумана. Каждую минуту туманъ могъ покрыть насъ и лишить возможности выбирать наиболѣе удобный путь. Пройдя версты 4 къ югу, увидѣли мы избавленіе. Нѣсколько большихъ льдинъ стояли цѣпью по направленію къ берегу. Перебираясь съ одной на другую приблизились мы въ концѣ концовъ на разстояніе 100 саженъ къ землѣ. Отъ береговаго обрыва шелъ покрытый снѣгомъ песокъ и твердый ледъ: ближе къ намъ—саженъ въ пятьдесятъ шириною—тянулось пространство забереги. Вода стояла, какъ широкая рѣка, небольшой вѣтеръ гналъ по ней волны, и невозможно было рѣшить, глубока ли вода, и стоитъ ли она поверхъ льда, или ледъ сломанъ. Самоѣды отстегнули заводныхъ оленей и погнали ихъ впередъ. Привлекаемыя видомъ проталинъ на береговыхъ холмахъ, голодныя животныя пошли въ воду. Легкій туманъ стоялъ надъ водой и льдомъ. Животныя удалялись онъ насъ, и вода, казалось мнѣ, покрывала уже ихъ спины.—Плывутъ?—спросилъ Кудринъ. „Идутъ"—отвѣтили самоѣды. Черезъ нѣсколько минутъ мы были на берегу.

Узкая лощина съ крутыми берегами, въ которой мы пріютились, защищала насъ нѣсколько отъ вѣтра. Но тщетно искали мы тальника или березки, чтобы развести огонь и обсушиться. Плавника тоже не удалось найти нигдѣ на берегу. Его вообще мало по берегамъ Карскаго моря. Пришлось пожертвовать одной нартой на топливо. Съ нами былъ гусь въ запасѣ, и тутъ же вблизи лагеря удалось мнѣ немедленно

застрѣлить полярную сову и двухъ поморниковъ. Мы улеглись спать отдохнувшіе и сытые.

Вечеромъ на слѣдующій день отправилъ я одного изъ самоѣдовъ объѣхать окрестности и поискать чумъ. Мы стояли на мѣстѣ цѣлый день, и я имѣлъ возможность обойти тундру вокругъ лагеря. Лагерь былъ разбитъ въ узкой и довольно глубокой лощинѣ, по дну которой текъ въ море маленькій только что вскрывшійся ручей. Обращенные на сѣверъ склоны лощины покрыты были мощными снѣговыми забоями, склонъ же, обращенный на югъ, былъ уже обнаженъ отъ снѣга, и по нему кое-гдѣ едва-едва начинала зеленѣть трава.

Берега моря близъ мѣста нашей стоянки на сѣверъ къ мысу Порнэ-сале, ограничивающему устье Морды, и на югъ, насколько было видно, поднимались крутыми обрывами, вышиною до 15 и 20 метровъ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ, вѣроятно, до 25 метровъ или выше. Небольшіе ручьи прорываютъ мѣстами эти берега, образуя узкія лощины. Тундра кругомъ была крайне однообразна и лишена ивовыхъ зарослей. На ровныхъ мѣстахъ снѣгу было еще много, но кое-гдѣ тянулись большія проталины, на которыхъ кипѣла птичья жизнь. Нигдѣ нельзя такъ удобно и просто наблюдать птицъ, какъ весной въ тундрѣ. Вся жизнь животныхъ здѣсь на виду. Почти ко всѣмъ формамъ — къ однимъ прямо, къ другимъ изъ-за случайнаго прикрытія — изъ-за кургана или берега овражка — удается приблизиться на такое разстояніе, чтобы съ помощью бинокля, а иногда и простыми глазами видѣть птицу какъ на ладони. Гнѣзда строятся почти открыто; столкновенія между птицами, преслѣдованіе самокъ самцами, тока и иныя явленія, сопутствующія размноженію, удается видѣть на каждомъ шагу.

Лемминговъ было меньше, чѣмъ къ сѣверу отъ Морды, но все же они встрѣчались еще на каждомъ шагу. Гуси-гуменники и бѣлолобыя казарки частью пролетали еще стаями къ сѣверу, частью держались парами. У двухъ нашелъ я въ

яйцеводахъ совсѣмъ готовыя, лишь не покрытыя еще скорлупою яйца. У другихъ же, убитыхъ изъ пролетныхъ стай, яйца въ яичникахъ едва начинали развиваться. Большіе поморники отводили уже отъ снесенныхъ яицъ. У пары канюковъ, гнѣздившихся на береговомъ обрывѣ, яйца были сильно насижены, точно также и у бѣлыхъ совъ. Въ небольшой встрѣченной здѣсь стайкѣ глупыхъ ржанокъ *(Eudromias morinellus)* самцы токовали, со свистомъ бѣгая по тундрѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я близъ этой стоянки пролетѣвшую одинокую шилохвостку; пары чекановъ, бѣлыхъ трясогузокъ и нѣсколько паръ снѣжныхъ подорожниковъ гнѣздились по глинистымъ обрывамъ у моря. Красиво-окрашенные самцы подорожниковъ („снѣгирей") пѣли, взлетая косо кверху и садясь потомъ на снѣжные забои и гребни обрывовъ. На этой же стоянкѣ въ теченіе приблизительно однихъ или полутора сутокъ видѣлъ я валовой пролетъ турпановъ (вѣроятно, *Oidemia nigra*). Стада этихъ птицъ съ каркающимъ крикомъ и шумомъ крыльевъ проносились на сѣверъ низко надъ широко-разлившейся заберегой въ разстояніи 80—100 саженъ отъ берега. Стая за стаей летѣли въ теченіе дня 31-го мая; немногія сравнительно стада пролетѣли 30-го вечеромъ и утромъ 1-го іюня. Кругомъ въ тундрѣ и южнѣе во все время пути мы этихъ птицъ не встрѣчали. Вѣроятно, онѣ пролетаютъ береговымъ путемъ въ Енисейскія тундры. Куропатокъ вблизи стоянки нигдѣ не было. Во время дальнѣйшаго пути, всего верстахъ въ десяти-пятнадцати южнѣе и нѣсколько прочь отъ моря, гдѣ были заросли ивъ, видѣлъ я много токующихъ самцовъ въ весеннемъ нарядѣ — бѣлыхъ съ перелинявшими темными шеями. Самки тутъ уже почти вполнѣ перелиняли на лѣтній нарядъ.

Днемъ 31-го сильно таяло, но ночью температура опустилась до -1°. Утромъ прибылъ нашъ самоѣдъ, нашедшій чумъ южнѣе мѣста нашей стоянки, вблизи устья небольшой рѣчки *Мóиотты*, впадающей въ море тамъ, гдѣ морской берегъ дѣлаетъ небольшой крутой выступъ къ западу. Самоѣдъ Сейлома

Окотэтта стоялъ верстахъ въ 5 отъ моря съ быками на промыслахъ. Здѣсь промышляли тюленей, гусей и ловили силками гагъ.

2 іюня былъ первый лѣтній день. Термометръ въ часъ дня показывалъ $+17^\circ$ C. Погода была тихая и ясная. Снѣгъ быстро исчезалъ. Начинала зеленѣть трава, на припёкѣ распустились первые цвѣты, и начинали разбиваться листочки на ивахъ. Показались шмели и мухи. Мертвая тишина въ тундрѣ нарушалась только гомономъ птицъ. Моготта была въ полномъ разливѣ, и долина ея въ версту шириною на большей части протяженія покрыта водой. Однако текущая по ровной тундрѣ небольшая рѣчка, не связанная съ большими озерами, не была такъ богата водой, какъ болѣе значительныя рѣки Ямала въ это время. Двадцатисаженное русло рѣки было переполнено, и вода выливалась на болота долины, но во многихъ мѣстахъ разлива можно было ходить въ болотныхъ сапогахъ. Гуси и казарки держались парами, и самоѣды въ чуму уже угощали насъ свѣжими гусиными яйцами. Гаги двухъ породъ (*Somateria spectabilis* и *S. stelleri*), также парами, плавали на разливахъ. Самцы гонялись за самками и дрались съ приближавшимися самцами изъ другихъ паръ. Вой гагаръ и крики авлеекъ слышались со всѣхъ сторонъ. Стайки турухтановъ и песочниковъ перелетали по отмелямъ.

Вечеромъ перешли мы внутрь тундры къ верховьямъ Моготты, сѣвернѣе которыхъ стоялъ второй чумъ Сейломы со стадомъ въ 400 оленей. Дорогой нашли гнѣздо гуменника съ пятью еще не насиженными яйцами. Самка сидѣла на гнѣздѣ, самецъ лежалъ рядомъ съ ней около гнѣзда. Нѣсколько разъ видѣлъ я во время пути небольшія станицы гагъ-самцовъ. Вѣроятно, гаги только еще начинали разбиваться на пары.

Нашихъ дѣльныхъ и мужественныхъ молодыхъ проводниковъ на длинномъ пути отъ Харасовай до Морды отпустилъ я съ устья Моготты. Мнѣ удалось достать для нихъ небольшую лодку, чтобы дать имъ возможность переправиться черезъ

Морды. Теперь насъ передавали отъ чума до чума. О мѣстѣ нахожденія нашихъ спутниковъ съ караваномъ здѣшніе самоѣды ничего не знали. Припасы наши окончательно истощились. Кудринъ полагалъ однако, что мы можемъ, если пожелаемъ, идти и прямо въ Обдорскъ, а то и въ Усть-Цыльму, Архангельскъ, Петербургъ... По свѣдѣніямъ, которыя онъ имѣлъ, гдѣ-то недалеко въ тундрѣ должны были стоять Хоролй, у которыхъ можно было достать всё, что угодно, не исключая соли, пороху и водки. Хоролями назывались племянники богатаго старшины Хартю Хоролá, которые кочевали съ громадными стадами гдѣ-то въ верховьяхъ Нябы. Въ надеждѣ на Хоролей тронулись мы въ путь, склоняясь къ юго-востоку, и достигли обширныхъ болотъ, окружающихъ большое озеро *Томбой*. Среди низкихъ болотистыхъ лайдъ поднимаются здѣсь отдѣльные гребни и острова высокой тундры, метровъ до 6—12 высотою. Берега обширнаго озера также во многихъ мѣстахъ обрывисты и достигаютъ высоты 10—12 метровъ. Переправы черезъ глубокіе протоки между озерами дѣлали путь медленнымъ и труднымъ. Вторую половину ночи и день 4 іюня провели мы среди болотъ у озера *Сяу-то*, воды котораго черезъ узкій протокъ выливаются въ Томбой. Множество водяныхъ птицъ (среди нихъ и утки-шилохвостки) держалось здѣсь на озерахъ; стада турухтановъ собирались на многочисленныхъ токовищахъ, которыми служили утоптанныя птицами большія кочки, поднимавшіяся мѣстами нѣсколько надъ поверхностью мокрой, частью затопленной водою лайды. Снѣгъ почти весь согнало, онъ лежалъ только плотными забоями по оврагамъ и склонамъ холмовъ. Озера покрыты были еще льдомъ, только забереги широко окаймляли берега. Быстро показывались трава и цвѣты, появились жуки и много мухъ, и первые комары пробовали свои еще слабыя силы, заставляя насъ помышлять о будущихъ испытаніяхъ. Мы сварили себѣ по обыкновенію супъ изъ гусей. „Конецъ хлѣбу"—сказалъ Г. И. Кудринъ, разламывая черствую краюшку.—Скоро конецъ патронамъ—

отвѣтилъ я. „И спичекъ мало — сказалъ онъ равнодушно: „Вотъ доѣдемъ до Хоролей, всего будетъ вдоволь. Старшина-то даже варенье беретъ въ Обдорскѣ. Поѣдимъ“.

Днемъ 4 іюня нѣсколько разъ шелъ теплый дождь, и слышно было два отдаленныхъ удара грома. О Хороляхъ не было никакихъ извѣстій. Напрасно наши самоѣды взбирались на вершины гребней, пронизывая своими всевидящими глазами обширный горизонтъ тундры. Ничего интереснаго не было видно. Въ ночь на 5-е обогнули мы юго-восточный уголъ озера Томбой, ледяная равнина котораго разстилалась къ западу отъ нашего пути, и повернули почти на югъ, идя по волнистой пересѣченной тундрѣ. Среди довольно высокихъ уваловъ остановились дать отдохнуть оленямъ. Одинъ изъ самоѣдовъ взобрался на вершину холма. Я взошелъ за нимъ. Нѣсколько минутъ вглядывался онъ въ линію однообразно тянувшихся и синѣвшихъ вдали на югѣ гребней. — Что смотришь?—спросилъ я, тщетно попытавшись найти что-нибудь съ помощью бинокля.—Оленей видно... *хунто, хунто* (далеко).— отвѣтилъ онъ равнодушно и пошелъ назадъ къ партѣ. Къ утру прибыли мы въ чумъ одного изъ Хоролей.

Младшій Хороля́ вмѣстѣ со своимъ братомъ Сэру, чумъ котораго стоялъ далѣе къ юго-востоку на рѣчкѣ Хэй-яга, текущей въ Морды, владѣлъ стадомъ въ 4.000 головъ оленей. Мы были приняты съ большимъ почетомъ. Въ чумѣ сервировали чай съ сахаромъ, масломъ и бѣлымъ хлѣбомъ.—Гдѣ варенье?—спрашивалъ я Кудрина.—„То у старика, у старшины. Доѣдемъ и до варенья, погодите“. Нѣсколько южнѣе чума, по словамъ самоѣдовъ, находились верховья рѣки *Нябы* (на морскихъ картахъ рѣка эта съ карты Иванова ошибочно называется Няды: „Нябы“ значитъ „утка“). Дальнѣйшій путь къ юго-востоку шелъ по сухой сильно всхолмленной тундрѣ. Небольшія озера, мѣстами видпѣвшіяся въ низинахъ между холмами, вѣроятно, пересыхаютъ лѣтомъ. Чумъ Сэру Хороля, гдѣ простояли мы день 6 іюня, также расположенъ былъ

въ сильно пересѣченной мѣстности. По глазомѣрнымъ и анероиднымъ опредѣленіямъ разница высотъ между вершинами холмовъ и впадинами между ними, часто болотистыми, достигала 15—20 метровъ. Склоны холмовъ мѣстами имѣли наклонъ въ 45°—50°, мѣстами образовали отвѣсные обрывы. Молодой Хороля жилъ въ чумѣ съ женой-остячкой и семейнымъ работникомъ-остякомъ, который обсамоѣдился и говорилъ только по самоѣдски. Въ чумѣ замѣтенъ былъ большой достатокъ. По случаю нашего пріѣзда пекли даже оладьи изъ пшеничной муки съ масломъ и гусиными яйцами.

Въ ночь на шестое стоялъ густой туманъ, настолько сильный, что въ разстояніи 50 шаговъ едва видны были очертанія чума. Къ 10 часамъ утра туманъ исчезъ. Передъ вечеромъ переправились мы въ колыданной лодкѣ черезъ *Хэй-яга*, миновали послѣ продолжительнаго пути высокой тундрой небольшое озеро Томбой, южные берега котораго высоки и обрывисты, и изъ котораго небольшой протокъ идетъ въ Морды, и прибыли къ чуму богатаго самоѣда Казы изъ рода Ламду. Озеро Томбой, имѣющее версты 3 въ діаметрѣ, по словамъ самоѣдовъ, рыбное: въ немъ промышляютъ сырка, щокура и пыжьяна. Вблизи него шли мы большими пространствами ивовыхъ зарослей, поднимавшихся выше спины оленей (ранѣе отъ Карскаго моря встрѣчали мы кусты не выше одного аршина, обыкновенно ниже). Четверки сильныхъ быковъ съ трудомъ проломали дорогу черезъ густыя заросли. Самоѣдъ Казы, принадлежащій къ самоѣдскому роду Ламду, насчитывающему мало представителей, имѣлъ около 1.000 оленей. Сынъ его, очень бойкій мальчикъ 10 лѣтъ, былъ уже женатъ. Женѣ считали 11 лѣтъ, но свекровь ея, очень почтенная женщина скорѣе съ русскимъ, чѣмъ съ самоѣдскимъ или остяцкимъ типомъ лица, жаловалась намъ, что молодая не по лѣтамъ бойка и часто „лается" съ другими бабами въ чумѣ. Въ присутствіи моемъ между юными супругами вышла сцена: онъ упрекалъ жену въ томъ, что она своевременно не зашила ему

разорванной рукавицы, а молодая молчала, видимо, съ трудомъ сдерживаясь въ нашемъ присутствіи, смотрѣла исподлобья и мяла руками обрывокъ оленьей шкуры,—по обычаю всѣхъ самоѣдокъ, которыя при чужихъ мужчинахъ всегда стараются казаться сильно занятыми по хозяйству.

Утромъ 7 іюля тронулись мы въ путь и скоро достигли долины Морды, черезъ русло которой переправились на лодкѣ, взятой съ собою изъ чума (легкія лодочки самоѣдовъ можно свободно везти на одной нартѣ). На лодкѣ переправили вещи, олени же, какъ обыкновенно, переплыли рѣку, перетащивъ нарты. Снѣгъ лежалъ только кое-гдѣ въ глубокихъ лощинахъ, и вода сильно сбывала. Русло Морды въ мѣстѣ нашего перехода, между озерами *Неонъ-то* или Неру-то (Первое или Тальниковое) и *Еръ-то* (Среднее), черезъ которыя проходитъ рѣка, имѣло саженъ двадцать ширины и около сажени глубины. Лѣтомъ, по словамъ самоѣдовъ, здѣсь есть броды. Болотистая равнина, представляющая собою, повидимому, цѣлую систему лайдъ озернаго происхожденія, тянется здѣсь далеко по обѣ стороны рѣчной долины, такъ что границы послѣдней неясны. Мѣстами изъ болотъ, какъ небольшіе острова, поднимаются гребни и холмы высокой глинисто-песчаной тундры. Въ этихъ мѣстахъ почти уже не попадалось леммитговъ, рѣже видны стали поморники и бѣлыя совы. Многочисленны по прежнему гуси и турухтаны. По тальникамъ рѣчныхъ лайдъ отъ Томбоя до Морды встрѣчались также гнѣздившіяся желтоголовыя трясогузки и въ большомъ числѣ куропатки. Невдалекѣ за Морды прибыли мы къ мѣсту стоянки нѣсколькихъ чумовъ, принадлежащихъ бѣднымъ самоѣдамъ изъ рода Худи, производившихъ впечатлѣніе людей, уже вкусившихъ нѣсколько отъ плодовъ цивилизаціи. Бабы торговали водкой, и въ чумахъ какъ разъ шло пьянство. Во время дальнѣйшаго пути въ проводники моей нарты сѣлъ пьяный самоѣдъ. Спустя нѣкоторое время онъ началъ бушевать: нѣсколько разъ ударилъ копьемъ, надѣтымъ на хорей, оленей (съ которыми самоѣды всегда обра-

щаются очень мягко), потомъ остановился, выпрягъ часть оленей и дошелъ до угрожающихъ словъ и жестовъ по адресу людей. Второй бывшій съ нами самоѣдъ растерялся и дѣлалъ только безпомощные жесты. Увѣщанія оказались безполезными. Мы принуждены были неожиданно набросить на буяна его же арканъ и связать его по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе чего онъ быстро успокоился. Слѣдуя къ сѣверо-востоку, перешли мы нѣсколько ручьевъ, теперь полныхъ водою и бѣжавшихъ среди низкой болотистой, едва кочковатой тундры, ровной гладью уходившей изъ глазъ во всѣ стороны, и прибыли сначала къ первому, потомъ ко второму чуму Ханзеру Худи, одного изъ богатѣйшихъ вотчинниковъ этихъ мѣстъ, стада котораго достигаютъ числомъ 5, а быть можетъ и 6.000 головъ. Днемъ 8 іюня ѣхали дальше тѣмъ же курсомъ по однообразной равнинѣ, вѣроятно, представляющей собою древнюю лайду, развившуюся на мѣстѣ обширныхъ нѣкогда водоемовъ. Небольшіе холмики твердой тундры, мѣстами лишь метра въ $1^1/_2$ высотою, мѣстами вытянутые болѣе высокими гребнями, виднѣлись изрѣдка по сторонамъ пути. Оленей смѣнили въ чумѣ вотчинника Едай Худи и шли далѣе, склоняясь все болѣе къ сѣверу. День 8 іюня снова былъ ясный и чисто лѣтній. Температура къ тремъ часамъ дня достигла $+ 20°$ C. Однообразныя болотистыя равнины, которыя миновали мы, были замѣтно бѣднѣе по фаунѣ птицъ, чѣмъ долины рѣкъ и тундра вблизи моря. Во время пути долго видѣли мы къ востоку отъ насъ далеко раскинувшуюся гладь трехъ большихъ озеръ, черезъ которыя проходитъ верхняя часть теченія рѣки *Ясавэй*. Восточные берега озеръ и соединяющихъ ихъ лайдъ образуютъ длинную линію высокихъ осыпей, протянувшихся съ сѣвера на югъ. За этими берегами постепенно поднимается высокая холмистая тундра, поверхность которой лежитъ замѣтно выше, чѣмъ поверхность обширной болотистой равнины, протянувшейся на западъ и юго-западъ отъ озеръ, которую пересѣкли мы на пути отъ Морды къ озерамъ. За озерами начинается

„хребетъ", а восточные берега ихъ, повидимому, образуютъ террасу, вытянутую параллельно берегу Карскаго моря. Перейдя небольшую рѣку Перутту, проходящую черезъ озеро Перу-то и текущую въ Морды, дошли мы вечеромъ до сѣвернаго изъ озеръ Ясавай—*Малъ-то*. Самоѣдъ Онэ Сэротэтто стоялъ на его южномъ берегу со стадомъ въ 1000 слишкомъ оленей. У сѣвернаго берега стоялъ чумъ племянника Хартю Хороля съ мелкимъ скотомъ. Самъ старшина стоялъ нѣсколько сѣвернѣе за озеромъ. Въ обширныхъ и глубокихъ озерахъ Ясавай промышляли сырка, щокура, пыжьяна, налимовъ и щукъ. Въ чумахъ вялили гусей (которыхъ въ это время ловятъ капканами на гнѣздахъ) и заготовляли рыбій жиръ и гусиное сало. Огибая озеро, у сѣверо-западнаго (NNW) берега его встрѣтили мы маленькое озерцо, изъ котораго вытекаетъ рѣка *Идъ-яга*, впадающая въ Морды. Окружающая его лайда непосредственно переходитъ въ низкій же, лайдоватый здѣсь, берегъ Малъ-то. Такимъ образомъ тутъ тѣсно соприкасаются бассейны Юрюбея (въ устье котораго впадаетъ Ясавай) и Морды.

Въ первомъ чумѣ старшины Хартю Хороля, при которомъ пасся мелкій скотъ (стада старшины достигали тысячъ 3 головъ; много оленей пало за два послѣдніе года отъ копытной болѣзни), хозяйничалъ племянникъ Хартю, молодой парень, недавно женатый. Въ чумѣ жила молодая *авка* (такъ самоѣды называютъ совсѣмъ ручныхъ, „избенныхъ" оленей, питающихся охотно различными отбросами хозяйства), ходившая за самоѣдкой, какъ собака. Къ утру 9 іюля прибыли мы во второй чумъ старшины, стоявшій верстахъ въ 15 къ сѣверу отъ озера. Здѣсь узнали мы, что нѣсколько дней тому назадъ караванъ нашъ стоялъ на западномъ озерѣ группы Нёйте и, вѣроятно, теперь двигался къ западу вдоль теченія Сё-яга. Хартю послалъ работника на оленяхъ къ Сё-яга, чтобы найти чумъ и точнѣе опредѣлить мѣстонахожденіе нашихъ товарищей.

Старшина и его жена, оба преклоннаго возраста, похожи были нѣсколько на Филемона и Бавкиду. Они угощали насъ.

чѣмъ только могли. Старуха была по происхожденію остячка и за всю жизнь не научилась вполнѣ правильно говорить по самоѣдски, но отличалась умомъ и достоинствомъ. Старикъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ самоѣдамъ, которыхъ никогда нельзя увидѣть пьяными на улицахъ Обдорска. Обдорскіе русскіе относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Онъ былъ крещеный и сказалъ мнѣ вскользъ, между прочимъ, что плохо вѣритъ въ многочисленныхъ шайтановъ самоѣдовъ и не уважаетъ шамановъ. Разговоръ его указывалъ на значительное — принявъ въ разсчетъ условія жизни самоѣдовъ — развитіе и знакомство со многими сторонами жизни русскихъ и зырянъ. Въ чумѣ Хартю, на равныхъ условіяхъ съ хозяевами, жили посторонніе и между прочимъ бездомная старая самоѣдка, подобранная гдѣ-то около рыбныхъ промысловъ. Она называлась „работницей", но, кажется, работала меньше старухи.

Днемъ 9-го разыгрался крѣпкій вѣтеръ отъ NW, порывы котораго иногда достигали силы шторма. Онъ дулъ и слѣдующіе дни. Температура, при низкомъ стояніи анероида, опустилась сначала до $+3°$ потомъ до $+1.5°$. Изрѣдка шелъ крупный холодный дождь, переходившій въ снѣгъ. Посланный на развѣдки самоѣдъ пріѣхалъ. Онъ не нашелъ чума, но видѣлъ съ большого разстоянія въ трубу оленей въ долинѣ Сё-яга. Хартю предлагалъ снять чумъ и передвинуться поближе къ рѣкѣ. Но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что было опасно снимать нюги: ихъ могло разорвать въ клочья. Я предложилъ хозяину обождать, пока стихнетъ нѣсколько вѣтеръ: онъ согласился съ удовольствіемъ.—Странные теперь пошли начальники—сказала старуха Г. И. Кудрину:—когда я была молода и жила въ юртахъ, проѣзжіе начальники кричали только—„пошёлъ, пошёлъ, пошёлъ". Она съ смѣшнымъ акцентомъ выговорила по русски это послѣднее слово.

Послѣ полудня 10-го сняли мы—при прояснившейся нѣсколько и стихнувшей только на время погодѣ—чумъ и пере-

двинулись верстъ на 12 къ NW, остановившись у двухъ небольшихъ озеръ. Справа отъ пути видѣли издали западное озеро Ней-то. Было холодно, и снова подулъ вѣтеръ, едва не растрепавшій ночью крытую парту, въ которой я спалъ. Средина озеръ покрыта была льдомъ. Въ заберегѣ, широко окаймлявшей берега, температура воды была + 1,5° С. Зелень стала за послѣдніе дни замѣтнѣе, появилось довольно много цвѣтовъ, *Betula nana* разбила листья, въ общемъ обогнавъ нѣсколько медленно распускавшіяся ивы. Мы стояли въ низкой, хотя сухой, тундрѣ; невдалекѣ къ востоку и юго-востоку поднимались ряды пологихъ низкихъ холмовъ: здѣсь между озерами Малъ-то и Ней-то начинался подъемъ на центральную плоскость Ямала. Старшина съ работникомъ уѣхали искать чумъ. Я занимался охотой до ихъ возвращенія, но птицъ при дурной погодѣ видно было мало. Кромѣ гусей, канюковъ, куропатокъ, гагаръ и авлеекъ встрѣтилъ я здѣсь крачекъ (*Sterna macrura*) и длиннохвостыхъ поморниковъ—тѣхъ и другихъ въ небольшомъ числѣ. Въ гнѣздахъ гусей яйца были уже сильно насижены.

Въ полдень 12 іюня поѣхали мы прямо къ мѣсту впаденія Идъ-яга въ Сё-яга. По свѣдѣніямъ, собраннымъ старшиной, караванъ нашъ нѣсколько дней тому назадъ переправился на лѣвый берегъ Сё-яга недалеко отъ мѣста выхода ея изъ Ней-то и теперь двигался внизъ по Сё-яга. Всего удобнѣе было нагнать нашихъ спутниковъ у мѣста сліянія рѣкъ Сё-яга и Морды, такъ какъ переправа черезъ широкую долину трудна, и караванъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ сдѣлать здѣсь продолжительную остановку для развѣдокъ и отдыха. Послѣ довольно продолжительнаго пути увидѣли мы широкую (верстъ 6) долину *Сё-яга* (Мутной), покрытую озерами и протоками полой воды. Не безъ труда переправились черезъ Идъ-яга, имѣвшую здѣсь — близъ устья и въ высокую воду — сажень тридцать ширины, и прибыли къ тремъ чумамъ самоѣдовъ изъ рода Хороля, стоявшихъ вблизи Сё-яга. Здѣсь узнали мы,

что В. Н. Введенскій и Д. Н. Филатовъ отъ озера Ней-то уѣхали внизъ по Сё-яга въ лодкѣ; обозъ же двигался краемъ долины и не могъ быть далѣе мѣста сліянія Морды и Сё-яга. Утромъ 13-го пошли мы на западъ вдоль южнаго края долины Сё-яга и, идя то низкой, то холмистой мѣстами тундрой со многими озерами, покормивъ дорогой оленей, въ 9 часовъ вечера послѣ сорока-дневнаго отсутствія догнали караванъ, стоявшій на краю тундры, которая вдавалась мысомъ въ обширное, частью затопленное, пространство, образованное соединявшимися здѣсь широкими долинами Сё-яга и Морды.

ГЛАВА V.

Работы по съемкѣ древняго торговаго пути. Обратный путь экспедиціи отъ рѣки Мутной по бассейну Морды до низовья Юрюбея, оттуда къ озерамъ Ярро-то и далѣе до промысла Пуйко на Обской губѣ. Возвращеніе въ Обдорскъ.

---

14 іюня утромъ на посланныхъ за ними нартахъ пріѣхали В. Н. Введенскій и Д. П. Филатовъ, дошедшіе въ лодкахъ до мѣста слiянія руслъ Сё-яга и Морды. Изъ сообщенія капитана Введенскаго о ходѣ работъ по съемкѣ рѣкъ и озеръ отъ Обской губы до Морды, путевыхъ записокъ о. Мартиніана и орнитологическаго дневника, веденнаго Д. П. Филатовымъ, я могу составить слѣдующее краткое сообщеніе о движеніи и работахъ экспедиціи во время моего отсутствія. 4 мая вечеромъ В. Н. Введенскій и о. Мартиніанъ выѣхали къ устью Сё-яга, мѣняя оленей въ попутныхъ чумахъ (здѣсь стояли самоѣды изъ рода Вануйта). Вблизи низовьевъ Сё-яга есть нѣсколько озеръ; одно изъ нихъ— Юдорчи-то, лежащее верстахъ въ 10 отъ губы близъ праваго берега Сё-яга, богато рыбой и, по словамъ самоѣдовъ, имѣетъ 2—3 сажени глубиною. Въ разстояніи версты отъ губы правый берегъ рѣки Сё-яга сильно поднятъ и носитъ названіе Тибей-надо (Гнилая гора). Южное плечо устья образуетъ высокій мысъ—*Сё-яга-сале*—на которомъ находится жертвенное мѣсто. Высота берега здѣсь 26 метровъ. Устье Сё-яга имѣетъ въ ширину 300 саженъ, глубина устья, по

показанію самоѣдовъ, достигаетъ двухъ саженъ. Обратно ѣхали долиной Сё-яга, ведя маршрутную съемку. Довольно широкое русло рѣки было покрыто льдомъ; вѣроятно, во многихъ мѣстахъ рѣчка промерзаетъ до дна. Вблизи выхода изъ озера Ямбу-то идетъ она довольно узкимъ—саженъ въ 12—15—русломъ съ крутыми берегами. Рѣка проходитъ черезъ два довольно большихъ озера и связана истокомъ еще съ однимъ. Изъ вотчинниковъ рода Вануйта, промышляющихъ по Сё-яга, ближайшимъ озерамъ и Обской губѣ, Санди Вануйта имѣетъ около 800 оленей, Сэури и Юза Вануйта (о которыхъ упоминалъ я выше)—до 4.000, Самби Вануйта 600, Еноко Вануйта около 300 и Сюнзи Сэротэтто—100 оленей. По словамъ этихъ самоѣдовъ, ледъ на Обской губѣ обыкновенно исчезаетъ между 20 и 30 іюня; осенью губа замерзаетъ въ самомъ концѣ октября и первой половинѣ ноября, причемъ ледъ обыкновенно нѣсколько разъ ломаетъ вѣтрами, пока онъ не встанетъ окончательно.

Съ 8-го по 30-е мая вели инструментальную съемку озера Ямбу-то и трехъ озеръ *Ней-то* или Нёй-те, лежащихъ по западную сторону водораздѣла. Сначала бураны, послѣ—въ концѣ работъ—заберега затрудняли работы. При однообразныхъ покрытыхъ снѣгомъ берегахъ приходилось строить въ нужныхъ пунктахъ маяки, которыми служили обыкновенно пирамиды, сложенныя изъ нартъ. 15 мая пробили ледъ въ сѣверной части Ямбу-то. Снѣговой покровъ былъ толщиною въ $^1/_2$ аршина, толщина льда почти сажень (болѣе 11 четвертей), глубина воды, считая со льдомъ, $13^1/_2$ саженъ. Температура воды на поверхности 0°, на днѣ+1.4°. Вѣроятно, въ озерѣ есть и болѣе глубокія мѣста. Въ южной части озера позже, пробивъ ледъ, достали глубину въ 10 саженъ. Вблизи восточнаго берега, воспользовавшись продушиной тюленя, который жилъ на озерѣ, снова взяли промѣръ. Глубина здѣсь оказалась равной почти 4 саженямъ. Глубина озера Луце-Хавы-то, лежащаго на водораздѣлѣ, также взятая наудачу,

оказалась равной $3^1/_2$ саженямъ. Святое озеро, почти круглое по формѣ, имѣетъ всего около 40 саженъ въ діаметрѣ. Черезъ водораздѣлъ, озеро Луце-Хавы-то и сосѣднее маленькое озерцо—по двумъ линіямъ волока—между озерами Ямбу-то и восточнымъ Ней-то капитаномъ Введенскимъ произведена была нивелировка. Промѣръ на восточномъ озерѣ Ней-то взятъ былъ приблизительно въ верстѣ отъ сѣвернаго берега. Глубина здѣсь была 2,2 сажени. Самоѣды утверждали, что всѣ три озера Ней-то имѣютъ и мелководные плесы, и глубины до 5 и 7 саженъ,—быть можетъ, и болѣе.

Близъ мѣстъ стоянокъ каравана на озерахъ барашки на ивнякахъ распушились между 7 и 12 мая, а листъ началъ развиваться послѣ 5 іюня. Насѣкомыя въ замѣтномъ числѣ появились 1 іюня. 9 мая замѣчены первые гуси, парами и небольшими стайками, повидимому, мѣстовые. Пролета большими стаями на сѣверъ не наблюдали. 10-го видѣли первыхъ большихъ поморниковъ и лебедя, 15-го и 16-го появились чайки. Гуси съ прилета останавливались кормиться на немногихъ еще проталинахъ. 20—21 мая замѣтны были уже лужи, много земли обнажилось отъ снѣга, показались утки-шилохвостки и кулики. 28-го нашли гнѣздо гуся-гуменника съ двумя яйцами. 1 іюня появились замѣтныя забереги на озерахъ.

1 іюня караванъ отъ озеръ Ней-то передвинулся въ верховья Сё-яга (Мутной). 2-го Введенскій и Филатовъ съ однимъ изъ людей на двухъ лодкахъ поплыли внизъ по рѣкѣ и въ ночь съ 3-го на 4-е достигли устья рѣки *Тумбой-яга*. Долина рѣки Сё-яга, сначала неширокая, ниже расширяется до 5—6 верстъ. Съ 7-го по 13-е плыли отъ Тумбой-яга до впаденія Сё-яга въ Морды. Рѣка въ это время уже спадала. При движеніи въ верхнемъ теченіи она была еще въ полномъ разливѣ, мѣстами образовались ледяные заторы. Вѣроятно, кое-гдѣ на осеннихъ перекатахъ рѣка промерзаетъ до дна или образуется толстый донный ледъ. На чистыхъ плесахъ нерѣдко съ шумомъ выныривали со дна большія льдины, иногда

угрожая равновѣсію лодокъ. Долина рѣки обширна и частью затоплена водою. Фауна птицъ богата. Изъ видовъ, не найденныхъ ранѣе, вблизи устья Тумбой-яга на группѣ озеръ долины встрѣчены красныя казарки *(Branta ruficollis)*, державшіяся парами.

Караванъ въ это время, перейдя подъ управленіемъ о. Мартиніана въ верхнемъ теченіи Сё-яга на лѣвый берегъ рѣки, медленно двигался вдоль лѣваго берега долины до впаденія Сё-яга въ Морды, гдѣ мы съ Кудринымъ его и догнали. Грузы экспедиціи оказались тяжелы для лѣтняго пути по тундрѣ. Отъ устья Идъ-яга до Морды по лѣвому берегу Сё-яга лежатъ земли четырехъ вотчинниковъ изъ рода Хороля. Самый богатый изъ нихъ имѣетъ 500 оленей.

14, 15 и 16 іюня простояли мы на мѣстѣ. Необходимо было дать отдыхъ сильно утомившимся оленямъ. Мы стояли между двумя небольшими озерами. Въ полуверстѣ къ западу тундра обрывалась крутыми и высокими осыпями къ обширной долинѣ Морды, покрытой озерами и широкими протоками полой воды. Весеннія воды прорыли глубокіе овраги, прорывавшіе мѣстами обрывы тундры. Лайды начинали покрываться травою. Гуси давно уже сидѣли на гнѣздахъ, и начинали собираться табуны холостыхъ птицъ, линька которыхъ приближалась. Вблизи лагеря на озерѣ гнѣздилась пара черныхъ казарокъ: это было самое южное мѣсто, гдѣ встрѣчены эти птицы. Изъ хищниковъ сокола, бѣлыя совы и канюки гнѣздились кое-гдѣ на холмахъ и обрывахъ долины.

15-го послалъ я двѣ нарты съ колыданными лодками обслѣдовать долину Морды и попытаться найти мѣсто для переправы каравана на лѣвый берегъ. Самоѣды вернулись безъ успѣха. Плёсы чистой воды на руслѣ и протокахъ были слишкомъ широки, чтобы можно было устроить паромы на веревкахъ, почва мѣстами топкая. Ожидать полнаго спада водъ, стоя на мѣстѣ, было мало благоразумно. Путь передъ нами лежалъ далекій и, главное, тяжелый. Самоѣды, съ которыми

приходилось мнѣ совѣтоваться объ обратномъ пути, покачивали головами. „Лѣтомъ съ обозами никто не ходитъ. Пока еще ничего, а скоро пойдутъ жары, комары... Благополучно не дойти до Оби. Олени будутъ пропадать и разбѣгаться: пойдутъ болѣзни“... Таковъ былъ общій голосъ.

Я рѣшилъ двигаться къ югу долиной Морды, отказавшись отъ съемки низовья рѣки до Карскаго моря. Необходимо было прежде всего значительно облегчить нашъ караванъ. Самоѣдъ Николай Вануйта съ семьей и остякъ Николай Пугорчинъ были оставлены на мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они, подкармливая оленей и выбирая подходящую погоду, медленно двигались къ среднему теченію Юрюбея на кочевыя мѣста Вануйты. Оттуда въ зависимости отъ условій, лѣтомъ же или уже осенью по снѣгу, могли они перейти на Ярро-то и Обскую губу. Съ этими двумя людьми оставлены были 120 оленей, большой чумъ и половина нюгъ малаго, освободившіяся изъ подъ грузовъ нарты, часть теплаго платья и ихъ собственное имущество. Они были снабжены провизіей, порохомъ, одной лодкой и неводомъ, который имѣли мы съ собой. Съ нами въ путь по Морды уходили самоѣды Нярби Яптикъ, Хазово Окотэтта, Григорій Худи и сестра его дѣвица Анна Худи. Мы были снабжены на мѣсяцъ сухарями, мукой, масломъ, чаемъ, сахаромъ и нѣкоторыми консервами. Съ нами былъ большой запасъ патроновъ, двѣ лодки, небольшое количество ставныхъ сѣтей, двѣ легкихъ палатки и нѣсколько чумовыхъ шестовъ съ двумя нюгами, позволявшими собрать очень маленькій чумъ. Изъ богатой рыбой и птицей долины Морды, которая текла съ юга, предполагали мы перебраться на Юрюбей, гдѣ лежали наши запасы. Ящики съ собранными коллекціями и запасами спирта и формалина увеличивали нѣсколько нашъ багажъ. Мы имѣли подъ грузами 32 нарты, причемъ каждая несла уже не 8 пудовъ, какъ зимою, а отъ 2 до 3 пудовъ. Грузы на нартахъ въ пути регулировали въ зависимости отъ силъ отдѣльныхъ упряжекъ оленей.

День 17 іюня былъ тихій и жаркій. Появились въ замѣтномъ количествѣ комары. Сухой туманъ весь этотъ и слѣдующій день заволакивалъ горизонтъ. Среди дня купались мы въ сосѣднемъ озерѣ. Еще два дня тому назадъ на рединѣ озера лежалъ ледъ. Теперь температура воды у берега оказалась +19° С. На обращенныхъ къ сѣверу откосахъ береговъ лежалъ еще снѣгъ. Въ ночь тронулись мы въ путь, идя краемъ долины Морды. Слѣдующій день былъ еще жарче. Тундра постепенно покрывалась цвѣтами ягодниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сухихъ полосахъ лайды также попадались пестрые ковры цвѣтовъ. Вблизи стоянки 19 іюня на холмѣ надъ долиной рѣки нашелъ я группу халмеръ. Нѣкоторые болѣе старые изъ нихъ развалились. Истлѣвшіе трупы обернуты были въ пестрядь или разсыпавшееся отъ прикосновенія красное сукно и производили впечатлѣніе мумій. Котлы съ пробитымъ дномъ, металлическія вещи и мѣдныя женскія украшенія лежали въ гробницахъ.

Вечеромъ 19-го вѣтеръ подулъ съ сѣвера, и быстро стало холодно. Путь становился труднымъ. Самоѣдовъ пока вблизи не было, а потому не было и проводниковъ. Шли болотами, часто по колѣно въ водѣ. Обходы озеръ, густыя заросли ивняковъ и переправы черезъ рѣчки затрудняли путь. Иногда проходили не болѣе 5—6 верстъ въ ночь (шли обыкновенно часовъ 5—6 подрядъ). Подпочва здѣсь во многихъ мѣстахъ состояла изъ глины, едва прикрытой супескомъ. Рѣчки несли мутную воду (изъ сѣрой глины сложены и берега Сё-яга, и вода ея всегда мутна, отчего, вѣроятно, и произошло ея древнее названіе *Мутной*).

21 іюня переправились черезъ одну изъ болѣе значительныхъ рѣчекъ, впадающихъ справа въ Морды. Вода въ ней уже значительно спала, но была еще выше межени и сбывала вершка по 3 въ сутки. Глубина въ мѣстѣ переправы была всего 3—4 фута, быстрота теченія—2 фута въ секунду. Мы перетянулись черезъ рѣчку на двухъ плотахъ, сдѣлан-

ныхъ одинъ изъ двухъ лодокъ, другой—изъ резиновыхъ поплавковъ системы капитана Полянскаго. На плоты ставили по двѣ груженыя нарты, позже, при болѣе значительныхъ переправахъ, по 3 и 4. Иногда подвязывали поплавки прямо подъ нарты. Они очень удобны въ дѣлѣ: быстро надуваются, достаточно прочны и удобно привязываются къ доскамъ или шестамъ, давая устойчивый плотъ, или прямо къ вещамъ, которыя нужно переплавить. Одинъ изъ нашихъ самоѣдовъ—Нярби Яптикъ,—бывшій самымъ опытнымъ и сообразительнымъ вожатымъ на незнакомыхъ мѣстахъ и лучшимъ знатокомъ оленей, заболѣлъ, но пока еще держался на нартѣ. 22-го былъ снова тихій и очень жаркій день. Тучи комаровъ мучили насъ и оленей въ этотъ день въ такой степени, какъ ни разу ни раньше, ни позже. Шли болотами долины Морды и озерными лайдами края долины. Часто олени цѣлыя версты шли по брюхо въ водѣ, прокладывая дорогу среди высокихъ осокъ и густой ёры. Болота имѣли мѣстами твердое песчаное дно, мѣстами близко была мерзлота, и нога подъ водой ступала—подъ слоемъ ила—по льду. Мучимое комарами стадо свободныхъ оленей едва удавалось удерживать и направлять по нужному пути: животныя бросались то въ одну, то въ другую сторону. На счастье былъ полный штиль. При слабомъ вѣтрѣ бываетъ еще труднѣе, такъ какъ олени начинаютъ бѣжать на вѣтеръ, который отгоняетъ комаровъ. Путь болотами для оленей былъ все же значительно легче, чѣмъ высокой и сухой пересѣченной тундрой. Здѣсь, вблизи долины, тундра подымалась лишь небольшими островами среди озеръ и обширныхъ болотистыхъ лайдъ, развившихся на мѣстѣ болѣе значительныхъ водоемовъ, ранѣе тутъ существовавшихъ и заполненныхъ наносами. На мелкихъ озерахъ въ заросляхъ осокъ видны были сборища водяныхъ птицъ, начинавшихъ линять; изрѣдка поднимали гагъ-самокъ, гнѣздившихся на лайдахъ. Гнѣзда гусей и бѣлолобыхъ казарокъ попадались часто. Въ гнѣздахъ канюковъ были уже птенцы. Желтоголовыя тря-

согузки многочисленными парами держались по тальникамъ рѣчной долины.

На ночлегъ прибыли мы, потерявъ только одного оленя, который выбился изъ силъ и былъ брошенъ. На другой день было холодно (+3°), ненастно, и весь день шелъ дождь. Морды образовала въ этомъ мѣстѣ большую петлю. Мы занялись рыболовствомъ и поймали нѣсколько десятковъ крупныхъ сырковъ и щокуровъ. Вечеромъ перешли долину, имѣвшую верстъ 5 въ ширину, и на другой день переправились черезъ рѣку (послѣ оказалось, что мы съ меньшимъ трудомъ могли обогнуть излучину). Ширина русла была 25 саженъ, глубина $2^1/_2$ сажени, вода еще убывала. Температура воды +7,2°. Быстрота теченія на поверхности 1,6 фута въ секунду. Въ долинѣ нашли гнѣзда гагъ (*Somateria stelleri* и *Somateria spectabilis*) съ сильно насиженными яйцами. Видѣли также лебедей, въ общемъ рѣдкихъ на Морды. Здѣсь же видѣли болотную сову, встрѣченную ранѣе и на Сё-яга. 25-го нашли самоѣдовъ изъ рода Хороля, которыхъ могли разспросить о дорогѣ. Это было особенно нужно потому, что лучшій развѣдчикъ нашъ Нярби Яптикъ лежалъ больной на нартѣ. Онъ пообѣщалъ уже сядаямъ, въ случаѣ своего выздоровленія, двухъ изъ своихъ семи оленей, которые паслись въ сборномъ чумѣ близъ Обской губы, но поправлялся медленно. 26-го послѣ 15-тиверстнаго перехода снова перешли Морды. 27-го достигли чумовъ Пудома Худи, нѣсколько обрусѣвшаго самоѣда, ходившаго лѣтомъ въ русскомъ платьѣ. Жена его говорила по-русски. Двѣ дочери окончили миссіонерскую школу въ Обдорскѣ, говорили и читали по-русски, но при разговорѣ другъ съ другомъ охотнѣе употребляли зырянскій языкъ. Наканунѣ, воспользовавшись встрѣчей съ самоѣдами, я снова облегчилъ наши грузы. Оставлена была нарта съ черепами крупныхъ млекопитающихъ, вывезенныхъ мною съ сѣвера Ямала, запасъ патроновъ къ винтовкамъ, теплое платье и

Карское море. Край берегового припая на широтѣ устья Нясидай.

Край тундры и рѣчная долина въ мѣстѣ сліянія рѣкъ Сё-яга (Мутной) и Морды.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко., Москва.

лишнія оленьи постели. Все оставленное было потомъ зимою привезено самоѣдами въ Обдорскъ.

Тундры вдоль долины Морды богаты цвѣтами, и флора была въ полномъ развитіи. Осока *(Carex aquatilis)* поднималась высокими зарослями на болотахъ и по краямъ мелкихъ озеръ, которыя встрѣчались на каждомъ шагу. Мерзлота на топкихъ лайдахъ лежала на глубинѣ 5 вершковъ. Въ послѣдніе дни все меньше было видно полярныхъ совъ и большихъ поморниковъ, и чаще попадались длиннохвостые поморники и чайки *(Larus affinis)*. 29-го и 30-го стояли мы вблизи кургана Лимби-седе (Орлиный курганъ) на рѣчкѣ *Лимби-седе-яга*. Время было жаркое и непріятное изъ-за комаровъ. Даже въ 2 часа ночи на 30-е термометръ показывалъ + 10°. Солнце, впрочемъ, еще не начинало закатываться за горизонтъ. На Лимби-седе стояло хэ (жертвенное мѣсто), посвященное, по словамъ самоѣдовъ, Илибёмъ-бэрти, который на Ямалѣ—насколько я понялъ объясненія самоѣдовъ—считается духомъ-покровителемъ оленей и не тожественъ съ Нумомъ. Лиственница стояла среди нѣсколькихъ сядаевъ, заваленныхъ олеными черепами. Передъ ними поставлена нарта, надъ копыльями которой прибиты были гвоздями два небольшихъ идола съ тщательно вырѣзанными головами. Рядомъ съ жертвеннымъ мѣстомъ гнѣздилась пара канюковъ. Всѣ четыре птенца въ гнѣздѣ, какъ обыкновенно, были различнаго возраста. Вблизи кургана на лайдѣ нашелъ я гнѣздо гуменниковъ съ 5-ю птенцами, недавно проклюнувшимися изъ яицъ и еще не покинувшими гнѣзда.

На послѣдней стоянкѣ были мы почти въ виду озера Неонъ-то, нижняго изъ трехъ озеръ, черезъ которыя проходитъ верхнее теченіе Морды. 1 іюля миновали мы слѣдующее озеро—Еръ-то—и дошли до верхняго, большого озера *Ямбу*. Обстоятельства пути заставили насъ остановиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера, которое капитанъ Введенскій снялъ буссолью съ базиса, взятаго на восточномъ берегу. Я не хо-

тѣлъ задерживаться, чтобы взять на немъ промѣры, тѣмъ болѣе, что подулъ вѣтеръ. Озеро вытянуто съ сѣвера на югъ и окружено высокими берегами. Самоѣды говорили мнѣ послѣ, что они считаютъ это озеро самымъ глубокимъ на Ямалѣ, и что оно замерзаетъ позже всѣхъ другихъ озеръ. Вблизи восточныхъ береговъ озера шли мы протянувшейся на большое пространство песчаной тундрой съ очень бѣдной растительностью. Подобныя мѣста попадаются и вблизи озеръ Ней-то и южнѣе—ближе къ Юрюбею и между Юрюбеемъ и Ярро-то. Самоѣды называютъ ихъ *яръ-хой* (песчаный хребетъ). Поднимавшіеся кругомъ бугры мѣстами вовсе лишены были растительности. Сыпучій песокъ выдувало вѣтромъ, такъ что образовались котлы выдуванія и песчаные столы. Во время сильныхъ вѣтровъ песокъ несетъ здѣсь не хуже, чѣмъ въ пустыняхъ Закаспійской области. На песчаныхъ гребняхъ гнѣздились парочки рогатыхъ жаворонковъ, которыхъ не видѣлъ я отъ самой Сё-яга. Кругомъ тянулись земли рода Худи. Иногда брали мы проводниковъ изъ ближайшихъ чумовъ.

Охота приносила намъ въ достаточномъ количествѣ гусей, гагъ и авлеекъ. Но запасы рыбьяго жира, который былъ взятъ для самоѣдовъ, истощились, масла оставалось мало, а самоѣды съ трудомъ обходятся безъ такихъ запасовъ, даже имѣя достаточно мяса. Рыбная ловля шла съ перемѣннымъ успѣхомъ въ мало-знакомыхъ намъ водахъ. Рыболовствомъ занимался больше о. Мартиніанъ, нѣкогда рыбопромышленникъ на Тазовской губѣ и большой знатокъ Обскихъ промысловъ. Еще въ началѣ своей практики, вернувшись однажды съ промысла и стараясь незамѣтно положить къ сторонкѣ сѣти, онъ замѣтилъ сконфуженно: „Все-таки не безъ пользы съѣздилъ,— смѣрилъ весломъ озеро". Фраза эта послужила источникомъ многихъ остротъ. „Опять отецъ одну пользу домой привезъ"— неизмѣнно говорилъ въ подходящихъ случаяхъ Кудринъ.

Самоѣды поговаривали, что время поглядывать линныхъ гусей. 2 іюля миновали мы южный конецъ озера Ямбу и шли

высокой тундрой, протянувшейся до рѣки *Ясавай*. Безпрестанно попадались озера. Лежа въ закрытой нартѣ, внезапно услышалъ я впереди лай натравливаемыхъ собакъ и крики самоѣдовъ. Я выскочилъ. Большая стая линныхъ гусей замѣчена была впереди на озерѣ. Самоѣды отстегивали отъ анасовъ заводныя нарты и заскакивали озеро. Наши маленькія, мохнатыя собаченки катились вдали по тундрѣ, какъ бѣлые клубки. Хромой Яптикъ, бывшій впереди съ анасомъ и едва начавшій оправляться отъ болѣзни, спотыкаясь, бѣжалъ вдали по горѣ, преслѣдуя невидимую намъ добычу. О. Мартиніанъ съ шестомъ на перевѣсъ мчался къ озеру.

Гуси также приняли свои мѣры. Большое число ихъ вышло на берега и бѣжало во всѣ ноги по тундрѣ къ ближайшимъ озерамъ. Возможно быстро окружили мы озеро. Въ разныхъ пунктахъ кругомъ неподвижно лежали люди, держа собакъ. Успокоившіеся гуси изъ оставшихся на озерѣ выходили на берега и дѣлались жертвами собачьихъ зубовъ или ударовъ хореями. Безпрерывно въ разныхъ мѣстахъ происходили травли. Скоро спустили лодки, и загремѣли выстрѣлы на самомъ озерѣ. Черезъ часъ 36 гусей оказались нашей добычей. Большое число ихъ прорвалось ранѣе къ сосѣднимъ большимъ и соединеннымъ протоками озерамъ. Среди убитыхъ гусей была только одна самка, остальные—самцы,—молодые или по другимъ причинамъ не нашедшіе пары. Спарившіеся и гнѣздящіеся гуси линяютъ значительно позже, вмѣстѣ съ птенцами.

2-го вечеромъ прибыли къ намъ самоѣды, съ которыми капитанъ Введенскій собирался выѣхать на устье Юрюбея, чтобы привязать наши маршруты и собрать нѣкоторыя данныя о глубинѣ устья и нижнемъ теченіи Юрюбея. Одинъ изъ пріѣхавшихъ самоѣдовъ изъ рода Худи, стоявшій невдалекѣ отъ нашего лагеря, былъ очень крупнаго роста, имѣлъ окладистую русую бороду и лицо, дѣлавшее его гораздо болѣе похожимъ на тульскаго или тамбовскаго мужика, чѣмъ на самоѣда. Передъ вечеромъ 3-го капитанъ Введенскій въ со-

провожденіи о. Мартиніана уѣхалъ къ юго-западу, а мы пошли по прежнему направленію и достигли рѣки *Ясавай*. Въ тундрѣ, вблизи долины, встрѣтили на озерѣ гнѣздящихся лебедей *(Cygnus bewicki)* съ пуховыми еще, но довольно уже большими лебедятами, а въ долинѣ Ясавай—гнѣздящуюся болотную сову. Благодаря большой практикѣ въ этомъ дѣлѣ, переправились мы черезъ рѣку довольно быстро. Рѣка прорѣзываетъ здѣсь чисто песчаную тундру и имѣетъ песчаные берега и отмели. Мѣстами ширина рѣки достигаетъ 50—60 саженъ, мѣстами русло сужено отмелями лѣваго берега. Въ узкомъ мѣстѣ, гдѣ мы переправлялись, быстрота теченія была почти 3 фута въ секунду. Глубина на фарватерѣ близко къ правому крутому берегу достигала 9-ти футовъ (вода была въ межени). Отъ лѣваго берега версты на 3—4 тянулась болотистая лайда, покрытая озерами и зарослями ёры. На лайдѣ убили нѣсколько гагъ-самокъ *(S. spectabilis)*, державшихся маленькими стайками безъ выводковъ. Бѣлыхъ совъ и большихъ поморниковъ южнѣе Ямбу не видѣли вовсе. Куропатки попадались въ довольно большомъ числѣ съ мелкими еще птенцами. Лемминговъ почти вовсе не было видно. Въ послѣдніе дни стало холоднѣе, и мы отдохнули отъ комаровъ. Въ два часа ночи на 5 іюля температура опустилась до $+ 2°$.

5-го утромъ прибылъ самоѣдъ изъ рода Сэротэтто, стоявшій на Ясавай съ 170 оленями и нанятый нами въ проводники до Юрюбея. Вблизи него стояли еще два малооленныхъ самоѣда изъ той же ватаги. Пройдя низкую болотистую тундру (растительность кругомъ Ясавай была гораздо бѣднѣе, чѣмъ въ бассейнѣ Морды), перешли мы рѣку *Я-яга*, впадающую въ Ясавай верстахъ въ 10 ниже мѣста нашей переправы. Рѣка течетъ въ такихъ же песчаныхъ берегахъ, какъ Ясавай, теченіе ея медленное, ширина отъ 20 до 30 саженъ, глубина 3—4 фута. Правый берегъ поднимается песчаными обрывами въ 3—4 метра высотою. Дорогой снова видѣли лебедей и гагъ съ утятами.

Юрюбей былъ недалеко. Песчаная тундра съ большимъ количествомъ озеръ тянется къ сѣверу отъ него. Растительность здѣсь бѣдна, цвѣтовъ почти не видно. Мы сдѣлали большой переходъ и остановились лагеремъ верстахъ въ 12 отъ Юрюбея. Вечеромъ 7 іюля тронулись мы дальше. Я ушелъ съ ружьемъ далеко впередъ и, увлекшись охотой за камнешарками *(Strepsilas interpres)*, которыхъ встрѣтилъ здѣсь въ первый разъ, перешелъ рядъ истоковъ между озерами и не могъ рѣшить, восточнѣе или западнѣе обошелъ меня караванъ, и обогналъ ли онъ меня или былъ еще сзади. Убитый лебедь, который былъ тяжелъ, и котораго жаль было бросить, усложнялъ мое положеніе. Начало наносить туманъ. Я пошелъ къ востоку, чтобы пересѣчь слѣдъ каравана гдѣ-нибудь на лайдахъ и попытаться настичь его, чтобы не идти пѣшкомъ до Юрюбея. Скоро догнала меня нарта, пріѣхавшая съ другой стороны. Крутые берега озеръ и пологіе холмы закрывали горизонтъ, и меня не могли увидѣть. Но Нярби Яптикъ, который пріѣхалъ за мной, на обратномъ пути показалъ мнѣ то мѣсто, гдѣ, разбѣжавшись, перескочилъ я истокъ озера, оставивъ слѣды сапогъ на тинѣ. Съ этого мѣста онъ уже не терялъ моего слѣда. На это самоѣды большіе мастера.

Я засталъ лагерь уже раскинутымъ на крутомъ берегу Юрюбея. Полноводная рѣка, саженъ въ 50 шириною, катилась передъ нами. Покрытая озерами и густыми зарослями лайда простиралась верстъ на 6 къ югу. Утромъ 8-го, въ жаркій и тихій день, переправились мы черезъ Юрюбей и перешли лайду, остановившись на краю тундры. Правый берегъ рѣки мѣстами поднимался песчанымъ яромъ метровъ на 8—10 вышиною, мѣстами понижался до 2—3 метровъ. Наибольшая глубина вблизи крутого берега достигала трехъ саженъ. Температура воды $+10^{\circ}$, теченіе нѣсколько медленнѣе, чѣмъ въ Ясавай. По озерамъ долины видѣли пары гнѣздящихся лебедей и отдѣльную стайку въ пять птицъ. Здѣсь же въ первый

разъ добыли крохаля. Камнешарки держались и здѣсь, хотя, какъ и раньше, въ маломъ числѣ.

9-го снова былъ жаркій и тихій день. Комары мучили насъ, но еще больше оленей, которые вмѣсто отдыха метались по лайдѣ. Ночь на 10-е была теплая. Смѣнявшіеся пастухи выбивались изъ силъ, гоняясь на нартахъ за оленями, которыхъ, когда они бѣгаютъ отъ комаровъ, приходится все время заворачивать, гоняя на кругахъ, чтобы стадо не побѣжало по прямому направленію. Рано утромъ, лежа въ палаткѣ, я слышалъ крики пастуха, кружившаго оленей. Но когда мы встали, стада нигдѣ вблизи не было. Напрасно съ ближайшихъ холмовъ изслѣдовали мы въ бинокли тундру на большое разстояніе: ничего не было видно. Всѣ призадумались. Потеря стада поставила бы насъ въ большое затрудненіе. Утѣшеніемъ было только то, что вмѣстѣ со стадомъ исчезъ и дежурившій пастухъ—Нярби Яптикъ, на опытность и сметливость котораго можно было положиться. Какъ послѣ оказалось, выбившіяся изъ силъ собаки, сдерживавшія стадо вмѣстѣ съ пастухомъ, бросили его, и стадо побѣжало на вѣтеръ. Лишь верстахъ въ 8 гнавшемуся за нимъ Яптику удалось загнать оленей въ тупикъ между двумя озерами. Случайно встрѣченный, ѣхавшій къ намъ самоѣдъ помогъ ему сгрудить оленей и поспѣшилъ въ нашъ лагерь. Посланные нами люди пригнали стадо, а вскорѣ миновала и дальнѣйшая опасность, такъ какъ вѣтеръ, ранѣе южный, вечеромъ перешелъ къ западу и усилился. Стало холоднѣе; комары исчезли.

11-го утромъ пріѣхали въ нашъ лагерь капитанъ Введенскій и о. Мартиніанъ. Они вышли на море нѣсколько сѣвернѣе Юрюбея 6 іюля, переѣхали въ самоѣдской лодкѣ широкое морское устье Ясавай и Юрюбея, поднялись въ лодкѣ же верстъ на 20 вверхъ по Юрюбею и, дойдя до чумовъ, изъ которыхъ намѣревались двигаться на востокъ, услышали о мѣстѣ нашей стоянки и прибыли въ лагерь, избѣг-

нувъ такимъ образомъ одинокаго пути на Ярро-то, гдѣ предполагали мы первоначально съѣхаться.

6-го съ берега видѣли они чистое море къ югу отъ широты устья Юрюбея: сѣвернѣе стоялъ разбитый ледъ. 7-го восточнымъ вѣтромъ отнесло ледъ, очистивъ весь горизонтъ. 8-го снова былъ видѣнъ ледъ на сѣверѣ. Самоѣды говорили имъ, что обычно около начала іюля море очищается, и лѣтомъ ледъ бываетъ рѣдко. Весной у береговъ держится, какъ и сѣвернѣе, припай въ нѣсколько верстъ шириною. Широкое морское устье Ясавай и Юрюбея на большей части своего протяженія мелководно. Но рѣки эти образуютъ подводную дельту, и глубина на стрежахъ достигаетъ $2^1/_2$ и 3 саженъ. Самоѣды промышляютъ на устьѣ тюленей, морскихъ зайцевъ и омулей. Тюлени часто заходятъ въ Юрюбей верстъ на 30 отъ устья.

Вечеромъ 11-го пошли мы къ юго-востоку, держа курсъ на Ярро-то. Довольно пустынная песчаная тундра окружала насъ. Растительность кругомъ была бѣдна. Совсѣмъ не видно было цвѣтовъ. Мохъ, полярная березка, можжевельникъ, хвощи и чахлые злаки покрывали почву; лайды покрыты осоками и бѣлыми цвѣтами пушицъ: ивовыхъ зарослей не видно. Озеръ встрѣчали меньше, чѣмъ раньше, и мало птицъ. Кромѣ лапландскихъ подорожниковъ, одинаково многочисленныхъ всюду, видѣли только авлеекъ, сибирскихъ чаекъ, тулесовъ съ почти взрослыми птенцами и куропатокъ, птенцы которыхъ были величиною съ перепела.

12, 13 и 14 іюля двигались мы впередъ, проходя отъ 15 до 18 верстъ въ день. Путь по сухой, мѣстами пересѣченной тундрѣ для оленей тяжелъ. Часто и въ пути приходится выпрягать ослабѣвшихъ быковъ и замѣнять свѣжими. Нерѣдко олени стираются лямками упряжи. Путь этими мѣстами былъ бы удобенъ зимой, такъ какъ ягельныя пастбища мѣстами богаты. Ландшафтъ кругомъ прежній. Только на южныхъ склонахъ холмовъ, около озеръ, развивается мѣстами болѣе пышная

растительность, — видна высокая чемерица, лютики и низкій ивовый кустарникъ. 12-го вечеромъ разбили мы лагерь на обнаженныхъ песчаныхъ холмахъ между озерами и скоро раскаялись въ этомъ, такъ какъ поднявшійся вѣтеръ заносилъ палатки пескомъ. Вѣтеръ послѣдніе дни дулъ съ сѣвера, было ненастно и холодно. Особенно холодно было утромъ 15-го: термометръ показывалъ + 5°, но пронизывающій сѣверный вѣтеръ продувалъ сквозь фуфайку и куртку. Стояли нѣсколько западнѣе сѣвернаго конца большого озера *Ворнанъ-то*, изъ котораго течетъ рѣчка въ Ярро-то. Низкая болотистая тундра со многими озерами примыкаетъ къ нему. На одномъ изъ болѣе крупныхъ озеръ видѣли дорогой—въ первый разъ послѣ Юрюбея—стадо гусей, вѣроятно линялыхъ. Но крѣпкій вѣтеръ не позволилъ спустить лодки.

16-го шли сильно пересѣченной, холмистой тундрой. Многочисленныя озера занимали котловины. Далѣе къ югу все больше попадалось сопокъ и холмовъ, покрытыхъ сыпучимъ пескомъ и мѣстами галькой. На одномъ изъ озеръ встрѣтили выводокъ бѣлоголовыхъ казарокъ съ полувзрослыми уже птенцами: на другой обширной группѣ мелководныхъ озеръ держались стада вылинявшихъ крохалей. 18-го остановились мы верстахъ въ 5 отъ Ярро-то, уже почти обогнувъ его сѣверо-западный уголъ. Обширныя болота, надъ которыми мѣстами поднимаются холмы тундры, тянутся до озера. Сразу стала богаче флора. Разнообразные цвѣты покрывали мѣстами склоны; кусты ивы поднимались въ ростъ человѣка; появились темно-зеленые кусты ольховника.

Мы стояли на берегу озера, имѣвшаго саженъ 100 въ діаметрѣ и 2½ сажени глубины. Вблизи мѣста стоянки былъ оврагъ, прорѣзывавшій болото. Здѣсь образовались пласты торфа саженной толщины. Изъ-подъ этого торфа торчали концы нѣсколькихъ сгнившихъ древесныхъ стволовъ. Возможно, что это остатки деревьевъ, росшихъ здѣсь ранѣе и уступившихъ заболачиванію почвы. Близко отъ этого мѣста

бывшій со мной самоѣдъ нашелъ свѣжую берлогу россомахи. 19-го встали мы у сѣверо-западнаго конца *Ярро-то.*

Озеро вытянуто отъ NW къ SO. Западный истокъ Юрюбея вытекаетъ съ сѣверной его стороны. Нѣсколько чумовъ самоѣдовъ разныхъ родовъ, промышлявшихъ рыбу, стояло на озерѣ. Чумы стоятъ также въ различныхъ мѣстахъ по теченію Юрюбея. И рѣка и оба озера богаты рыбой. Изъ чумовъ, въ которые послалъ я за рыбой, послѣ нѣсколькихъ часовъ ловли привезли намъ больше 10 пудовъ крупныхъ сиговъ разныхъ породъ. Среди нихъ были и муксуны. По словамъ самоѣдовъ, нельма и таймень также попадаются въ озерѣ.

По долинамъ рѣчекъ, впадающихъ съ юга въ озеро, въ изобиліи растутъ кусты ольхи, обыкновенно въ половину роста человѣка. Морошка здѣсь поспѣла (мы ѣли ее мѣстами и на послѣднихъ переходахъ сѣвернѣе Ярро-то). В. Н. Введенскій поѣхалъ по южному берегу озера, чтобы пройти базисъ и закончить съемку озера, начатую зимою. На высокихъ берегахъ южной стороны озера стояли группы сядаевъ. На одномъ изъ жертвенныхъ мѣстъ находились черепа бѣлухъ, убитыхъ на Ярро-то. По словамъ самоѣдовъ, бѣлухи заходятъ сюда по Юрюбею изъ Карскаго моря приблизительно каждые два года.

22-го пошли мы на югъ по направленію къ верховьямъ Хадыте. Стояла жаркая погода. Появилось много оводовъ, мучавшихъ оленей. При движеніи анасовъ овода особенно неудобны. Олень, на котораго сядетъ оводъ, останавливается, чтобы отряхнуться, и въ это время передовыя упряжки, продолжающія итти, легко могутъ уронить его и удавить поводомъ. 23-го было еще жарче, и сухой туманъ—очень густой—заволакивалъ горизонтъ. Но въ 9 часовъ вечера психрометръ показалъ большую влажность, къ 11 часамъ упала сильная роса, и вслѣдъ затѣмъ опустился густой туманъ. Комары были еще тяжелы по вечерамъ, но стихали днемъ и въ срединѣ ночи. Перешли верховья Яды, которая нѣсколькими вершинами вытекаетъ изъ группы многочисленныхъ озеръ. Немного восточнѣе

нашего пути, по словамъ нашего проводника, осталось лежащее вблизи верховьевъ Яды озеро, изъ котораго рѣчка *Еръ-яга* течетъ въ Ярро-то. Здѣсь такимъ образомъ тоже сближены бассейны Оби и Карскаго моря. 24-го шли низкой кочковатой тундрой съ разбросанными по ней курганами. На курганѣ *Тиръ-седе* (Облачный) держалась пара сапсановъ съ выводкомъ. 4 птенца едва начали перелетать. Въ верховьяхъ Яды по зарослямъ ивы и кустарной ольхи въ первый разъ встрѣтили чечетокъ. Нѣсколько южнѣе стрѣляли линныхъ лебедей и видѣли стайки уже поднявшихся на крылья турухтановъ и щеголей (*Totanus fuscus*). Богаче кругомъ становилась растительность. Ольха поднимается въ ростъ человѣка и выше, пышно разрастаются кусты ивъ, мѣстами попадаются корявыя еще, но уже довольно крупныя березы. Осоки и растущіе роскошными, густыми полянами по болѣе сухимъ мѣстамъ низменностей злаки достигаютъ высоты трехъ футовъ. На мѣстѣ перехода экспедиціей Яды, 26 іюля, видѣлъ я близъ русла рѣки остатки довольно толстыхъ лиственичныхъ пеньковъ. Появлялось все больше чирковъ на озерахъ, изъ куликовъ замѣчены улиты (*Totanus glareola*) и сукальни, а нѣсколько южнѣе застрѣлилъ я бекаса.

27-го снова былъ безоблачный, ясный и сухой день. Въ 4 часа дня сухой термометръ психрометра показывалъ $+23^{\circ}$, мокрый $+14{,}5^{\circ}$. На другой день стало прохладнѣе, и усилился сѣверный вѣтеръ. Проводникъ нашъ, молодой парень, взятый съ Ярро-то, шелъ очень неувѣренно. Мы направлялись къ промыслу *Нуйко*, лежащему пониже устья Хадыте. Мы пересѣкли уже нашу зимнюю дорогу и, по условіямъ пути, должны были торопиться. Еще съ Ярро-то предполагалъ я сначала пройти къ Обской губѣ, чтобы и здѣсь привязать нашъ маршрутъ къ опредѣленной точкѣ карты Иванова, каковой могли бы послужить устья Паю-те или О-яга (Прутничной и Островской). Но, по полученнымъ на Ярро-то свѣдѣніямъ, въ стадахъ нуйковскихъ самоѣдовъ между Ярро-то и

Обской губой появились надежи, и я не хотѣлъ на послѣднихъ переходахъ рисковать стадомъ. Въ послѣдніе дни олени наши быстро слабѣли; очень многія животныя хромали. Дорогой встрѣтили мы только одного самоѣда, въ стадахъ котораго также появилась копытная болѣзнь. Время сильнаго осенняго движенія между Ярро-то и Пуйко еще не наступило. Но и теперь замѣтны были прошлогоднія анасныя дороги, кое-гдѣ облегчавшія намъ путь. 30-го были мы уже вблизи Сапкая и встрѣчали изрѣдка группы лиственницъ еще ниже роста человѣка. Мы вышли на развѣтвленіе двухъ анасныхъ дорогъ. Проводникъ нашъ утверждалъ, что лѣвая ведетъ къ Хаманёлу, правая къ Пуйко, что не совсѣмъ согласовалось съ данными карты и нашимъ счисленіемъ. Послѣ оказалось, что мы значительно уклонились вправо отъ прямой дороги на Пуйко. 31-го шли уже въ предѣлахъ Сапкая, встрѣчая рѣдко разбросанныя высокія лиственницы (часто сухія) и цѣлые перелѣски у озеръ изъ высокихъ таловъ и березъ въ видѣ толстыхъ, но низкихъ деревьевъ съ плоскими хорошо развитыми кронами. Мѣстность кругомъ низменная; сильно кочковатыя болота съ богатымъ травянымъ покровомъ тянулись кругомъ. Небольшія озера окружены чащами ивовыхъ кустовъ. Было холодно и ненастно. Примѣняясь къ работѣ оленей, которые въ послѣдніе дни все больше слабѣли, такъ что часто приходилось искать отстававшихъ, мы такое время называли „хорошей погодой". Ненастье стояло и на другой день: шелъ холодный дождь. Замѣтно становилось приближеніе осени.

Только 3-го прояснилась погода, и стало опять жарко. Овода мучили оленей, которые бѣжали рысью изъ послѣднихъ силъ. Ближе къ губѣ стали исчезать перелѣски,—вблизи самой губы на нѣкоторое разстояніе внутрь полуострова идетъ открытая тундра. Впереди по нашему пути увидали мы съ холма далеко синѣвшую полосу лѣса по Хадыте и свернули налѣво. 4-го утромъ увидѣли далеко на юго-западѣ высокій мысъ Салемалъ, лежащій у начала дельты на правомъ берегу Оби, а

въ 4 часа пополудни вышли на край Обскихъ соровъ немного выше Пуйко.

Промыселъ лежитъ на островѣ того же названія въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега губы. Но путь къ нему круженъ по протокамъ между многочисленными островами Обской дельты. Посланная нами колыданная лодка, которую можно было перетаскивать изъ одного сора въ другой, вечеромъ ушла на промыселъ, а на другой день прислана была съ промысла большая лодка, которая и доставила насъ на Пуйко. Самоѣды наши со стадомъ должны были откочевать сначала къ Хаманёлу, потомъ на Ярро-то, и тамъ стоять до времени обратной раздачи оленей ихъ владѣльцамъ, которые подкочуютъ къ Обдорску въ декабрѣ.

На Пуйко пользовались мы до слѣдующаго дня гостепріимствомъ А. И. Туполева. Казенный пароходъ „Ангара“ недавно прошелъ внизъ къ Хаманёлу и на другой день долженъ былъ пройти обратнымъ рейсомъ. 6 августа вечеромъ прибыли мы на „Ангарѣ“ въ Обдорскъ.

ГЛАВА VI.

Географическій очеркъ полуострова Ямала.—Древнія и новѣйшія карты. Рѣки и озера полуострова. — Замѣчанія о берегахъ и объ устройствѣ поверхности.

Такъ какъ уже съ конца XVI вѣка, а можетъ быть и значительно ранѣе, мореходы Мезенскаго и Печорскаго побережья пользовались рѣчными путями Ямала для торговыхъ поѣздокъ въ Мангазею, и такъ какъ описанія дороги изъ Россіи въ Обь стали извѣстны и нѣкоторымъ иностранцамъ, посѣщавшимъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ Россію, то уже на нѣкоторыхъ старинныхъ картахъ можно видѣть довольно правильное взаимное положеніе Ямала и острова Бѣлаго и отдѣльныя подробности, касающіяся гидрографіи полуострова.

Въ „Чертежѣ всѣхъ Сибирскихъ градовъ и земель“ изъ атласа Ремезова, представляющемъ, повидимому, лишь копію съ дополненіями утраченнаго „Сибирскаго чертежа“, вся береговая линія Ледовитаго океана довольно наивно схематизирована, и очертанія побережья отъ Печоры до Оби имѣютъ мало общаго съ дѣйствительностью. Но на иностранныхъ картахъ Гесселя Герритса и Исаака Массы, составленныхъ, вѣроятно, по русскимъ источникамъ и относящихся къ 1613 и 1633 годамъ [1], на выдающемся къ сѣверу, хотя грубо

---

[1]) Мат. по ист. русской картографіи (изд. Кіевской археогр. комиссіи), в. I, карты №№ XXIX и XXXI. По мнѣнію Аделунга (Beitr. z. Kenntn. d. Russ. Reich, IV, 1841; Зондерванъ. Геогр. карта 1909 — въ статьѣ

очерченномъ полуостровѣ, соотвѣтствующемъ Ямалу, уже нанесены нѣкоторыя рѣки и между ними Мутная и Зеленая. На картѣ Исаака Массы, приложенной, между прочимъ, къ отчетамъ Норденшельда о путешествіи „Веги" и носящей заглавіе „Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is",—довольно правильно помѣщены рѣки Кара и Падарата (Padaritza), Мутная и Зеленая съ озерами и волокомъ, Шараповы Кошки, Тазовская губа,—всѣ съ соотвѣтствующими надписями русскихъ названій, болѣе или менѣе искаженныхъ въ передачѣ латинской азбукой. На широтѣ Тазовской губы помѣщены впадающія въ обскую губу рѣки „Tsernaia" и „Reebnaia" (очевидно, Черная и Рыбная), которыхъ мы не знаемъ въ настоящее время. Сѣвернѣе Мутной показана рѣка Narontza. Въ согласіи съ данными этой карты—поскольку дѣло касается положенія Шараповыхъ кошекъ и рѣчного пути черезъ рѣки Мутную и Зеленую — находятся относящіяся къ началу XVII вѣка письменныя сообщенія англичанъ Ричарда Финча, Вильяма Порсглоу и другихъ, о которыхъ упоминалъ я въ историческомъ очеркѣ, равно и донесенія тобольскихъ воеводъ, писанныя со словъ промышленника пинежанина Лёвки Шубина [1]).

Относительно болѣе точная съемка и морская опись береговъ Ямала на всемъ протяженіи полуострова сдѣлана, какъ извѣстно, участниками Великой Сѣверной экспедиціи лейтенантами Малыгинымъ и Скуратовымъ. Любезности на-

---

Воларовича „Работы по картографіи Россіи"), карта Герритса заказана была въ 1599 г. Борисомъ Годуновымъ и составлялась отчасти по „Большому чертежу".

[1]) На основаніи существующихъ историческихъ данныхъ было возможно приблизительно опредѣлить положеніе древняго торговаго пути черезъ Ямалъ. Въ своей статьѣ „Городъ Мангазея и торговый путь черезъ Ямалъ" (Естеств. и Геогр., 1903, май) я указывалъ, что Мутную и Зеленую нужно искать приблизительно подъ 70° с. ш. А. М. Филипповъ (Зап. по Гидрогр., в. XXVI) совершенно правильно рѣшилъ, что рѣка Мутная есть рѣка Морды теперешнихъ картъ.

чальника Главнаго Гидрографическаго Управленія генералъ-лейтенанта А. И. Вилькицкаго обязанъ я присылкой мнѣ фотографической копіи съ хранящейся въ Гидрографическомъ Управленіи карты, имѣющей слѣдующее заглавіе: „Меркаторская карта Сѣвернаго океана съ назначеніемъ берега отъ реки Печеры до реки Обій съ прилежащими островами и съ частію Новой Земли: зделана съ карты сочиненной съ описій Лейтенантами Малыгинымъ и Скуратовымъ въ 1737 году".

На картѣ этой нанесенъ берегъ материка отъ устья Печоры до Надыма и устья Тазовской губы; южный и части западнаго и восточнаго береговъ острова Бѣлаго; островъ Вайгачъ и часть юго-западнаго берега Новой Земли; также нижнее теченіе Оби съ притоками къ сѣверу отъ Березова. Береговая линія Ямала нанесена съ большими неточностями въ широтахъ и въ подробностяхъ очертаній. Но многія изъ урочищъ этой карты интересно отмѣтить.

Рѣка Падарата названа *Бандарикъ*. Заливъ Мутный по общему характеру очертаній берега и приблизительно по широтѣ соотвѣтствуетъ заливу Бѣлужьему (правильнѣе „Бѣлушьему" отъ „бѣлуха") теперешнихъ картъ. Нѣсколько южнѣе, въ области Мутнаго залива теперешнихъ морскихъ картъ (составленныхъ въ этой части берега исключительно по описи штурмана Иванова), показано устье безымянной большой рѣки, которую приходится считать за Юрюбей; положено это устье очень неправильно, равно какъ и вся линія берега къ югу до Падараты. Къ сѣверу отъ Мутнаго залива показаны Шараповы кошки въ видѣ сплошныхъ идущихъ отъ самаго берега осушныхъ отмелей въ 30 миль длиною и миль въ 8 шириною. Средину ихъ пересѣкаетъ 71°. Сѣвернѣе Шараповыхъ кошекъ нанесены устья рѣкъ *Моржовки малой* (соотвѣтствующей, вѣроятно, рѣкѣ Харасовай), *Моржовки большой* (по положенію устья и довольно правильному сравнительно разлогу устья, это—Моржовка карты Иванова, по самоѣдски—рѣка Тіуте, въ переводѣ „моржъ") и *Киновки* (пови-

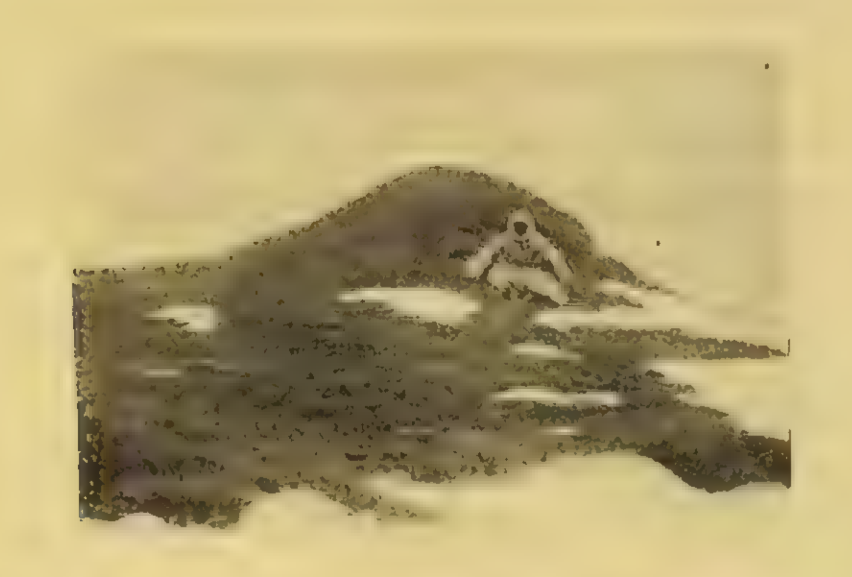
димому, одна изъ рѣкъ между Паинте и Ептармой). Вѣроятно, все это старыя названія, данныя русскими промышленниками.

Названіе *Илмалъ* (Ямалъ) придано участку берега (или мысу?) на юго-западной сторонѣ пролива Малыгина. На юго-восточной сторонѣ отмѣченъ *Дровяной носъ.* Впадающими въ Обскую губу помѣчены рѣки: *Хобека* (?), *Тынбей* (Тамбей), *Ванбева* (Венуй-еуо) и *Свега* (по всему вѣроятію, Сё-яга или древняя Зеленая: устье Сё-яга помѣщено значительно южнѣе его настоящаго положенія). Мысъ Трехбугорный современныхъ намъ картъ названъ мысъ *Та.* Насколько я могъ это установить, по самоѣдски нѣтъ такого слова, и трудно рѣшить, имѣемъ ли мы здѣсь древнее названіе мыса, отъ котораго произошло имя Тазовской губы, или просто сокращеніе названія мысъ *Та*зовской. Самая губа названа *„отъ таза реки губа"*.

Интересно отмѣтить, что на картѣ Малыгина и Скуратова оба берега пролива Малыгина, т.-е. сѣверный берегъ материка и южный—острова Бѣлаго, показаны гораздо болѣе сложными и извилистыми, чѣмъ на теперешнихъ картахъ, соотвѣтствующихъ береговой линіи въ томъ видѣ, въ какомъ имѣется она въ натурѣ въ настоящее время. На картѣ участниковъ Великой Сѣверной экспедиціи мысы и заливы береговъ Малыгина вырисованы очень тщательно и врядъ ли являются продуктомъ фантазіи составителей карты. Вѣрнѣе будетъ предположеніе, что прибой и сильныя теченія, господствующія въ проливѣ, равно какъ вѣтра и весеннія и дождевыя воды, дѣйствуютъ здѣсь сильно на выдающіяся части береговъ, постепенно упрощая ранѣе болѣе сложную береговую линію. Во время пребыванія на проливѣ Малыгина мнѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пришлось наблюдать слѣды разрушительнаго дѣйствія вѣтра, воды и волнъ на низкіе глинистые обрывы южнаго берега пролива. Въ частности древній астрономическій знакъ Малыгина и Скуратова, находящійся на мало-выдающемся мысу, который теперь самоѣды называютъ *Юмба-сале* (*юмба*

значитъ земляная куча), расположенъ у самаго обрыва берега и черезъ годъ-два, вѣроятно, исчезнетъ въ волнахъ. Между тѣмъ, знакъ этотъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ отчетѣ штурманъ Ивановъ, по всему вѣроятію, насыпанъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берегового обрыва.

Слѣдующая подробная карта береговъ Ямала, сдѣланная на основаніи собственной съемки и описи,—это карта штурмана Иванова, работавшаго въ 1827 и 1828 годахъ. Фотографическая копія подлинной карты Иванова (масштабъ—



Знакъ Малыгина и Скуратова на мысѣ Юмба.

10 миль въ дюймѣ) любезно доставлена мнѣ Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ. Въ уменьшенномъ размѣрѣ карта эта напечатана въ V томѣ „Записокъ Гидрографическаго Департамента Морского Министерства" (1847 г.).

На этой картѣ — невѣрной, какъ потомъ оказалось, въ долготахъ, но точной до 1′—2′ въ широтахъ,—на которой помѣчены устья всѣхъ или почти всѣхъ рѣкъ Ямала, впадающихъ въ Обскую губу и Карское море, должны были бы основываться составители позднѣйшихъ картъ. На самомъ дѣлѣ только морскія карты — до послѣднихъ работъ А. И. Вилькицкаго въ Обской губѣ и Ф. К. Дриженко въ Карскомъ морѣ—составлялись по съёмкамъ Иванова. Составители другихъ картъ — напр. 10-тиверстной карты Россіи, карты Тобольской губ. Омскаго отдѣла Генеральнаго штаба, Тобольской

губерніи А. А. Дунина-Горкавича и др.—черпали данныя, касающіяся гидрографіи Ямала, повидимому, изъ другихъ источниковъ. Изъ одной карты въ другую неизмѣнно переходилъ Юрюбей, вытекающій изъ двухъ большихъ озеръ, взаимное положеніе которыхъ, однако, на картахъ совершенно не соотвѣтствуетъ тому, какъ они лежатъ въ дѣйствительности. На большинствѣ картъ наносятся также совсѣмъ фантастическія рѣки *Сосбея* и *Ивога*, которыя нѣкоторыми авторами сочтены почему-то тожественными съ древними Мутной и Зеленой. Рѣкъ съ названіями, хотя приблизительно похожими по звуку на слова Сосбея и Ивога, нѣтъ на Ямалѣ, хотя, конечно, ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что въ XVII столѣтіи плававшіе черезъ рѣки Ямала русскіе называли такъ или приблизительно такъ какія-нибудь изъ рѣкъ полуострова. Откуда взялись перечисленныя мною и нѣкоторыя другія данныя на картахъ второй половины прошлаго и начала нынѣшняго вѣка,—рѣшить трудно. Мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о немногихъ топографическихъ работахъ на Ямалѣ, результаты которыхъ, повидимому, навсегда потеряны. Таковы, напр., упомянутыя мною въ введеніи работы Попова.

Штукенбергъ [1]) сообщаетъ, что въ 1806 году полковнику Попову дано было порученіе изслѣдовать соединеніе *Оленьяго Брода* или *Тыловки* съ Юрюбеемъ вмѣстѣ съ лежащими между ними озерами; если же соединеніе Обской губы съ Карскимъ моремъ по этой линіи признано будетъ неудобнымъ, то Поповъ долженъ былъ постараться найти другой путь. Поповъ не могъ найти ни Мутной, ни Зеленой, ни Оленьяго брода, ни Тыловки,—самоѣды ничего о рѣкахъ съ такими названіями не знали. По словамъ самоѣдовъ, имъ извѣстенъ ручей, самоѣдское названіе котораго нужно перевести словомъ „зеленый“, но ручей этотъ впадаетъ въ Обскую губу

[1]) Stuckenberg. Beschr. aller im Russ. Reiche gegrab. u. projectirt. Canaele, SPt. 1841, p. 294 и слѣд. О рѣкахъ Ямала см. также того же автора „Hydrographie des Russ. Reich“, SPb. 1844, B. II.

близко къ сѣверному концу полуострова. Приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ждалъ найти рѣчки съ древними названіями, Поповъ открылъ рѣки *Хадыта* и *Яди-Падара*,—обѣ мелкія и съ истоками, раздѣленными переваломъ. Конечно, это рѣки *Хадыте* — впервые найденная вновь экспедиціей 1908 г., но извѣстная хорошо многимъ зырянамъ и русскимъ, живущимъ въ Обдорскѣ, — *Яды* и *Падарата*, изъ которыхъ послѣдняя впадаетъ въ Байдарацкую губу; но возможно, что Падарату Поповъ и не видѣлъ, названіе же *падара*, какъ дополнительное, придано было мѣстными самоѣдами рѣкѣ Яды, по которой есть ольховый кустарникъ и криволѣсье: „пàдара" значитъ лѣсная, и возможно, что такъ самоѣды называли обскую Яды въ отличіе отъ другой рѣки Яды, впадающей въ проливъ Малыгина.

Дойдя до склона полуострова къ Карскому морю, Поповъ достигъ двухъ большихъ озеръ, лежащихъ въ области „хребта", прорѣзывающаго полуостровъ; изъ нихъ двумя истоками выходитъ Юрюбей. Главный истокъ довольно широкъ и глубокъ и доступенъ для плаванія. По соединеніи обоихъ истоковъ русло поворачиваетъ на NW къ морю. Вдоль береговъ Юрюбея много озеръ, дающихъ протоки въ рѣку. Снѣговыя воды сильно поднимаютъ рѣку въ началѣ іюня и около мѣсяца поддерживаютъ высокій горизонтъ воды, которая послѣ спадаетъ и въ августѣ стоитъ всего ниже. Отъ мѣста соединенія обоихъ истоковъ до устья Юрюбея около 120 верстъ. Плаваніе по Юрюбею не можетъ встрѣтить препятствій, но берега рѣки кругомъ пустынны: только самоѣдскіе рыбаки плаваютъ по рѣкѣ въ челнахъ.

На противоположномъ истокамъ Юрюбея склонѣ полуострова Поповъ нашелъ сначала рядъ озеръ, которыя лежали въ рядъ на низменности и раздѣлены были узкими перешейками. Изъ послѣдняго озера текла между ёрами (ивовыми зарослями) узкая рѣчка Ой, между истоками которой и истоками Юрюбея въ общемъ находится пространство плоской тундры

въ 15 верстъ 80 саж. длиною. Въ началѣ теченія Ой имѣетъ 4 фута ширины (русло заросло мхомъ), потомъ расширяется; берега имѣетъ сначала плоскіе обросшіе, потомъ крутые обваливающіеся. Глубина рѣчки въ верховьяхъ 5 футовъ, длина 80 верстъ. Съ помощью многочисленныхъ лежащихъ по бокамъ рѣчки озеръ, Ой легко сдѣлать судоходнымъ. Впадаетъ рѣчка въ Обскую губу среди многихъ островов. Мерзлота кругомъ лѣтомъ лежитъ на глубинѣ 3-хъ футовъ. Поповъ снялъ и нивеллировалъ перешеекъ и верховья Ой и Юрюбея; но карты и профили, по мнѣнію Штукенберга, утеряны.

Штукенбергъ, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ объ изслѣдованіяхъ Попова и другихъ источниковъ, пришелъ къ заключенію, что точно рѣшить вопросъ о положеніи древняго торговаго пути черезъ Мутную и Зеленую невозможно, и можно лишь высказать нѣсколько соображеній о тожественности тѣхъ или другихъ названій. Вѣроятно,—говоритъ онъ,—что Ой-я и Оленій бродъ одна и та же рѣка, также Мутная и Юрюбей. Но по историческимъ даннымъ кажется, что древнее судоходство шло изъ Мутной (Юрюбея) не въ Ой-я, а въ Тыловку (?) или Зеленую: разстояніе между истоками Юрюбея и Ой-я слишкомъ значительно; перевалъ же между Юрюбеемъ и Тыловкой неизвѣстенъ.

Повидимому, пропали вовсе или затерялись въ литературѣ результаты и другого изслѣдованія, касавшагося вопроса о соединеніи Обской губы и Карскаго моря. „Изъ эпиграфа рисованной карты—говоритъ Штукенбергъ—не носящей имени составителя, я около 10 лѣтъ тому назадъ списалъ себѣ слѣдующее: въ 1789 году англійскій полковникъ Betson съ англійскими матросами изслѣдовалъ возможность соединенія Карской губы съ Обью. Онъ осмотрѣлъ двѣ линіи, которыя обѣ начинаются отъ Оби ниже Обдорска, простираются въ различныхъ направленіяхъ до Карской губы и соединяются около устья *Jurba* (вѣроятно, Юрюбея). Я не могъ найти болѣе точныхъ данныхъ объ этихъ изслѣдованіяхъ".

Штукенбергъ описываетъ также бывшую въ его распоряженіи рисованную карту Архангельской губ. большого масштаба и приводитъ съ этой карты слѣдующія данныя по гидрографіи полуострова Ямала. Въ Карское море впадаютъ, считая отъ вершины Карской губы, рѣчки: *Эйзоръ*; безымянная рѣчка, текущая прямо отъ О къ W; *Юрюбей*, вытекающій изъ озера посрединѣ полуострова вмѣстѣ съ рѣчкой *Оленій Бродъ*, которая течетъ на востокъ въ Обскую губу; *Моржовка*, впадающая сѣвернѣе Юрюбея. Въ проливъ Малыгина впадаютъ: *Англь-я*, безымянная рѣчка и *Толдей*. Въ Обскую губу: *Суига*, (вѣроятно, Сё-яга), безымянная рѣчка, *Тыловка* или Зеленая, вытекающая изъ озера посрединѣ полуострова, и *Оленій Бродъ*, который, кажется, тожественъ съ рѣкой Ой-я или О-я другихъ картъ.

На упомянутой мною выше картѣ штурмана Иванова, составленной, несомнѣнно, очень тщательно на основаніи собственной береговой съемки, причемъ помѣчены устья рѣкъ, и названія послѣднихъ установлены на основаніи показаній мѣстныхъ самоѣдовъ, имѣемъ слѣдующія рѣки (я покажу ниже, что нѣкоторыя изъ самоѣдскихъ названій переведены Ивановымъ на русскій языкъ).

Впадающія въ Обскую губу сѣвернѣе мыса Хаманѣла между 67° и 68°: *Яды*, *Поворотная*, *Прутничная*, *Островская*, *Безлѣсная*, *Прутничная*. Между 68° и 69°: *Песчаная*, *Торганесю*, *Островская* (впадаетъ нѣсколько южнѣе мыса Каменнаго), *Нурма*, *Озерное горло*. Между 69° и 70°: *Сабіа*, *Средняя*, *Лякке*, *Тосю* или Озерное горло, *Юрюбичи*. Между 70° и 71°: *Халы*, *Сю*, *Сайвори*, *Турма*, *Ярра-о*, *Бѣлая*, *Малая*, *Поруй*. Отъ 71° до 72°: *Вануй*, *Няруй*, *Недарма*, *Гонора*, *Тамбей*, *Саболя*. Сѣвернѣе 72°: *Сопка ляна* и *Песчанка*. Въ проливъ Малыгина помѣчены впадающими рѣки *Яды* и *Моиутта*. Въ Карское море, считая отъ пролива Малыгина: *Пыйндь*, *Ніуттъ*, *Эвтарма*, *Седай*, *Нясебай*, *Сядоръ*, *Юнъ*, *Пуця*, *Нядаты*, *Салтаню*, *Моржовка*, *Хардъ*, *Харосовай*, *Моиутта*, *Нядаты*,

Сяранкуй, Морды, Нябы, Мора-соле, Яундо-сю, Ярра или Песчаная, *Тонзю, Пензеръ, Ясовай, Юрибей, Тара* или Мелкая, *Халтасю, Гонора, Тамбатъ, Хале, Іоркутъ, Янзоръ, Байдарата*.

На восточномъ берегу полуострова Ивановымъ помѣчены мысы Узкой, Салетта, Большой Сетной, Средній Сетной, Каменный, Мунга, Бѣлый, Узкой, Дровяной. На сѣверномъ— мысы Хаенъ и Головина. На западномъ — мысы Пыиндѣ, Эбтарма, Моржовой, Харосовай, Вэнъ-Ганъ, Ясале, Морды, Матю-Сале, Бѣлужій Носъ, Мора-соле, Сарычова. Шарановы кошки нанесены въ видѣ отдѣльныхъ осушныхъ отмелей, лежащихъ между мысами Харосовай и Вэнъ-Ганъ. Вдающаяся между мысомъ Вэнъ-Ганъ и берегомъ губа названа губою Крузенштерна. Мутный заливъ карты Малыгина и Скуратова названъ Бѣлужьей губой, а названіе „Мутнаго“ придано заливу, лежащему миль на 15 южнѣе, у мыса Мора-соле и острова Литке.

Вотъ что сообщаетъ въ своемъ отчетѣ Ивановъ о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ побережья Ямала [1]).

„19 апрѣля, окончивъ повѣрку хронометровъ, и отправя въ Гидрографическое Депо составленныя мною карты, выѣхалъ изъ Обдорска къ устью р. Кары.

„22 апрѣля разбился единственный термометръ; послѣднее его показаніе было — 6°, въ полдень, при W умѣренномъ.

„Вечеромъ 28-го апрѣля остановились противъ Уральскихъ горъ. Слѣдующаго утра вѣтеръ былъ довольно свѣжій, западный, и бывшіе со мною остяки не совѣтовали пускаться въ дорогу: они говорили, что изъ ущелій Уральскихъ горъ вырываются сильные вѣтры, которые сносятъ чумы и опрокидываютъ сани. Я не повѣрилъ имъ, отправился въ путь,—и

---

[1]) Мнѣ показалось полезнымъ привести здѣсь выписки изъ отчета Иванова, такъ какъ отчетъ этотъ напечатанъ въ старомъ журналѣ, не всѣмъ доступномъ и довольно рѣдкомъ, и заключаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о берегахъ и рѣкахъ и вообще о природѣ Ямала.

долженъ былъ на опытѣ убѣдиться въ справедливости предостереженій. Едва мы отъѣхали около трехъ верстъ, какъ дунулъ изъ ущелій порывъ: нѣсколько повозокъ опрокинуло, а лодку, бывшую на саняхъ, перевернуло раза четыре. Это заставило меня снова остановиться.

„1-го мая вѣтеръ затихъ, и мы, исправивъ повозки, отправились далѣе.

„5-го мая пріѣхали къ рѣкѣ Моу и остановились близко того мѣста, гдѣ окончена опись 1826 года.

„6-го мая, оставя обозъ у р. Моу, я переѣхалъ къ устью Карской губы, на мысъ Толстой, для сдѣланія астрономическихъ опредѣленій.

„22-го мая опредѣленъ этотъ пунктъ въ широтѣ 69°, 15′, 47″, долготѣ 65°, 18′, 46″; противъ прежней описи—Лейтенантовъ Малыгина и Скуратова—7′ южнѣе.

„Окончивъ наблюденія, я возвратился къ обозу и 24-го мая описалъ заливъ Торовай.

„Этотъ заливъ имѣетъ два входа: одинъ съ восточной стороны, около прикрутого мыса Хала-Сале или Чаячьяго носа, шириною въ 220 саж.; другой съ сѣверной, шириною около ½ версты. Глубина по заливу до 12 ф. Здѣсь ловятся омули, сиги и щокуры.

„2-го іюня переѣхали рѣку Талату, и на восточной сторонѣ ея, въ 3½ верстахъ отъ устья, на высокомъ берегу, опредѣлено мѣсто обсерваціями.

„Эта рѣка течетъ изъ Уральскихъ горъ, имѣетъ пологіе берега, возвышающіеся до 3 саженъ; ширина до 200 саж., глубина 5 и 6 ф. Въ ней также ловятся сиги, омули и щокуры.

„11-го іюня переѣхали рѣку Байдарату. Эта рѣка течетъ изъ Уральскихъ горъ, имѣетъ ширины до 200 саж., глубины до 8 ф., а при устьѣ расширяется до одной версты; при паденіи образуетъ небольшой заливъ; въ устьѣ есть островки. Фарватеръ въ нее, по словамъ самоѣдовъ, мелокъ, и это должно

быть справедливо, ибо берега ея, верстъ на 15, низменны. Здѣсь ловятся тѣ же рыбы, что и въ Талату.

„20-го іюня пріѣхали къ рѣкѣ Іоркутъ, впадающей въ Байдаратскій заливъ. Эта рѣка течетъ изъ Уральскихъ горъ и при устьѣ имѣетъ до 200 саж. ширины. Мы останавливались въ 7 верстахъ отъ устья и 24-го числа опредѣлили пунктъ.

„5-го іюля пріѣхали къ рѣкѣ Юребею и въ $10^1/_2$ верстахъ отъ устья опредѣлили пунктъ. Ширина этой рѣки до 200 саж.: глубина, мѣстами, до 12 ф., но въ устьѣ мелководна.

„15 іюля достигли Мутнаго залива, по самоѣдски—Тора-Вунга (мелкій заливъ), и остановились на юго-восточномъ мысѣ, возвышающемся до 10 саж. Этотъ мысъ названъ мною Сарычевымъ. Сѣверо-западный мысъ называется Мара-Сале. Этотъ послѣдній низменъ: въ $4^1/_2$ верстахъ отъ него на SO лежитъ большой островъ, названный мною Литке. Между этимъ островомъ и мысомъ Мара-Сале находится еще маленькій, песчаный островокъ, раздѣляющій проливъ на двое: правый или сѣверный имѣетъ ширины 80 саж., глубины до 12 ф., а лѣвый или южный шириною до 300 саж., глубиною до 24 ф. Проливъ между о. Литке и м. Сарычева довольно обширенъ, но мелководенъ, потому что отъ восточной стороны острова простирается отмель съ наружными банками. Надобно думать, что и самый островъ нѣкогда соединялся съ матерпкомъ: замѣчено, что всѣ высокіе берега съ западной стороны подмываются и дѣлаются со стороны моря навѣсистыми. О. Литке простирается по R.NOtN на 9 миль, а въ ширину на $5^3/_4$; съ юго-западной стороны онъ приглубъ. На этой сторонѣ самоѣды нашли выкидного кита, котораго мускула была въ сажень длиною, и привезена въ Обдорскъ.

„1-го августа достигли Бѣлужей губы, по самоѣдски Выборка-пага. Эту губу образуетъ Бѣлужій носъ, выдающійся отъ материка, къ югу, на 5 миль. Она мелководна. Положеніе ея сходно съ тѣмъ Мутнымъ заливомъ, который означенъ на

Заросли ивъ и ольхи на южномъ берегу озера Ярро-то.

Пустынный пейзажъ въ высокой тундрѣ (яръ-хой).

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ и Ко, МОСКВА.

картахъ прежней описи — Малыгина и Скуратова. Только Бѣлужій носъ, по моимъ опредѣленіямъ, лежитъ южнѣе 20 минутами: въ шир. 70°, 2′, 15″, долг. 66°, 46′. Настоящій же Мутный заливъ, предъ симъ мною описанный, не находится на прежнихъ картахъ, и вѣроятно образовался позже.

„Въ Бѣлужей губѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, самоѣды промышляютъ бѣлугъ слѣдующимъ образомъ: въ тихую погоду, когда бѣлуги заберутся въ губу, ловцы выѣзжаютъ на множествѣ лодокъ, и заступивъ устье, начинаютъ ревѣть и стучать и загоняютъ плѣнниковъ на мелкое мѣсто; тамъ уже безъ труда колятъ ихъ спицами. Для подобнаго употребленія я подарилъ одному самоѣду свою старую шпагу.

„13-го августа, подъѣзжая къ мысу Вэнъ-Ганъ (Собачьи сани), увидѣли моржа, вылѣзшаго на отмель, приманили его еще далѣе на сухой берегъ, и застрѣлили съ трехъ выстрѣловъ. Шкура его намъ пригодилась на ремни для упряжи, а мясо и сало раздѣлили между собою самоѣды.

„14-го августа пріѣхали на мысъ Вэнъ-Ганъ и остановились здѣсь для астрономическихъ наблюденій. Губа, образуемая этимъ мысомъ съ материкомъ, имѣетъ въ длину по NO 7 миль, а въ ширину $7^1/_2$, и вообще мелководна. Я назвалъ ее губою Крузенштерна.

„Отправясь отсюда 19-го августа, 23-го пріѣхали къ рѣкѣ Моржевкѣ. Эта рѣка вытекаетъ изъ озера: правый ея берегъ (при устьѣ) низменъ, а лѣвый высокъ: ширина устья до 70 саж., глубина $3^1/_2$; далѣе внутрь, берега высокіе, и глубина у нихъ до $5^1/_2$ саж. На мѣстѣ, гдѣ мы останавливались, стоитъ крестъ, поставленый нынѣшнимъ же лѣтомъ однимъ Пустозерскимъ крестьяниномъ, бывшимъ здѣсь съ карбасомъ на промыслѣ. Мы и сами упромыслили здѣсь моржа-самку, со щенкомъ.

„27-го августа начало морозить и пошелъ снѣгъ. 1-го сентября опредѣлили устье р. Моржевки.

„1-го же сентября отправились съ описью вверхъ по рѣкѣ;

3-го переправились черезъ р. Моржовку на лодкахъ и, перемѣнивъ оленей, стали продолжать береговую опись.

„18-го сентября пріѣхали на низменный песчаный мысъ, выдающійся отъ сѣверо-западной оконечности полуострова Ялмалъ къ ONO, и образующій, съ материкомъ, небольшой мелководный заливъ. Этотъ мысъ мною названъ Головнинымъ. Отсюда временно, бываетъ видимъ островъ Бѣлый.

„22-го сентября достигли знака, поставленнаго въ предшествующую опись 1737 года. Этотъ знакъ сложенъ изъ земли, въ видѣ конуса, и уже довольно поразмытъ дождями.

„На пути сюда, отъ мыса Толстаго, проѣзжали слѣдующія рѣки: Ханде, Либе, Най, Сядоко, Неруолово, Моу, Элинцеолово, Янто-ею, Салетей, Ярру, Суяко, Сабулцу, Пензу, Тонзю, Талату, Сядай, Япта-Сале, Пдорму, Нензу, Байдарату, Япзоръ, Юркутъ, Хали, Тамботъ, Гонуру, Халтасю, Торю, Юрюбей, Ясовай, Пензеръ, Тонзю [1]), Яупдосю, Ойю, Морру, Нябы, Мораду, Серанъ-Куй, Няду, Могутту, Хоросовай, Хардтъ, Моржовку, Салтанцю, Нядаты, Пуцу, Юнъ, Сядоръ, Пяседай, Сядай, Эбтарму, Ніутте, Пыйнде.

„23-го сентября проливъ между мысомъ и островомъ Бѣлымъ мѣстами покрылся льдомъ.

„26-го сентября, около осьми часовъ вечера, было видимо сѣверное сіяніе: сперва образовалась небольшая дуга, выпуклостію обращенная къ востоку; потомъ она превратилась въ разноцвѣтныя полосы, имѣвшія вертикальное направленіе, и двигавшіяся въ восточную сторону. Вѣтеръ былъ WSW, тихій.

„Я имѣлъ намѣреніе отсюда переправиться на островъ Бѣлый и сдѣлать ему опись; для этого надобно было дождаться, пока закрѣпнетъ ледъ въ проливѣ. Однакожъ, самоѣды отказались содѣйствовать мнѣ: съ одной стороны, они представляли,

[1]) За этою рѣкою на картѣ слѣдуетъ Ярра или Песчаная, о которой не упомянуто въ текстѣ. Многія изъ поименованныхъ здѣсь рѣкъ на картѣ не означены.

что на островѣ недостаточно корма для оленей, съ другой, что можетъ быть придется ждать слишкомъ долго, пока станетъ проливъ. По этому, водрузивъ у знака прежней описи крестъ съ надписью нашихъ именъ, 27-го числа я отправился къ Обдорску.

„20-го марта мы отправились къ описи. Еще въ Обдорскѣ, во время ярмарки, я узналъ, что самоѣды изъ рода Харючи бывали на островѣ Бѣломъ, и что этотъ родъ, по сбору ясака, находится въ вѣдѣніи старшины Сади Вукатича; по этому я рѣшился, проѣзжая по тундрѣ, отыскать означеннаго старшину и согласить въ провожатые, а не согласится, то просить, чтобъ порекомендовалъ вмѣсто себя другого самоѣда, изъ бывалыхъ, или удержать насильно. 14-го апрѣля, пріѣхавъ къ седьмой смѣнѣ оленей, мы нашли Вукатича и его товарищей, готовыми для исправленія очередной ихъ ѣзды. На другой день, когда мы прибыли къ слѣдующей смѣнѣ, я удержалъ Вукатича и пригласилъ его къ поѣздкѣ со мною на о. Бѣлый. Онъ отозвался, что самъ бывалъ на этомъ островѣ только въ малолѣтствѣ, съ отцемъ, а теперь ничего не знаетъ о мѣстности; но обѣщалъ показать знающаго самоѣда и отправился вмѣстѣ съ нами. 21-го апрѣля, на десятой смѣнѣ оленей, онъ дѣйствительно представилъ мнѣ самоѣда, бывавшаго на о. Бѣломъ, для промысла бѣлыхъ медвѣдей, — того самаго, котораго я приглашалъ еще прошлою осенью. Я обѣщалъ, по окончаніи описи о. Бѣлаго, на каждое изъ провожавшихъ семействъ дать по кулю ржаной муки, но получилъ новый отказъ: самоѣды отзывались незнаніемъ мѣстъ и другими причинами. На слѣдующій день мы отправились уже съ новымъ вожатымъ къ мысу, у котораго поставленъ знакъ, и я рѣшился, если продолжится сопротивленіе проводника, употребить понужденіе.

„24-го апрѣля пріѣхали на мысъ и остановились у знака. Въ переѣздъ по тундрѣ замѣтили, что во многихъ чумахъ свирѣпствуетъ оспа, а у нѣкоторыхъ изъ самоѣдовъ она откры-

валась и въ дорогѣ; такіе, обыкновенно, возвращались къ своимъ семействамъ.

„25-го апрѣля день былъ солнечный, и мы занимались наблюденіями.

26-го апрѣля я предпринялъ поѣздку на островъ, для удостовѣренія, дѣйствительно ли тамъ нѣтъ оленьяго корма, въ чемъ увѣряли самоѣды. Въ самомъ дѣлѣ, мы нигдѣ не нашли мха; только изрѣдка попадалась иссохшая трава, а далѣе къ сѣверу берегъ песчаный, и все снижается. Убѣдившись въ такомъ существенномъ недостаткѣ, я приказалъ самоѣдамъ запастись мхомъ на матеромъ берегу; но они не выполнили моего приказанія. Теперь я не зналъ, на что рѣшиться.

„28-го я велѣлъ самоѣдамъ отобрать лучшихъ оленей на восемь смѣнъ. Олени и вообще весною не бываютъ тучны, а теперь, какъ будто нарочно, намъ приводили изнуренныхъ; я послалъ моего помощника на островъ для описи берега, настолько, насколько выдержатъ олени.—Въ двѣ поѣздки г. Рагозинъ описалъ берегъ острова съ западной стороны до широты 73°, 25′. 4-го мая я ѣздилъ на южную сторону острова, и по меридіональной высотѣ солнца опредѣлилъ широту; долготу же положилъ по пеленгу опредѣленнаго знака.

„7-го мая сдѣлали опись, по берегу, отъ знака до рѣки Яды.

„8-го мая сдѣлали опись, по южной сторонѣ острова, до восточнаго мыса, наименованнаго мною мысомъ Шуберта.

„9-го мая сдѣлали опись отъ рѣки Яды до мыса Хаенъ и остановились на этомъ послѣднемъ, какъ для наблюденій, такъ по удобству къ переправѣ отсюда на островъ. Здѣсь получилъ новую смѣну оленей, но гораздо худшую прежнихъ, и потому удержалъ при себѣ обѣ смѣны. Отсюда, также въ двѣ поѣздки, описали восточную сторону острова, до широты 73°, 26′. Болѣе не могли сдѣлать, ибо олени, на пути, падали отъ изнуренія, и г. Рагозинъ возвращался съ работъ уже за полночь. На этой сторонѣ острова находили много раз-

ныхъ родовъ выкиднаго лѣса, и замѣтили по торосамъ, что отъ послѣдняго пункта берегъ продолжается къ сѣверу не далѣе какъ на 50 верстъ.

„Послѣ послѣдней поѣздки, 17-го мая, самоѣды уже рѣшительно отказались продолжать опись острова. Случится вьюга,—говорили они,—мы заплутаемся и погибнемъ съ усталыми и голодными оленями; нападетъ медвѣдь, и отъ него не въ силахъ будемъ убѣжать. Я возражалъ, что они ѣздятъ же на промыслы и не боятся ни вьюги ни медвѣдей; но они отвѣчали, что тѣ поѣздки бываютъ кратковременны, и при этомъ разсказали два давнишнихъ случая: одинъ, какъ медвѣдь едва не заѣлъ; другой, какъ вьюга замела дорогу и заставила проплутать пѣшкомъ шесть дней. Я и самъ видѣлъ необходимость дать роздыхъ оленямъ, для возобновленія этихъ трудныхъ поѣздокъ; но, съ другой стороны, опасаясь запоздать описью матераго берега зимнимъ путемъ (лѣтній, по множеству рѣкъ и безснѣжности, не удобенъ), я рѣшился отказаться отъ продолженія описи острова, и 20-го мая отправился далѣе, къ востоку.

„22-го мая продолжили опись до восточнаго мыса полуострова Ямалъ—Поелово или Дровяной. Дровянымъ онъ названъ потому, что на немъ много выкиднаго лѣса.

„Здѣсь простояли три дня, за сильною вьюгою. Въ первый разъ мы испытали такую сильную вьюгу: нельзя было открыть глазъ противъ вѣтра, и въ десяти саженяхъ мы не различали предметовъ: выходившіе изъ чума возвращались назадъ уже на голосъ; въ теченіи ночи чумъ заносило снѣгомъ болѣе чѣмъ на половину, и во внутрь его набивалось премного снѣга. Во все это время мы сидѣли въ чумѣ — то дрожа отъ холода, то плача отъ дыма, если разводили огонь; дымъ наполняетъ чумы и при посредственныхъ вѣтрахъ, но тогда бываетъ возможность выходить на открытый воздухъ.

„26-го мая погода стихла, и мы, перемѣнивъ оленей, отправились далѣе.

„5-го іюня прибыли къ рѣкѣ Тамбей, и остановились на южной сторонѣ ея, для опредѣленія мѣста.

„Вытекая изъ озера, эта рѣка впадаетъ въ Обскую губу тремя рукавами; берега, при устьѣ, низменны.

„13-го іюня отправились далѣе; отсюда стала показываться заберега по небольшимъ рѣчкамъ, протекающимъ въ низменныхъ берегахъ.

„Новая смѣна оленей прибыла только 20-го іюня, ибо назначенный въ эту очередь старшина замѣшкалъ выѣздомъ. Чрезъ это замедлилась опись: олени прежней смѣны были утомлены: надобно было останавливаться и посылать отыскивать старшину новой смѣны.

„21-го іюня мы переѣхали рѣку Ваннуй, и здѣсь опять перемѣнили оленей.

„1-го іюля достигли мыса Бѣлаго, и остановились здѣсь для наблюденій. Бѣлымъ этотъ мысъ называется потому, что около него, почти во все лѣто, стоитъ ледъ. Отсюда видѣнъ восточный берегъ Обской губы, но худо.

„15-го, послѣ полудня, пріѣхали къ тремъ рѣчкамъ: Лякке, Хэй и Сабіи, впадающимъ однимъ устьемъ у мыса Мунга. Ширина устья $1^3/_4$ мили; глубина, у южнаго берега, до 8 ф. Противъ мыса Обская губа была далеко вскрыта отъ льдовъ.

„23-го прибыли къ Каменному носу, и какъ на немъ нѣтъ оленьяго корма, то остановились для наблюденій, не на самой оконечности, а нѣсколько далѣе. Этотъ мысъ низменъ, каменистъ, простирается отъ мѣста наблюденій на 4 мили и образуетъ съ матерымъ берегомъ небольшой заливъ: къ югу отъ мыса тянется короткій рифъ.

„9-го августа пріѣхали къ мысу Салетта и остановились для наблюденій. Этотъ низменный, песчаный мысъ образуетъ здѣсь небольшой мелкій заливъ.

„14-го августа отправились далѣе. Отсюда начали показываться кустарники ольховаго и сосноваго лѣса. Эти кустарники весьма затрудняли опись, и наконецъ стали такъ густы,

что 23-го числа мы уже были совершенно остановлены ими: не было возможности не только ѣхать, но даже и пѣшкомъ идти, тѣмъ болѣе, что мѣста, вообще, болотистыя. Продираясь въ кустарникахъ, г. Рагозинъ повредилъ себѣ глазъ. Убѣдившись въ невозможности продолжать опись по морскому берегу, я поставилъ въ лѣсу знакъ и пошелъ мѣрою во внутрь берега, къ видимымъ двумъ сопкамъ, гдѣ поставилъ новый знакъ, и оттуда сталъ объѣзжать лѣсъ.

„27-го августа, объѣхавъ лѣсъ, остановились на высокомъ мѣстѣ, и опредѣлили, по пеленгамъ поставленныхъ знаковъ, положеніе лѣсистаго берега, оставленнаго не описаннымъ. Отсюда берегъ пошелъ возвышенный: передъ нимъ лежатъ острова, простирающіеся, по словамъ самоѣдовъ, до рѣки Надыма: проливъ между ними и берегомъ мелокъ, какъ это видно изъ того, что самоѣды, бывшіе на островахъ для промысла, ходили въ бродъ.

„29-го августа доѣхали съ описью до мыса Сюней, на которомъ нашли три самоѣдскіе чума, а неподалеку еще двѣнадцать такихъ же. Здѣсь самоѣды занимались рыбными промыслами.

„Въ переѣздѣ до мыса встрѣтилась небольшая рѣчка, называемая самоѣдами Хоррута или Лиственничная: она протекаетъ въ лѣсистыхъ берегахъ, имѣетъ ширины до 10 саж., глубины до 10 ф. Переправясь черезъ нее на самоѣдской лодкѣ длиною до 5 саж., шириною въ 4 ф., я благополучно вышелъ на берегъ, но толмачъ, неосторожно вставшій на край, опрокинулъ лодку и едва не утонулъ. Вообще надобно замѣтить, что лодки самоѣдовъ и остяковъ дѣлаются чрезвычайно неловко: подводная часть образуется изъ одного весьма длиннаго бревна, и къ нему пришиваются бортовыя доски довольно высоко, но вовсе безъ развода.

„На мысѣ Сюней есть самоѣдское кладбище: тутъ стоитъ множество незарытыхъ гробницъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и утвержденныхъ на колышкахъ; тѣла лежатъ въ полномъ само-

ѣдскомъ костюмѣ, окруженныя обломками домашней посуды и разными металлическими вещицами; подлѣ каждой гробницы воткнутъ тюръ, т.-е. шестъ, какимъ погоняютъ оленей.

„Для продолженія описи встрѣтилось новое препятствіе. Высокій берегъ отсюда принялъ направленіе къ NNW, весьма далеко во внутрь, а низменный покрытъ лѣсомъ.

„30-го и 31-го августа и 1-го сентября была сильная вьюга, а потому оставались на мѣстѣ.

„2-го сентября, при ясной погодѣ, опредѣлили широту мѣста, по меридіональной высотѣ солнца. Въ тотъ же день, для привязанія дальнѣйшей описи, поставленъ здѣсь знакъ.

„3-го сентября пріѣхали на мысъ Хаманьолъ, гдѣ нашли восемь чумовъ самоѣдовъ, промышляющихъ рыбною ловлею. Этотъ мысъ есть часть высокаго берега, выдавшагося къ проливу; по обѣ его стороны простирается берегъ низменный, обросшій лѣсомъ. Сюда самоѣды приглашаютъ русскихъ на жительство, по удобству мѣста къ мѣновой торговлѣ.

„Запеленговавъ знакъ на мысѣ Сюней по R. NO $43^1/_2$°, 9-го сентября мы отправились далѣе. По 14-е сентября едва прошли съ описью около десяти верстъ, какъ возвышенный берегъ опять смѣнился низменностью, покрытою лѣсомъ. Видя, что придется продолжать опись скачками, съ мыса на мысъ, связывая ихъ знаками, но пропуская находящіяся между ними низменности, и находя подобную опись не соотвѣтствующею своему назначенію, рѣшился оставить ее. Я бы еще могъ дождаться времени, когда станетъ губа, и довершить опись по льду, но это могло меня задержать на мѣстѣ слишкомъ долго, и плата за оленей была бы растрачена безполезно.

„20-го сентября мы пріѣхали къ рѣкѣ Щучьей; берегъ отъ нея идетъ къ югозападу, и отъ противолежащаго отдѣляется проливомъ, шириною до 10 верстъ.

„28-го сентября пріѣхали къ Юндырскимъ остякскимъ юртамъ, на западномъ берегу рѣки Оби. Здѣсь, и выше по рѣкѣ, остяки ловятъ осетровъ крючками и до заморозовъ

свозятъ въ озера, откуда потомъ ихъ вынимаютъ, солятъ и замораживаютъ.

„30-го сентября достигли береговъ рѣки Оби, ниже рѣчки Полуй, и я съ инструментами отправился пѣшкомъ въ Обдорскъ, а обозъ оставилъ у Юндырскихъ юртъ до мороза“.

Въ позднѣйшее сравнительно время изъ рѣкъ, текущихъ въ предѣлахъ полуострова Ямала, были сняты — и притомъ почти одновременно въ 1877 году двумя экспедиціями — только Щучья и Надарата, которыхъ теченіе можетъ быть удобно принято за южную границу полуострова. Карты этихъ рѣкъ напечатаны при отчетѣ экспедиціи Орлова и Матвѣева и Бременской Сибирской экспедиціи, въ которой участвовали Брэмъ, Финшъ и графъ Вальдбургъ [1]). Морскія карты были исправлены (сильно измѣнены были главнымъ образомъ долготы Иванова) по съемкамъ и астрономическимъ пунктамъ экспедицій А. И. Вилькицкаго (1894—5 гг.) въ Обской губѣ и Ф. К. Дриженко на пароходѣ „Пахтусовъ“ на Карскомъ побережьѣ Ямала 1904 года.

Съёмки экспедиціи, результаты работъ которой я здѣсь описываю, сдѣланы главнымъ образомъ въ центральныхъ частяхъ полуострова, вблизи „хребта“, т.-е. водораздѣла Карскаго моря и Обской губы, по линіямъ маршрутовъ, помѣченныхъ на картѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ линія маршрутной съёмки была нѣсколько расширена разъѣздами. Всюду я и мои спутники пользовались случаемъ путемъ разспросовъ — при помощи нашихъ прекрасныхъ переводчиковъ — собирать свѣдѣнія отъ самоѣдовъ о рѣкахъ и озерахъ, мѣстахъ впаденія рѣкъ, характерѣ береговъ и устройствѣ поверхности различныхъ областей полуострова. Собранныя данныя сопо-

---

[1]) Отчетъ экспед., снаряж. въ 1876 г. Общ. для сод. русск. пром. и торговлѣ для изслѣд. сообщеній Байдарацкой губы съ рѣкою Обью — Матвѣева и Орлова. Спб. 1877 (съ картой) и Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. v. Dr O. Finsch (Berlin 1879). См. выше историческій очеркъ.

ставлялъ я, какъ со съемками, сдѣланными нами, такъ и съ данными карты Иванова.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Обскую дельту и Обскую губу южнѣе мыса Каменнаго (рѣчки эти въ общемъ не велики и лѣтомъ не богаты водой), болѣе значительныя—*Хадытѣ* и *Яды*. Хадыте, которую, несмотря на близость ея къ русскимъ рыбнымъ промысламъ дельты, мы, кажется, впервые помѣстили на карту, начинается, по показаніямъ самоѣдовъ, въ западной половинѣ полуострова, приблизительно на широтѣ устья Падараты, и течетъ сначала на S, потомъ на SW, поворачивая затѣмъ снова на S и впадая между устьемъ Щучьей и проливомъ Пуйко въ соединенный съ рукавомъ дельты Хадытинскій соръ, который обскіе промышленники называютъ *Нѣбылово*, а самоѣды—*Нйбилова*, отъ *нйби*—игла, такъ какъ тутъ промышляютъ щуку на крючья. Въ среднемъ теченіи, гдѣ мы переходили Хадыте (по снѣгу), русло рѣки имѣло саженъ 10—12 шириною. Долина (около версты шириною, ниже, по словамъ самоѣдовъ, расширяется) кругомъ покрыта высокоствольнымъ лѣсомъ; сплавъ этого лѣса къ промысламъ на Обь, вѣроятно, не представилъ бы трудностей. Справа въ Хадыте впадаютъ рядъ рѣчекъ и ручьевъ, которые перешли мы, двигаясь на сѣверъ: это *Халмеръ-яга*, вытекающая, по словамъ самоѣдовъ, изъ группы озеръ *Лимбемтиди* (Орлиное гнѣздо), *Вода-яга* съ притокомъ *Хотамбой*, *Тинъ-яга* и *Харуата-яга*. Слѣва — много мелкихъ ручьевъ, связанныхъ съ проточными озерами, и болѣе значительная рѣчка *Тобонтарка*, сливающаяся изъ многихъ ручьевъ, близко подходящихъ верховьями къ верховьямъ притоковъ Яды.

Какъ и всюду въ другихъ мѣстахъ тундры, многочисленныя небольшія (въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, въ квадратную версту и менѣе), частью мелкія, зимою промерзающія до дна, частью болѣе глубокія—до 2—3 саженъ—озера разбросаны въ обширномъ бассейнѣ Хадыте. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ озера эти проточныя,—изъ нихъ вытекаютъ

ручьи и рѣчки, впадающіе въ Хадыте, или протоки текутъ изъ одного озера въ другое.

Верстахъ въ 40—45 къ сѣверу отъ верховьевъ Тобонтарки лежатъ истоки *Яды*, текущей изъ группы довольно большихъ озеръ *Яды-малъ-то*. Рѣка течетъ сначала на югъ, потомъ, приблизившись къ верховьямъ Тобонтарки, на ЮВ, впадая въ губу нѣсколько южнѣе бухты Находки. Въ верхнемъ теченіи рѣчка узка и небогата водою; въ губу впадаетъ нѣсколькими рукавами. Вблизи Пуйко, т.-е. нѣсколько ниже устья Хадыте, впадаетъ въ Обскую дельту маленькая рѣчка *Хонде-яга*.

Сѣвернѣе Находки на картѣ Иванова отмѣчены устья рѣчекъ Поворотной, Прутничной, Островской, Безлѣсной и снова Прутничной. Это переводъ самоѣдскихъ названій, которыя соотвѣтственно таковы: *Салетта* (буквально Мысовая, имѣющая много мысовъ, отъ *салé*—мысъ), *Паюте* (буквально Ольховая, отъ *паю*—ольховый кустарникъ—и качественной приставки *те*), *О-яга* (*о*—островъ), *Нясидай* и снова *Паюте*. На верховья Паюте выходилъ В. Н. Введенскій, идя съемкой отъ озера Ярро-то. Русло рѣчки было завалено снѣгомъ, и поднявшійся сильный буранъ не позволилъ довести работы до губы. Повидимому—по счисленію и показаніямъ самоѣдовъ—онъ выходилъ на верховья сѣверной Паюте, впадающей сѣвернѣе Сѣтного мыса. Съ озеромъ (восточнымъ) Ярро-то, по словамъ самоѣдовъ, сближены также верховья О-яга (Островская карты Иванова), которая, вѣроятно, тожественна съ О-я или Ой-я старыхъ извѣстій и картъ. Ручей *Хонде-яга* впадаетъ въ губу, по показаніямъ самоѣдовъ, между О-яга и Нясидай. Къ сѣверу до мыса Каменнаго впадаютъ *Ярра* или Песчаная, *Тарнынесé* (названіе которой искажено на картѣ Иванова) и снова *О-яга*. Мысъ Сѣтной—по самоѣдски *Понгасале*, отъ *понга*—мерёжа. Установившееся на картахъ названіе—мысъ Каменный—есть невѣрный переводъ самоѣдскаго Пои-сале, что значитъ мысъ Кривой (отъ его формы). Въ

произношеніи это слово похоже на Пай-сале—мысъ Камень,— что и сбило, вѣроятно, переводчика, помогавшаго Иванову. Мои переводчики также нѣкоторое время не могли разобраться въ этихъ словахъ и приводили самоѣдовъ въ недоумѣніе, переводя мои разспросы о томъ, есть ли на мысу выходы камня, и почему мысъ называется Каменнымъ, разъ — какъ утверждали самоѣды—камня нѣтъ.

Рѣчки Паюте и О-яга, по словамъ самоѣдовъ, бѣдны водой, и въ концѣ сухого лѣта иногда вовсе изсякаютъ. Верстахъ въ 10 къ западу отъ верховьевъ Паюте, отдѣленное отъ нихъ пространствомъ низкой тундры, лежитъ восточное изъ двухъ большихъ озеръ *Ярро-то*, изъ которыхъ выходитъ *Юрюбей*, и которыя принадлежать такимъ образомъ бассейну Карскаго моря. Здѣсь водораздѣлъ Карскаго моря и Обской губы, который на большей части протяженія полуострова тянется близъ его средины, круто поворачивая къ востоку южнѣе озеръ Ярро-то, проходитъ всего верстахъ въ 30 отъ губы. Пространство между верховьями Паюте и озеромъ Ярро-то и выходящимъ изъ него восточнымъ истокомъ Юрюбея, вѣроятно, не лишено ручьевъ и небольшихъ озеръ, которыми вообще очень богаты тундры Ямала. Но В. Н. Введенскій проходилъ здѣсь по снѣгу и во время начинавшагося уже бурана, такъ что о гидрографическихъ условіяхъ перевала трудно было составить себѣ понятіе.

Самоѣды, шедшіе со мною, и нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ видѣли мы вблизи озеръ Ярро-то, знали по имени помѣченныя на картѣ Иванова сѣвернѣе мыса Каменнаго рѣчки *Нурма-яга* и *Озерное горло* (по самоѣдски *То-сё*,—по всему вѣроятію, истокъ одного изъ многочисленныхъ въ средней полосѣ Ямала озеръ). Сѣвернѣе, приблизительно подъ 69°25′, однимъ широкимъ морскимъ устьемъ впадаютъ въ губу рѣки *Сабъ-яга*, *Ёръ-яга* (въ переводѣ Средняя) и *Лякка-яга*, изъ которыхъ Средняя наибольшая и самая богатая водою. Общее устье этихъ рѣкъ, образующее, по словамъ самоѣдовъ, ши-

рокій разлогъ (что находится въ согласіи съ картой Иванова), ограничено съ сѣвера мысомъ *Няруй-сале*, съ юга мысомъ *Яптикъ-сале* (самоѣды знаютъ, однако, и названіе мыса Мунга, помѣщенное на картѣ Иванова). Небольшая рѣчка Сабъ-яга, по словамъ самоѣдовъ, начинается недалеко отъ губы. Приблизительно параллельно съ Сабъ-яга течетъ также небольшая *Наду-яга*, впадающая справа въ самое нижнее теченіе Ёръ-яга. Эта послѣдняя богата водою весной и въ дождливое время, въ сухіе же года лѣтомъ ее во многихъ мѣстахъ переѣзжаютъ на оленяхъ. Ёръ-яга вытекаетъ изъ довольно значительнаго и — по словамъ самоѣдовъ — глубокаго озера *Сяо-то* (около 40 верстъ площадью) и въ верхнемъ теченіи—вблизи озера—называется *Сяотенъ-сё*. Восточные, сѣверные и южные берега озера на части своего протяженія образованы высокими и крутыми осыпями. Лѣтомъ на озерѣ промышляютъ рыбу, и самоѣды отличаютъ рядъ примѣтныхъ крутыхъ мысовъ въ восточной и южной части озера—Пеу-сале, Нядолово-сале, Таню-сале и др. Самоѣды сообщали мнѣ, что озеро богато рыбой, и что по Ёръ-яга иногда заходятъ въ него изъ губы тюлени.

Вблизи Сяо-то и вдоль верхняго теченія Ёръ-яга разбросано много меньшихъ озеръ. Сяо-то лежитъ тѣсно у самаго „хребта" (водораздѣла), и, по словамъ нашихъ проводниковъ, очень близко отъ западнаго его берега начинаются ручьи, впадающіе въ озеро *Соонъ-то*, изъ котораго въ свою очередь рѣчка течетъ въ Юрюбей. Въ то же время тѣсно сближены верховьями впадающіе въ Юрюбей ручьи *Халмеръ-япака* и *Ненздаъ-япака*, съ одной стороны, и *Сядымеу-яга*, проходящая черезъ озеро Сяутенъ-то и текущая въ Ёръ-яга, съ другой. Въ этомъ мѣстѣ водораздѣлъ, тянувшійся параллельно Обской губѣ и невдалекѣ отъ нея, круто поворачиваетъ къ западу, огибая Сяо-то и склоняясь къ центральной области Ямала. По разспроснымъ свѣдѣніямъ, въ нѣсколькихъ верстахъ сѣвернѣе Сяо-то лежитъ озеро *Ламзинъ-то*, изъ котораго рѣчка *Ламзинъ-то-сё* течетъ въ Ёръ-яга. Лякка-яга, сначала подъ име-

немъ *Лякутенъ-сё*, течетъ изъ озера *Ляку-то*, соединеннаго протокомъ съ вытянутымъ съ сѣвера на югъ озеромъ *Пырри-то*. Сѣвернѣе лежитъ рядъ довольно большихъ озеръ, протоки которыхъ собираются въ рѣку *Сабарри-сё*; возможно, что рѣка эта тожественна съ протокомъ „Тосю“ (То-сё) или „Озерное горло“ карты Иванова. Значительное количество озеръ разбросано, по словамъ самоѣдовъ, по обѣимъ сторонамъ нашего маршрута на всемъ пространствѣ между Юрюбеемъ и рѣкой Се-яга, о которой я буду говорить ниже. Общимъ устьемъ съ Сё-яга или Зеленой впадаетъ рѣка *Ясавай*, имѣющая много мелкихъ притоковъ, нѣкоторые изъ которыхъ начинаются сѣвернѣе озера *Ямбу-то*.

Южнѣе устья *Сё-яга* („Сю“ Иванова) на картѣ Иванова помѣщены устья рѣчекъ *Юрюбичи* и *Халы*. Самоѣды говорили, что они знаютъ 2 маленькихъ рѣчки *Юрюбéчи*, которыя впадаютъ въ губу близко другъ отъ друга. Что касается до названія „Халы“, то едва ли не основано оно на недоразумѣніи. *Халы* по-самоѣдски значитъ китъ, и названіе это прилагается, по увѣренію самоѣдовъ, къ холму, лежащему приблизительно въ этой широтѣ на берегу Обской губы. Нѣкоторые самоѣды говорили мнѣ, что вблизи этого холма впадаетъ въ губу малая рѣчка *Выдпмай-яга*.

Что касается до названій рѣчекъ на картѣ Иванова, устья которыхъ помѣчены къ сѣверу отъ „Сю“ (Сё-яга) до Венуя, то тѣ изъ самоѣдовъ, которыхъ приходилось мнѣ объ этомъ разспрашивать, не знали всѣхъ названій, указывая только, что мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ губу въ этой широтѣ, много. Почти всѣ знали, однако, рѣки *Турму*, *Поруй-яга* и близко отъ послѣдней впадающую *Бѣлую* (по самоѣдски *Сэръ-яга*, вѣрнѣе—Ледяная рѣчка).

Венуй или *Венуй-еуо*, какъ чаще называютъ эту рѣку самоѣды, одна изъ болѣе крупныхъ рѣкъ на Ямалѣ. Вытекая изъ центральныхъ областей полуострова, она идетъ сначала приблизительно на NNO, потомъ дѣлаетъ крутую петлю и

поворачиваетъ на юго-востокъ. Вдоль верхняго теченія рѣки долина ея слѣва сопровождается высокими осыпями, видными издалека. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я перешелъ рѣку и ея долину, покрытую снѣгомъ, ширина русла была саженъ 15, правый берегъ приподнятъ, отъ лѣваго тянутся пески, постепенно переходящіе въ низкую лайду и далѣе въ низкую же тундру, такъ что границы долины мало замѣтны. По словамъ самоѣдовъ, рѣка богата водой и не имѣетъ мелкихъ бродовъ и лѣтомъ, такъ что ее приходится переѣзжать въ лодкахъ. Справа впадаетъ въ Венуй рѣка *Ныпемордомо*, слѣва *Ялатты-яга* и *Томбой-сё*, вытекающая изъ озера *Томбой-то*, одного изъ немногихъ — по словамъ самоѣдовъ — болѣе замѣтныхъ озеръ этихъ областей полуострова: къ сѣверу отъ линіи, соединяющей устья Сё-яга и Морды, озеръ на Ямалѣ вообще мало.

Направленіе, которое давали мнѣ самоѣды отъ мѣста моего переѣзда черезъ Венуй на устье рѣки, не совпадали съ моимъ счисленіемъ пути и картой Иванова. По показаніямъ проводниковъ, переходя рѣку, мы находились южнѣе траверса ея устья. Я ѣхалъ отъ Ямбу-то при частыхъ метеляхъ, во время которыхъ иногда сбивались проводники, и возможно, что сильно ошибался въ счетѣ разстояній. Въ такомъ случаѣ, сравнительно съ положеніемъ ихъ на отчетной картѣ, должна быть помѣщена южнѣе петля Венуя, а параллельно съ этимъ также верховья Ясавай и слѣдующая за Венуемъ къ сѣверу рѣка *Сабетта* съ притоками. Эта послѣдняя, вытекая, по словамъ самоѣдовъ, изъ озера, лежащаго вблизи „хребта", течетъ въ губу. Направленіе, которое давали самоѣды на ея устье, совпадало приблизительно съ положеніемъ устья рѣки Недармы на картѣ Иванова. Эту послѣднюю рѣку перешелъ я нѣсколько сѣвернѣе. На картѣ Сабетта не доведена до губы, такъ какъ, продолживъ ее по показаніямъ проводниковъ, пришлось бы пересѣчь ея теченіе съ теченіемъ Недармы. Вѣроятно, что дѣло здѣсь сводится къ большимъ ошибкамъ въ счетѣ разстояній на моихъ кроки. Сабетта, вытекающая

изъ озера вблизи „хребта“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я перешелъ ее, имѣла русло саженъ въ 30 шириною и долину версты въ 3. Я переѣхалъ правый притокъ ея *Ои-яга* и лѣвые—*Янгсбу-яга*, *Халмéръ-яга*, *Янгатя-яга* и *Ярра́мокода*, истоки которой лежатъ вблизи истоковъ Недармы; истоки же послѣдней, въ свою очередь, тѣсно сближены съ истоками Тамбея. Недарма—небольшая рѣчка, съ русломъ въ 10—15 саженъ шириною, маловодная лѣтомъ, но съ глубокимъ устьемъ; слѣва принимаетъ она ручьи *Янтоко-недарма* и *Выда-чеда* съ небольшимъ озеромъ *Ярро-то*. Между Недармой и Тамбеемъ, по словамъ самоѣдовъ, впадаютъ въ губу небольшія рѣчки *Няръ-янъ-пута* и *Нганура-яга* („Гонора“ на картѣ Иванова).

Большая рѣка *Тамбей*, начинаясь у „хребта“, продолжительное время течетъ къ сѣверу, потомъ поворачиваетъ на востокъ и юго-востокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я переѣзжалъ долину Тамбея, ширина ея достигала 5 верстъ, ширина русла 40—50 саженъ. Рѣка и лѣтомъ богата водой, и только въ очень сухое время можно ее мѣстами переѣзжать на оленяхъ. Устье, по словамъ самоѣдовъ, имѣетъ свыше 100 саженъ ширины и отъ 1 до 2 саженъ глубины. Нѣкоторые изъ притоковъ довольно значительны, напр. *Едъ-яга* и *Тируы-яга* [1]). Послѣдняя имѣетъ въ среднемъ теченіи русло въ 20—30 саженъ шириною и глубокое устье.

Къ сѣверу отъ Тамбея въ губу впадаетъ небольшая рѣчка *Саболé-яга*. Верховья ея остались къ востоку отъ моего маршрута. Нѣсколько сѣвернѣе переходилъ я рѣчку *Хабей-яга* съ притокомъ *Сярлы-яга*. Насколько можно было разобрать подъ сдутымъ вѣтромъ снѣговымъ покровомъ, Хабей течетъ между отмелями въ широкомъ (саженъ 50—60) руслѣ и имѣетъ лайду около версты шириною. Берега долины мѣстами поднимаются крутыми осыпями, на глазъ метровъ до 18—20 вы-

---

[1]) Названіе записано мной именно такъ. Переводческая коммиссія Обдорской миссіи, просматривавшая записанныя мною названія, полагала, что нужно читать *Тирчи-яга* (рѣка-гребень).

сотою. Лѣтомъ воды въ рѣкѣ мало. По словамъ самоѣдовъ, рѣка подъ тѣмъ же названіемъ течетъ до губы. По счисленію, приблизительно противъ мѣста слiянія Хабей и Сярлы должно было бы находиться устье рѣки, названной на картѣ Иванова „Сопка-ляна". Нѣкоторые изъ мѣстныхъ самоѣдовъ знали рѣку *Сопка-яху*. Вполнѣ точныхъ указаній я здѣсь получить не могъ.

Приблизительно между 72° и 72° 30′ внутри полуострова лежатъ верховья рѣчекъ, текущихъ прямо къ сѣверу въ проливъ Малыгина. Это *Ниникъ-яга*, *Холе-яга*, *Хартю-яга*, *Яды*, *Нгану-яга* и *Мботта*. Рѣки эти невелики и бѣдны водою, имѣютъ, однако, довольно широкія лайды, границы которыхъ мало-замѣтны, такъ какъ въ сѣверныхъ частяхъ полуострова всюду тянется однообразная низменная тундра. При впаденіи въ проливъ рѣчки образуютъ широкіе разлоги. Устья ихъ мелководны. Болѣе значительная по длинѣ Яды, имѣющая довольно широкое русло, иногда, по словамъ самоѣдовъ, вовсе пересыхаетъ.

На Малыгинѣ самоѣды отличаютъ мысы: *Пэдлово* („Дровяной" карты Иванова), *Хае-сале* (Хайенъ морскихъ картъ) и *Юмба*, въ переводѣ „земляная куча".

Двигаясь къ югу вдоль Карскаго моря, частью по морскому льду, частью по берегу, я собралъ слѣдующія свѣдѣнія о рѣчкахъ, впадающихъ въ море, изъ которыхъ однѣ мнѣ пришлось переходить (до устья Морды все время еще по льду и снѣгу), другія я видѣлъ со стороны ихъ устья. Самоѣды, которые ежегодно промышляютъ на берегахъ Карскаго моря, а до наступленія весны стоятъ обыкновенно съ оленями ближе къ „хребту", въ верховьяхъ этихъ рѣчекъ, сообщали мнѣ данныя о направленіи и протяженіи теченія рѣкъ, глубинѣ устьевъ и т. п. Вотъ эти рѣки, начиная съ сѣвера.

Паинте верстахъ въ двухъ-трехъ отъ моря имѣетъ русло саженъ въ 30 шириною и долину версты въ три. Лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ уже глубина незначительна—мѣстами 2—3 фута. Но устье рѣки глубоко. Верховья рѣки, соединяющіяся изъ

многихъ ручьевъ, подходятъ близко къ бассейну Яды. Лѣвый (южный) берегъ долины образуетъ сплошную линію высокихъ осыпей: тундра поднята здѣсь выше низкой тундры, лежащей къ сѣверу отъ Паните, такъ что, на мой взглядъ, здѣсь замѣтна древняя терраса, идущая параллельно берегу пролива Малыгина. Въ устье Паните справа падаетъ небольшая рѣчка *Нерчи-яга.*

Уо́леко или *Олеко,* не названная вовсе на картѣ Иванова, вблизи моря имѣетъ лайду въ версту шириной. Лѣвый берегъ

Знакъ транспорта „Пахтусовъ“ на мысѣ Хае-сале.

долины также поднятъ обрывистой террасой. Русло саженъ въ 20 шириною, лѣтомъ воды мало, устье мелкое. Въ полумилѣ отъ моря впадаетъ въ рѣчку справа ручей *Нярме-яга.* Верховья Олеко лежатъ почти прямо на востокъ, примѣрно по румбу буссоли 240—245°, вѣроятно, не далѣе 20—30 верстъ отъ морского берега.

Сую-януда (въ переводѣ „лежащая пѣшка“) на картѣ Иванова названа Нíутте; этого названія самоѣды теперь не знаютъ. Русло близъ моря саженъ въ 30 шириною, устье лѣтомъ переѣзжаютъ въ лодкахъ, нѣсколько выше — на оле-

няхъ. Верховья рѣки лежатъ на востокѣ и ближе къ водораздѣлу, чѣмъ у Олеко. Устье рѣки образуетъ широкій разлогъ, къ сѣверу и югу отъ котораго берега моря еще низки, футовъ 12—15. Судя по тому, что ледяные тороса противъ устья Сую-уапуда отодвинуты были далеко (мили двѣ) отъ берега, нужно думать, что море здѣсь у береговъ отмело.

Ентарма—болѣе значительная по длинѣ и ширинѣ русла рѣка: верховья ея на OSO сближены съ бассейномъ Тамбея; въ верхнемъ теченіи много мелкихъ притоковъ. Ширина русла вблизи моря 45—50 саженъ; на устьѣ, по словамъ самоѣдовъ, нѣтъ бродовъ.

Между перечисленными рѣками въ море впадаютъ кое-гдѣ ручьи, образующіе замѣтные разлоги. Южнѣе широкаго устья Ентармы низкій „лайдоватый“ берегъ тянется до *Седай*. Это маленькая и короткая рѣчка. Далѣе къ югу впадаетъ въ море небольшой безымянный ручей и затѣмъ сильно извилистая небольшая рѣчка *То-яга*, получившая свое названіе потому, что она проходитъ черезъ рядъ небольшихъ и мелкихъ озеръ.

Пясидай, верховья которой лежатъ вблизи водораздѣла значительно сѣвернѣе широты устья, впадаетъ въ море широкимъ и глубокимъ, по словамъ самоѣдовъ, устьемъ. До верховьевъ рѣки „день ѣзды на оленяхъ“, т.-е. около 40—50 верстъ.

Вмѣстѣ съ Пясидай, образуя устьями широкую и длинную (протяженіемъ вдоль моря болѣе 20 миль) лайду, впадаютъ въ море близко другъ за другомъ *Сядоръ*, *Юнъ-яга*, *Пуча-яга*, *Няда-яга*, *Салты-яга* [1], *Тіуте* и *Сэръ-яга*. Сядоръ, имѣющій притоки *Верма-яга* и *Сядоръ-тарка*, въ нижнемъ теченіи не имѣетъ мелкихъ бродовъ, длина теченія—верстъ 40—50, ширина русла въ низовьяхъ 30—40 саженъ. Рѣчная лайда широкая. Юнъ-яга — маленькая и мелкая рѣчка, скорѣе ручей, верстъ въ 15—20 длиною. Пуча—также небольшая рѣчка съ

[1]) Я слышалъ также названіе *Салтана-сѣ*.

неширокимъ устьемъ, мелкая. Няда-яга — небольшой ручей, лѣтомъ пересыхающій, верховья котораго лежатъ всего верстахъ въ 10—15 отъ моря. Салты-яга, верховья которой сближены съ верховьями Пуча-яга, нѣсколько длиннѣе и больше. Устье ея, по мнѣнію самоѣдовъ, довольно глубоко. Въ него часто заходятъ морскіе зайцы. *Тіуте* („Моржовка" карты Иванова: *тіуте* по-самоѣдски „моржъ", буквально „зубатый") болѣе значительная рѣка, устье ея глубоко (саженъ до 3, по показанію самоѣдовъ). *Сэръ-яга* (въ переводѣ Бѣлая)—маленькая рѣчка. Всѣ перечисленныя рѣки, начиная отъ рѣки Пясидай, направленіемъ теченія все болѣе склоняются къ сѣверу. Тіутѐ течетъ уже на NW, Сэръ-яга на N. По словамъ самоѣдовъ, названіе послѣдней рѣчки произошло отъ того, что вблизи ея верховьевъ есть бѣлый курганъ, покрытый ягелемъ. Вблизи верховьевъ всѣхъ этихъ рѣкъ сколько-нибудь значительныхъ и „рыбныхъ" (т.-е. не промерзающихъ до дна) озеръ нѣтъ.

Изъ южнѣе лежащихъ рѣкъ болѣе значительная по длинѣ теченія и ширинѣ русла — *Харасовай*, впадающая въ море у сѣвернаго конца Шараповыхъ кошекъ. Справа близъ устья впадаетъ въ эту рѣку маленькая рѣчка *Хартъ-яга*. Поворачивающій къ востоку берегъ материка имѣетъ здѣсь высоту въ 35—40 футовъ. Насколько можно было разобраться въ условіяхъ мѣстности, одѣтой снѣговымъ покровомъ, при туманной погодѣ и при наличности еще вблизи суши торосовъ льда, я считаю правильнымъ показанія, сдѣланныя мнѣ самоѣдами, что рѣка Харасовай впадаетъ устьемъ въ открытое море, прорывая пески вдоль матерого берега, такъ что сѣверный край Шараповыхъ кошекъ, въ противоположность даннымъ морскихъ картъ, отдѣленъ отъ берега материка. Южнѣе имѣемъ рѣчки *А́мдорту* (впадающую между мысами Неуты-сале и Уэпъ-ганъ), *Моготту* и болѣе значительную рѣку *Наду-яга*. Заливъ, въ который впадаетъ Морды, ограниченъ мысами Порнэ-сале (мысъ-лягушка) и Я-сале (земляной мысъ). Послѣднее названіе придается собственно цѣлой линіи берега, въ обрывахъ котораго

широкими пластами выступаетъ черный тундровый слой. Во время пути изъ сѣверной части полуострова на югъ мнѣ пришлось, идя морскимъ льдомъ, далеко обогнуть устье Морды, такъ какъ весна тогда уже началась, и все устье рѣки, насколько видѣлъ глазъ съ моря, было потоплено водой, образовавшей широкую заберегу и вдоль береговъ полуострова къ сѣверу и югу отъ устья рѣки. На морскихъ картахъ наносится здѣсь довольно глубоко вдающiйся къ югу заливъ, въ который впадаетъ рѣка. Но по подлиннику карты Иванова здѣсь скорѣе можно предполагать присутствiе только разлога, образованнаго двумя рукавами устья рѣки. Провожавшiе меня самоѣды, пришедшiе съ рѣки Харасовай, плохо знали условiя этой мѣстности. Другiе самоѣды, бывавшiе на Морды, послѣ говорили мнѣ, что устье рѣки широко, но занесено пескомъ, такъ что лѣтомъ иногда въ устьѣ бываетъ воды только по поясъ человѣку. Самое нижнее теченiе Морды, отъ мѣста слiянiя ея съ Сё-яга, не было нами пройдено съемкой, главнымъ образомъ вслѣдствiе невозможности во время весенняго половодья переправиться черезъ широкiя затопленныя водою долины Сё-яга и Морды.

Верховья Морды лежатъ далеко на югѣ подъ $69^1/_2°$: рѣка вытекаетъ изъ большого озера *Ямбу*, имѣющаго верстъ 12—15 длины и версты 2—3 ширины. Съ сѣвера, сѣверо-востока и запада окружено оно высокими обрывистыми берегами, между которыми и водой мѣстами тянутся низкiя лайды. Во время стоянки у Ямбу сильный вѣтеръ не позволилъ взять хотя нѣсколько промѣровъ озера, а пережидать погоду мы не имѣли возможности, такъ какъ дорожили каждымъ днемъ для движенiя въ бассейнъ Юрюбея. Самоѣды говорили мнѣ, что, по ихъ мнѣнiю, озеро Ямбу—самое глубокое изъ всѣхъ озеръ Ямала, и что оно замерзаетъ осенью позже всѣхъ другихъ озеръ. Ниже рѣка проходитъ черезъ озера *Ёръ-то* и *Пеонъ-то* (иначе Неру-то); выше и нѣсколько ниже Пеонъ-то въ Морды, которая течетъ извилисто въ широкой долинѣ, впадаетъ рядъ

небольшихъ рѣчекъ: *Нёлеку-таню-яга*, *Арка-таню-яга*, *Лимби-седе-яга*, *Ёри-яга*. Масса малыхъ и болѣе замѣтныхъ по величинѣ — въ ½ версты, версту, двѣ, три діаметромъ — озеръ разбросаны по долинѣ и за предѣлами долины рѣки въ тундрѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ переправились мы черезъ русло Морды 26-го іюня, когда вода приблизительно была уже на межени или немногимъ выше (позднимъ лѣтомъ рѣка, однако, вѣроятно, здѣсь гораздо маловоднѣе), глубина рѣки была 2½ сажени, ширина русла 20—25 саженъ, ширина долины 4—5 верстъ. Немного ниже по рѣкѣ, гдѣ перешли мы ее 24 іюня, глубина та же, ширина русла 25 саженъ, быстрота теченія на поверхности—1,6 фута въ 1 сек. Вода рѣки мутная, мѣстами на берега нанесена няша—въ небольшомъ, однако, количествѣ. Берега самого русла не высоки, но мѣстами обрывисты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на рѣкѣ можно было замѣтить, что полая вода поднималась футовъ на 8—9 надъ меженью. Вдоль части Морды, текущей сѣвернѣе до сліянія съ Сё-яга,—шли мы еще при высокомъ половодьѣ и принуждены были двигаться тундрой или краемъ долины, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ русла рѣки.

Сё-яга, въ переводѣ „проходная рѣка", одна или вмѣстѣ съ нижнимъ теченіемъ Морды, направленнымъ къ западу, носившая въ древности названіе *Мутная*, вытекаетъ изъ NW—стороны западнаго озера группы *Нёй-те* (озеро *Маль-то*) и имѣетъ весьма извилистое русло, вьющееся по широкой долинѣ. Во многихъ мѣстахъ берега рѣки сложены изъ сѣрой глины, вода и лѣтомъ, по словамъ самоѣдовъ, несетъ мутную воду и сильно обрываетъ берега, такъ что русло рѣки въ долинѣ легко передвигается. При выходѣ изъ Нёй-те Сё-яга имѣетъ русло шаговъ въ 50 шириною. Верстахъ въ 25 ниже истока, между устьями правыхъ притоковъ *Япте-яга* и *Тумбой-яга*, судя по профилю русла, сдѣланному В. Н. Введенскимъ въ началѣ іюня (при началѣ половодья), ширина русла болѣе 40 саженъ, наибольшая глубина 2 сажени. Высота берега долины, къ которому подходитъ здѣсь рѣка,—7 саженъ. Ниже устья

Тумбой-яга ширина русла 50 саженъ, наибольшая глубина $2^1/_2$ сажени. Въ низовьѣ, ближе къ мѣсту слiянiя съ Морды, ширина рѣки при высокой водѣ опредѣлялась на глазъ приблизительно въ 300—400 шаговъ. У мѣста слiянiя Морды и Сё-яга ширина долины Сё-яга достигаетъ 10—15 верстъ. Нужно полагать, что въ низкую воду средняя глубина Мутной не менѣе сажени. Въ различныхъ мѣстахъ вьющаяся по долинѣ рѣка подходитъ къ высокимъ и крутымъ обрывамъ ограничивающей лайду тундры, которые, какъ обыкновенно всѣ примѣтныя мѣста, имѣютъ самоѣдскiя названiя съ приставками *салè* (мысъ) и *надò* (крутой берегъ): Ныдсуй-сале, Хапповай-надо, Варры-надо и др. Рядъ рѣчекъ впадаетъ въ Сё-яга съ сѣвера и съ юга. Между прочимъ съ юга впадаетъ рѣчка *Нодъ-яга*, которая начинается изъ маленькаго озера, тѣсно прилегающаго къ болѣе значительному озеру Малъ-то, изъ котораго вытекаетъ рѣка Ясавай, впадающая въ Карское море рядомъ съ Юрюбеемъ.

Къ востоку и сѣверо-востоку отъ истока Сё-га (или Нёйте-Сё-яга, какъ часто называютъ ее въ отличiе отъ Сё-яга или Вануйта-Сё-яга, текущей въ Обскую губу) лежитъ группа большихъ озеръ—три озера *Нёй-те* (*Малъ-то, Еръ-то*, и *Нгайвоны-то*), соединенныя протоками, и озеро *Ямбу-то*. Эти именно озера описаны въ древнихъ сообщенiяхъ о торговомъ пути въ Мангазею. Размѣры озеръ, высоты береговъ (въ саженяхъ), названiя мысовъ, протоковъ и окружающихъ водъ ясны изъ прилагаемой карты, сдѣланной по верстовой полуинструментальной съемкѣ капитана В. И. Введенскаго. Озеро Ямбу-то, принадлежащее къ бассейну Обской губы, самое большое и глубокое изъ всѣхъ. Промѣры озеръ во время ихъ съемки въ теченiе мая мѣсяца встрѣчали большiя затрудненiя, такъ какъ ледъ на озерахъ достигалъ сажени толщиною. Однако, о. Мартинiанъ, умѣвшiй въ качествѣ опытнаго рыболова обращаться съ толстымъ льдомъ, въ нѣсколькихъ пунктахъ озеръ пробилъ проруби для опредѣленiя глубины и темпе-

ратуры воды. Въ сѣверной половинѣ озера Ямбу-то, ближе къ западному берегу, достали глубину въ 13 слишкомъ саженъ. Въ южной половинѣ озера одинъ промѣръ далъ 10 саженъ. Въ переданныхъ мнѣ запискахъ о своихъ работахъ о. Мартиніанъ замѣчаетъ, что, по всему вѣроятію, въ озерѣ есть глубины и до 20 саженъ, такъ какъ врядъ ли единственный случайный промѣръ пришелся на самое глубокое мѣсто. На южномъ озерѣ Нёй-те (Малъ-то) въ верстѣ отъ сѣвернаго берега найдена глубина въ 2,2 сажени, на 4 версты далѣе къ срединѣ озера—2,5 сажени. Разспросами мѣстныхъ самоѣдовъ, промышляющихъ рыбу на озерахъ, выяснено, что озера Ней-то на значительныхъ протяженіяхъ своихъ площадей мелки (2—3 сажени), но что на всѣхъ трехъ озерахъ— обыкновенно вблизи высокихъ береговъ—есть болѣе глубокія мѣста—на 5 или на 7 приблизительно саженъ.

Между сѣвернымъ озеромъ Ней-то и оз. Ямбу-то лежитъ невысокій перешеекъ, образующій на глазъ вдавленную по срединѣ и приподнятую по краямъ, къ берегу озеръ, песчаную, почти совершенно лишенную растительности (насколько можно было судить объ этомъ зимою при сдутомъ вѣтрами снѣгѣ и почти обнаженной землѣ) площадь. Въ самой узкой части ширина перешейка достигаетъ всего 87 саженъ, и посрединѣ его лежитъ совершенно круглое, въ 40 саженъ діаметромъ, озеро, которое самоѣды называютъ *Луце-хавы-то*, въ переводѣ „озеро, гдѣ умерли русскіе“ (буквально „русскихъ умершихъ озеро“). Самоѣды считаютъ озеро святымъ, но не умѣютъ уже объяснить происхожденіе его названія, которое сохранилось, вѣроятно, отъ древнихъ временъ. Промѣръ, взятый на Луце-хавы-то, далъ $3^1/_2$ сажени. Вѣроятно, на озерѣ есть глубины до 4 саженъ. Въ полуверстѣ къ сѣверо-востоку на томъ же узкомъ водораздѣлѣ лежитъ второе, нѣсколько большее по размѣрамъ озеро. По линіи черезъ Луце-хавы-то наибольшая высота перевала со стороны Нёй-те 3,22 сажени надъ уровнемъ этого озера, со стороны Ямбу-то — 1,27 сажени надъ

Рѣка Юрюбей въ 50 верстахъ отъ устья.

Рѣка Морды въ среднемъ теченiи.

Фототипiя Шереръ, Набгольцъ и Ко, Москва

его уровнемъ. Уровень Ямбу-то ниже уровня Нёй-те на 0.23 саж. Уровень Луце-хавы-то выше Нёй-те на 0.84 саж. Чертежи линій нивеллировокъ, сдѣланныхъ В. Н. Введенскимъ черезъ Луце-хавы-то и сосѣднее озеро, помѣщены на картѣ озеръ.

Изъ юго-восточнаго угла Ямбу-то вытекаетъ рѣка *Сё-яга* или Вануйта-Сё-яга (по самоѣдскому роду, на ней кочующему)—древняя Зелёная. Рѣка эта лѣтомъ, вѣроятно, бѣдна водою, но русло рѣки широко. При съемкѣ капитаномъ Введенскимъ ширина русла при выходѣ изъ Ямбу-то опредѣлена въ 60—65 шаговъ, ниже мѣстами въ 100—200 шаговъ. Ниже озера *Тангаптюнъ-то* глубина русла помѣчена въ 3¼ аршина. Но во многихъ мѣстахъ песчаное русло было обнажено, и только вдоль крутого берега видна была узкая полоса льда. Рѣка протекаетъ черезъ довольно большія озера *Тангаптюнъ-то* и *Хаэ-то*. Кромѣ того вблизи береговъ ея разбросано много меньшихъ озеръ, частью мелкихъ и промерзающихъ зимою, частью—по словамъ самоѣдовъ—глубиною въ 2—3 сажени. Въ нижнемъ теченіи нѣсколько выше Тораюнъ-сале (верстахъ въ 40 по прямому направленію отъ устья) на профилѣ, помѣщенномъ на планѣ озеръ, ширина русла, покрытаго льдомъ, помѣчена равной 240 шагамъ. Ширина устья рѣки около 300 саженъ, глубина въ устьѣ, по словамъ самоѣдовъ, болѣе 2 саженъ, быть можетъ, до 4-хъ. Въ половодье, по указанію самоѣдовъ, вода всюду въ рѣкѣ превосходитъ 4 аршина высоты. Въ нижнемъ теченіи рѣки по правому берегу долины мѣстами выступаютъ высокіе обрывы тундры. Болѣе значительны по высотѣ крутой обрывъ передъ устьемъ — Тибей-надо — и выходной мысъ, ограничивающій устье рѣки съ юга, — Сё-яга-сале. Здѣсь крутой берегъ поднимается на 12 саженъ надъ уровнемъ Обской губы.

Вотъ свѣдѣнія, собранныя о теченіи Сё-яга о. Мартиніаномъ отъ мѣстныхъ самоѣдовъ. Рѣка лѣтомъ верстахъ въ 40 отъ устья и выше бываетъ мелка, — свободно можно

переѣзжать на оленяхъ. Въ сильные дожди русло быстро наполняется. На 10—15 верстъ отъ устья замѣтенъ приливъ. Иногда въ низовья рѣки заходятъ бѣлухи. Мѣстами вблизи рѣки есть озера, изъ которыхъ протоки впадаютъ въ рѣку и питаютъ ее. Въ устьѣ Сё-яга лѣтомъ имѣетъ глубину не менѣе двухъ саженъ.

Южнѣе устья Морды въ Карское море текутъ небольшія рѣчки *Моготта* и *Нябы*. Моготта—небольшая рѣчка, имѣющая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря русло саженъ въ 20 шириною и долину приблизительно въ версту. Я видѣлъ эту рѣчку въ разливѣ, и она была не очень богата водой: русло было переполнено, но долина была потоплена лишь въ болѣе низкихъ мѣстахъ. Въ рѣчку Нябы впадаетъ протокъ изъ большого озера *Томбой*. Я прошелъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этого озера и не могъ вполнѣ точно зачертить его форму. Съ сѣвера къ озеру примыкаютъ обширныя болота, южные берега мѣстами высоки (метровъ 10—20, насколько можно было судить издали).

Рѣки, впадающія въ Карское море южнѣе Нябы, записаны со словъ самоѣдовъ и помѣщены на картѣ приблизительно. Это рѣки Тайсэръ, Марра-яга, Нелканъ-сё, Саррова-яга, Лагы-яга, Яундо-сё, Няръ-яга, верховья которой лежатъ около озера Ямбу, Ярра-яга, Вэмпета-яга, Нярме-яга, Юмба-яга (названная по земляному кекуру у ея устья, который самоѣды приписываютъ „турману“, т.-е. Иванову). Большинство этихъ рѣкъ вытекаетъ изъ озеръ. Маршрутъ капитана Введенскаго къ устью Юрюбея шелъ по рѣкѣ *Таню-яга*, которая протекаетъ черезъ озеро *Нёръ-то*. Рядомъ впадаетъ рѣка *Пензеръ-яга* съ озеромъ *Пензеръ-то*, и, наконецъ, общимъ устьемъ съ Юрюбеемъ — рѣка *Ясавай*, текущая далеко съ сѣверо-востока изъ центральной области Ямала и проходящая въ верховьяхъ черезъ 3 большія озера. Верхнее круглое озеро *Малъ-то*, изъ котораго начинается рѣка, тѣсно соприкасается съ верховьями *Нӧъ-яга*, притока Мутной. Караванъ переходилъ рѣку Ясавай

4-го іюля въ среднемъ ея теченіи на SO отъ озера Ямбу. Въ мѣстѣ переправы рѣка прорѣзываетъ пласты песчаной почвы и имѣетъ песчаные берега и отмели. Мѣстами ширина воды 50—60 саженъ, мѣстами рѣка сужена отмелями лѣваго берега. Сѣверный (правый) берегъ образуетъ песчаные обрывы въ 2—3 сажени высотою. Быстрота теченія рѣки, которая была въ межени, равнялась 3 футамъ въ секунду. Глубина на фарватерѣ, близко къ правому берегу, 8—9 футовъ. По лѣвому берегу тянулись песчаныя отмели, потомъ низкая лайда версты въ 3—4 шириною съ большимъ количествомъ озеръ. Нѣсколько ниже пункта переправы впадаетъ въ Ясавай слѣва притокъ *Я-яга*. Характеръ береговъ тотъ же, что и у Ясавай, теченіе медленнѣе, ширина рѣки отъ 20 до 30 саженъ, глубина 3—4 фута. Между Ясавай и Я-яга тянется низкая тундра съ большимъ количествомъ озеръ размѣромъ въ квадратную версту и меньше. Тундра незамѣтно переходитъ въ рѣчныя лайды. Такой же характеръ имѣетъ тундра и далѣе къ югу до Юрюбея.

Юрюбей — самая значительная рѣка Ямала. И по ней, и въ озерахъ *Ярро-то*, изъ которыхъ рѣка вытекаетъ, самоѣды промышляютъ много рыбы. Вмѣстѣ съ рѣками Таню-яга, Пензеръ-яга и Ясавай Юрюбей впадаетъ въ довольно обширный заливъ, на большей части своего пространства мелководный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль береговъ въ отливъ обнажаются илистыя отмели. Но противъ устьевъ рѣкъ тянутся черезъ заливъ глубокія русла, такъ какъ рѣки эти образуютъ подводную дельту. Пересѣкая заливъ въ лодкѣ, капитанъ В. Н. Введенскій посрединѣ залива противъ устья Ясавай нашелъ глубины въ 3 и 4 сажени, ближе къ южному берегу залива и къ устью Юрюбея—въ 2 1/3 сажени. На нашей картѣ русла нанесены приблизительно по указаніямъ мѣстныхъ самоѣдовъ. Съ сѣвера заливъ ограниченъ высокимъ мысомъ *Юрюбей-сале*, съ юга у выхода лежитъ довольно большой островъ, отдѣленный отъ материка узкимъ проливомъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ

устье Юрюбея переходитъ въ заливъ (отдѣленное мысомъ отъ устья Ясавай), ширина рѣки свыше 200 саженъ, глубина по срединѣ русла 3 сажени, въ 10—15 саженяхъ отъ берега—1 сажень. Правый берегъ поднятъ на 1 сажень надъ водой, лѣвый—плоскій. Верстахъ въ 20 вверхъ по прямой линіи отъ устья, у высокихъ береговъ *Турманъ-надо* (здѣсь лѣвый берегъ поднимается обрывомъ на 12 саженъ надъ поверхностью рѣки), ширина русла—около 30 саженъ, глубина—быстро возрастающая отъ лѣваго берега и медленнѣе отъ праваго—достигаетъ 4 саженъ. Верстахъ въ 4 къ востоку отъ Турманъ-надо находится земляной кекуръ Турманъ-юмба — астрономическій пунктъ Иванова. Верстахъ въ 40—50 по прямой линіи отъ устья, гдѣ я съ караваномъ перешелъ Юрюбей 8-го іюля, рѣка имѣла 50 саженъ ширины и глубину—ближе къ высокому правому берегу—до 3 саженъ. Отъ лѣваго берега верстъ на 5—6 тянется лайда, покрытая осокой и высокими густыми зарослями ёры (ивъ). Правый обрывистый берегъ рѣки поднимается здѣсь песчанымъ яромъ въ 4—5 саженъ высотою.

Самоѣды говорили мнѣ, что Юрюбей на всемъ теченіи глубокъ и не имѣетъ бродовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ караванъ нашъ зимою переходилъ западный истокъ Юрюбея (изъ западнаго озера Ярро-то), ширина русла, вьющагося среди обширной лайды, была 10—15 саженъ, глубина—по словамъ самоѣдовъ—даже въ болѣе мелкихъ мѣстахъ—не менѣе 6 футовъ. По этому истоку въ западное Ярро-то нерѣдко заходятъ бѣлухи, черепа которыхъ лежатъ на жертвенныхъ мѣстахъ по берегамъ озера, и которыхъ убиваютъ въ озерѣ обыкновенно разъ въ 2—4 года. Восточный истокъ Юрюбея, кажется, меньше и мелководнѣе западнаго. Ниже сліянія истоковъ, тамъ, гдѣ теченіе Юрюбея поворачиваетъ за западу, русло, насколько можно было различить подъ снѣгомъ, имѣло саженъ 30 ширины, долина тянется на 3—4 версты.

Большія озера Ярро-то, изъ которыхъ выходитъ Юрюбей, богаты рыбой. Берега ихъ мѣстами низменны, мѣстами под-

нимаются обрывами саженъ въ 4—5 высотою. На высокихъ берегахъ кое-гдѣ находятся халмеры и жертвенныя мѣста съ идолами. Къ сѣверо-западному краю западнаго озера примыкаютъ озера и болота по низкимъ лайдамъ, — озеро частью занесено отложеніями, сносимыми съ береговъ. Самоѣды, промышляющіе на озерахъ рыбу, отличаютъ многіе примѣтные мысы. Придя въ іюлѣ — на возвратномъ пути черезъ полуостровъ—на западное Ярро-то, мы не могли сдѣлать на немъ промѣровъ вслѣдствіе сильнаго вѣтра. Въ апрѣлѣ на восточномъ Ярро-то былъ пробитъ ледъ и взятъ одинъ промѣръ въ сѣверной половинѣ озера верстахъ въ 5 отъ сѣверо-западнаго берега. Толщина льда оказалась равной 7 футамъ, глубина воды подо льдомъ—8 футамъ. Западное Ярро-то, по мнѣнію самоѣдовъ, въ общемъ глубже восточнаго, но точныхъ указаній я получить не могъ: самоѣды неводятъ близъ береговъ и глубинъ озеръ, повидимому, не знаютъ. Я уже упоминалъ выше, что нѣкоторые притоки Юрюбея тѣсно подходятъ своими верховьями къ бассейну рѣки Еръ-яга, текущей въ Обскую губу. Что касается до пространства тундры между Ярро-то и верховьями Паю-те, т. е. лежащаго прямо къ востоку отъ Ярро-то перевала между бассейнами Карскаго моря и Обской губы, то, по мнѣнію капитана В. Н. Введенскаго, перевалъ этотъ врядъ ли достигаетъ двухъ саженъ высоты надъ уровнемъ озеръ.

Что касается до рѣкъ, впадающихъ въ Карское море южнѣе Юрюбея, то, по согласнымъ показаніямъ самоѣдовъ, ближайшія къ Падаратѣ рѣки называются *Янзоръ* или *Ензоръ* и *Іоркутъ*. Что касается до остальныхъ рѣкъ, то на картѣ Иванова (данныя которой перешли и въ морскія карты), считая отъ устья Юрюбея, помѣчены рѣки: Тара, Халтасю, Гонора, Тамбатъ и Хале. Юрюбейскіе же самоѣды, со словъ которыхъ по моей просьбѣ о. Мартиніанъ записалъ названія текущихъ здѣсь рѣкъ, называли ихъ соотвѣтственно въ слѣдующемъ порядкѣ: *Хай-яга* (къ которой подходилъ В. Н.

Введенскій), *Ярра-яга, Ано-яга* и *Тамбута-яга.* Совпадаетъ приблизительно только одно названіе. Возможно, что здѣсь протекаетъ бóльшее количество мелкихъ рѣкъ, чѣмъ сколько ихъ показано на картѣ Иванова, и самоѣды знали названія лишь части ихъ, такъ какъ на всѣхъ этихъ рѣчкахъ стоятъ мѣстные вотчинники, и самоѣды съ Юрюбея туда заходятъ рѣдко. Что же касается до названій Янзоръ и Іоркутъ, то я ихъ слышалъ между прочимъ и отъ одного самоѣда съ рѣки Харасовай, который, быстро оріентировавшись въ положенной передъ нимъ морской картѣ, показалъ мнѣ и назвалъ обѣ эти рѣки и Падарату.

На приложенной къ этому отчету маршрутной картѣ помѣчены лишь болѣе значительныя озера изъ встрѣченныхъ нами. Въ южной и въ особенности въ средней части Ямала, къ югу отъ Мутной и Зеленой, по рѣчнымъ лайдамъ и тундрѣ разбросано безчисленное количество небольшихъ по размѣрамъ озеръ, частью „рыбныхъ", какъ называютъ ихъ самоѣды, т.-е. имѣющихъ глубину до двухъ и трехъ саженъ, такъ что рыба въ нихъ остается и зимою, частью промерзающихъ до дна. Въ нѣкоторыхъ частяхъ полуострова озера такъ многочисленны, что, стóя на какомъ-нибудь возвышеніи, видишь едва ли не больше воды, чѣмъ земли. Громадное большинство рѣкъ и рѣчекъ начинаются изъ озеръ, многія озера или посылаютъ протоки въ сосѣднія рѣки или связаны протоками другъ съ другомъ, образуя цѣлыя проточныя системы озеръ, связанныя съ тѣмъ или другимъ рѣчнымъ бассейномъ. Множество ручьевъ пересѣкаютъ тундру. Русла ихъ часто сухи въ сухой періодъ лѣта и наполняются водой весною и въ періоды дождей.

На островѣ Бѣломъ, по южной части котораго проѣхалъ я въ маѣ, когда никакихъ признаковъ наступленія весны не было еще замѣтно, по словамъ самоѣдовъ, есть только небольшія мелкія озера. Замѣтныхъ рѣкъ также нѣтъ. Небольшіе ручьи начинаются неподалеку отъ моря.

По устройству поверхности Ямалъ въ общемъ имѣетъ видъ довольно плоской и однообразной низменности. Выходовъ коренныхъ породъ нѣтъ на полуостровѣ нигдѣ. То, что самоѣды называютъ словомъ *гой*, а русскіе Обдорскаго края—словомъ *хребетъ*, есть водораздѣлъ Карскаго моря и Обской губы, — нѣсколько возвышенная часть тундры, проходящая черезъ центральныя области Ямала. Положеніе его нанесено приблизительно на отчетной картѣ. Въ сѣверной части полуострова, которая въ общемъ ниже, плосче и однообразнѣе средней, „хребетъ" понижается и дѣлается мало замѣтнымъ. На основаніи анероидныхъ и гипсотермометрическихъ наблюденій экспедиціи Ю. М. Шокальскимъ вычислены высоты многихъ пунктовъ, дающія представленіе о высотѣ полуострова надъ уровнемъ моря. Вотъ нѣкоторыя изъ высотъ: верховья Хадыте (р. Вода-яга) 180 футовъ, верховья Яды — 260 ф., водораздѣлъ губы и Карскаго моря въ переходѣ южнѣе оз. Ярро-то (восточнаго)—300 ф., южный берегъ Ярро-то 300 ф., сѣверный берегъ Ярро-то (восточнаго)—220 ф., оз. Сяо-то—130 ф., оз. Луце-хавы-то—220 ф., оз. Ямбу (верховья Морды)—150 ф., Юрюбей (мѣсто переправы на обратномъ пути) — 70 ф., оз. Ворнанъ-то — 200 ф., оз. Ярро-то (западное) — 120 ф. По указанію Ю. М. Шокальскаго точность высотъ не велика ввиду отдаленности станцій, по которымъ приходилось ихъ вычислять.

Берега Ямала представляютъ собою обыкновенно песчаные и глинистые обрывы, подъ которыми тянется песчаный заплескъ. У устья Вануйта-сё-яга возвышенный мысъ на Обской губѣ поднимается надъ моремъ футовъ на 80 слишкомъ. Берега Малыгина низки. У Дровяного берегъ кончается песчаными обрывами футовъ въ 10—12, ближе къ устью Моготты у мыса Юмба берегъ поднимается футовъ до 30, восточнѣе и западнѣе мыса снова тянутся обрывы въ 10—15 футовъ. Мѣстами берегъ постепенно понижается къ проливу и задернованъ: устья рѣкъ образуютъ обширные низкіе разлоги. Южный бе-

регъ Бѣлаго поднимается такими же обрывами, но въ общемъ ниже, чѣмъ берегъ материка.

Берега Карскаго моря отъ устья Папите до Морды также обрывисты, то поднимаясь футовъ до 60 или немного выше, то снижаясь футовъ до 10—12 и мѣстами спускаясь къ морю задернованными склонами. Низкіе „лайдоватые" безъ замѣтнаго обрыва берега тянутся между рѣками Ептарма и Седай, также къ югу отъ Пясидай до Тіуте. Также низменны берега на широтѣ сѣверной половины Шараповыхъ кошекъ и снова повышаются къ югу отъ Моготты и Наду-яга. Къ югу отъ устья Морды видѣлъ я издали берегъ (тянущійся къ Бѣлушьей губѣ и высокому, по словамъ самоѣдовъ, Бѣлушьему мысу), который показался мнѣ выше, чѣмъ берега, которые миновалъ я по пути съ сѣвера.

Подробности устройства поверхности полуострова сводятся въ общемъ къ чередованію широкихъ рѣчныхъ долинъ и озерныхъ *лайдъ* съ пространствами высокой, мѣстами холмистой и изрытой дѣйствіемъ воды и вѣтра тундры. Озерныя лайды имѣютъ то относительно болѣе новое происхожденіе и образуютъ края большихъ озеръ въ видѣ низменностей, лежащихъ подъ основными тундровыми высокими берегами озера; то выступаютъ въ видѣ обширныхъ площадей съ иловатой почвой и болотистой растительностью, окруженныхъ довольно высокими (обыкновенно метровъ 10—20) склонами тундры и являющихся результатомъ заноса обширныхъ водоемовъ, нѣкогда существовавшихъ на мѣстѣ теперешнихъ лайдъ. Въ центральныхъ частяхъ такихъ лайдъ часто сохраняются еще мелкія, сильно зароставющія осокой озера и болота. Во многихъ мѣстахъ легко видѣть всѣ стадіи образованія лайдъ, развивающихся вдоль крутыхъ береговъ озеръ. Весеннія и дождевыя воды смываютъ съ поверхности тундры взмученный матеріалъ и сносятъ его въ озеро; впадающіе въ озера небольшіе ручьи образуютъ у береговъ илистые или песчаные наносы коническаго типа, которые все болѣе разрастаются, и на которыхъ посте-

пенно развивается покровъ изъ осокъ, а позже, по мѣрѣ того, какъ лайда становится суше и крѣпче, вырастаютъ пушицы, лютики и другія цвѣтковыя растенія и, наконецъ, ивы. Очень часто вдоль крутыхъ матерыхъ береговъ озеръ, имѣющихъ довольно правильную круглую форму, тянется лайда равномѣрной ширины, образуя правильное болѣе или менѣе широкое кольцо, лежащее между началомъ воды и обрывистыми тундровыми берегами водоема.

Въ областяхъ высокой тундры гребни и холмы поднимаются иногда метровъ на 15—20 надъ впадинами, которыя часто заняты озерами. Сильно пересѣченную и волнистую мѣстность видѣлъ я, напримѣръ, между озеромъ Томбой и долиной Морды. Здѣсь гребни и холмы мѣстами образовали склоны въ 45°—50°, мѣстами падали совершенно вертикальными обрывами. Очень сильно всхолмленная мѣстность лежитъ также близъ Воронова озера (Ворнанъ-то), къ сѣверо-западу отъ западнаго Ярро-то. Но здѣсь шли мы во время дождя и тумана, и невозможно было не только фотографировать, но и разсмотрѣть окрестности. Мѣстами внутри полуострова гребни или крутые берега озеръ и рѣчныхъ долинъ тянутся такимъ образомъ, что производятъ впечатлѣніе древнихъ террасъ. Таковы южные берега рѣкъ, текущихъ въ сѣверной части полуострова къ западу, напр. рѣки Паинте: тундра, лежащая къ югу отъ этой рѣки, поднимается уступомъ надъ ровной и низкой тундрой, протянувшейся къ сѣверу до пролива Малыгина. Такія же террасы—на мой взглядъ—замѣтны мѣстами и въ центральныхъ частяхъ полуострова (напр. вдоль восточныхъ береговъ озеръ Ясавай), гдѣ направленіе ихъ параллельно берегу Карскаго моря. Въ областяхъ болѣе низменной тундры мѣстами поднимаются одинокіе холмы, обыкновенно не выше 8—10 метровъ и имѣющіе то довольно правильную круглую форму, то нѣсколько вытянутую и напоминающую форму древнихъ дюнъ. Сѣверная часть полуострова (къ сѣверу отъ озеръ Ней-то и Ямбу-то) показалась мнѣ ниже и ровнѣе средней.

подверглась, кажется, менѣе дѣйствію воды и вѣтра и, быть можетъ, по происхожденію моложе южной половины, т.-е. поднялась позже изъ-подъ поверхности моря. Центральныя области сѣверной половины полуострова постепенно образуютъ склонъ къ сѣверу, что видно по направленію теченія верховьевъ большихъ рѣкъ Венуй и Тамбей и рѣкъ, впадающихъ въ проливъ Малыгина. Островъ Бѣлый, повидимому, ниже сѣвер-

Лайда, окаймляющая лежащее въ тундрѣ озеро.

ной части Ямала и—въ тѣхъ частяхъ, которыя я проѣхалъ, а по словамъ самоѣдовъ и въ остальныхъ—имѣетъ совершенно ровную поверхность.

Почва собственно тундры почти всюду песчаная, во многихъ мѣстахъ бѣдная растительностью. Обиліе вѣтровъ сказывается развѣваніемъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнажаются цѣлыя пространства сыпучихъ песковъ со столами и мелкими холмами эоловаго происхожденія и грядами, подобными мелкимъ барханамъ. Самоѣды называютъ такія пространства, имѣющія пустынный характеръ, словомъ *яръ-гой* (песчаный хребетъ). Неоднократно приходилось намъ, стоя на такихъ мѣстахъ, испытывать неудобство оттого, что въ палатки вѣтромъ несло песокъ. Пустынными пейзажами, обильными къ тому же разнообразными слѣдами дѣятельности вѣтра,

богаты окрестности озеръ Нёй-те, области тундры въ верхнемъ теченіи Морды и другія мѣста. Вѣроятно „песчаныхъ хребтовъ“ еще больше въ центральныхъ частяхъ полуострова, въ той нѣсколько возвышенной области, гдѣ проходитъ самый водораздѣлъ Карскаго моря и Обской губы. Края тундры тамъ, гдѣ она поднимается надъ озерными лайдами крутыми обрывами, иногда на нѣкоторомъ протяженіи изрѣзаны многочисленными оврагами, образующими на обрывахъ столовыя отдѣльности.

Лайда на мѣстѣ занесеннаго водоема съ остаткомъ озера посрединѣ. Обрывъ тундры на заднемъ планѣ образуетъ столовыя отдѣльности.

Въ заключеніе этого краткаго географическаго очерка я долженъ сказать еще нѣсколько словъ объ условіяхъ, при которыхъ производились съемки экспедиціи. На всемъ пути каравана и частью путемъ разъѣздовъ велись маршрутныя съемки буссолью Шмалькальдера; только группа озеръ Нёй-те и Ямбу-то снята полуинструментально мензулою и кипрегелемъ. Линіи маршрутовъ привязаны были къ шести астрономическимъ пунктамъ: устью рѣки Щучьей и промыслу Пуйко на югѣ, мысу Хаэ-сале на сѣверѣ, устью р. Сю карты Иванова (Сёяга или Зеленая нашей карты) на востокѣ, устьямъ Моготты и Юрюбея на западѣ. Изъ нихъ точные и вполнѣ достовѣрные астрономическіе пункты—мысъ Хаэ-сале и Пуйко. Въ устьѣ Щучьей имѣется астрономическій пунктъ Х. Даля [1].

[1]) Экспедиціи въ Обскую губу 1876 и 1877 годовъ; о-въ Пуйко опредѣленъ въ 1880—81 г. В. Е. Фусомъ, а мысъ Хаэ-Сале—В. В. Ахматовымъ въ 1904 г. Подробности о составленіи карты см. Приложеніе II.

При съемкѣ маршрута для опредѣленія разстояній пользовались мы счетомъ хода оленей въ опредѣленную единицу времени. При этомъ способѣ, единственно возможномъ при большомъ и торопливомъ маршрутѣ, значительныя ошибки неизбѣжны въ особенности во время метелей, когда проводники иногда теряютъ направленіе, или когда въ пересѣченной и богатой водами мѣстности приходится выбирать извилистый путь. Въ общемъ большинство рѣкъ, которыя мы переходили, довольно хорошо совпадали по своему положенію съ положеніемъ устьевъ ихъ, помѣченныхъ на картѣ Иванова. Значительныя невязки получились на пространствѣ между нижнимъ теченіемъ Юрюбея и озерами Ярро-то, которыя миновали мы и на прямомъ, и на обратномъ пути, и возможно, что озера эти лежатъ нѣсколько южнѣе сравнительно съ положеніемъ ихъ на нашей картѣ. На основаніи счета моего маршрута я считаю также возможнымъ, что нѣсколько западнѣе должно быть положено мѣсто слiянія рѣкъ Морды и Сё-Яга (Мутной). Возможно, что не вполнѣ точны площади озеръ Ярро-то, которыя въ натурѣ могутъ быть нѣсколько меньше. О сомнѣніи моемъ въ истинномъ положеніи теченія Венуй я говорилъ уже выше.

При нанесеніи на карту разспросныхъ данныхъ дѣло еще затруднительнѣе. Самоѣды мѣряютъ разстоянія или днями пути, или *попрысками*, т.-е. тѣмъ разстояніемъ, которое олени въ упряжкѣ пробѣгаютъ между двумя остановками для отдыха. *Зимній* или большой попрыскъ больше *лѣтняго* или малаго. По самому приблизительному разсчету первый равняется десяти верстамъ, второй 4—5. Въ общемъ самоѣды, впрочемъ, хорошо знаютъ территорію полуострова, и показанія ихъ обыкновенно точны и обдуманны.

Такимъ образомъ по условіямъ работы и при отсутствіи астрономическихъ пунктовъ внутри полуострова на линіи маршрутовъ, съемки экспедиціи съ картографической точки зрѣнія имѣютъ лишь условное значеніе, и степень точности ихъ должно оцѣнивать съ должной осторожностью.

А. М. Филипповъ въ упомянутой мною выше статьѣ о рѣчномъ пути черезъ Ямалъ (Зап. по гидр. вып. XXVI) высказалъ пожеланіе, чтобы касающіяся Ямала древнія русскія названія нѣкоторыхъ рѣкъ, мысовъ и заливовъ, указанныя имъ на основаніи изученія старыхъ извѣстій и картъ, были возстановлены на новѣйшихъ картахъ. На нашей отчетной картѣ помѣщенъ рядъ этихъ названій (*Мутная*, *Зеленая*, *Мутный шаръ*, *Шараповъ шаръ*, *Бритвинъ столбъ*). Кромѣ того въ память покойнаго А. М. Филиппова его именемъ названъ проливъ, раздѣляющій обѣ половины Шараповыхъ кошекъ.

ГЛАВА VII.

Краткій очеркъ климатическихъ условій Ямала. Замѣчанія о растительномъ покровѣ. Списокъ собранныхъ растеній.

Метеорологическія наблюденія (по три раза въ день) въ предѣлахъ Ямала экспедиціей велись, считая по старому стилю, съ 1 апрѣля по 5 августа. Наблюденія эти будутъ обработаны отдѣльно, и я приведу здѣсь только слѣдующія краткія данныя. За три полные мѣсяца *новаго стиля* мы имѣли:

За *май* (на широтѣ $68^1/_2°$ — $70^1/_2°$)—minimum (5-го въ 9 ч. в.)—21,6°; maximum (14-го въ 1 ч. дня) + 3,1°. Ясныхъ дней (съ облачностью изъ трехъ наблюденій меньше 5) было 2, со средней облачностью (5—25)—18, съ полной облачностью (больше 25)—11. Дождь и снѣгъ 7 дней, буранъ 4 дня. Въ общемъ 12 дней вѣтеръ изъ сѣверныхъ румбовъ.

За *іюнь* (широта 70° — 70°20′) — minimum (6-го въ 9 ч. в.)—2°, maximum (30-го въ 1 ч. дня)+25,5°. Ясныхъ дней 4, со средней облачностью 13, съ полной облачностью 13; осадки 12 дней, изъ нихъ 8 со снѣгомъ и 4 съ дождемъ. Температура 5 дней опускалась ниже 0.

За іюль (70°10—68°30′)—minimum + 2°, maximum + 27,5°. Ясныхъ дней 7, со средней облачностью 13, съ полной 11. Дней съ осадками 11 (изъ нихъ 1 день снѣгъ и 1 день градъ). Вѣтеръ изъ N — румбовъ — 23 дня.

Въ теченіе второй половины апрѣля (н. с.) наблюдался minimum (въ южныхъ частяхъ полуострова) — 27°. Полныя

наблюденія велись при караванѣ, такъ что не распространялись на сѣверную половину острова.

Сѣверныя сіянія, среднія по силѣ, мы видѣли неоднократно въ теченіе второй половины марта ст. ст. Въ началѣ апрѣля при сильномъ морозѣ и высокихъ перистыхъ облакахъ нѣсколько разъ наблюдали и днемъ и ночью очень эффектныя свѣтовыя явленія въ видѣ ложныхъ солнцъ, столбовъ и круговъ вокругъ солнца и луны. Очень интересны и роскошны въ тѣ же самые дни бывали цвѣта зорь. Такъ 3 апрѣля въ моемъ дневникѣ записано: весь день, при температурѣ около — 20°, эффектныя свѣтовыя явленія вокругъ солнца, потомъ луны. Вокругъ солнца круги съ ложными солнцами, передъ закатомъ видны только яркіе столбы по сторонамъ и красный столбъ надъ солнцемъ, начавшій „дышать" (дрожать и переливаться) послѣ захода солнца и постепенно потухшій. Заря сначала ярко-розовая, потомъ въ верхнихъ частяхъ (20°—30° надъ горизонтомъ) ясно-лиловый цвѣтъ, послѣ соломенно-желтые цвѣта. По сторонамъ мѣсяца столбы, черезъ мѣсяцъ внизъ до горизонта тоже. На небѣ всё время прозрачныя облака.

Не только нашъ слишкомъ краткій опытъ, но и разспросы убѣдили насъ въ томъ, что сильные и продолжительные вѣтра и лѣтомъ и зимою—вещь обыкновенная на Ямалѣ. Вѣроятно, что положеніе полуострова сильно благопріятствуетъ движеніямъ воздуха. Обычной должна быть нѣкоторая разница температуръ надъ Обской губой, которая наполнена сравнительно теплой водой лѣтомъ и покрыта сплошнымъ льдомъ зимою, и Карскимъ моремъ, которое и лѣтомъ и зимою можетъ быть и затертымъ льдомъ и открытымъ. Теплая вода, приносимая Обью, какъ видно это изъ работы д-ра А. М. Полилова [1]), вліяетъ непосредственно на температурныя условія Карскаго моря. Зимою разбушевавшійся надъ гладью тундры вѣтеръ

[1]) О вліяніи Сибирскихъ рѣкъ на воды С. Ледовитаго океана и Карскаго моря. Записки по гидрографіи, в. XXVIII, 1907.

чрезвычайно легко и быстро вздымаетъ сухой снѣгъ, отчего и разражаются тѣ жестокіе бураны, которые заставляютъ иногда въ тундрѣ подолгу стоять на мѣстѣ, погребаютъ подъ снѣгомъ обозы, подвѣтренныя стороны чумовъ и оленей, которые, спасаясь отъ рѣзкаго вѣтра, жмутся къ лагерю. Съ громадной силой вѣтръ черезъ малѣйшее отверстіе набиваетъ мелкій снѣгъ въ чумы, палатки или подъ платье человѣку и грозитъ неосторожному, опрометчиво — напр., въ слишкомъ легкомъ платьѣ—отошедшему или отъѣхавшему отъ лагеря.

Иногда во время зимнихъ и весеннихъ булановъ сила вѣтра бываетъ настолько значительна, что человѣкъ лишь съ трудомъ можетъ удерживаться на ногахъ, и—что̀ еще важнѣе— вѣтеръ, а съ нимъ и буранъ, могутъ разыграться почти внезапно. При ясномъ небѣ налетятъ первые порывы, и сейчасъ же закурится кругомъ снѣжная тундра, выше и выше начнетъ вздыматься и крутиться снѣгъ, и почти немедленно все кругомъ исчезнетъ, такъ что видно только на самомъ близкомъ разстояніи. Далеко не всегда, конечно, такой понизовый буранъ сопровождается метелью падающаго снѣга: часто солнце просвѣчиваетъ смутно черезъ облака несущагося надъ головой снѣга, но оно не разсѣиваетъ бѣлесоватой тьмы бурана, которая охватываетъ непривычнаго человѣка, совершенно лишая его возможности оріентироваться. Нерѣдко бураны продолжаются по нѣскольку сутокъ. Весной послѣдній выдержали мы 22 и 23 мая. Я былъ въ это время на Нясидай, но непогода бушевала съ такой же силой и на Ней-то, гдѣ стоялъ караванъ.

Сильные вѣтра зимой стаскиваютъ снѣгъ съ вершинъ холмовъ, откосовъ, а иногда и ровныхъ площадей, хорошо открытыхъ дѣйствію вѣтра. Часто случается въ тундрѣ проходить мѣстами, гдѣ земля на виду, и оленямъ не приходится откапывать ягель. Въ оврагахъ и подъ склонами, съ другой стороны, вѣтеръ надуваетъ мощные забои, которые лежатъ мѣстами до поздняго лѣта, и по которымъ—когда на ровныхъ

мѣстахъ снѣгъ уже давно исчезъ — можно удобно и быстро ѣхать на нартахъ. Снѣгъ на такихъ мѣстахъ—да и на ровныхъ также — къ веснѣ плотно слегается и хорошо держитъ оленя и человѣка. Въ тундрѣ почти нигдѣ не нужно лыжъ. Только на югѣ въ области еще криволѣсья (напр. на Хадыте) переходили мы мѣстами съ трудомъ рѣчныя долины, такъ какъ упряжные олени и нагруженныя нарты утопали въ снѣгу. Обыкновенно же въ тундрѣ олени бѣгутъ, какъ по полу, и только нерѣдкіе крупные заструги заставляютъ на нѣкоторыхъ переѣздахъ пассажира страдать отъ толчковъ. На ровной и однообразно покрытой снѣгомъ поверхности озера Ярро-то снѣговой покровъ достигалъ толщины 6 вершковъ. На другихъ ровныхъ мѣстахъ тундры — гдѣ снѣгъ не былъ сдутъ — слой его имѣлъ обыкновенно въ толщину отъ 4 до 6 вершковъ. Мощные снѣжные забои образуются мѣстами въ руслахъ рѣкъ, и ихъ долго не пробиваетъ весенняя вода, шумя потомъ довольно продолжительное время подъ снѣговыми мостами.

Толстый слой льда намерзаетъ надъ прѣсными водами. На мелкомъ озерѣ Ярро-то (восточномъ) ледъ, который мы пробили для измѣренія глубины и температуры воды, имѣлъ толщину въ сажень, на озерѣ Ямбу-то—въ 2³/₄ аршина. Такимъ образомъ мелкіе водоемы и многія рѣки тундры промерзаютъ до дна. На озерѣ Ярро-то о. Мартиніанъ—опытный рыболовъ — показывалъ мнѣ слѣдующее любопытное образованіе, по которому обскіе рыбаки узнаютъ не только о присутствіи и количествѣ рыбы въ извѣстномъ водоемѣ, но и о томъ, въ какихъ частяхъ озера она по преимуществу держится. Если взять кусокъ льда, въ особенности изъ нижнихъ ближайшихъ къ водѣ частей ледяного покрова, то онъ оказывается пронизаннымъ многими свѣтлыми столбиками, стоящими перпендикулярно къ поверхности воды. Иногда столбики ясно распадаются на отдѣльные включенные въ ледъ пузырьки. Происхожденіе этихъ образованій таково. Рыба при постепенномъ утолщеніи льда стоитъ по преимуществу или по крайней мѣрѣ

часто въ верхнихъ слояхъ воды подъ самымъ льдомъ (вѣроятно, здѣсь больше воздуха), и выдыхаемый ею газъ садится пузырьками на нижнюю поверхность льда и охватывается льдомъ, намерзающимъ снизу. Если рыба нѣкоторое время стоитъ на одномъ мѣстѣ, то пузырьки ложатся одинъ подъ другимъ, образуя во льду пустоты въ видѣ колонокъ. Вѣроятно, при тщательномъ изслѣдованіи всей толщи льда по отношенію къ этимъ вмѣстилищамъ газа можно было бы сдѣлать нѣкоторые выводы объ условіяхъ и порядкѣ намерзанія льда снизу.

На озерѣ Ярро-то верстахъ въ 4—5 отъ береговъ тянулся кругомъ всего озера валъ (торосъ) изъ нагроможденныхъ льдинъ, достигавшій 1—1½ саженей высоты. Вѣроятно, происхожденіе его объясняется тѣмъ, что вдоль отмелыхъ береговъ озеро замерзаетъ раньше, а близъ средины ледъ нѣкоторое время еще ломаетъ и носитъ вѣтрами, наваливая его на прибрежную полосу льда.

Температура воды въ озёрахъ подо льдомъ довольно низка. На Ярро-то—въ сѣверной половинѣ озера—гдѣ глубина воды подо льдомъ достигала всего 1 сажени, температура на поверхности воды была 0°, на глубинѣ аршина + 0,4°, на днѣ + 1,8°. На озерѣ Ямбу-то температура измѣнялась такъ:

Подо льдомъ (на поверхности воды)	0°
на глубинѣ ½ сажени	+ 0,3°
на 4 саженяхъ	+ 0,4°
на 7 „	+ 0,9°
на 10 „	+ 1,1°
на 13 (на днѣ)	+ 1,4°

Я не могъ достаточно точно опредѣлить толщину льда на морскомъ припаѣ, но насколько можно было видѣть въ трещинахъ и на краю припая (гдѣ ледъ образуетъ „подошву“), толщина эта врядъ ли превышала 4 фута. Припай по берегу Карскаго моря имѣлъ ширину въ 10—12 верстъ, и по краю

его тянулся валъ изъ нагроможденныхъ льдинъ. Близко къ берегу на припаѣ мѣстами громоздятся высокіе торосы (саженъ до 4—5 высотою), которые лежатъ близко у крутыхъ береговъ (гдѣ море, вѣроятно, глубже) и отодвигаются иногда на 1—2 мили противъ отлогихъ береговъ и вблизи рѣчныхъ устьевъ. Указанная выше ширина припая (который стоитъ до поздняго лѣта), по словамъ самоѣдовъ, обыкновенна въ теченіе зимы; къ нему прижимаетъ пловучій ледъ при западныхъ и сѣверныхъ вѣтрахъ, при восточныхъ же—иногда по долгу и зимою—море открыто. Я видѣлъ Карское море всюду чистымъ во второй половинѣ мая; капитанъ В. И. Введенскій 8 іюля при сѣверо-западномъ вѣтрѣ видѣлъ пловучій ледъ у устья Юрюбея. Припай тамъ въ это время былъ уже сломанъ и унесенъ. Въ проливѣ Малыгина, всегда сплошь замерзающемъ на зиму, ледъ стоитъ долго; по словамъ самоѣдовъ, въ началѣ „комаринаго" мѣсяца (приблизительно конецъ іюня или начало іюля) переѣзжаютъ еще проливъ по льду. Торосы тянутся рядами миляхъ въ двухъ отъ южнаго и сѣвернаго береговъ пролива. У Дровяного 11 мая засталъ я припай всего въ 1/2 мили шириною. Отдѣльные торосы поднимались мѣстами на краю его саженъ до 5; за ними на милю разстоянія тянулся разбитый ледъ, далѣе — открытое море. Судя по „водяному" небу, море было открыто за Бѣлымъ и далеко къ сѣверо-востоку.

Обская губа, кромѣ самой сѣверной части, по словамъ самоѣдовъ, всю зиму покрыта сплошнымъ льдомъ; иногда замѣчаютъ мѣстами полыньи и трещины. Весною ледъ на губѣ исчезаетъ къ концу іюня; осенью губа замерзаетъ въ концѣ октября, а иногда и въ ноябрѣ (только приблизительно можно перевести такъ осторожныя обыкновенно показанія самоѣдовъ, исчисленныя по луннымъ мѣсяцамъ). Встаетъ губа не сразу: обыкновенно нѣсколько разъ въ осень ломаетъ ледъ сѣверными вѣтрами. Около того же времени (приблизительно съ конца октября) намерзаетъ и припай по берегу Карскаго моря;

но иногда самоѣды уходятъ въ Обдорскъ (въ ноябрѣ), когда берега еще чисты.

Ледохода въ настоящемъ смыслѣ слова на небольшихъ рѣкахъ Ямала не бываетъ (развѣ нижнее теченіе Юрюбея можетъ представлять исключеніе). Рѣки, имѣющія осенью до сажени глубины, промерзаютъ до дна, снѣжные забои укрываютъ русло. Накопляющаяся снѣжная вода постепенно прорываетъ эти забои, затапливая русло поверхъ льда, ледъ мало-по-малу разрушается, и льдины постепенно отрываются отъ дна и выныриваютъ на поверхность несущагося весенняго потока, часто покрытыя землею и пескомъ. Вотъ какъ описанъ въ дневникѣ о. Мартиніана разливъ рѣки Сё-яга (Мутной): „31 мая обозомъ экспедиціи рѣку Сё-яга переходили по зимнему на нартахъ по забоямъ снѣговъ, а озера по обнаженному льду, точно по паркетному полу, перебѣгали на оленяхъ; а 1 іюня рѣчка Япта-яга прорвала забои снѣговъ и къ вечеру силилась затопить невысокіе безплодные свои берега. 2 іюня она въ полномъ разливѣ пѣнилась и рвалась черезъ берега, затопляя долину. 2-го же къ вечеру рѣка Сё-яга усердно обрывала отъ земли примерзшіе осенніе льды, выбрасывая ихъ на поверхность пѣнившихся водъ съ шумомъ разрыва военныхъ снарядовъ, и быстро группировала льды въ тѣсныя массы, откладывая ихъ валами по берегамъ своихъ крутыхъ поворотовъ. На 3-е въ ночь Сё-яга прибывала по 1½ аршина въ сутки, а 5 и 6 іюня рѣка отживала уже свои послѣдніе порывные дни, начала убывать и ровно ложиться въ своихъ крутыхъ берегахъ, и противъ устья Тумбой-яга съ 6-го по 10-е убыла на 15 четвертей, оставивъ на отлогихъ мѣстахъ береговъ высокіе бугры травяного холуя, прибитаго волнами".

Изложенное выше показываетъ, какъ быстро въ тундрѣ идетъ таяніе снѣга и разливъ рѣкъ. 20 и 21 мая, когда я стоялъ на Нясидай, вода мѣстами текла по руслу рѣки подъ забоями снѣга, и въ одномъ мѣстѣ — на небольшомъ пространствѣ — рѣка очистилась, такъ что авлейки садились на

чистую воду. Позже таяніе нѣсколько замедлилось. 28 мая на берегахъ Карскаго моря по низкой тундрѣ видны были лишь рѣдкія проталины; 30 мая южнѣе мыса Уэнъ-ганъ, идя льдомъ, мы уже въ бродъ переходили заберегу (воду поверхъ льда), набѣжавшую изъ прибрежныхъ ручьевъ, и вечеромъ того же дня застали устье Морды выбрасывающимъ въ море массу воды, которая потопила и мѣстами взломала припай на нѣсколько верстъ отъ береговъ. 2 іюня рѣчка Моготта (близъ мыса Маттюй-сале) была въ разливѣ, и на ровныхъ мѣстахъ тундры исчезалъ послѣдній снѣгъ. Появлялась зелень, цвѣты и насѣкомыя.

На озерахъ быстро развивается заберега, но на срединѣ ледъ стоитъ долго. Въ половинѣ іюня простояли мы нѣсколько дней у двухъ небольшихъ и мелкихъ озеръ. 15 іюня лежалъ еще ледъ по срединѣ озеръ. 16-го онъ исчезъ, а 17-го въ жаркій день термометръ у берега показалъ температуру поверхности воды въ 19°С., и нѣсколько любителей купались въ озерѣ. На обращенныхъ къ сѣверу откосахъ береговъ лежали еще въ это время мощные снѣжные забои.

Съ такою же быстротой, съ какой исчезаетъ снѣгъ и освобождаются воды, развивается въ тундрѣ и растительность подъ дѣйствіемъ незаходящаго солнца. То, что можно назвать весною, продолжается нѣсколько дней: лѣто быстро вступаетъ въ свои права. И такъ же быстро и незамѣтно наступаетъ потомъ и зима. Въ теченіе лѣтняго періода мы мало видѣли ясныхъ, теплыхъ и безвѣтренныхъ дней, которые пріятны въ тундрѣ обиліемъ свѣта, прозрачностью воздуха и кипучимъ движеніемъ животной жизни вокругъ путешественника, но которымъ послѣдній радуется только въ первый періодъ весны, пока не поднялись еще въ тундрѣ комары. Послѣдніе тяжелы для человѣка и затрудняютъ во всѣхъ отношеніяхъ движеніе на оленяхъ, которые очень плохо переносятъ и сколько-нибудь высокую температуру. Комаровъ мало въ сѣверныхъ областяхъ Ямала, но на Морды они были уже очень тяжелы, и, свя-

занные къ тому же съ оленями, мы во время путешествія привыкли называть „хорошей погодой“ тѣ дни, когда дулъ сѣверный или западный вѣтеръ и наносилъ туманъ и холодный дождь, заставляя оставаться въ малицахъ или надѣвать шерстяныя фуфайки и парусинныя куртки.

Въ ясные лѣтніе дни приходилось мнѣ раза два видѣть въ тундрѣ миражъ. Явленіе это случается рѣдко, такъ какъ рѣдко бываетъ тихо. Нѣсколько разъ слышали мы отдаленную грозу,—въ первый разъ два удара грома при дождѣ слышалъ я 4 іюня у озера Томбой (70° с. ш.) Въ іюлѣ въ нѣкоторые изъ немногихъ ясныхъ и теплыхъ дней наблюдалась не разъ непрозрачность воздуха, совершенно напоминающая явленіе такъ называемой „мги“ или „помохи“ нашихъ русскихъ степей. Подъ 23 іюля въ моемъ дневникѣ записано: „жаркій день, днемъ сухо, мгла такая, что въ двухъ верстахъ исчезаютъ контуры холмовъ; въ 9 часовъ вечера психрометръ показывалъ большую влажность, въ 11 сильная роса, немного позже туманъ“. Туманы были вообще не рѣдки, но исключительно густые видѣлъ я только весной на льду и побережьѣ Карскаго моря.

Мерзлота въ тундрѣ лежитъ на различной глубинѣ въ зависимости отъ почвы. На сѣверѣ Ямала (у Малыгина) самоѣды говорили мнѣ, что позднимъ лѣтомъ почва оттаиваетъ только на длину лезвея *витни* (копья), т. е. менѣе, чѣмъ на футъ. У Ярро-то 20 іюля на границѣ тундры и лайды, гдѣ подпочва подъ тонкимъ моховымъ слоемъ была глинисто-песчаная, мерзлота лежала на глубинѣ 12 вершковъ. Тутъ же въ высокой чисто-песчаной тундрѣ я прокопалъ $1^1/_2$ аршина, не дойдя до мерзлоты, хотя слои песку были уже очень холодны.

Крупная древесная растительность заходитъ дальше въ глубину Ямала, чѣмъ это можно было бы предполагать, судя по состоянію лѣсовъ подъ Обдорскомъ. На Хадыте, тамъ, гдѣ пересѣкаетъ ее нашъ маршрутъ на Ямалъ, прошли мы высокоствольный лѣсъ, окаймляющій рѣку полосою саженъ въ

200 шириной. Здѣсь растутъ ели и лиственницы, многія въ обхватъ толщиной, саженъ въ 8—9 высотою и съ сильнымъ развитіемъ вѣтвей. Есть березы и сильно разросшіяся ивы по рѣкѣ. Южнѣе по Хадыте, по словамъ самоѣдовъ, есть еще большія пространства хорошаго строевого лѣса. Къ сѣверо-западу вдоль рѣки видѣли мы далеко протянувшійся лентой лѣсъ болѣе чахлыхъ и рѣдко-стоящихъ деревьевъ. Сѣвернѣе по ручьямъ, сливающимся въ рѣчку Тобанъ-тарка-яга, и по самой рѣкѣ тянущіяся обыкновенно узкимъ бордюромъ вдоль русла рѣки лиственницы имѣютъ уже явственно конусовидную форму ствола и высоту въ 2 — 3 сажени при толщинѣ въ 3 — 4 вершка. По Порцэ-яга, притоку Яды, и нѣкоторымъ другимъ ручьямъ, впадающимъ въ Яду, одинокія лиственницы сажени въ 2—3 высотою, съ слабымъ развитіемъ вѣтвей, но не корявыя, тянутся мѣстами однимъ рядомъ съ каждой стороны ручья, образуя какъ бы аллеи довольно далеко отставленныхъ деревьевъ. Расположеніе ихъ, тѣсное вдоль рѣчекъ и ручьевъ, вѣроятно, объясняется дренажемъ почвы, а рѣдкость деревьевъ тѣмъ, что лишь одинокіе экземпляры — въ зависимости отъ почвенныхъ условій, условій заноса ихъ снѣгомъ, защиты отъ вѣтра и т. д.—уцѣлѣваютъ до старости въ борьбѣ съ климатомъ и неблагопріятными условіями почвы. Очень мелкаго криволѣсья—изъ лиственницъ корявыхъ и почти стелющихся по землѣ—я на Ямалѣ на линіяхъ нашего маршрута не видѣлъ. Во многихъ мѣстахъ отъ бывшихъ ранѣе деревьевъ уцѣлѣли только пеньки: по Хадыте и Яды лежитъ большая самоѣдская дорога, которой идутъ они при осенней перекочевкѣ на Ямалъ, и крупныя деревья срубаютъ на дрова и халмеры. Съ другой стороны, сѣвернѣе теперешней границы хвойной лѣсной растительности видѣлъ я остатки деревьевъ, вѣроятно, погибшихъ отъ измѣнившихся почвенныхъ условій. Сгнившіе остатки такихъ стволовъ и пней попадаются кое-гдѣ въ самыхъ верховьяхъ Яды, гдѣ теперь уже нѣтъ криволѣсья. Сѣвернѣе до Ярро-то мѣстами попадается еще ольховникъ

почти въ ростъ человѣка, котораго больше по долинамъ рѣкъ и ручьевъ, лежащихъ южнѣе. На водораздѣлахъ ручьевъ и рѣчекъ нигдѣ въ этихъ мѣстахъ древесной или кустарной растительности (кромѣ полярной березы и ивовыхъ зарослей по краямъ озеръ) нѣтъ вовсе.

Сѣвернѣе Ярро-то мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть ольхи. Только полярная береза во многихъ мѣстахъ густыми зарослями стелется въ тундрѣ, и ивы различныхъ видовъ разрастаются по рѣчнымъ лайдамъ и берегамъ озеръ. Въ долинѣ Юрюбея густыя заросли ёры поднимаются мѣстами еще почти до высоты роста человѣка. Далѣе къ сѣверу становятся онѣ все ниже, постепенно переходя въ стланку. Но кое-гдѣ еще и на Морды на защищенныхъ склонахъ заросли довольно высоки и пышны. Въ типичной тундрѣ полярная береза группируется больше тамъ, гдѣ сильнѣе травяная растительность, и находится много ягодниковъ. Таковы болѣе низкія мѣста тундры: болѣе высокіе водораздѣлы бѣдны растительнымъ покровомъ, часто почти лишены его, образуя тѣ „песчаные хребты“ (яръ-хой), о которыхъ уже упоминалъ я выше.

Пышнымъ развитіемъ травянистой растительности — хотя болѣе однообразной, чѣмъ въ тундрѣ — отличаются рѣчныя лайды. Высокія заросли необыкновенно быстро выростающихъ съ наступленіемъ лѣта осокъ покрываютъ берега озеръ и лужъ на лайдахъ. На болѣе старыхъ—сухихъ и плотныхъ—мѣстахъ лайдъ иногда большія пространства покрыты злаками, образующими цѣлыя луговины прекрасной травы съ видными издалека пятнами яркихъ цвѣтовъ. Лютики, *Caltha*, *Trollius*, стелларіи здѣсь преобладаютъ. Но вообще лайды очень бѣдны цвѣтами, которыхъ несравненно больше на низкой тундрѣ. Въ особенности разнообразна растительность (привлекающая и много насѣкомыхъ) на пологихъ склонахъ тундры надъ лайдами, обращенныхъ къ югу.

Въ тундрахъ на Ямалѣ мало пространствъ, на которыхъ почва одѣта толстымъ торфянымъ слоемъ. Но изрѣдка на

Переправа грузовъ экспедиціи.

Экспедиція въ пути (верховья Яды).

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, Москва

низкихъ мѣстахъ приходится видѣть въ берегахъ овраговъ толстые торфяные пласты. Такъ верстахъ въ 5 южнѣе западнаго Ярро-то въ болотистой мѣстности у края небольшого озера обрывъ оврага сложенъ изъ торфяного слоя болѣе 2 метровъ мощностью. На глубинѣ $1^1/_2$ и 2 метровъ отъ поверхности почвы нашелъ я здѣсь обнажившіеся вслѣдствіе обвала берега трухлявые стволы деревьевъ отъ 4 до 7 вершковъ толщиною. Нужно предполагать, что эти деревья (вѣроятно, лиственницы) росли когда-то здѣсь, т. е. значительно сѣвернѣе теперешней границы высокоствольныхъ деревьевъ, погибли отъ постепеннаго заболачиванья почвы и были покрыты мало-по-малу пластами мховъ. Нѣкоторые авторы упоминаютъ о случаяхъ такой гибели деревьевъ отъ заболачиванья близъ сѣверныхъ границъ лѣсной растительности въ тундрѣ [1]).

Ягельныя пастбища, такъ важныя для оленеводовъ зимою, развиты хорошо въ высокой тундрѣ ближе къ центральнымъ частямъ полуострова и вообще на водораздѣлахъ. По тѣмъ путямъ, гдѣ главнымъ образомъ проходятъ линіи большихъ перекочевокъ оленеводовъ, пастбища мѣстами бываютъ потравлены, и приходится на пути выбирать мѣста стоянокъ; но вообще на недостатокъ или скудость пастбищъ самоѣды Ямала не жалуются. Вдоль береговъ Карскаго моря ягельныхъ пастбищъ мало, и здѣсь легко стоять и передвигаться на оленяхъ только въ періодъ зеленаго корма. Въ сѣверныхъ частяхъ полуострова и въ особенности по берегамъ Карскаго моря мало ивовой и березовой сланки. Гдѣ нѣтъ близко плавника, самоѣды заготовляютъ для топлива черный лишайникъ [2]).

---

[1]) Г. Танфильевъ. По тундрамъ тиманскихъ самоѣдовъ лѣтомъ 1892 г. Изв. И. Р. Г. О. т. XXX.—R. Pohle. Pflanzengeographische Studien über die Halbinsel Kanin u. das angrenzende Waldgebiet. Труды Спб. Бот. сада, XXI.—Л. С. Бергъ. Объ измѣненіи климата въ историческую эпоху. „Землевѣдѣніе“ 1911 кн. III.

[2]) Этотъ лишайникъ, мѣстами—въ особенности въ сѣверныхъ областяхъ Ямала—обильно растущій въ тундрѣ, по опредѣленію А. А. Елен-

Ботаническіе сборы наши страдаютъ пробѣлами. Иногда при тяжелыхъ условіяхъ передвиженія мы не могли удѣлять достаточно времени коллектированію. Кромѣ того одинъ изъ двухъ тюковъ съ цвѣтковыми растеніями былъ подмоченъ въ пути и совершенно испорченъ. Собранная коллекція явнобрачныхъ и низшихъ растеній передана въ Императорскій Ботаническій Садъ. Р. Р. Поле, уже такъ много сдѣлавшій для изученія флоры крайняго сѣвера, счелъ возможнымъ просмотрѣть нашу коллекцію высшихъ растеній, передавъ мнѣ списокъ ихъ, который я здѣсь и помѣщаю въ виду того, что свѣдѣнія о флорѣ Ямала, кажется, ограничиваются немногими данными, приводимыми Норденшельдомъ. Вотъ этотъ списокъ растеній съ обозначеніемъ мѣстностей и времени сбора.

30 мая. Озеро Ней-то, тундра съ зарослями ивъ.
Eriophorum vaginatum L. fl.
Salix lanata L. fl. masc.

12 іюня. Сухой берегъ Сё-яга, рѣчная лайда.
Ranunculus borealis Trautv. fl.
Caltha palustris L. fl.

14 іюня. Высокій тундряной берегъ, сліяніе Сё-яга и Морды.
Oxytropis sordida Pers. fl.
Myosotis suaveolens Waldst. et Kit. fl.
Pedicularis hirsuta L. fl.
Lloydia serotina Rchb. fl.
Rubus chamaemorus L. fl.
Draba hirta L. f. rupestris R. Br. fl.
„ *repens* MB. fl.

15 іюня. Сухая тундра близъ долины Сё-яга.
Pedicularis hirsuta L. fl.

кина, оказался состоящимъ изъ видовъ *Alectoria divergens* (Ach.) Nyl. и *Cetraria cucullata* (Bell.). Ach. (послѣднее растеніе имѣется только въ видѣ незначительной примѣси, главная же масса лишайника состоитъ изъ перваго вида).

20 іюня. 1) Старая лайда близъ Морды (сѣвернѣе 70°).
Valeriana capitata Pall. fl.
2) Берегъ озерца.
Nardosmia frigida Hook. fl.
Carex aquatilis Wahlenb.
Eriophorum angustifolium Roth. fl.
21 іюня. 1) Лайда у озерца.
Cardamine pratensis L. v. *angustifolia* Hook.
2) Тундра, сухой бугоръ.
Senecio frigidus Less. fl.
Rubus arcticus L. fl.
Valeriana capitata Pall. fl.
Stellaria longipes Gold. fl.
Pachypleurum alpinum Ledeb. fl.
Pedicularis lapponica L. fl.
Ledum palustre L. fl.
19 іюня. 1) Тундра нѣсколько сѣвернѣе 70°.
Eriophorum Scheuchzeri Hoppe. defl.
2) Старая лайда, поросшая ивнякомъ.
Rubus arcticus L. fl.
Stellaria longipes Gold. fl.
Astragalus arcticus Bge. fl.
Oxytropis sordida Pers. fl.
Alopecurus alpinus Sm. fl.
Senecio frigidus Less. fl.
Veratrum Lobelianum Bernh.
Dryas octopetala L. fl.
Draba repens MB. fl.
Viola palustris L. fl.
28 іюня. 1) Сухой бугоръ, приблизительно подъ 70°.
Andromeda polifolia L. fl.
2) Сухая тундра.
Salix hastata L.
3) Старая лайда съ зарослями ивъ.

Cardamine pratensis L. v. *angustifolia* Hook.
Chrysosplenium tetrandrum Lund. fl.
Andromeda polifolia L. fl.

29 іюня. 1) Тундра, на сухомъ бугрѣ, приблизительно $69^1/_2$°.
Vaccinium vitis idaea L. v. *pumila* Hornem.
Cerastium arvense L. fl.
Armeria sibirica Turcz. fl.
Polemonium campanulatum Th. Fr. fl.
Artemisia Tilesii Ledeb.
Pachypleurum alpinum Ledeb. fl.
Andromeda polifolia L. fl.

2) Болотистый берегъ озера.
Carex aquatilis Wahlenb. v. *stans* (Drejer) Boott. defl.

3) Сухой склонъ къ рѣкѣ, граница между тундрой и лайдой.
Antennaria carpatica Bl. et Fing. fl., defl.
Pyrola grandiflora Rad.

30 іюня. 1) Сухая тундра.
Castilleja pallida Kunth. fl.
Polygonum alpinum All. fl.
Pedicularis parviflora Sm. (= *P. Wlassowiana* Stev., non Bunge et auct.).

2) Старая лайда, поросшая ивами.
Pyrola grandiflora Rad. fl.
Astragalus arcticus Bge. fl.

3) Сухая песчаная лайда.
Hedysarum obscurum L. fl.
Pedicularis sudetica Willd. v. *lanata* Walp.
Koeleria asiatica Domin. fl.

4) Тундряной склонъ къ рѣчной долинѣ.
Trollius asiaticus L. fl.
Veratrum Lobelianum Bernh. fl.
Polygonun viviparum L.

5) Лайда, мѣстами болотистая.
Carex rigida Good.
Pedicularis sudetica Willd. v. *lanata* Walp. fl.
Calamagrostis Holmii Lange. fl.

2 іюля. 1) Сухая песчаная тундра съ ничтожнымъ количествомъ мховъ близъ озера Ямбу (69° 30′).
Thymus serpyllum L. fl.
Rumex graminifolius Lamb. fl.
Cerastium arvense L. fl.

2) Песчаные бугры у озера Ямбу.
Betula nana L. fl., defl.
Equisetum arvense L.
Trisetum subspicatum (L.) P. B. defl.
Hierochloe alpina (Lilj). R. et S.
Polemonium humile Willd. fl.
Vaccinium vitis idaea L. v. *pumila* Hornem. fl.
Ledum palustre L. fl.
Poa arctica R. Br. defl.
Carex rigida Good. defl.
Artemisia Tilesii Ledeb. fl.

3) По южнымъ тундрянымъ склонамъ овраговъ, 69° 25′.
Ranunculus pygmaeus Wahlenb. fl.

4) Тундра, 69° 25′.
Epilobium dauricum Fisch fl., defl.
Astragalus arcticus Bge. fl.
Pyrethrum bipinnatum L. fl.
Koeleria asiatica Domin.
Carex rotundata Wahlenb. defl.
Aira alpina L. fl., defl.

3 іюля. Тундра сухая, безъ мха, немного сѣвернѣе 69°.
Pedicularis paniculata Pall. fl.
Eriophorum angustifolium Roth. defl.

4 іюля. По сухимъ песчанымъ холмамъ.
Arenaria graminifolia Schrad. fl.

Tofieldia borealis Wahlenb. fl.
Koeleria asiatica Domin.
Polemonium humile Willd. defl.

5 іюля. 1) Песчаная, мѣстами холмистая тундра, близъ рѣки Ясавай.
Aira caespitosa L. v. *borealis* Trautv. defl.
Cerastium arvense L. fl.
Calamagrostis Holmii Lange defl.
Rumex graminifolius Lamb. fl.
Bromus inermis Leyss. forma, defl.
Corallorhiza innata R. Br. fl.
Parnassia palustris L.
Koeleria asiatica Domin.
Antennaria carpatica Bl. et Fing. defl.
Armeria sibirica Turcz. defl.
Arctostaphylos alpina (L.) Spreng. fr. mat.

2) Въ долинѣ Ясавай.
Pyrethrum bipinnatum L. fl.
Arctophila pendulina Laest.
Eriophorum Scheuchzeri Hoppe. defl.
Carex aquatilis Wahlenb. defl.
Polygonum alpinum All. fl.

5 іюля. 1) На пескахъ въ долинѣ Ясавай.
Salix glauca L. defl.
Polygonun viviparum L. fl.
Calamagrostis Holmii Lange. defl.

6 іюля. Тундра, южные склоны, на переходахъ между Ясавай и Юрюбеемъ.
Dianthus dentosus Fisch. fl.
Campanula rotundifolia L. fl.
Valeriana capitata Pall. fl.
Polygonum bistorta L. fl.
Cardamine pratensis L. v. *angustifolia* Hook. fl.
Lycopodium selago L.

Pedicularis versicolor Wahlenb. fl.
Cassiope hypnoides (L.) Don. fl.
Pachypleurum alpinum Ledeb. fl.
Lycopodium alpinum L. fert.
Salix polaris Wahlenb. fr. fere matur.
Solidago virgaurea L. v. *alpestris* Blytt. fl.
Antennaria dioica (L.) Gaertn. fl.
Vaccinium uliginosum L. v. *microphylla* Lange. fl.
Viola palustris L. forma, fl.

8 іюля. 1) Правый берегъ Юрюбея,—пески.
Aira alpina L. fl., defl.
Calamagrostis neglecta Ehrh. v. *borealis* Laest.
Alopecurus alpinus Sm. fl.
Aira caespitosa L. v. *borealis* Trautv. fl., defl.

2) Долина Юрюбея.
Salix hastata L.
Astragalus arcticus Bge. fl.
Pedicularis verticillata L. fl.
Castilleja pallida Kunth. fl.
Polygonum viviparum L.
Antennaria carpatica Bl. et Fing. defl.
Andromeda polifolia L. fl.

20 іюля. Озеро Ярото (песчаная тундра).
Thymus serpyllum L. fl.
Equisetum arvense L. ster.

24 іюля. 1) Верховья Яды, на песчаной тундрѣ.
Solidago virgaurea L. v. *alpestris* Blytt. defl.
Hieracium alpinum L. subsp. *alpinum* L. fl.

2) Берегъ ручья.
Parnassia palustris L. fl.
Alopecurus pratensis L.

По замѣчанію Р. Р. Поле, значительный интересъ представляетъ нахожденіе въ предѣлахъ Ямала вида *Pedicularis*

parviflora. Растеніе это распространено въ Сѣверной Америкѣ, доходя до береговъ Ледовитаго океана; оно есть также въ Сибири (Даурія), но его считали по ошибкѣ за близкій видъ *Pedicularis palustris*. На основаніи нахожденія этой формы на Ямалѣ можно предположить, что *P. parviflora* можетъ быть найдена во многихъ мѣстностяхъ Сибири.

ГЛАВА VIII.

Фауна Ямала. Млекопитающія. Птицы. Списокъ собранныхъ экспедиціей рыбъ по опредѣленію Л. С. Берга и краткія замѣчанія о распространеніи рыбъ. О нѣкоторыхъ группахъ безпозвоночныхъ животныхъ.

Коллекціи по фаунѣ Ямала, собранныя экспедиціей, только частью обработаны. Такъ какъ постепенно коллекціи эти будутъ описаны спеціалистами по группамъ, то въ настоящей главѣ я дамъ лишь общій очеркъ фауны, остановившись главнымъ образомъ на позвоночныхъ животныхъ.

Фауна млекопитающихъ полуострова слагается изъ обычныхъ обитателей полосы тундръ палеарктической области и побережья Ледовитаго океана. Изъ хищниковъ *бѣлый медвѣдь* не рѣдокъ еще близъ устья Обской губы, на проливѣ Малыгина и по берегу Карскаго моря къ югу приблизительно до Шарановыхъ кошекъ. Южнѣе, по словамъ самоѣдовъ, не приходится встрѣчать звѣрей. Нужно замѣтить, однако, что на зиму лишь очень немногіе чумы самоѣдовъ—и то главнымъ образомъ только промышленники въ сѣверныхъ частяхъ полуострова—остаются на Ямалѣ, и возможно, что зимой или очень ранней весной медвѣди изрѣдка спускаются и южнѣе—къ Байдарацкой губѣ или въ глубину Обской. Больше всего промышляютъ медвѣдей ранней весной (въ мартѣ и апрѣлѣ), какъ только самоѣды прикочуютъ на свои промысловыя мѣста

съ юга. Въ удачные годы убиваютъ на полуостровѣ по десятку медвѣдей и больше, въ плохіе—нѣсколько штукъ.

Волки распространены по всему полуострову, переходя и на Бѣлый за дикими оленями и слѣдуя часто за домашними стадами. Мы видѣли только звѣрей сѣраго цвѣта, но попадаются и бѣлые. Не будучи особенно многочисленными, они все же мѣшаютъ оленеводству, нерѣдко зарѣзывая домашнихъ оленей, а еще чаще распугивая стада, которыя трудно потомъ собирать въ тундрѣ. Судя по нашему собственному опыту, волки болѣе многочисленны вблизи границъ криволѣсья. Здѣсь приходилось мнѣ видѣть и слѣды красной *лисицы* (напр. въ бассейнѣ рѣки Хадыте). Сѣвернѣе въ тундрѣ лисица попадается очень рѣдко, въ особенности въ сѣверной половинѣ полуострова. Самоѣдъ Уэррено Уэнога на Малыгинѣ разсказывалъ мнѣ, что около десяти лѣтъ тому назадъ лисица попала въ слопецъ близъ Дровяного мыса. Съ тѣхъ поръ ни разу не видали не только лисицъ, но и ихъ слѣда. Раньше также ловить не приходилось.

Песцы на полуостровѣ всюду довольно многочисленны, но почти исключительно бѣлые. Голубые очень рѣдки и сравнительно чаще ловятся въ Низовой тундрѣ за Обской губой. Ловятъ песцовъ желѣзными капканами и слопцами, которые ставятъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Въ самкѣ песца, убитой въ половинѣ апрѣля, вблизи озеръ Ярро-то, нашли мы 16 зародышей, едва сформировавшихся. Самоѣды говорили мнѣ, что число дѣтенышей доходитъ иногда до 20. 22-го мая на рѣкѣ Пясидай я слышалъ отъ мѣстныхъ промышленниковъ, что песцы только что ощенились.

Нору *россомахи*, вырытую въ тундровомъ слоѣ берега оврага, самоѣды показывали мнѣ вблизи озеръ Ярро-то. Но россомаха заходитъ въ тундру и сѣвернѣе, вплоть до пролива Малыгина, по словамъ промышленниковъ, хотя всюду рѣдка. До самыхъ сѣверныхъ частей полуострова встрѣчается и *горностай*. Одинъ экземпляръ *ласки* поймали мы вблизи озеръ Нёй-те.

Перечисленными семью видами исчерпывается фауна хищниковъ. Изъ грызуновъ *зайцы*, несомнѣнно, малочисленны въ тундрѣ. Мы видѣли слѣды и подняли одного зайца на рѣкѣ Хадыте, послѣ Д. П. Филатовъ видѣлъ слѣды также вблизи озеръ Нѣй-те. Сѣвернѣе всюду слышалъ я отъ самоѣдовъ, что зайца не видятъ они вовсе. Можетъ быть, обиліе песцовъ служитъ этому причиной.

Оба вида лемминговъ встрѣчаются въ тундрѣ. Копытную мышь (*Myodes torquatus* Pall.) встрѣтили мы—въ небольшомъ числѣ—въ возвышенной песчаной, мѣстами очень бѣдной растительностью, тундрѣ вблизи озеръ Ямбу-то и Нѣй-те. Видъ этотъ—и по словамъ самоѣдовъ—повидимому распространенъ болѣе въ сѣверныхъ широтахъ и, какъ напр. и тундровая куропатка, пріуроченъ болѣе къ пустыннымъ, съ обнажающимися песками и обрывистыми склонами холмовъ, областямъ высокой тундры. Между тѣмъ обскій леммингъ (*Myodes obensis* Brants) встрѣчается всюду, не исключая и рѣчныхъ долинъ и озерныхъ лайдъ, и мѣстами держится въ громадныхъ количествахъ. Въ первую половину путешествія приходилось намъ ловить отдѣльныхъ звѣрковъ на снѣгу. Въ послѣднихъ числахъ мая, идя берегами Карскаго моря на широтѣ Шарановыхъ копекъ, на только что появившихся проталинахъ засталъ я безчисленное количество леммнговъ. Земля была совершенно изрыта ихъ ходами. Звѣри видимо находились въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Они дрались другъ съ другомъ, бросались—съ своимъ характернымъ полу-лающимъ, полу-стрекочущимъ крикомъ—на проходящихъ людей, стараясь укусить за сапоги, и вообще проявляли безумную ярость и отвагу. Близъ устья Морды лемминги были еще очень многочисленны; далѣе къ югу и внутрь полуострова было ихъ гораздо меньше, но все же попадались они нерѣдко. Позже южнѣе Юрюбея мы ихъ встрѣчали уже только изрѣдка. Въ привезенной нами коллекціи грызуновъ есть также полевки и изъ насѣкомоядныхъ—землеройки. Водяной полевки (*Microtus amphibius* L) мнѣ не при-

шлось видѣть въ тундрѣ. Она не рѣдка во всякомъ случаѣ въ дельтѣ Оби [1]).

Сѣверный олень въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ямала встрѣчается въ большомъ числѣ. Но онъ оттѣсненъ главнымъ образомъ въ самыя сѣверныя части полуострова и на Бѣлый и отчасти въ нѣкоторыя области по побережью Карскаго моря и держится главнымъ образомъ тамъ, гдѣ—по различнымъ причинамъ и въ особенности по бѣдности пастбищъ ягелемъ—стоитъ меньше домашнихъ стадъ. Довольно многочисленные на Бѣломъ и въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ полуострова, при-

Самоѣдъ, подкравшійся къ оленю.

близительно до широты рѣки Паинте къ югу, олени со стороны Обской губы встрѣчаются—по словамъ самоѣдовъ—еще до рѣки Тамбея и лишь рѣдко забѣгаютъ въ бассейнъ Венуй. По берегу Карскаго моря южнѣе Паинте они во всякомъ случаѣ рѣдки. Но ихъ бьютъ въ бассейнѣ Нясидай и южнѣе, и они снова многочисленны на низменностяхъ полуострова, оканчивающагося мысами Игеуа-сале и Уэнъ-ганъ и вообще по побережью на широтѣ Шараповыхъ кошекъ. Здѣсь изъ-за отсутствія или бѣдности ягельныхъ пастбищъ не держатъ домашнихъ стадъ, и побережье неудобно и для тюленьяго промысла (такъ какъ за тюленями пришлось бы ѣздить за Шараповы кошки), и мѣста отъ Харасовой до Морды пустынны:

[1]) Я не останавливаюсь здѣсь подробнѣе на мелкихъ грызунахъ и землеройкахъ, такъ какъ привезенная коллекція млекопитающихъ будетъ описана мной отдѣльно.

стада стоятъ на этой широтѣ глубоко внутри полуострова, на „хребтѣ", и дикіе олени ходятъ здѣсь, тревожимые только изрѣдка пріѣзжающими промышленниками. Вблизи мыса Уэнъ-ганъ мнѣ пришлось видѣть стадо численностью около 100 головъ. Встрѣчали мы оленей и южнѣе, въ холмистой прибрежной полосѣ близь Наду-яга. Но южнѣе Морды уже, кажется, нигдѣ не встрѣчаютъ дикихъ оленей, которыхъ не промышляютъ ближе сѣверныхъ отроговъ Урала и Пай-хоя, гдѣ они еще удержались.

Дикіе олени Ямала окрашены свѣтлѣе, чѣмъ домашніе,— зимою почти чисто бѣлаго цвѣта. Они кажутся легче и стройнѣе на бѣгу, такъ что по манерѣ бѣга можно отличать ихъ отъ домашнихъ на большомъ разстояніи. Дикія важенки телятся позже домашнихъ. Во время пребыванія моего на Малыгинѣ 15 мая на Бѣломъ убита была важенка, которой оставался еще мѣсяцъ до отела. У мыса Уэнъ-ганъ 28 мая убита была важенка, также еще не отелившаяся. Между тѣмъ къ половинѣ мая въ домашнихъ стадахъ почти всѣ важенки уже вытелились.

Изъ морскихъ звѣрей у Дровяного, на Малыгинѣ и по берегу Карскаго моря до Шараповыхъ кошекъ изрѣдка бьютъ *моржей*, которыхъ, по словамъ самоѣдовъ, южнѣе устья Морды и въ Обской губѣ видѣть никогда не приходится. Не частъ въ общемъ и *морской заяцъ*. Главнымъ предметомъ промысла служитъ *нерпа*, которая въ большомъ количествѣ встрѣчается и въ губѣ еще до Тамбея (заплывая, конечно, и южнѣе) и заходитъ иногда по рѣкамъ въ озера. Во время съемки озера Ямбу-то спутники мои видѣли неоднократно на льду нерпу, которая, несомнѣнно, зимовала въ озерѣ. Самоѣды говорили мнѣ также, что нерпы заходятъ иногда по рѣкѣ Еръ-яга въ Сяу-то. Бьютъ ихъ изъ винтовокъ на припаѣ, гдѣ нерпы выходятъ на сплошной ледъ, лежа около своихъ продушинъ, куда спасаются, заслышавъ или замѣтивъ опасность. Лежа на льду, они всегда сторожки въ противоположность моржамъ,

которыхъ скрадывать очень легко. О заходѣ въ озеро Ярро-то *бѣлухъ* я уже говорилъ выше. Звѣри эти многочисленны въ Обской губѣ.

Міръ птицъ Ямала богатъ количествомъ особей, въ особенности въ рѣчныхъ долинахъ средней по широтѣ части полуострова. Изъ воробьиныхъ птицъ характерны для полосы тундръ слѣдующіе шесть видовъ: „снѣгирь“ (*Plectrophenax nivalis* L.), лапландскій подорожникъ (*Calcarius lapponicus* Pall.), рюмъ или рогатый жаворонокъ (*Otocoris alpestris* L.), бѣлая трясогузка (*Motacilla alba* L.), желтоголовая трясогузка (*Budytes citreola* Pall.) и чеканъ (*Saxicola oenanthe* L.).

Стаи снѣжныхъ подорожниковъ или, по мѣстному, снѣгирей видѣли мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по пути отъ Тюмени до Обдорска и подъ Обдорскомъ въ концѣ марта. Но во все время пути по Ямалу до Ярро-то и далѣе до озера Сяу-то не встрѣтили этого вида ни разу. Первые снѣгири были убиты у озера Сяу-то 23 апрѣля. Капитанъ В. Н. Введенскій встрѣтилъ этотъ видъ 5 мая на Обской губѣ у устья Сё-яга. 11 мая я встрѣтилъ, повидимому, гнѣздящіяся парочки у Дровяного мыса и позже видѣлъ ихъ всюду по берегамъ Карскаго моря до устья Морды, но нигдѣ видъ этотъ не попадался въ большомъ числѣ. Кажется, снѣгири гнѣздятся исключительно или почти исключительно по морскимъ берегамъ. Во время пути лѣтомъ черезъ тундру на югъ мы не встрѣчали ихъ ни разу.

Лапландскій подорожникъ несравненно многочисленнѣе бѣлаго и гнѣздится всюду въ очень большомъ числѣ на сухой тундрѣ и на лайдахъ рѣчныхъ долинъ. Прилетаетъ онъ позже бѣлаго. На озерахъ Нёй-те видъ этотъ замѣченъ Д. П. Филатовымъ въ первый разъ 20 мая. На Карскомъ морѣ я встрѣтилъ ихъ—сразу уже въ довольно большомъ числѣ—28 мая на проталинахъ низменностей южнѣе рѣки Харасовай. Гнѣздящіяся въ тундрѣ птицы обыкновенно вьютъ гнѣзда подъ кустиками полярной березки. Въ половинѣ іюня на Сё-яга

въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ проклевывались птенцы, а въ самомъ концѣ іюня въ долинѣ Морды нѣкоторые молодые уже летали. *Calcarius lapponicus*—самый многочисленный и обыкновенный видъ изъ воробьиныхъ на Ямалѣ.

Рогатые жаворонки появились немногимъ позже снѣгирей. Переводчикъ мой Г. П. Кудринъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ рюма еще 28 апрѣля на Сё-яга. Позже я видѣлъ одного 4 мая, а 6-го убитъ самецъ близь озера Ней-то. Съ 10 мая встрѣчалъ я этихъ птицъ парами на проливѣ Малыгина, на Бѣломъ и по берегамъ Карскаго моря. Внутри тундры видъ этотъ въ общемъ довольно рѣдокъ, избѣгаетъ рѣчныхъ долинъ и вообще лайдъ и болотъ и попадается на буграхъ и склонахъ высокой тундры. 20 мая на Ней-то жаворонки неслись, а въ первыхъ числахъ іюля на обнаженныхъ песчаныхъ буграхъ (на которыхъ и приходится по преимуществу встрѣчать жаворонковъ) у верховьевъ Морды видѣлъ я летающихъ молодыхъ. Кажется, какъ и *Plectrophenax nivalis*, жаворонокъ обыкновеннѣе въ сѣверныхъ областяхъ полуострова.

Пары бѣлыхъ трясогузокъ я увидѣлъ въ первый разъ 31 мая вблизи устья Морды, а 3 іюня въ глухихъ болотахъ у озера Томбой—желтоголовую. На Нёй-те эта послѣдняя замѣчена еще 26 мая. *Motacilla alba* гнѣздится, кажется, одинаково охотно и вблизи береговъ, и на рѣкахъ и озерахъ внутри тундры. Въ большомъ количествѣ встрѣтили мы этотъ видъ въ бассейнѣ Юрюбея. *Budytes citreola* привязана къ рѣчнымъ долинамъ и въ особенности къ болотамъ, покрытымъ густой ивовой зарослью. Пару чекановъ въ первый разъ я встрѣтилъ также 31 мая на береговыхъ обрывахъ близь устья Морды. Этотъ видъ гнѣздится на высокихъ берегахъ моря и озеръ и на крутыхъ склонахъ овраговъ и холмовъ въ тундрѣ.

Къ перечисленнымъ видамъ нужно прибавить еще нѣсколько, но распространенныхъ уже въ самыхъ южныхъ частяхъ полуострова въ предѣлахъ криволѣсья по бассейну Хадыте и въ Сапкаѣ. Я видѣлъ здѣсь выводокъ воронъ (*Corvus*

cornix L.), чечетокъ (*Acanthis linaria* L.), которыя встрѣчаются и по ольховымъ зарослямъ въ верховьяхъ Яды и, вѣроятно, до Ярро-то, варакушекъ и какихъ-то коньковъ (вѣроятно, *Anthus pratensis* Briss. и *Anthus cervinus* Pall.). Замѣчательно, что послѣдняго вида я не видѣлъ нигдѣ въ болѣе сѣверно лежащихъ тундрахъ. Въ предѣлахъ островов криволѣсья шли мы очень поспѣшно и при постоянно-дождливой погодѣ, такъ что не могли сдѣлать болѣе подробныхъ наблюденій.

Изъ хищниковъ въ тундрѣ обыкновенны: орланъ (*Haliaëtus albicilla* Briss.), сапсанъ (*Falco peregrinus* Briss.), типичный тундровый канюкъ (*Archibuteo lagopus* Brünn.), бѣлая сова (*Nyctea nyctea* L.) и болотная сова (*Asio accipitrinus* Pall.).

Орлана видѣли мы въ первый разъ 31 марта вблизи устья Щучьей и позже нѣсколько разъ во время пути по тундрѣ. Сторожкая птица эта гнѣздится на вершинахъ холмовъ, нѣкоторымъ изъ которыхъ, а также и нѣкоторымъ озёрамъ самоѣдами придано названіе „орлиныхъ" или „орлиныхъ гнѣздъ". Видъ этотъ рѣдокъ. Сапсанъ попадается на глаза чаще орлана. Пару этихъ соколовъ видѣлъ я на устьѣ Паните 18 мая. Но еще 13-го одна пара, по наблюденіямъ Д. П. Филатова, держалась у озеръ Ней-то. Видъ этотъ гнѣздится на обрывистыхъ берегахъ моря и озеръ и на вершинахъ отдѣльно стоящихъ холмовъ. Близъ верховьевъ Хадыте на вершинѣ кургана Тиръ-седе 24 іюля застали мы въ гнѣздѣ сапсана 4 птенцовъ, изъ которыхъ два уже начали перелетать. Привезенные нами экземпляры соколовъ окрашены свѣтло,—въ типѣ var. *griseiventris*.

Канюки—типичные *Archibuteo lagopus*—очень обыкновенны въ тундрѣ. Одинъ экземпляръ видѣли мы 28 апрѣля, но самоѣды говорили намъ, что первыхъ птицъ замѣтили еще въ первыхъ числахъ апрѣля. Птицы гнѣздятся приблизительно на такихъ же мѣстахъ, какъ и сапсаны, и также распространены до самыхъ сѣверныхъ областей полуострова (я видѣлъ ихъ нѣсколько южнѣе устья Паните). 31 мая близъ устья

Морды нашелъ я гнѣздо съ слегка насиженными яйцами. Въ гнѣздахъ бываетъ отъ 4 до 6 яицъ, и кладка, вѣроятно, продолжается иногда довольно долго, такъ какъ птенцы въ гнѣздахъ очень различны по возрасту. Южнѣе Юрюбея мы канюковъ не видѣли. Много ихъ гнѣздилось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ большомъ количествѣ встрѣчались лемминги.

Бѣлая сова также была встрѣчена только въ среднихъ и сѣверныхъ областяхъ Ямала. Сѣвернѣе Сё-яга видѣлъ я одинъ экземпляръ 4 мая, а въ концѣ мая на Ней-то въ гнѣздахъ были уже яйца. 25 мая, когда я былъ на Тіуте, самоѣды говорили мнѣ, что также уже находили яйца въ гнѣздахъ совъ. Самоѣды увѣряли насъ, что число яицъ въ гнѣздахъ можетъ достигать 10 и даже 12, но мы находили гнѣзда съ 4—6 яйцами или птенцами. И канюковъ и совъ самоѣды охотно ѣдятъ, ловя ихъ капканами, которые устанавливаются на гнѣзда поверхъ яицъ и маскируются. По словамъ самоѣдовъ, при этомъ попадаются въ капканы исключительно самцы. Во всякомъ случаѣ у обоихъ этихъ видовъ только самцы пытаются защищать гнѣздо и при приближеніи человѣка часто подлетаютъ на близкое разстояніе; самки всегда держатся далеко.

Болотная сова всюду рѣдка и встрѣчена въ рѣчныхъ долинахъ на Сё-яга, Ясавай и Юрюбеѣ. На Ясавай 4 іюля нашелъ я въ густой травѣ (въ куртинѣ высокихъ злаковъ) гнѣздо, въ которомъ было 9 птенцовъ. Изъ нихъ одинъ недавно проклюнулся, а два самыхъ большихъ были уже значительно оперены контурными перьями. Ни у одного другого хищника не приходилось мнѣ видѣть такой разницы въ возрастѣ птенцовъ.

2 августа въ криволѣсьѣ Сапкая видѣлъ я издали еще крупнаго хищника (вѣроятно, ястреба-тетеревятника), а позже около Нуйко—луня (по всему вѣроятію, *Circus cyaneus* L.). Быть можетъ, оба ястреба, а также чеглокъ и дербникъ, залетаютъ и въ южную полосу типичной тундры. Но ни этихъ

видовъ, ни кречетовъ мы нигдѣ не видѣли. Подъ Обдорскомъ достали мы экземпляръ *Syrnium lapponicum.*

Изъ плавающихъ птицъ въ тундрахъ Ямала очень многочислены нѣкоторые изъ видовъ гусей, лебеди же попадаются гораздо рѣже. Всѣ встрѣченные нами лебеди принадлежали къ малому виду—*Cygnus bewicki* Yarr; одинъ экземпляръ кликуна (*C. musicus*) достали мы только подъ Обдорскомъ. Замѣчательно, что отдѣльные экземпляры лебедей — точно передовые развѣдчики—появляются въ тундрахъ очень рано. Самоѣдскій старшина Муйпода Вануйта, пріѣхавшій къ намъ въ чумъ 15 апрѣля, разсказывалъ, что за три дня до того видѣлъ онъ лебедя, сидѣвшаго на льду озера. Вспугнутая птица улетѣла къ Обской губѣ. Въ это время въ тундрѣ стояла еще глубокая зима съ морозами и жестокими буранами. Слѣдующій лебедь замѣченъ на Ней-то 10 мая, а между 11 и 14 здѣсь появилось много пролетныхъ и прилетныхъ паръ, кормившихся на немногихъ проталинахъ (озера были сплошь еще покрыты льдомъ). Сѣвернѣе, на рѣкѣ Нясидай, я увидѣлъ перваго лебедя 21 мая. Лѣтомъ гнѣздившіяся пары встрѣчены въ долинѣ Морды (гдѣ было ихъ очень мало) и—въ большемъ количествѣ—въ бассейнахъ Ясавай и Юрюбея. Гнѣздятся лебеди на большихъ озерахъ тундры. Въ выводкахъ обычно было по 3 птенца, но одинъ видѣли мы изъ 5 птенцовъ. 3 іюня близъ долины Ясавай лебедята въ выводкѣ были въ пуху и еще малы. 25 и 27 іюля на озерахъ въ верховьяхъ Яды застали мы лебедей въ полной линькѣ, причемъ часть ихъ держалась парами; но на одномъ озерѣ видѣли мы стаю штукъ въ 20.

Фауна гусей несомнѣнно насчитываетъ четыре вида: *Anser segetum* Gm., *Anser albifrons* Scop., *Branta ruficollis* Pall. и *Branta bernicla* L. Нѣсколько разъ во время охотъ въ тундрѣ казалось мнѣ, что я слышу крики малыхъ бѣлолобыхъ казарокъ—*Anser finmarchicus* Gunn. Однако всѣ—очень въ общемъ многочисленные—экземпляры бѣлолобыхъ гусей, убитые нами

на Ямалѣ, принадлежали къ большой породѣ, и единственный экземпляръ *Anser finmarchicus* достали мы подъ Обдорскомъ. Во всякомъ случаѣ видъ этотъ найденъ экспедиціей Финша и Брэма на Щучьей.

Типичный гуменникъ гнѣздится въ большомъ количествѣ главнымъ образомъ на озерахъ рѣчныхъ лайдъ, но нерѣдко и на водахъ чистой тундры. Передового гуся видѣли мы 3 мая, глубокой еще зимой. Позже на Ней-то гуси показались отдѣльными парами и маленькими стайками съ 9 мая. Въ это время нигдѣ еще не было воды, и лишь на буграхъ появились рѣдкія проталины. Идя съ сѣвера, я встрѣтилъ первыхъ гусей на Нясидай (бѣлолобыхъ и черныхъ казарокъ) 19 и 20 мая. Въ это время отъ оттепелей мѣстами выступила вода на Нясидай, и обнажились песчаныя отмели. Позже въ концѣ мая, идя берегомъ Карскаго моря на югъ, я началъ встрѣчать все больше бѣлолобыхъ гусей и гуменниковъ, садившихся парами на проталины, и большія стада, летѣвшія вдоль берега Карскаго моря къ сѣверу. Первыя яйца гуменниковъ на Ней-то найдены 28 мая. 25 іюня въ долинѣ Морды гуменники были съ пуховыми гусятами, только-что вышедшими изъ яицъ. Въ это же время встрѣтили мы состаившихся гусей, готовившихся къ линькѣ, а 2 іюля наткнулись на озерѣ въ тундрѣ на стадо уже вылинявшихъ гуменниковъ. Изъ 36 штукъ, здѣсь убитыхъ, была только одна самка, остальные самцы, большею частью, повидимому, молодые. Главная область гнѣздованія гуменниковъ—отъ широты Ярро-то до системы озеръ Ней-то съ рѣками. Въ сѣверныхъ областяхъ полуострова, по словамъ самоѣдовъ, гуменниковъ и бѣлолобыхъ гусей мало.

Бѣлолобыхъ гусей встрѣтилъ я на Нясидай раньше, чѣмъ видѣлъ гуменниковъ. Въ большомъ количествѣ гнѣздились они въ долинѣ Морды и вблизи озера Томбой на обширныхъ болотистыхъ лайдахъ. Но отдѣльные выводки и линялыхъ видѣли мы также въ высокой тундрѣ на пути отъ Юрюбея къ Ярро-то.

Область гнѣздованія черныхъ казарокъ, въ противоположность гусямъ, занимаетъ, напротивъ, сѣверныя части полуострова, гдѣ, по словамъ самоѣдовъ, онѣ мѣстами многочисленны. Самый южный пунктъ, въ которомъ мы нашли гнѣздившуюся пару, это мѣсто сліянія Сё-яга и Морды. Южнѣе не видѣли этихъ птицъ ни разу. Красную казарку встрѣтили въ въ числѣ немногихъ, повидимому гнѣздившихся, паръ близъ впаденія рѣчки Тумбой-яга въ рѣку Сё-яга. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ вида этого не наблюдали.

Гнѣздо бѣлолобой казарки.

Клювы бѣлолобыхъ гусей, собранныхъ и пересмотрѣнныхъ нами въ большомъ количествѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ показываютъ очень слабое развитіе оранжеваго цвѣта,— клювъ почти сплошь синевато-розовый. У нѣкоторыхъ гуменниковъ обычно узкая перевязь надклювья нѣсколько расширена пятнами, переходящими и на нижнюю челюсть, не въ такомъ, однако, сильномъ развитіи, какъ бываетъ у *A. arvensis*. Обыкновенно основной цвѣтъ перевязи желтый. У Карскаго моря ранней весной застрѣлилъ я двухъ гусей съ перевязками, имѣвшими оранжевый цвѣтъ. У громаднаго большинства гуменниковъ черезъ желтую перевязь по направленію вдоль клюва (одна посрединѣ и двѣ по бокамъ) проходятъ три полосы яснаго и очень нѣжнаго розоваго цвѣта. У нѣкоторыхъ особей

полосы расширяются, сливаются, и тогда вся перевязь кажется совершенно розоваго цвѣта. Окраска эта такъ нѣжна, что не только быстро исчезаетъ у мертвой птицы, но пропадаетъ и при треніи пальцемъ, причемъ изъ-подъ нея выступаетъ основной желтый цвѣтъ. Вѣроятно, это не пигментная, а свѣтовая окраска,—результатъ скопленія жировыхъ частицъ (чему приписываютъ, напримѣръ, появленіе розоваго цвѣта на опереніи пеликановъ) или мелкихъ отдѣлившихся отъ рога клюва частицъ, похожихъ на такъ называемую „пуховую пыль", покрывающую опереніе нѣкоторыхъ птицъ. Нѣсколько разъ убивалъ я отъ гнѣздъ пары гусей, изъ которыхъ у одного перевязь клюва была покрыта тремя узкими розовыми полосками, у другого—была сплошь розовой.

Изъ гагъ два вида встрѣчаются на полуостровѣ—гребенушка (*Somateria spectabilis* L.) и сибирская (*S. stelleri* Pall.), гнѣздясь не только по морскимъ берегамъ, но и глубоко внутри полуострова на лайдахъ рѣчныхъ долинъ. Громадныя стада гребенушекъ встрѣтилъ я 21 мая въ Карскомъ морѣ на границѣ ледяного припая по траверсу устья Нясидай. Въ первыхъ числахъ іюня пары гагъ обоихъ видовъ держались на рѣчныхъ разливахъ. Гнѣзда обоихъ видовъ (по 6 яицъ, сильно насиженныхъ) нашли мы 24 іюня въ долинѣ Морды. Изъ нырковыхъ утокъ очень многочисленны всюду авлейки (*Harelda glacialis* Leach.) и довольно обыкновенна морская чернь (*Fuligula marila* L.), которая также держится въ рѣчныхъ долинахъ. Единственная настоящая утка, которая встрѣчается сѣвернѣе Ярро-то, это шилохвостка (*Anas acuta* L.). Я видѣлъ первыхъ прилетныхъ 1 іюня близъ устья Морды; на Ней-то показались онѣ 20 мая. Линныхъ видѣли мы въ долинѣ Морды, а 25—27 іюля въ бассейнѣ Яды застали летающихъ молодыхъ.

Немного сѣвернѣе Ярро-то въ первый разъ застрѣлили чирка отъ выводка (*Anas crecca* L.). Южнѣе, въ бассейнѣ Яды, эти утки были обыкновенны. Уже вблизи Обской губы пришлось видѣть мнѣ, если я не ошибся издали, широконосокъ.

а на губѣ у Нуйко—свіязь. Но и здѣсь многочисленны были только чирки и шилохвостки. Турпановъ внутри полуострова мы не встрѣчали, но я видѣлъ пролетъ большихъ стай, повидимому, этихъ птицъ на сѣверъ у устья Морды 31 мая и 1 іюня. Кажется, это были синьги (*Oidemia nigra*).

Крахаля (*Mergus serrator* L.) добыли мы въ первый разъ въ долинѣ Юрюбея, а на Ярро-то 20 іюля нашли гнѣздо съ 9 сильно-насиженными яйцами. Между Юрюбеемъ и Ярро-то и южнѣе нѣсколько разъ встрѣчали линныхъ крахалей. Но въ общемъ этотъ видъ, какъ и большой крахаль (*M. merganser* L.), немногочисленъ и сѣвернѣе Юрюбея нигдѣ не замѣченъ. Изъ гагаръ *Colymbus septentrionalis* L. болѣе привязана къ морскимъ барегамъ и въ общемъ, кажется, распространяется сѣвернѣе сравнительно съ *C. arcticus* L., которая очень обыкновенна всюду на озерахъ тундры и лайдъ среднихъ областей Ямала. Кромѣ этихъ двухъ видовъ мы гагаръ не встрѣчали.

Полярныхъ чаекъ (*L. glaucus* Brünn.) видѣлъ я въ первый разъ 11 мая у мыса Дровяного и потомъ встрѣчалъ неоднократно на берегахъ Карскаго моря. Самоѣды говорили мнѣ, что осенью эта чайка улетаетъ позже всѣхъ другихъ птицъ. На озерахъ же въ тундрѣ и въ рѣчныхъ долинахъ гнѣздится сибирская хохотунья (*Larus affinis* Reinch.) — обыкновенно отдѣльными парами. Рѣдко на одномъ озерѣ можно встрѣтить двѣ пары. Къ югу онѣ многочисленнѣе, особенно вблизи рыбныхъ промысловъ Обской губы.

Крачки (*Sterna macrura* Naum.) въ первый разъ замѣчены на берегу губы Крузенштерна (мысъ Уэнъ-панъ) 28 мая. Птицы эти гнѣздились отдѣльными парами въ различныхъ мѣстахъ на водахъ тундры и были болѣе многочисленны въ южныхъ частяхъ полуострова. Колоній нигдѣ не было. Какихъ-то темныхъ чаекъ, которыхъ видѣлъ я надъ морскимъ припаемъ у устья Моржовки, я затрудняюсь опредѣлить точнѣе. Поморниковъ встрѣчали мы только 2 вида—большого (*Stercorarius pomarinus* Temm.) и длиннохвостаго (*Stercorarius parasiticus* L.).

18 мая южнѣе Паните видѣлъ я два стада большихъ поморниковъ, летѣвшихъ надъ припаемъ къ югу (со стороны открытаго моря вдоль береговъ). 21-го на Нясидай появились они въ большомъ числѣ въ тундрѣ. На Ней-то первые замѣчены еще 10-го. 31 мая на тундрѣ у устья Морды нашелъ я насиженное яйцо. Видъ этотъ многочисленъ въ тундрѣ и рѣчныхъ долинахъ къ югу до верховьевъ Морды. Далѣе къ югу видѣлъ я только 2 пары, изъ нихъ одну южнѣе Ярро-то. Но вообще южнѣе устья Юрюбея и даже верховьевъ Морды чаще попадается уже малый поморникъ, который встрѣчается лишь исключительно рѣдко въ районѣ, занятомъ большими.

Фауна куликовъ не богата видами. 29 мая близъ устья Наду-яга держались въ парахъ морскіе песочники (*Tringa maritima* Brünn.), зуйки (*Aegialitis hiaticula* L.), *Tringa temminki* Leisl.) и въ стаяхъ чернозобики (*Tr. alpina* L.). Перваго изъ этихъ видовъ нигдѣ внутри страны не видѣли. На Ней-то кулики и ржанки замѣчены съ 20-хъ чиселъ мая, на Нясидай 20-го у только-что появившейся воды на рѣкѣ замѣчены чернозобики, зуйки, Темминковъ песочникъ и тулесы въ тундрѣ. Въ послѣднихъ числахъ мая тока куликовъ были въ полномъ разгарѣ.

Изъ куликовъ всюду въ большомъ числѣ въ рѣчныхъ долинахъ токуютъ и гнѣздятся турухтаны, обыкновенны *Tringa alpina* L., *Tringa minuta* Leisl. и *Tringa temminki* Leisl., многочисленъ всюду *Phalaropus hyperboreus* L. Но большой плавунчикъ (*Ph. fulicarius* L.) встрѣченъ въ маломъ числѣ только на Сё-яга. Изъ ржанокъ въ наибольшемъ числѣ гнѣздится тулесъ (*Squatarola helvetica* L.), обыкновенно въ чистой тундрѣ; не рѣдки гнѣздящіяся иногда въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи *Charadrius pluvialis* L. и *Ch. fulvus* Gm. Глупая ржанка (*Eudromias morinellus* L.) встрѣчена въ небольшомъ числѣ у устья Морды и по Сё-яга. Камнешарка (*Arenaria interpres* L.) найдена гнѣздящейся только на лайдѣ Юрюбея и вблизи его долины и не встрѣчена нигдѣ сѣвернѣе.

Перечисленныя формы типичны для сѣверныхъ тундръ. Уже въ верховьяхъ Яды, вблизи границъ криволѣсья, встрѣчены *Totanus fuscus*, *Totanus glareola* и *Limosa lapponica*, а еще нѣсколько южнѣе, въ бассейнѣ Хадыте (на широтѣ бухты Находки) бекасъ. Я не привожу здѣсь біологическихъ наблюденій надъ куликами, чтобы не удлинять чрезмѣрно этого предварительнаго орнитологическаго очерка.

На Ямалѣ гнѣздятся оба вида куропатокъ—бѣлая (*Lagopus lagopus* L.) и тундровая (*L. mutus* Mont.), причемъ первая привязана болѣе къ областямъ съ зарослями ивы и иногда полярной березы, вторая — къ пространствамъ обнаженныхъ песковъ и склонамъ холмовъ.

Мы встрѣтили въ первый разъ бѣлыхъ куропатокъ сѣвернѣе верховьевъ Яды 10 апрѣля. При наступившей оттепели въ $+4^\circ$ самцы кричали. У Ярро-то и сѣвернѣе были онѣ многочисленны, и тутъ же у озеръ убита одна тундровая. Послѣднія сдѣлались довольно обычными на песчаныхъ обнаженіяхъ у Ней-то. Бѣлая куропатка идетъ и далеко къ сѣверу, — по крайней мѣрѣ, одинъ экземпляръ застрѣлилъ я вблизи Тамбея. Но въ общемъ, по словамъ самоѣдовъ, въ сѣверныхъ областяхъ Ямала тундровыя куропатки многочисленнѣе бѣлыхъ, а вблизи пролива Малыгина и на Напите послѣднія не встрѣчаются вовсе. Южнѣе Нёй-то, напротивъ, тундровыя встрѣчаются лишь спорадически. Бѣлыя куропатки, по словамъ самоѣдовъ, всѣ улетаютъ на зиму; относительно же *L. mutus* на Пясидай мнѣ говорили опредѣленно, что часть птицъ остается на зиму. Въ сѣверныхъ областяхъ Ямала, въ общемъ бѣдныхъ птицами, куропатокъ мало; между Ней-то и Юрюбеемъ бѣлыя куропатки очень обыкновенны, въ наибольшемъ же количествѣ гнѣздятся онѣ въ южныхъ частяхъ полуострова, гдѣ богаче растительность, и больше ивовыхъ зарослей.

Первые признаки линьки замѣтны были у нѣкоторыхъ бѣлыхъ куропатокъ въ половинѣ апрѣля, причемъ у самцовъ лѣтнія перья появляются только на шеѣ, у самокъ же—и на

Въ бродъ на партѣ.

Чумы богатаго самоѣда на Юрюбеѣ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ и Ко., МОСКВА

туловищѣ. 25 мая на Ней-то попадались уже перелинявшія самки; у самцовъ же вылинивает только голова и шея, причемъ туловище остается бѣлымъ, и такой нарядъ самецъ носитъ во все время тока и кладки яицъ, приблизительно около мѣсяца. Это настоящій брачный нарядъ, связанный съ брачными играми птицы, токующей на открытыхъ мѣстахъ, взлетающей кверху и т. д. Тундровыя куропатки линяютъ нѣсколько позже, и когда самки уже перелиняли, самцы носятъ еще бѣлый нарядъ только съ черной уздечкой.

Не останавливаясь здѣсь подробнѣе на біологическихъ наблюденіяхъ, я скажу только нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ орнитофауны. Весной, пока еще не поднялась растительность, въ тундрѣ всего легче наблюдать птицъ: вся жизнь ихъ проходитъ на виду. Во многихъ мѣстахъ птицы видны въ большомъ количествѣ: со всѣхъ сторонъ слышенъ гоготъ гусей, крики гагаръ, авлеекъ и ржанокъ, видны табуны утокъ на водѣ, хищники и поморники въ воздухѣ. Но такова по преимуществу картина фауны въ рѣчныхъ долинахъ. Тундра сравнительно пустынна. Изрѣдка натыкаешься въ ней на куропатокъ, видишь отдѣльныя пары поморниковъ и чаекъ вблизи озеръ, въ маломъ числѣ гагаръ и авлеекъ на озерахъ и изрѣдка рюмовъ и лапландскихъ подорожниковъ. Нерѣдко можно обвести глазами весь горизонтъ, не увидѣвъ птицы, и итти довольно долго, пока замѣтишь подорожника или услышишь свистъ тулеса.

Богатствомъ птицъ отличались долины Сё-яга и Морды, большой бѣдностью пространства высокой со скудной растительностью тундры между Юрюбеемъ и Ярро-то. Въ теченіе апрѣля единственныя птицы, которыя попадаются изрѣдка на глаза среди снѣжной пустыни,—это куропатки, которыя мѣстами держались въ большомъ числѣ и обычно подавались къ нашему столу, мѣстами же отсутствовали вовсе. Самыя сѣверныя области Ямала, по словамъ самоѣдовъ, очень бѣдны птицами: и тундра, и рѣчныя долины, и морскіе берега пустынны. Въ проливѣ Малыгина почти не видно птицъ.

Замѣчательно, что въ пройденныхъ нами областяхъ отсутствовали нѣкоторыя формы, которыя, теоретически разсуждая, должны были бы здѣсь держаться. Я укажу хотя бы на кулика-сороку, котораго нельзя просмотрѣть, и тѣмъ болѣе, что птицъ мы коллектировали вообще довольно тщательно. Нѣкоторые виды встрѣчены въ весьма маломъ числѣ и въ ограниченныхъ районахъ распространенія. Таковы, напримѣръ, *Anser ruficollis*, *Phalaropus fulicarius* и *Arenaria interpres*.

Амфибій и рептилій, по всему вѣроятію, вовсе нѣтъ въ предѣлахъ Ямала. Живородящая ящерица и травяная лягушка встрѣчаются лишь немного сѣвернѣе Обдорска. Зато рыбой воды Ямала богаты. Мы ловили съ успѣхомъ рыбу бывшими съ нами небольшими ставными сѣтями, а крупныхъ щукъ неоднократно стрѣляли изъ ружей. Изъ внутреннихъ водъ тундры самоѣды больше всего рыбы промышляютъ по Юрюбею и на озерахъ Ярро-то. Ловятъ почти исключительно для своихъ надобностей, заготовляя вяленую рыбу или такъ называемый „позёмъ". Ловятъ, кромѣ всѣхъ крупныхъ, также и на мелкихъ озерахъ изъ такъ называемыхъ „рыбныхъ", т.-е. не промерзающихъ зимою до дна и имѣющихъ глубину въ 2—3 сажени.

Собранная собственно въ предѣлахъ Ямала довольно большая по количеству экземпляровъ рыбъ коллекція опредѣлена по моей просьбѣ Л. С. Бергомъ, который передалъ мнѣ слѣдующій предварительный списокъ и описаніе видовъ.

„*Coregonus merki* Gnthr. Зельдъ или по мѣстному „сельга". Изслѣдованіе экземпляровъ съ полуострова Ямала, а также сравненіе ихъ съ экземплярами, собранными игуменомъ Иринархомъ подъ Обдорскомъ, показываютъ, что нѣтъ основаній выдѣлять обскую зельдь въ особый видъ *C. sardinella* C. V. (какъ я это принималъ раньше, см. Ежегодн. Зоол. Муз. Акад. Наукъ, XIII, 1908 г., стр. 79, въ отличіе отъ *C. merki* изъ бассейна Енисея и далѣе на востокъ). Я полагалъ раньше, что у обскихъ экземпляровъ тѣло выше, чѣмъ у колымскихъ. Однако у экземпляровъ изъ бассейна рѣки Сё-яга $^{H}/_{a}{}^{0}/_{0} = 19,6$.

т.-е. высота тѣла такая же, какъ у енисейскихъ. Г. А. Кожевниковъ прислалъ мнѣ два экземпляра печорской зельди, пойманные 20. VI. 1907: они оказались тоже типичными *C. merki* (хотя другіе экземпляры печорской зельди, бывшіе въ моихъ рукахъ, уклоняются нѣсколько отъ *C. merki*; см. въ цитированной работѣ, стр. 80). Экземпляры колгуевской зельди составляютъ уже переходъ къ *C. albula* (у измѣренныхъ мною экземпляровъ съ Колгуева $^{m}/_{a}\% = 40,3$, $^{t}/_{m}\% = 60,9$), равно какъ и бѣломорская ряпушка.

Coregonus pelet Walb. Сырокъ.

Coregonus muksun Pall. Муксунъ.

Coregonus nasus Pall. Щокуръ.

Coregonus pidschian Gmel. Пыжьянъ.

Thymallus arcticus Pall. Харіусъ, по-самоѣдски „туи". Бассейнъ Сё-яга.

Phoxinus czekanowskii sublaevis Warp. Озерца въ нѣсколько саженъ діаметромъ въ бассейнѣ рѣки Яды и въ болотахъ на перевалѣ Яда-Хадыте. До сихъ поръ этотъ подвидъ былъ извѣстенъ только изъ низовьевъ Енисея (Дудинка) и изъ Вилюя. Сравненіе съ экземплярами изъ Дудинки не показало никакихъ отличій.

Esox lucius L. Щука.

Pygosteus pungitius L. Колюшка".

Къ этому списку Л. С. Берга, составленному на основаніи привезенныхъ изъ различныхъ мѣстностей Ямала экземпляровъ, необходимо прибавить еще слѣдующее. Самыя обыкновенныя формы въ водахъ Ямала—это сырокъ, щокуръ, пыжьянъ и щука. Въ большинствѣ озеръ, кажется, всего многочисленнѣе сырокъ; но есть озера, населенныя почти исключительно пыжьянами, отъ которыхъ и получили свое названіе (напр. оз. *Полкурéчи*, отъ *полкуръ*—пыжьянъ). Во многихъ озерахъ нѣтъ сельги. Муксуна мало; въ коллекціи нашей есть только одинъ экземпляръ изъ Ярро-то. Полярный харіусъ (по-самоѣдски *туи*), по словамъ самоѣдовъ, рѣдокъ и встрѣчается только въ озе-

рахъ бассейновъ Сё-яга и Морды. Мы достали единственный экземпляръ изъ небольшого озера вблизи Ней-то. Кромѣ перечисленныхъ формъ самоѣды въ нѣкоторыхъ озерахъ, по ихъ словамъ, ловятъ также *нельму*, *тайменя* и *налима*. Намъ не удалось достать представителей этихъ видовъ. Колюшка встрѣчается и въ среднихъ и въ южныхъ частяхъ полуострова; гольяны найдены только южнѣе Ярро-то (въ бассейнахъ Яды и Хадыте). Въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Карское море и сѣверную часть Обской губы, самоѣды промышляютъ рыбу, которую называютъ *яунъ-гале* („устьевая рыба"): повидимому, это омуль [1]). Самоѣды увѣряли насъ, что иногда по Ядѣ до озеръ ея верховьевъ заходятъ осетры.

Я могу сдѣлать только отрывочныя замѣчанія о faунѣ безпозвоночныхъ Ямала, такъ какъ многое изъ собранныхъ матеріаловъ еще не обработано. Въ половинѣ іюня на озерахъ у Сё-яга стоялъ еще ледъ. Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней онъ исчезъ, и, двигаясь черезъ тундру, экспедиція въ озерахъ, рѣкахъ и лужахъ вмѣстѣ съ температурными наблюденіями брала пробы планктона, которыя послѣ взяты были и южнѣе—въ Обской дельтѣ, Оби, Иртышѣ, Тоболѣ и Турѣ. Изъ *Phyllopoda* въ средней и южной полосѣ Ямала оказались обыкновенными *Polyartemia forcipata* O. T. Müll., *Estheria tetracera* Krin. и *Lepidurus glacialis* [2]). Пробы планктона, главнымъ образомъ по отношенію къ коловраткамъ, просмотрѣны Н. В. Воронковымъ, которымъ сообщены мнѣ слѣдующія данныя.

„Въ сборахъ съ Ямала особенно интересны матеріалы изъ озеръ. Обработаны пока главнымъ образомъ *Rotatoria*, и на основаніи ихъ можно дать слѣдующую картину сравненія водоемовъ Ямала съ озерами другихъ мѣстностей. Общій списокъ формъ прежде всего характеризуется отсутствіемъ ряда видовъ, свойственныхъ умѣреннымъ широтамъ. Важны и инте-

[1]) Такъ переводитъ это слово и Шренкъ (Reise II, 288).

[2]) Опредѣлены проф. Н. Ю. Зографомъ.

ресны количественныя взаимоотношенія отдѣльныхъ видовъ и соединенія ихъ въ тѣ или иные комплексы. При выясненіи этой стороны вопроса обнаруживаются опредѣленныя отличительныя черты планктона сѣверныхъ озеръ. При сравненіи напр. съ данными объ озерахъ Западнаго края получаются слѣдующіе выводы: 1) іюльскій и августовскій планктоны изъ озеръ Ямала наиболѣе сходны съ майскими сборами изъ Западнаго края: 2) въ Ямальскомъ планктонѣ (какъ и въ другихъ ранѣе изученныхъ планктонахъ сѣверныхъ водоемовъ) совершенно отсутствуютъ лѣтніе виды и разновидности: 3) на первый планъ въ планктонѣ озеръ выступаетъ группа спеціально-озерныхъ коловратокъ въ то время, какъ въ озерахъ средней полосы Россіи численное господство остается за группой нейтральныхъ видовъ (въ лѣтній періодъ). Отсутствіе лѣтнихъ разновидностей у такихъ видовъ, которые ихъ даютъ въ средней полосѣ Россіи, несмотря на довольно высокія температуры въ озерахъ Ямала лѣтомъ, можетъ быть объяснено необходимостью болѣе или менѣе продолжительнаго теплаго періода, нужнаго для того, чтобы видъ успѣлъ дать лѣтнюю разновидность. Кромѣ выпаденія лѣтнихъ формъ характерно отсутствіе формъ, обычно свойственныхъ заболоченнымъ водоемамъ: это понятно, такъ какъ послѣдніе въ умѣренныхъ широтахъ обладаютъ сравнительно съ озерами болѣе высокой температурой, которой они не достигаютъ на сѣверѣ. Такимъ образомъ выпали *Rattulus cylindricus* и *Schizocerca diversicornis*. Благодаря этому переходныя стадіи между озеромъ и болотомъ выражены слабѣе, чѣмъ въ водоемахъ средней Россіи. Кромѣ того озерныя формы въ условіяхъ сѣвера оказываются болѣе выносливыми и могутъ жить въ такихъ водоемахъ, въ которыхъ не удержатся южнѣе. Такъ въ долго стоявшей на берегу рѣки лужѣ найдена *Notholca longispina*,—типично-озерная форма, да притомъ еще въ стадіи размноженія,—съ лѣтними яйцами [1]). Какъ

[1]) То же самое показалъ Eckman для ракообразныхъ сѣвера Европы. Въ общемъ надо отмѣтить, что ямальскій матеріалъ даетъ довольно много

характерную для нѣкоторыхъ *Rotatoria* сѣвера черту надо отмѣтить чрезвычайно сильное развитіе отростковъ (у формъ, не подчиняющихся закону Wesenberg-Lund'a).

Большинство рѣкъ Ямала несетъ озерный планктонъ. Въ планктонѣ Оби также есть сходство съ озернымъ планктономъ, но онъ уже довольно сильно переработанъ рѣкою. Наибольшее сходство изъ рѣкъ Европейской Россіи—съ Волгой. Судя по сборамъ, Обь не несетъ, какъ можно было бы ожидать, съ юга на сѣверъ формъ болѣе южныхъ, т.-е. лѣтнихъ видовъ и разновидностей. По крайней мѣрѣ изъ послѣднихъ найденъ былъ всего одинъ экземпляръ *Anuraea cochlearis* var. *tecta*. Температура Оби (10°—9.5° въ августѣ) это вполнѣ объясняетъ.

Изъ отдѣльныхъ находокъ интересны: 1) Изъ ракообразныхъ — *Bosminopsis Zernowi* Linko [1]), — до сихъ поръ эта форма была извѣстна исключительно изъ бассейна Волги; характерная форма, ни разу не найденная въ стоячихъ водахъ. 2) Изъ коловратокъ: *Stephanops variegatus* Levand.—довольно рѣдкая форма; *Euchlanis alata* n. sp.—новый видъ,—очень оригинальная форма съ большими крыловидными придатками, сильно отличающаяся отъ остальныхъ представителей рода.

Всего опредѣлено 54 вида коловратокъ".

Жизнь насѣкомыхъ въ тундрѣ начинаетъ дѣлаться замѣтной въ первые же дни съ высокой температурой. Въ дневникѣ Д. П. Филатова, который въ маѣ и іюнѣ коллектировалъ на Ней-то во время съемки озеръ, отъ 13 мая записано: „вчера на снѣгу нашелъ живую муху", а отъ 31 мая и 1 іюня: „при + 3° съ холоднымъ вѣтромъ попадаются изрѣдка вялыя фриганиды, шмели и жужелицы; 1 іюня первый теплый день, на солнцѣ 20°, залетало много шмелей и фриганидъ, жужелицы и мелкія перепончатокрылыя". 1 іюня, выйдя за день до того со льда

данныхъ, указывающихъ на сходныя черты въ біологіи сѣверныхъ коловратокъ съ установленными Eckman'омъ біологическими чертами ракообразныхъ сѣвера.

[1]) Повидимому, нѣсколько уклоняющаяся форма.

Карскаго моря, уже покрытаго заберегой, на сушу южнѣе устья Морды, я стоялъ на берегу въ глубокой лощинѣ. Снѣга на тундрѣ было еще много, но уже была рѣзкая разница между сѣверными и южными склонами овраговъ: на сѣверныхъ забои снѣга, на южныхъ и на обдутыхъ ранѣе вѣтрами откосахъ уже кое-гдѣ замѣтна зелень,—зеленѣла трава, и ивовая стланка, покрытая барашками, мѣстами начинала разбивать листочки. Здѣсь замѣтили мы первыхъ насѣкомыхъ (шмелей, впрочемъ, видѣли еще раньше). Больше ихъ стало на другой день, когда мы стояли близъ устья Моготты, бывшей въ разливѣ. Былъ прекрасный безоблачный и безвѣтренный лѣтній день, и термометръ въ часъ дня показалъ +17°C. Съ половины іюня пришлось намъ въ жаркіе и тихіе дни уже сильно страдать отъ комаровъ; но частые холода и вѣтра позволяли отдыхать отъ этого мучительнаго бича тундры.

Въ общемъ фауна насѣкомыхъ замѣтно богаче, какъ само собою разумѣется, въ южныхъ частяхъ полуострова, гдѣ растительность пышнѣе и разнообразнѣе. И всюду вообще замѣтнѣе они тамъ, гдѣ — обыкновенно на южныхъ склонахъ тундры надъ рѣчными и озерными лайдами—отъ большого количества тепла и свѣта, а быть можетъ и условій дренажа почвы, разрастаются богато злаки, и цвѣтутъ цѣлые ковры цвѣтовъ. Въ особенно большомъ количествѣ попадаются иногда въ такихъ мѣстахъ нѣсколько видовъ шмелей и разнообразные виды мухъ. Коллекціи двукрылыхъ, перепончатокрылыхъ и жуковъ, собранныя экспедиціей, еще не опредѣлены. Бабочекъ, къ сожалѣнію, удалось намъ собрать немного, и нѣкоторые экземпляры были къ тому же попорчены. Вся коллекція, привезенная экспедиціей и описанная С. С. Четвериковымъ, состоитъ всего изъ 16 видовъ, изъ которыхъ въ предѣлахъ собственно Ямала найдены: *Pieris napi intermedia* Krul., *Colias palaeno palaeno* L., *Argynnis charidea arctica* Zett., *Argynnis pales arsilache* Esp., *Argynnis frigga frigga* Thnbg., *Argynnis*

frigga improba Butl., *Erebia rossii ero* Brem., *Anarta richardsoni richardsoni* Curt., *Plusia interrogationis interrogationis* L., *Larentia munitata munitata* Hb., *Larentia polata polata* Dup., *Larentia hastata subhastata* Nolck., *Hepialus uralensis uralensis* Gr.-Grz. (послѣдній видъ близъ Пуйко) и новый видъ *Schögenia simplicissima* n. sp. (найденный между верховьями Морды и Юрюбеемъ), который С. С. Четвериковъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: *Sch. antennis* (♀) *serratis et ciliatis; alis anticis subdiaphanis ferrugineis, spatio medio paulo obscuriore; stigmatibus nullis; lineis duabus nigro-fuscis: interna arcuata, externa obliqua. Posticis griseis, basi albidis. Ciliis ferrugineis. Expl. al. ant. 22,5 mm.*

„Несмотря на то, что—замѣчаетъ С. С. Четвериковъ—экспедиціей добыто было всего 16 видовъ, среди нихъ оказались и одинъ совсѣмъ новый видъ и нѣсколько рѣдкихъ, малоизвѣстныхъ сѣверныхъ формъ. Среди послѣднихъ особенно интереснымъ является нахожденіе въ довольно большомъ числѣ (11 экземпляровъ) *Argynnis frigga improba* Butl., которая связываетъ нѣсколько фауну Ямала съ фауной Новой Земли. Но интересенъ не только самый фактъ нахожденія этой формы; еще большій, пожалуй, интересъ представляетъ случай нахожденія въ одномъ мѣстѣ, въ продолженіи немногихъ переходовъ, наравнѣ съ формой *improba* Butl., одного экземпляра типичной *frigga* Thnbg. Правда, этотъ экземпляръ не вполнѣ совпадаетъ съ типомъ и по нѣкоторымъ чертамъ уже приближается къ формѣ *improba* Butl., но по всей совокупности признаковъ онъ всё же гораздо ближе къ типу, чѣмъ къ послѣдней разновидности. Здѣсь мы имѣемъ, повидимому, случай, аналогичный уже извѣстному ранѣе факту одновременнаго нахожденія подъ высокими широтами *Argynnis pales pales* L. и *A. p. arsilache* Esp. (см. Staudinger u. Wocke. Stet. Ent. Zeit. 1861). Вѣроятно, въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ, именно съ вліяніемъ различнаго свойства почвъ (холодныхъ—заболоченныхъ и болѣе

теплыхъ—сухихъ) на развивающіеся на нихъ организмы, что подъ высокими широтами выражается чрезвычайно рѣзко".

При сборѣ насѣкомыхъ въ тундрѣ, въ особенности при ловлѣ сачкомъ по зарослямъ, окружающимъ берега водоемовъ, особенно бросается въ глаза богатство фриганидъ. Часто безъ ближайшаго опредѣленія, по первому взгляду на собранныя формы, бываетъ замѣтно, какъ на короткихъ разстояніяхъ, при переходѣ съ одного озера на другое, съ рѣки на сосѣдній маленькій ручей и т. под., измѣняется составъ фауны. Собранная нами довольно значительная коллекція *Trichoptera*, обработанная А. В. Мартыновымъ, содержитъ 31 видъ, изъ которыхъ одинъ новый. По сообщенію А. В. Мартынова, найденные виды можно раздѣлить на нѣсколько категорій: 1) виды, широко распространенные по палеобореальной зонѣ—$^1/_3$ всего числа найденныхъ видовъ; 2) виды сибирскіе, но извѣстные и изъ сѣверной Скандинавіи, Финляндіи, Архангельской и Олонецкой губерній — $^1/_3$ всего числа; 3) виды сибирскіе, не извѣстные изъ Европы — 2 вида; 4) виды сибирскіе, но чисто арктическіе, извѣстные лишь изъ арктической Сибири—3 вида; 5) виды европейскіе (средней и сѣверной Европы), частью извѣстные и изъ другихъ пунктовъ Сѣверо-Западной Сибири.—3 вида. 3 арктическіе вида найдены также на полярномъ Уралѣ, далѣе же на западъ не извѣстны. Одинъ европейскій видъ представленъ на Ямалѣ новымъ подвидомъ. Одинъ видъ новый—*Platyphylax variabilis* n. sp. Наконецъ, въ коллекціи оказались 2 экземпляра вида, который до сихъ поръ былъ найденъ только одинъ разъ близъ устья Енисея—это *Astratus samoëdus* Mc-Lach.: интересно, что другой видъ этого рода—*A. asiaticus* Mc-Lach.—туркестанскій.

Останавливаясь въ нѣсколькихъ словахъ на другихъ группахъ безпозвоночныхъ, я долженъ отмѣтить, что собранная коллекція пауковъ, описанная Н. Грезе, заключаетъ двадцать видовъ, найденныхъ въ предѣлахъ Ямала. Виды эти слѣдующіе: *Epeira cornuta* Cl., *Epeira vicaria* Kulcz., *Epeira patagiata* Cl.,

Epeira septentrionalis Kulcz., *Pachygnatha clerckii* Sund., *Dicyphus bituberculatus* Wid.-Reuss., *Erigone longipalpis* Sund., *Erigone atra* Bl., *Tapinocyba aquilonaris* L. Koch., *Tmeticus granulosus* L. Koch., *Gongylidium septentrionale* Kulcz., *Dictyna arundinacea* Lin., *Clubiona grisea* L. Koch., *Clubiona reclusa* Cambr., *Lycosa insolita* Koch., *Lycosa mutabilis* Kulcz., и три новыхъ вида: *Pardosa rufa* n. sp., *Xysticus albidus* n. sp. и *Notioscopus jamalensis* n. sp. Матеріалъ нашъ далъ также возможность Н. Грезе описать самцовъ видовъ *Epeira cicaria* и *Lycosa mutabilis*, которые были не извѣстны.

Фауна наземныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ въ глубинѣ полуострова показалась мнѣ довольно бѣдной и количествомъ видовъ, и количествомъ особей. Привезенная небольшая коллекція, опредѣленная В. А. Линдгольмомъ, заключаетъ виды: *Succinea putris L.* (берега Обской губы близъ Пуйко и окрестности Обдорска), *Lymnaea peregra* Müll. и *L. stagnalis* L. (окрестн. Обдорска), *Planorbis borealis* West. (Ярро-то и долина Морды и Сё-яга), *Sphaerium nitidum* West. и *Pisidium fontinale* C. Pf. (Сё-яга и Морды).

Остальные фаунистическіе сборы наши частью еще не обработаны, частью обработка ихъ не закончена.

ГЛАВА IX.

Каменные самоѣды, ихъ жизнь и характеръ. Сказки самоѣдовъ. Сказка о хозяинѣ Вылкѣ.

Полуостровъ Ямалъ имѣетъ довольно многочисленное население, состоящее изъ такъ называемыхъ Каменныхъ (отъ Камень—Уралъ) самоѣдовъ съ небольшой примѣсью остяковъ. Число всѣхъ Каменныхъ самоѣдовъ опредѣлить довольно трудно. А. А. Дунинъ-Горкавичъ [1]), по офиціальнымъ и разспроснымъ свѣдѣніямъ, насчитывалъ ихъ всего около 700 „ревизскихъ" душъ, т.-е., повидимому, лицъ, платящихъ ясакъ (взрослыхъ мужчинъ, а отчасти и мальчиковъ, которыхъ самоѣды иногда записываютъ въ ясакъ вмѣсто умершаго отца): [2]) по такому разсчету нужно, вѣроятно, считать свыше 2000 наличныхъ душъ Каменныхъ самоѣдовъ. Нѣкоторая часть этого населенія кочуетъ со своими стадами лѣтомъ по склонамъ Сѣвернаго Урала, внѣ предѣловъ Ямала. Иногда отдѣльные чумы мѣняютъ мѣста своихъ стоянокъ, переходя, напр., съ Ямала въ Низовую тундру; иногда приходятъ на Ямалъ изъ-за Урала, изъ предѣловъ Архангельской губерніи. Въ южной части полуострова, сѣвернѣе Щучьей, стоятъ лѣтомъ нѣсколько оленныхъ остяковъ, которые иногда забираются и далѣе къ сѣверу; оленные остяки есть и въ „низовой самояди" — за Надымомъ и

---

[1]) Тобольскій сѣверъ, Спб. 1904, стр. 106.

[2]) Всего въ предѣлахъ Тобольской губерніи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, числится самоѣдовъ около 4700 человѣкъ.

Тазомъ. Нѣкоторые изъ самоѣдовъ Ямала держатъ работниковъ-остяковъ, частью обсамоѣдившихся настолько, что они не говорятъ по остяцки. Нѣкоторые женаты на остячкахъ.

Примѣсь остяцкой, а иногда и русской, крови сказывается на типѣ самоѣдовъ Ямала довольно рѣзко. Русская кровь частью, быть можетъ, сохранилась здѣсь отъ временъ глубокой древности, частью является слѣдствіемъ совмѣстной жизни пришлыхъ русскихъ рабочихъ и самоѣдовъ съ семействами на рыб-

Аницъ Вануйта и Мюмди Окотэтта—мои проводники отъ Харасовай до Морды.

ныхъ промыслахъ Обской губы. Самоѣдовъ чистаго монгольскаго типа, съ рѣзко выдающимися скулами, черными прямыми волосами и съ явственной монгольской глазной складкой, я видѣлъ немного. Чаще встрѣчаются лица скорѣе финскаго типа, изрѣдка же и такія, которыя трудно отличить чѣмъ-нибудь отъ лицъ великороссовъ. Сравнительно болѣе обыкновененъ такой типъ у молодыхъ самоѣдовъ, изъ которыхъ попадаются индивидуумы съ лицами, которыя и съ европейской точки зрѣнія могутъ быть названы красивыми. Изъ самоѣдовъ зрѣлыхъ лѣтъ, при обычной у нихъ слабой волосистости лица (многіе изъ

Каменныхъ самоѣдовъ, впрочемъ, выщипываютъ усы и бороду), я встрѣтилъ мужчину изъ рода Хороля съ длинной и окладистой русой бородой и типичнымъ лицомъ средне-русскаго крестьянина и одну женщину съ слегка вьющимися русыми волосами. Мужчины въ общемъ красивѣе женщинъ, которыя имѣютъ болѣе грубо выраженныя монгольскія черты. У пролива Малыгина видѣлъ я пятнадцатилѣтнюю дѣвицу изъ рода Ямалъ съ очень тонкими и миловидными чертами лица, хотя и съ замѣтно монгольскими глазами. Къ сожалѣнію, красавица эта, въ общемъ довольна бойкая, боялась фотографическаго аппарата, и фотографія лица ея получилась въ искаженномъ видѣ. Я долженъ упомянуть еще, что въ глубинѣ Ямала я встрѣтилъ двухъ самоѣдовъ (изъ родовъ Окотэтта и Ламду), типъ которыхъ показался мнѣ очень интереснымъ. Это были люди высокаго роста (вершковъ 9) и довольно массивнаго сложенія съ черными волосами, рѣзкими чертами лица и большими прямыми, пожалуй даже слегка орлиными, носами. Переводчикъ мой говорилъ мнѣ, что такой типъ чаще встрѣчается среди низовыхъ самоѣдовъ. На мой взглядъ, они напоминаютъ сѣверныхъ инородцевъ изъ палеазіатской группы. Приблизительно такой же типъ лица встрѣчается изрѣдка у вогуловъ, въ чемъ я убѣдился, просматривая фотографіи Д. П. Иловайскаго [1]).

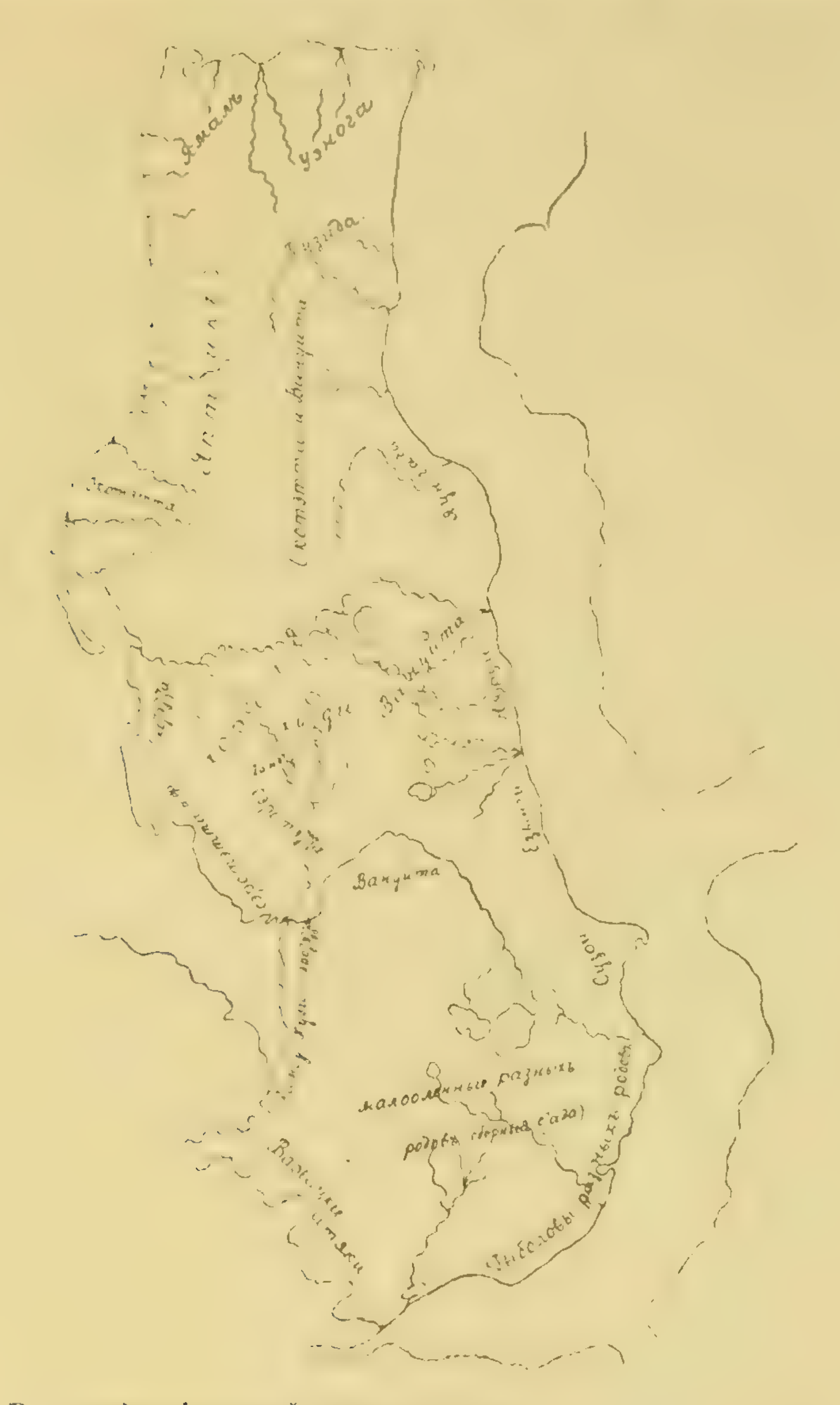
Опредѣлить число самоѣдскаго населенія въ предѣлахъ собственно Ямала со сколько-нибудь значительной точностью трудно. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ бывшимъ обдорскимъ приставомъ Л. П. Оболтинымъ, на Ямалѣ нужно считать свыше 1000 душъ самоѣдовъ, такъ какъ число лицъ, платящихъ ясакъ (мужчинъ отъ 15 до 50—55-лѣтняго возраста) насчитывается до 350. Населеніе это принадлежитъ къ родамъ *Пуйко, Худи, Окотэтта, Сэротэтта, Хороля, Ва-*

[1]) Возможно, что въ прежнія времена сношенія между отдѣльными племенами въ сѣверной Сибири были оживленнѣе, чѣмъ каковы они теперь. Можно допустить, пожалуй, также, что кровь палеазіатовъ попала къ вогуламъ и самоѣдамъ бассейна Оби черезъ енисейскихъ остяковъ.

нуйта, *Югóмпеликъ*, *Тузида*, *Ламду* и *Яптикъ*. Многочисленные роды — какъ, напр., Окотэтта или Вануйта—раздѣляются на нѣсколько ватагъ, во главѣ которыхъ стоятъ ватажные старшины, занимающіеся сборомъ ясаковъ и вѣдающіеся съ инородческой управой въ Обдорскѣ. Нѣкоторые роды, напр., Ламду, насчитываютъ очень немногихъ представителей. Нѣкоторыя изъ ватагъ этихъ родовъ имѣютъ особыя прозванія, которыя по обычаю стали уже употребляться, какъ родовыя. Таковы *Сузóи* (первоначально принадлежавшіе къ роду Окотэтта), стоящіе у Каменнаго мыса, *Уэноıа* (изъ рода Вануйта), вотчины которыхъ лежатъ по восточной части берега пролива Малыгина и южнѣе вдоль губы, и *Ямáлъ*, кочующіе на западѣ, отъ Малыгина до Пáинте. Самоѣдовъ, стоящихъ по низовьямъ рѣкъ Еръ-яга и Сабъ-яга, называли мнѣ на Ямалѣ родовымъ именемъ *Éзынги*, ниже Лякка-яга по губѣ — именемъ *Няруи*, между верховьями Яды и Ярро-то—*Теймя*, по низовью Венуй—*Яунгáды*. Представителей этихъ четырехъ послѣднихъ родовъ или ватагъ, равно какъ и представителей рода Югóмпеликъ (числящагося, по сообщенію Л. Н. Оболтина, офиціально въ ясакахъ), мы не встрѣчали ни разу. По полученнымъ мною на Ямалѣ свѣдѣніямъ, самоѣдовъ, принадлежащихъ къ этимъ родамъ, очень мало, и они въ общемъ изъ самыхъ бѣдныхъ по количеству принадлежащихъ имъ оленей. Самые многочисленные и богатые роды—Окотэтта, Худи и Вануйта.

Распредѣленіе отдѣльныхъ родовъ по территоріи Ямала видно изъ приложенной карточки. Само собою разумѣется, что распредѣленіе это и мѣста стоянокъ отдѣльныхъ чумовъ не абсолютно постоянны. Случается, что въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ чумъ вовсе перемѣнитъ мѣсто своей лѣтней стоянки, передвинувшись даже въ предѣлы владѣній чужого рода. Но въ общемъ самоѣды, подобно владѣльцамъ рыболовныхъ угодій въ дельтѣ Оби и нижне-обскимъ остякамъ, считаютъ себя *вотчинниками*, и каждый хозяинъ чума укажетъ точно (по урочищамъ) границы своихъ пастбищъ, а равно и границы вла-

дѣній своего рода. Въ предѣлахъ своихъ пастбищъ чумъ мало передвигается весною и лѣтомъ, — только чтобы перегонять оленей на свѣжія ягельныя мѣста. Въ чертѣ своихъ владѣній



Распредѣленіе самоѣдскихъ родовъ по территоріи Ямала.

самоѣдъ ловитъ рыбу въ озерахъ, гоняетъ линныхъ гусей и считаетъ своей неотъемлемой собственностью песцовыя норы, вблизи которыхъ ставитъ слопцы и капканы. Въ теченіе года самоѣды Ямала дѣлаютъ двѣ большія перекочевки: въ началѣ

зимы со своими стадами спускаются они въ предѣлы лѣсовъ до Надыма и Обдорска и въ теченіе Обдорской ярмарки продаютъ добытую за годъ пушнину, продукты оленеводства, моржовую кость и т. д. и запасаются въ то же время провизіей, порохомъ и свинцомъ и прочими необходимыми предметами. При приближеніи весны, въ теченіе марта и апрѣля, самоѣды идутъ обратно на свои пастбища. Отъ широты Обдорска до среднихъ и сѣверныхъ областей Ямала идутъ около двухъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ въ общемъ четыре мѣсяца въ году чумъ находится въ движеніи, проходя большой путь съ юга на сѣверъ или наоборотъ; остальные 8 мѣсяцевъ онъ стоитъ на мѣстѣ, передвигаясь лишь очень немного,—или въ лѣсахъ и криволѣсьѣ по бассейну низовой Оби или въ тундрахъ Ямала. Съ ноября по мартъ Ямалъ пустѣетъ; остаются иногда лишь немногіе чумы вблизи пролива Малыгина и у берега Карскаго моря, чтобы ранней весной промышлять медвѣдей. Нельзя отрицать, впрочемъ, что и на Обской губѣ или большихъ озерахъ кое-гдѣ сидятъ самоѣды, имѣющіе такъ мало оленей, что не имѣютъ возможности пуститься въ далекій путь и годами не выходятъ изъ тундры. Часто, однако, такіе присоединяются для перекочевки къ сильнымъ чумамъ.

Большая дорога съ юга на сѣверъ и обратно пролегаетъ центральными частями полуострова и главнымъ образомъ по восточную сторону перевала, такъ какъ „хребетъ" вообще, и въ особенности съ восточной стороны, относительно болѣе богатъ ягельными пастбищами. Берегъ Обской губы мѣстами бѣденъ ягелемъ, на Карскомъ морѣ во многихъ частяхъ побережья ягеля нѣтъ вовсе. Поэтому весной по снѣгу чумы стоятъ въ верховьяхъ рѣкъ. Съ появленіемъ же проталинъ и зеленого корма нѣкоторое количество чумовъ подходитъ къ берегамъ Карскаго моря для промысла тюленей. Очень часто сюда подходятъ только съ небольшимъ количествомъ ѣздовыхъ быковъ, между тѣмъ какъ остальной скотъ стоитъ дальше отъ

берега на болѣе богатыхъ пастбищахъ. По берегу Карскаго моря чумы стоятъ отъ Паните до Харасовай; южнѣе, приблизительно до Морды или Моготты, побережье пустынно. Далѣе къ югу до Падараты снова кое-гдѣ стоятъ лѣтомъ промысловые чумы. Съ наступленіемъ весны нѣкоторые чумы измѣняютъ также мѣста своихъ стоянокъ, подходя къ рѣкамъ или большимъ озерамъ для ловли рыбы.

Каждый самоѣдъ въ тундрѣ знаетъ мѣста стоянокъ ближайшихъ къ нему чумовъ, а способность обитателей тундры оріентироваться въ гладкой тундрѣ, выслѣдить, даже во время бурановъ, проѣхавшаго человѣка, опредѣлить время, когда— и направленіе, по которому „скаслалъ“ чумъ,—приближается къ способностямъ звѣря. Одного изъ нашихъ самоѣдовъ, человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго, въ областяхъ, ему совершенно неизвѣстныхъ, высылали мы въ снѣжную тундру съ приказаніемъ „найти людей“. Онъ находилъ ихъ и ухитрялся еще пьянствовать за счетъ найденныхъ. Въ концѣ концовъ по очень многимъ направленіямъ—хотя не всюду— на Ямалѣ можно ѣздить на перекладныхъ оленяхъ, если путешественникъ подготовитъ или самъ создастъ себѣ хорошую репутацію среди самоѣдовъ. Молва по тундрѣ распространяется со сказочной быстротой.

Самоѣды Ямала фактически владѣютъ совершенно обособленной территоріей и сравнительно мало приходятъ въ соприкосновеніе съ русской и зырянской культурой. Вѣроятно, этимъ, а отчасти также и просторомъ территоріи и богатствомъ ея пушниной, птицей и рыбой, объясняется большой достатокъ Каменныхъ самоѣдовъ. Стада отдѣльныхъ хозяевъ достигаютъ 5000 головъ. Самоѣдъ съ двумя-тремя сотнями оленей считается уже малооленнымъ. Вблизи промысловъ Обской губы ютятся, впрочемъ, самоѣды съ очень малымъ количествомъ оленей (которыхъ для пастьбы соединяютъ въ сборныя стада, между тѣмъ какъ хозяева нанимаются на рыбные промысла), иногда вовсе безоленные и часто сильно опустившіеся. По

чѣмъ дальше въ глубину тундры, тѣмъ замѣтнѣе достатокъ, и тѣмъ симпатичнѣе характеръ кочевниковъ.

Въ зависимости отъ величины семьи достаточный самоѣдъ на Ямалѣ имѣетъ два, три, иногда четыре чума съ большимъ запасомъ *постелей* (оленьихъ шкуръ) и мѣхового платья. Многіе берегутъ цѣнную пушнину, которая обыкновенно идетъ вмѣстѣ съ оленями въ калымъ за невѣстъ. Питаніе ихъ обильно и разнообразно. Кромѣ оленьяго мяса и свѣжей рыбы запасаютъ они также вяленую рыбу, *варку* (рыбій жиръ) и вяленое гусиное мясо. Въ Обдорскѣ закупаютъ муку, ржаные сухари, печеный ржаной и бѣлый хлѣбъ, сушку (крендель), коровье масло, кирпичный чай (который пьютъ и любятъ всѣ) и табакъ [1]), а болѣе богатые также сахаръ и крупичатую муку. Водку запасаютъ въ зависимости отъ достатка и любятъ ее сильно. Однако спиться въ разстояніи 600—800 верстъ отъ виннаго склада трудно, и пьяныхъ на Ямалѣ мнѣ почти не приходилось видѣть. Въ нужномъ случаѣ покупаютъ и въ тундрѣ водку у запасливыхъ, уплачивая оленя (т.-е. 10 руб.) за четверть. Ѣсть самоѣды большіе мастера, и ни одинъ русскій въ этомъ за ними не угоняется. Они съ трудомъ обходятся безъ жира и сырого оленьяго мяса. Рыбу всего охотнѣе ѣдятъ также сырую, только что пойманную. Въ такомъ же видѣ ѣдятъ, впрочемъ, рыбу и русскіе рабочіе и рыбопромышленники на промыслахъ по нижней Оби. Чай въ самоѣдскихъ чумахъ кипятятъ обыкновенно въ чайникахъ и подаютъ въ чайныхъ чашкахъ. Весной самоѣды собираютъ на ѣду много гусиныхъ яицъ. Птицъ ѣдятъ, не исключая гагаръ, поморниковъ и хищныхъ. Не ѣдятъ чаекъ, которыя считаются въ числѣ священныхъ птицъ.

Одѣваются самоѣды Ямала обыкновенно еще по старинѣ, т.-е. надѣваютъ малицу прямо на голое тѣло. Поверхъ малицы надѣвается въ стужу „гусь“ (то же, что „совикъ“ въ Архангельской губерніи). Домашнимъ и спальнымъ платьемъ служитъ

[1]) Растертый табакъ самоѣды обыкновенно кладутъ за нижнюю губу; лишь немногіе нюхаютъ и курятъ.

„ягу́шка“ — распашной халатъ изъ шкуръ неплюевъ. На туловищѣ подъ малицей носятъ замшевые штаны, на ногахъ лѣтомъ — бродни, иногда пимы изъ тюленьей шкуры или обувь, похожую на кожаные поршни. На Морды былъ я въ чумѣ самоѣда Пудома Худи, который подолгу живалъ въ Обдорскѣ. Онъ и его жена ходили одѣтые по-русски (въ пиджакѣ и сарафанѣ). Двѣ дочери учились въ инородческомъ пріютѣ, говорили по-русски, но въ разговорахъ другъ съ другомъ охотнѣе переходили съ самоѣдскаго языка на зырянскій, подобно тому, какъ у насъ въ гостиныхъ переходятъ на французскій языкъ.

Главное занятіе самоѣдовъ — оленеводство, о которомъ я буду говорить особо. Изъ промысловъ, въ смыслѣ доходности, на первомъ мѣстѣ, вѣроятно, долженъ быть поставленъ песецъ, котораго ловятъ на всемъ протяженіи тундръ Ямала. Очень вреденъ для этого промысла укоренившійся издавна обычай ловить крестоватиковъ. Шкурка крестоватика въ настоящее время стоитъ въ 12—15 разъ дешевле шкурки зимняго песца. Норниковъ обыкновенно не выкапываютъ, чтобы не портить норъ. Изрѣдка, когда случайно попадутся норники въ руки, выкармливаютъ ихъ въ чумахъ.

Промышленники, стоящіе на Малыгинѣ и по сѣверо-западному берегу полуострова (Уэнога, Ямалы, Янтики), промышляютъ нѣкоторое количество бѣлыхъ медвѣдей. Охотятся за ними обыкновенно на припаѣ, на оленьихъ партахъ. Оленей для этого употребляютъ однихъ и тѣхъ же, по возможности пріученныхъ къ охотѣ. Нужны нестомчивые олени, чтобы можно было при случаѣ возможно далеко по льду преслѣдовать звѣря.

Въ тѣхъ районахъ, гдѣ держатся сѣверные олени, ведутъ правильный промыселъ и за ними. Дикіе олени очень сторожки, и для подхода къ нимъ употребляютъ особое приспособленіе въ видѣ доски фута въ $1^1/_2$ вышиною и фута въ 4 длиною, которая поставлена на ребро на 2 маленькихъ полоза, обтянутые оленьей шкурой. Иногда и доску обтягиваютъ бѣлой шкурой или коленкоромъ. Подойдя къ пасущимся оле-

нямъ изъ-за натуральнаго прикрытія (берега оврага, холма), насколько это возможно, самоѣдъ ложится на землю и ползетъ къ звѣрю, двигая передъ собою доску, сзади которой, на особыхъ колышкахъ, лежитъ винтовка. Приблизившись на выстрѣлъ, промышленникъ снимаетъ винтовку и просовываетъ стволъ ея въ четырехугольное отверстіе, прорѣзанное въ доскѣ. Съ этой же доской на льду подходятъ къ тюленямъ. Нерпа отъ постояннаго преслѣдованія также сторожка и лежитъ обыкновенно строго у самаго продуха. Слухъ ея хорошъ, и достаточно задѣть доской за торосъ или зашуршать снѣгомъ, чтобы она ушла. Поэтому охотятся обыкновенно вдвоемъ, и пока одинъ охотникъ ползетъ, другой, стоя на большомъ разстояніи, но на виду, отвлекаетъ вниманіе нерпы, распѣвая пѣсни. Прислушиваясь къ голосу человѣка и слѣдя за фигурой, стоящей открыто, нерпа легче позволяетъ приблизиться ползущему съ доской промышленнику. Такъ же подходятъ къ морскому зайцу. Моржъ же, по словамъ самоѣдовъ, мало сторожекъ, иногда крѣпко спитъ на берегу и даетъ подойти на нѣсколько шаговъ. Промыселъ на морского звѣря ведется почти исключительно на прибрежномъ льду; только очень немногіе самоѣды имѣютъ на Карскомъ морѣ небольшіе карбаса.

Лѣтомъ самоѣды промышляютъ — въ небольшомъ количествѣ — ружьями (очень рѣдко дробовыми, чаще винтовками) лебедей, гусей и гагаръ; отъ послѣднихъ, кромѣ мяса, берутъ части шкурокъ, содранныя съ шеекъ (именно отъ чернозобой гагары), изъ которыхъ зыряне собираютъ красивые мѣха. Главную массу водяной птицы промышляютъ линной, употребляя иногда—въ особенности для утокъ—сѣти. Линныхъ гусей выгоняютъ изъ озеръ на колыданныхъ лодкахъ и бьютъ на берегу палками и травятъ собаками. Гагъ и утокъ ловятъ также *плёнками* (петлями), а гнѣздящихся гусей, бѣлыхъ совъ, канюковъ и поморниковъ желѣзными капканами, которые ставятъ на гнѣзда. Отъ птицъ въ продажу идетъ также перо.

Волка, лисицу, горностая и россомаху въ тундрахъ про-

мышляютъ рѣдко. Но зимой, во время пребыванія въ лѣсахъ, промышляютъ иногда и лисицъ и горностаевъ, а также бѣлокъ. Пушной промыселъ даетъ усерднымъ промышленникамъ хорошій заработокъ. Чтобы дать понятіе о ростѣ цѣнъ на мѣха на Обдорской ярмаркѣ, я приведу здѣсь 2 таблицы пушного товара, проданнаго на Обдорской ярмаркѣ въ 1908 и 1912 годахъ. Данныя эти сообщены мнѣ довѣреннымъ фирмы Корниловыхъ Н. Ф. Телѣжкинымъ.

Въ 1908 году на ярмаркѣ скуплено:

Песца съ хвостомъ	950	штукъ въ среднемъ по	8 р.	— к.
Песца безъ хвоста	5000	" " "	7 "	— "
Недопеска	325	" " "	3 "	— "
Синяка	170	" " "	1 "	50 "
Крестоватика	2000	" " "	1 "	10 "
Лапы песцовой	12.000	" " "	— "	8 "
Лисицъ	470	" " "	9 "	— "
Волковъ	33	" " "	10 "	— "
Медвѣдей бѣлыхъ	2	" " "	70 "	— "
Горностаевъ	900	" " "	2 "	— "
Бѣлки	14.000	" " "	— "	34 "

Въ 1912 году:

Песца съ хвостомъ	2.000	штукъ по	16 р.	— к.
Песца безъ хвоста	4.000	" "	14 "	— "
Крестоватика	3.000	" "	1 "	30 "
Бѣлки	20.000	" "	— "	40 "
Горностая	2.000	" "	3 "	50 "
Лисицъ	500	" "	17 "	— "
Медвѣдей бѣлыхъ	35	" "	90 "	— "
Россомахъ и волковъ	30	" "	17 "	— "

Рыбу самоѣды промышляютъ небольшими неводами (саженъ въ 50 длиною), обыкновенно въ заводяхъ большихъ озеръ. Рыбу внутри полуострова, на Карскомъ морѣ и на Обской губѣ сѣвернѣе русскихъ промысловъ — добываютъ исключительно или почти исключительно для своихъ потребностей, — развѣ продаютъ иногда въ небольшомъ количествѣ другимъ самоѣдамъ. При торговыхъ сношеніяхъ самоѣдовъ другъ съ другомъ, при уплатѣ калыма за невѣстъ и т. под. деньги въ тундрѣ почти не играютъ роли; размѣнными единицами слу-

жатъ олень (около 10—12 руб.) и песецъ (во время моего путешествія 4—5 р., теперь дороже). И отъ пріѣзжаго человѣка самоѣдъ въ тундрѣ гораздо охотнѣе возьметъ вещи, муку, табакъ, водку, чѣмъ деньги, которыя можно реализировать только въ Обдорскѣ.

Огнестрѣльное оружіе, которымъ промышляютъ самоѣды на Ямалѣ, плохо; и эта сторона культуры—въ противоположность, напр., чукчамъ—не коснулась ихъ. Въ большинствѣ случаевъ въ ходу кремневыя винтовки, которыя получаются изъ Архангельской губерніи. За кремневки съ хорошимъ боемъ уплачиваютъ иногда по 10 оленей. Въ небольшомъ количествѣ есть берданки и крынки, которыя также въ тундрѣ и Обдорскѣ достаются дорого; и къ которымъ не легко получать патроны. Одинъ разъ видѣлъ я бюксфлинту (централку, комбинированную изъ гладкаго и нарѣзного ствола) иностраннаго производства. Нѣсколько разъ поднимался вопросъ о снабженіи инородческаго магазина въ Обдорскѣ дешевыми ружьями, но этому встрѣтились непреодолимыя затрудненія. Луки, которые еще въ ходу у многихъ промышленниковъ-инородцевъ въ *урманѣ* (лѣсахъ по Оби), въ тундрѣ употребляются только въ качествѣ дѣтскихъ игрушекъ. Изъ винтовокъ самоѣды стрѣляютъ отлично, но цѣлятъ всегда со щита, съ нарты или вообще съ упора, лежа на землѣ, и привыкли очень мѣшкотно выцѣливать птицу или звѣря. По движущейся цѣли приходится имъ стрѣлять изрѣдка только при очень оригинальномъ способѣ охоты на дикихъ оленей. Если олени встрѣчены въ совершенно гладкой тундрѣ, гдѣ подходъ невозможенъ, самоѣдъ, если ѣдетъ на свѣжихъ и быстрыхъ оленяхъ, выпускаетъ свою нарту къ звѣрямъ или на перерѣзъ имъ. Когда дичь начинаетъ уходить, онъ пускаетъ своихъ оленей карьеромъ, измѣняя нѣсколько направленіе и какъ бы заскакивая то справа, то слѣва. Дикіе олени также мѣняютъ направленіе и обыкновенно начинаютъ метаться, т.-е. бѣгутъ по ломанной линіи съ малыми углами; преслѣдователь же ѣдетъ по ломанной же линіи, но вытяну-

Халмеры близь Обской губы

Обернутый въ ткани трупъ въ халмерѣ.

ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ и К°, МОСКВА

той, съ большими углами, и этимъ выигрываетъ разстояніе. При этомъ способѣ преслѣдованія, если олени быстро не прорвутся и не пойдутъ прямо и полнымъ бѣгомъ, удается иногда подскакать на 100—150 шаговъ. Тогда охотникъ соскакиваетъ съ парты и стрѣляетъ. По такой не движущейся только, а несущейся цѣли самоѣды стрѣляютъ дурно.

Съ точки зрѣнія количества вещей, находящихся въ обиходѣ у самоѣдовъ, обстановка ихъ жизни проста и у самыхъ богатыхъ. Нѣкоторые предметы, какъ топоры, иголки, металлическую, фаянсовую и стеклянную посуду, они покупаютъ. Ножи— и очень хорошіе, часто тщательно украшенные — дѣлаютъ сами, выковывая лезвія обыкновенно изъ подпилковъ. Съ помощью же главнымъ образомъ этихъ ножей различной формы выдѣлываютъ многія другія необходимыя имъ вещи. Таковы прежде всего издѣлія изъ дерева. Изъ дерева строятся парты различныхъ типовъ,—чрезвычайно легкія санки, на которыхъ ѣздятъ и возятъ грузы и зимой и лѣтомъ, замѣчательныя по прочности и тщательности пригонки частей. Да и всякій предметъ, который дѣлаетъ самоѣдъ, отличается тщательностью и часто изяществомъ (исключеніе составляютъ только очень грубые деревянные идолы). Обыкновенно работающій не торопится и доводитъ свою работу до полнаго возможнаго по его средствамъ совершенства. Изъ дерева же дѣлаются лыжи (часто подбитыя оленемъ, построенныя такъ же, какъ остяцкія, гораздо хуже и проще тунгузскихъ), *тюръ* (шестъ, которымъ погоняютъ оленей) и многіе мелкіе предметы. Въ дѣло—на блочки, черезъ которыя продергивается упряжь партъ (чаще деревянные), табакерки, трубки, оригинально устроенныя сошки для винтовокъ, пороховые рога, лопаточки, которыми чешутъ спину, наконечники *тюра*, ложечки, которыми чистятъ уши, рукоятки и ножны для ножей и т. д.—идутъ также оленій рогъ, моржовые клыки и мамонтова кость: этой послѣдней, впрочемъ, на Ямалѣ теперь находятъ уже очень мало. Не цѣнные клыки, а другія части скелета мамонта употребляются нерѣдко на

кибася (грузила) неводовъ. Многіе мелкіе предметы—какъ рукоятки у ножей, табакерки, пороховые рога—самоѣды часто льютъ изъ олова, искусно отдѣлывая ихъ потомъ ножами. О тщательности изготовленія изъ оленьихъ шкуръ платья, искусствѣ прекрасно выдѣлывать шкуры, совершенствѣ ременной упряжи (чаще всего изъ кожи морскихъ зайцевъ), плетеныхъ аркановъ для ловли оленей, устройствѣ чума,—я здѣсь распространяться не буду, такъ какъ все это таково же, какъ и въ Архангельскихъ тундрахъ. У дѣтей въ большомъ употре-

Замужняя женщина изъ рода Уэнога (проливъ Малыгина).

бленіи куклы, сдѣланныя изъ обрывковъ оленьихъ шкуръ съ прибавленіемъ яркихъ частей шкурокъ гагъ и утокъ. Металлическія украшенія и бусы женскаго наряда (которыя покупаютъ въ Обдорскѣ) тѣ же, что и въ Большой Землѣ. И мужчины и женщины носятъ на рукахъ мѣдныя, нерѣдко и серебряныя, кольца. Многіе мужчины не стригутъ волосъ, которые сваливаются въ довольно длинныя пряди.

Въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, самоѣдъ имѣетъ одну жену, такъ какъ женитьба связана съ значительными расходами. Калымъ за невѣсту, въ зависимости отъ достатка сватьевъ, ко-

лебдется въ среднемъ отъ 30 до 100 оленей съ прибавкою пушнины и различныхъ вещей. Отецъ невѣсты съ своей стороны даетъ приданое молодой (платье, пушнину, часто упряжку или нѣсколько упряжекъ оленей, которыя и считаются собственностью жены). Болѣе богатые люди и нерѣдкіе среди самоѣдовъ любители прекраснаго пола имѣютъ 2, 3 и даже 4 жены, которыя иногда имѣютъ отдѣльные чумы. Въ хозяйствѣ и во всей жизни самоѣдовъ жены играютъ большую роль. Ничего похожаго на приниженное положеніе женщины нѣтъ. То, что говорится иногда по этому поводу въ популярной, а иногда и въ научной, литературѣ, основано на неправильно-понятыхъ религіозныхъ обычаяхъ: женщина не чиста въ опредѣленное время, не можетъ ѣсть мяса медвѣдя и т. д. Это не мѣшаетъ мужу совѣтоваться съ женой о всѣхъ дѣлахъ и обращаться съ ней неизмѣнно ласково. Въ пьяномъ видѣ супруги иногда дерутся, но выигрываетъ при этомъ сильнѣйшій, а самоѣды, будучи очень выносливыми, не отличаются физической силой. Трудъ между мужчинами и женщинами раздѣленъ: мужчина занимается оленями и промыслами; женщина — хозяйствомъ: постановкой чума, шитьемъ, приготовленіемъ пищи. Кажется, какъ и всюду въ мірѣ, на Ямалѣ нѣтъ недостатка въ бабахъ, верховодящихъ въ семьѣ. Въ одномъ чумѣ молодая хозяйка сказала моему переводчику, что мужъ ея (тутъ же присутствовавшій) только въ пьяномъ видѣ совсѣмъ дуракъ, въ трезвомъ же справляется съ дѣлами; только изрѣдка де приходится ей приглядывать, чтобы онъ что-нибудь зря не напуталъ.

Женщинъ-неряхъ и неработницъ въ чумахъ, гдѣ есть старшія хозяйки, не терпятъ: такую какъ разъ отправятъ обратно къ отцу, не требуя даже возвращенія калыма (что обыкновенно бываетъ при разводахъ по винѣ женщины), а молодому человѣку купятъ другую жену. На самомъ сѣверѣ Ямала попалъ я въ одинъ богатый чумъ какъ разъ на такой случай. Недавно высватанная молодая дама жестоко ревновала безъ особыхъ основаній своего очень красиваго мужа, упорно не отпускала

его на промыслы, ссорилась съ другими бабами и не работала. Свекровь рѣшила отвезти ее къ отцу (который врядъ ли былъ бы очень недоволенъ такимъ случаемъ, такъ какъ получалъ возможность продать дочъ—хотя бы и дешевле—во второй разъ). Очень почтенная и пожилая хозяйка чума разсказывала намъ, что, увидавъ насъ, она особенно ярко почувствовала некорректность своей невѣстки: вѣдь могли же мы оба—я и Г. Н. Кудринъ—заѣхать безъ своихъ бабъ въ такую даль, и бабы наши могутъ же обходиться безъ насъ; а между тѣмъ сынъ ея, которому нужно промышлять для семьи, долженъ быть почему-то прикованъ къ ягýшкѣ своей жены.

Самоѣды мужъ и жена 10 и 11 лѣтъ.

Браки иногда заключаются въ раннемъ возрастѣ. Случается, что когда въ чумъ нужна по хозяйственнымъ соображеніямъ баба, взрослыхъ дѣвокъ сватаютъ младенцамъ. Это ведетъ иногда къ недоразумѣніямъ, потому что молодая начинаетъ упорно требовать „мужа“. На Морды видѣлъ я супружескую пару, которой вмѣстѣ было 21 годъ (11 женѣ и 10 мужу); они считались въ семьѣ мужемъ и женой, и отношенія ихъ были предоставлены времени и ихъ доброй охотѣ. Я помню, что въ чумахъ часто привлекали мое вниманіе дѣти, смышлеными

лицами и необычайной тишиной и деликатностью поведенія. Въ чумѣ нельзя почти услышать рёва и увидѣть дѣтской потасовки. И родители съ дѣтьми обращаются очень ласково,— не только не увидишь шлепка, но не услышишь и окрика, къ которому, вѣроятно, и поводы рѣдки. Мнѣ приходилось слышать отъ знающихъ самоѣдовъ людей, что они мстительны и не легко забываютъ обиды; но жестокость, кажется, не въ ихъ характерѣ. Они очень осуждаютъ, между прочимъ, тѣхъ, которые бьютъ или изнуряютъ оленей. Я не говорю, конечно, о рѣдкихъ исключеніяхъ. Приходилось мнѣ слышать, напримѣръ, что иногда жестокими способами умерщвляютъ оленей, приносимыхъ въ жертву.

Семьи самоѣдовъ не многочисленны, но о какомъ-либо „вымираніи“ населенія тундръ Ямала пока не можетъ быть рѣчи. Народъ этотъ въ общемъ здоровый и закаленный. Одинъ только разъ за все время пути въ тундрѣ видѣлъ я лицо со слѣдами сифилиса. Самоѣды отличаются выносливостью по отношенію къ простудѣ и способностью долго не ѣсть (въ противоположность обычной своей прожорливости), долго не спать, безъ конца ѣхать, сидя на нартѣ. Но къ тяжелой физической работѣ мало способны и не имѣютъ сильной мускулатуры. Болѣютъ рѣдко. Цынгу знаютъ больше по наслышкѣ,— свѣжій воздухъ чумовъ и питаніе свѣжимъ мясомъ и рыбой отъ нея спасаютъ. Что-то похожее на „имеряченье“ бываетъ и у самоѣдокъ и у остячекъ, но рѣдко. Съ точки зрѣнія достатка, здоровья, пристрастія къ водкѣ, гораздо худшую картину даетъ самоѣдское населеніе юга полуострова, жизнь котораго тѣснѣе связана съ обскими рыбными промыслами.

По общему укладу жизни населеніе Ямала обитаетъ въ состояніи счастливой анархіи. Ватажные старшины собираютъ только ясаки. Выборные судьи изъ самоѣдовъ разбираютъ столкновенія между своими земляками, но только въ періодъ ярмарки въ Обдорскѣ, когда многіе споры и дѣла, возникшіе въ теченіе года, и разрѣшаются. Въ тундрѣ же равновѣсіе

интересовъ поддерживается установившимися обычаями. Бываютъ изрѣдка кражи песцовъ изъ слопцовъ и оленей и наказываются, если виновный обнаруженъ, штрафами (возвратъ украденнаго вдвое, втрое). Нѣкоторые старые самоѣды жаловались мнѣ на развивающіеся въ послѣднее время среди молодежи (вслѣдствіе будто бы отмѣны тѣлеснаго наказанія, которое ранѣе налагалось судьями) вольный духъ и непочтительность къ старшимъ. Но, кажется, на это жалуются и жаловались старики во всѣ времена и во всѣхъ странахъ земного шара.

Очень симпатичную черту въ отношенія самоѣдовъ другъ къ другу вноситъ ихъ обычай помогать другъ другу въ бѣдѣ (напр., при потерѣ оленей, при неуловѣ рыбы или потерѣ снастей и т. под.) и охота, съ которой помогаютъ они бѣднымъ. Не разъ видѣлъ я въ чумахъ чужихъ семьѣ стариковъ и старухъ, которые числились какъ бы рабочими, а на самомъ дѣлѣ состояли на положеніи приживальщиковъ. Ясаки за бѣдныхъ самоѣдовъ часто вносятъ старшины. Рабочіе въ богатыхъ чумахъ живутъ на одномъ положеніи съ хозяевами.

Очень трудно проникнуть въ психическую жизнь народа, кругъ представленій котораго сильно отличается отъ нашего, въ особенности при недостаточномъ знакомствѣ съ его языкомъ. Самоѣды Ямала не говорятъ по-русски. Немногіе знаютъ отдѣльныя русскія слова. Только разъ встрѣтилъ я въ чумѣ на Морды самоѣдку, которая бѣгло говорила по-русски, но и та оказалась купленной въ Большой Землѣ. Какъ у большинства такъ называемыхъ „дикарей“, въ характерѣ Каменныхъ самоѣдовъ много достоинствъ: въ общемъ они очень вѣрны данному слову, чрезвычайно деликатны и вѣжливы, что въ особенности сказывается въ большой обдуманности ихъ разговора и отзывовъ о другихъ людяхъ. Обыкновенно они невозмутимы и кажутся совершенно безстрастными; но это лишь привычка владѣть собой, довольно обыкновенная у дѣтей природы. Страсти ихъ часто освобождаются, когда они находятся въ состояніи опьяненія.

Шренкъ [1]) говоритъ опредѣленно, что романическое чувство любви совершенно чуждо самоѣдамъ, основываясь больше всего на томъ обстоятельствѣ, что сказки самоѣдовъ не содержатъ романическаго элемента. Однако, вотъ пѣсня, которую приводитъ самъ Шренкъ:

„Свою табакерку забыла я на чумовищѣ [2]) и поѣхала за ней. На встрѣчу мнѣ ѣдетъ нарта, на кругахъ ѣдетъ по льду святого озера. Не дашь ли мнѣ—говорю—табаку немножко. Потомъ повернула я обратно къ чуму. Мужикъ постоялъ на мѣстѣ, затѣмъ тронулся и поѣхалъ въ погоню, погналъ за мной четвёрку сѣрыхъ. Я задержала оленей шестомъ, и онъ остановился,—упряжь у него спуталась. Онъ выправилъ нарту и погналъ за мной снова,—гонитъ бѣгуновъ такъ, что кровь пошла изъ ноздрей оленей. Но я ужъ доѣхала до чума. Спросилъ меня мужъ:—Гдѣ пропадала такъ долго?—А я ему въ отвѣтъ:—У оленей ноги не связаны".

На мой взглядъ, романическій элементъ имѣется налицо въ этой пѣснѣ. Только выраженъ онъ не лирическимъ, а эпическимъ способомъ, какъ это, пожалуй, и нужно ожидать отъ творчества народа, находящагося на ранней ступени развитія.

Несомнѣнно, что настоящіе романы случаются въ тундрѣ. Если бы ихъ не было, то бабы и дѣвицы не бѣгали бы изъ богатыхъ чумовъ съ бѣдными работниками. Случалось, что такихъ бѣглецовъ, не имѣвшихъ на бракъ согласія родителей невѣсты, укрывали въ Обдорскѣ, крестили—по ихъ настойчивой просьбѣ—и потомъ вѣнчали по православному обряду. Съ государственной точки зрѣнія было бы выгодно поощрять такіе эпизоды: калымъ за невѣстъ въ тундрѣ довольно высокъ; нерѣдко поэтому богатые старики берутъ себѣ лишнихъ женъ, а молодежь изъ бѣдныхъ чумовъ остается неженатой. Слабый приростъ самоѣдскаго населенія въ тундрахъ въ извѣст-

---

[1]) Reise, II, 337.

[2]) Мѣсто, гдѣ стоялъ чумъ.

ной мѣрѣ отъ этого зависитъ. Отъ знающихъ людей слышалъ я, что самоѣды ревнуютъ своихъ женщинъ.

Что въ характерѣ самоѣдовъ не мало страстности, это легче всего замѣтить на охотѣ, которой предаются они съ большимъ увлеченіемъ. Эпизоды, въ которыхъ выступала наружу большая горячность стрѣлковъ, приходилось мнѣ видѣть неоднократно. Однажды, идя по тундрѣ съ переводчикомъ и двумя самоѣдами, замѣтилъ я вдали нѣсколько оленей. Бывшая съ нами собака помчалась за звѣрями и пропала, преслѣдуя ихъ, за горизонтомъ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ впередъ, мы увидѣли важенку, которая вертѣлась на мѣстѣ и отбивалась отъ остановившей ее собаки. На двухъ нартахъ начали мы преслѣдовать звѣря, котораго собака безпрерывно останавливала, хватая его за горло. Обогнавшій меня самоѣдъ, сидѣвшій одинъ на нартѣ, успѣлъ подскакать на нѣсколько десятковъ шаговъ къ важенкѣ, соскочилъ съ нарты и выстрѣлилъ. Испуганный звѣрь оторвался отъ собаки и пошелъ во всѣ ноги. „Онъ *одичалъ*“ (съ ума сошелъ), сказалъ правившій моей нартой самоѣдъ, со злобой погоняя шестомъ оленей. Оказалось потомъ, что злополучный стрѣлокъ, соскакивая съ нарты, задѣлъ рукой прицѣльный щитокъ своей крынки, поднялъ его и, въ азартѣ не замѣтивъ этого, выстрѣлилъ. Онъ былъ внѣ себя, снова и снова принимаясь разсказывать о своей фатальной неудачѣ.

Въ другой разъ на низменностяхъ недалеко отъ мыса Уэнъ-ганъ снова охотились мы на оленей. Одинъ изъ самоѣдовъ, подойдя съ доской къ стаду, застрѣлилъ оленя. Стадо помчалось прочь. Я стоялъ съ нартами вмѣстѣ съ Г. И. Кудринымъ и другимъ самоѣдомъ верстахъ въ двухъ отъ стрѣлка. Внезапно снѣжная пыль поднялась въ сосѣдней пологой лощинѣ, и мы увидѣли карьеромъ мчавшееся стадо численностью головъ въ 80. Разстояніе было велико, звѣри вытянулись въ длинную колонну, давая узкую цѣль, а погода была сумрачная. Сдѣлавъ два или три выстрѣла и не надѣясь на свой

глазомѣръ на обманывающей глазъ снѣжной поверхности, я спросилъ черезъ переводчика самоѣда, сколько шаговъ до оленей.—800 шаговъ!—крикнулъ онъ, продолжая посылать пулю за пулей въ звѣрей и видимо забывъ привычную экономію въ патронахъ. Въ тотъ же моментъ я замѣтилъ, что выпущенная имъ пуля подняла снѣжную пыль въ 200 шагахъ отъ насъ. По окончаніи безрезультатной стрѣльбы нашей выяснилось, что онъ забылъ поднять прицѣлъ винтовки.

Нерѣдко богатые оленеводы, вполнѣ могущіе прожить безбѣдно помимо всякихъ промысловъ, терпятъ лишенія и подвергаются опасностямъ при промыслѣ на береговомъ льду изъ-за страстнаго увлеченія охотой. И выгодность промысла, т.-е. количество добычи, играетъ при этомъ малую роль. Среди промышленниковъ распространено даже повѣрье, что излишне много добычи промышлять не слѣдуетъ, такъ какъ *Нумъ* (Богъ) не любитъ, когда слишкомъ много промышляютъ въ запасъ, и такому самоѣду можетъ послать смерть. Любимый предметъ самоѣда—огнестрѣльное оружіе. За хорошее ружье готовъ онъ отдать послѣднее.

Умственный багажъ самоѣда ничуть не ниже таковаго же неграмотнаго русскаго крестьянина, только кругъ представленій его иной. Самое высокое извѣстное самоѣдамъ проявленіе культуры есть Обдорскъ—по-самоѣдски *Саленгаръ* (городъ на мысу). Объ извѣстной интеллектуальной высотѣ самоѣдовъ говоритъ, напримѣръ, уже то обстоятельство, что географія ихъ родныхъ тундръ разработана ими до мелочей: каждый ручей, каждый примѣтный холмъ и мысъ на озерѣ имѣютъ названія. Они прекрасно отличаютъ птицъ по видамъ. Напримѣръ, слово *ѐпту́* нужно передать по-русски словомъ „гусь". Но каждая порода гусей имѣетъ свое отдѣльное названіе. То же нужно сказать объ уткахъ, куропаткахъ, поморникахъ, куликахъ. Съ незнакомыми предметами освапваются они съ большой смѣтливостью. Почти каждый изъ нихъ сумѣетъ начертить на снѣгу или бумагѣ схематическій планъ мѣстности.

Нѣкоторые самоѣды, которымъ показывалъ я морскія карты побережья, поражали меня быстротой и точностью, съ которой они въ картѣ оріентируются, начиная правильно называть мысы, бухты и устья рѣкъ. Нужно показать имъ только положеніе странъ свѣта на картѣ.

Изъ чувствъ у самоѣдовъ замѣчательно остро зрѣніе и очень развито обоняніе. Запахъ дыма отъ отдаленнаго скрытаго за горизонтомъ чума улавливаютъ они чуть не одновременно съ оленями. Еще, пожалуй, замѣчательнѣе способность оріентироваться даже въ гладкой тундрѣ. Вблизи пролива Малыгина приходилось мнѣ при пасмурной погодѣ проѣзжать значительныя разстоянія по гладкой, какъ столъ, снѣжной тундрѣ, на поверхности которой глазъ не улавливаетъ ни одного примѣтнаго мѣста. Для меня осталось загадкой, какимъ образомъ— если не инстинктомъ, подобнымъ инстинкту звѣря—ухитрялись при этомъ проводники удерживать постоянный и правильный курсъ. Съ мѣста самоѣдъ покажетъ вамъ шестомъ румбъ цѣли, къ которой онъ ѣдетъ, и въ пути не собьется съ направленія. Употребленія компаса, за исключеніемъ весьма немногихъ промышленниковъ, плавающихъ въ карбасахъ по морю, они не знали. Кажется, я первый завезъ и роздалъ нѣсколько штукъ карманныхъ компасовъ на Ямалѣ. Нѣкоторые, во всякомъ случаѣ, изъ самоѣдовъ въ состояніи ѣхать правильно и въ сильные бураны, во время которыхъ ни зги не видно. Когда мы стояли вблизи Ямбу-то, переводчикъ мой поѣхалъ въ отстоявшіе верстахъ въ 20 чумы, чтобы привезти ко мнѣ мѣстнаго вотчинника. Обратно ѣхалъ онъ на двухъ нартахъ въ сопровожденіи трехъ самоѣдовъ. Сильный буранъ захватилъ ихъ еще верстахъ въ 15 отъ нашего лагеря. Правившій передней нартой старикъ, шедшій на сѣверъ параллельно съ нашимъ путемъ и часто пріѣзжавшій къ намъ въ гости, держалъ курсъ; но два другіе самоѣда усомнились въ принятомъ направленіи. Его останавливали, уговаривали, бранили. Онъ не отвѣчалъ ни слова, сидѣлъ скрючившись

на нартѣ и погонялъ оленей. Споръ и брань кончились, когда черезъ 2 часа олени его наткнулись въ темнотѣ бурана на занесенныя снѣгомъ нарты нашего лагеря. Только тогда—по словамъ моего переводчика—отверзъ свои уста старикъ, вымолвивъ по-самоѣдски лишь одно слово: „дураки“.

Въ характерѣ и манерахъ лучшихъ изъ самоѣдовъ много чувства собственнаго достоинства; не чужда имъ и національная гордость. Признавая значеніе русской культуры, они гордятся въ то же время своими способностями, связанными съ

У жертвеннаго мѣста.

жизнью въ тундрѣ, въ которыхъ не сравняются съ ними не только русскіе, но и зыряне. Я готовъ считать анекдотами разсказы, распространенные и въ Архангельскихъ тундрахъ, о томъ, какъ самоѣды заставляютъ русскихъ и зырянскихъ торговцевъ кланяться себѣ въ ноги обѣщаніемъ уступить цѣну на привезенную изъ тундры пушнину. Se non e vero, e ben trovato. Нѣкоторыя сказки ихъ воспѣваютъ былые подвиги самоѣдскихъ богатырей. Въ одномъ изъ чумовъ въ долинѣ Морды хозяинъ со смѣхомъ разсказывалъ мнѣ о затрудненіи, въ которомъ очутился его 7 или 8-лѣтній сынъ. Мальчикъ, побѣжавъ осматривать капканы, засталъ въ одномъ изъ нихъ песца, попавшаго лапой. Маленькій самоѣдъ хотѣлъ овладѣть имъ, но песецъ защищался отчаянно и заставилъ нападающаго отступить. Мальчикъ прибѣжалъ обратно къ отцу и разсказалъ, въ чемъ дѣло. „Послѣдній русскій сумѣлъ

бы убить этого песца, а я не смогъ!“ — воскликнулъ онъ въ отчаяніи.

Воспоминанія объ очень давнихъ сношеніяхъ съ русскими исчезли изъ памяти самоѣдовъ, но ближайшіе сравнительно времена они помнятъ. На озерѣ Полкуръ-то я спросилъ стараго самоѣда, давно ли поставленъ старый сгнившій *сядай* (деревянный идолъ), стоявшій на мысу надъ озеромъ. „Навѣрно, до Ваули“ — отвѣтилъ самоѣдъ. Интересны нѣкоторыя довольно смутныя и сбивчивыя преданія самоѣдовъ, которыя говорятъ о давнихъ столкновеніяхъ ихъ съ какими-то „лѣсными людьми“ [1]). Преданія изображаютъ этихъ людей — въ противоположность самоѣдамъ — народомъ дикимъ: они не знаютъ употребленія и даже боятся огня, носятъ платье изъ невыдѣланныхъ шкуръ и т. д.

О религіозныхъ воззрѣніяхъ самоѣдовъ довольно трудно составить себѣ ясное представленіе. Они признаютъ существованіе *Нума* (Богъ; то же слово означаетъ небо), которому жертвы приносятъ только крещеные самоѣды путемъ прикладовъ, приносимыхъ въ церковь. Идолы же (*сядаи*), которымъ приносятъ жертвы въ тундрѣ, считаются олицетвореніемъ духовъ, представленія о которыхъ довольно смутны и разнообразны. Нѣкоторые самоѣды говорили мнѣ, что важнѣйшимъ духомъ нужно считать старика *Илибе́мъ-бэрти*, которому принадлежатъ всѣ дикіе олени въ тундрѣ, и который покровительствуетъ и оленеводству самоѣдовъ. Но изрѣдка выходило какъ будто и такъ, что *Нумъ* и *Илибёмъ-бэрти*—одно и то же. Мѣста жертвоприношеній, на которыхъ стоятъ сядаи различнаго размѣра и вида, очень многочисленны на Ямалѣ и въ большинствѣ случаевъ помѣщены на возвышенныхъ примѣтныхъ мѣстахъ. Объ одномъ жертвенномъ мѣстѣ—въ долинѣ Морды—говорили мнѣ, что оно посвящено исключительно Илибёмъ-бэрти. Кромѣ сядаевъ на жертвенномъ мѣстѣ стоятъ

---

[1]) Переводчикъ мой переводилъ „съ тунгусами“.

обыкновенно молодыя сухія лиственницы и находятся черепа принесенныхъ въ жертву оленей и приклады въ видѣ лоскутковъ матеріи, иногда также сломанной *шайтанской* нарты (нарта, на которой возятъ домашнихъ идоловъ), негоднаго ружейнаго ствола и т. под. Нужныхъ и годныхъ для дѣла предметовъ никогда не бываетъ. Идолы въ большинствѣ случаевъ обычной и у Архангельскихъ самоѣдовъ грубой формы— въ видѣ чурбановъ съ зарубками на мѣстѣ глазъ и рта; не-

Шайтанская нарта.

рѣдки длинныя палки съ 7-ю зарубками; очень рѣдко попадаются цѣльныя фигуры человѣка, фигуры съ хвостомъ, отдаленно напоминающія изображенія русалокъ, и изображенія, повидимому, бѣлаго медвѣдя (такія фигуры видѣлъ я только на проливѣ Малыгина и берегахъ Карскаго моря на сѣверѣ). Самыя уважаемыя мѣста жертвоприношеній, на которыхъ я былъ, находятся на южномъ берегу Бѣлаго (двѣ небольшія группы сядаевъ) и на материкѣ въ лощинѣ вблизи мыса Хаенъ. Здѣсь именно находится знаменитый *Ямальскій шайтанъ (Ямаль-го)*, который извѣстенъ и самоѣдамъ Большой Земли, и о которомъ я уже говорилъ въ описаніи путешествія. На Дровяномъ вокругъ немногихъ сядаевъ навалена громадная куча череповъ бѣлыхъ медвѣдей, накопившаяся, повидимому, за много лѣтъ. Черепа медвѣжьи, тюленьи и моржовые (безъ

клыковъ) были также на устьѣ Нясидай. На двухъ жертвенныхъ мѣстахъ (между прочимъ и у Ямальскаго шайтана) видѣлъ я поставленныхъ на шестахъ птицъ (гагаръ), подобныхъ тѣмъ, которыя въ ходу у енисейскихъ остяковъ и тунгусовъ. Иногда такихъ птицъ помѣщаютъ на вершинахъ чумовъ.

Кромѣ идоловъ, стоящихъ на мѣстахъ жертвоприношеній, самоѣды имѣютъ домашнихъ идоловъ. Обыкновенно они маленькихъ размѣровъ и одѣты въ малицы или вообще закутаны. Иногда

Одна изъ группъ сядаевъ на жертвенномъ мѣстѣ Ямалъ-хэ.

основа ихъ деревянная, иногда это кукла изъ мѣховыхъ лоскутьевъ, на мѣстѣ головы которой вставленъ камень (въ очень похожихъ на этихъ пенатовъ дѣтскихъ куклахъ головой служитъ обыкновенно утиный клювъ).

На мѣстахъ жертвоприношеній сядаи обыкновенно стоятъ на землѣ. Раза два видѣлъ я небольшихъ идоловъ, укрѣпленныхъ гвоздями къ передку нарты, стоявшей на жертвенномъ мѣстѣ, и сдѣланныхъ тщательнѣе обыкновеннаго (съ выдѣланной головой). Въ чумахъ, гдѣ жены остячки, бываютъ иногда идолы остяцкаго типа, въ видѣ безобразно скутанныхъ изъ матеріи фигуръ, похожихъ на подушки.

Самоѣды кажутся вообще довольно равнодушными къ религіи. Женщины болѣе горячо относятся къ обрядамъ, обсамоѣдившіяся остячки въ особенности. Старая самоѣдка не упуститъ случая окурить углями предметъ, черезъ который нечаянно перешагнула, окурить бобровой струей охотниковъ, ѣдущихъ промышлять на Бѣлый, воспротивиться продажѣ домашняго идола. Самоѣды изрѣдка приносятъ жертвы,—больше смазывая уста идоловъ масломъ или жиромъ и кладя передъ ними крендели или навязывая лоскутки, рѣже убивая оленей, и больше по обѣту, вынужденному болѣзнью или опасностью. Въ такихъ же случаяхъ иногда даютъ обѣтъ креститься въ Обдорскѣ. Исполнивъ этотъ обрядъ, часто считаютъ дѣло съ христіанствомъ поконченнымъ. Посѣщая Обдорскъ, крещеный самоѣдъ приноситъ иногда приклады въ церковь, а въ тундрѣ рядомъ со своей шайтанской нартой возитъ еще и нарту съ образами; иногда одного изъ домашнихъ идоловъ начинаетъ пріурочивать къ Николаю Чудотворцу. Одинъ разъ встрѣтилъ я самоѣдскаго старшину, рѣшительно высказавшагося въ пользу русской вѣры и презрительно отозвавшагося о всякихъ бредняхъ, связанныхъ съ идолами. Вообще же смѣшенію понятій и грубости религіозныхъ представленій у самоѣдовъ удивится только тотъ, кто плохо знаетъ глухую русскую деревню. Хорошихъ (т.-е. хотя бы знаменитыхъ среди самоѣдовъ же) шамановъ нѣтъ среди Каменныхъ самоѣдовъ. Есть *ворожеи* (какъ называютъ ихъ Обдорскіе русскіе), имѣющіе пензеры (но, кажется, не имѣющіе спеціальныхъ костюмовъ) и гадающіе желающимъ насчетъ пропавшихъ оленей, успѣха промысловъ и т. д. Нѣкоторые изъ самоѣдовъ ихъ побаиваются, другіе относятся къ нимъ скептически. Мнѣ не удалось найти желающихъ показать мнѣ свое искусство съ пензеромъ.

Самоѣды охотно придаютъ различнымъ урочищамъ и предметамъ значеніе и названіе священныхъ. Святъ островъ Бѣлый; есть святые озера, мысы, курганы. Святы бѣлый медвѣдь, чайка, зуекъ. Какія-то смутныя религіозныя представленія

связаны, повидимому, и съ волкомъ, котораго самоѣды называютъ просто словомъ *са́рмикъ* (звѣрь).

Кладбища находятся также на возвышенныхъ мѣстахъ. Обыкновенно каждый родъ или ватага, кочующая на опредѣленной территоріи, имѣетъ свои халмеры, и часто покойниковъ, умершихъ зимою въ лѣсахъ, везутъ во время перекочевки въ тундру на свое кладбище. Деревянные ящики, въ которыхъ

Домашній идолъ въ чумѣ крещенаго самоѣда на Юрюбеѣ.

лежатъ трупы, того же типа, какъ и въ Архангельской губерніи. Надъ халмерами крещеныхъ обыкновенно укрѣпляютъ маленькіе крестики; надъ женскими гробами вѣшаютъ колокольчики, которые женщины во время ѣзды на оленяхъ прикрѣпляютъ къ нартамъ. На могилахъ колятъ оленей и кладутъ кое-какую утварь (у котловъ пробиваютъ дно), табачные рожки, украшенія. Трупы плотно обернуты въ ткань, такъ что производятъ впечатлѣніе мумій. Изрѣдка гробами служатъ половинки лодокъ и бочки.

Попавшіе въ тундру остяки—какъ уже упомянуто выше—обыкновенно обсамоѣживаются. Я видалъ самоѣдскихъ женъ

остячекъ и самоѣдскихъ работниковъ остяковъ, говорившихъ только по-самоѣдски. Переводчикъ мой разсказывалъ мнѣ объ одномъ случаѣ, когда обдорская крестьянка послѣ смерти своего мужа ушла съ работникомъ-самоѣдомъ въ тундру. Она превратилась въ настоящую самоѣдку и даже въ старости по-малости шаманила. Трехъ дочерей своихъ отъ перваго мужа продала въ калымъ за самоѣдовъ.

Языкъ Каменныхъ самоѣдовъ выговоромъ многихъ словъ отличается отъ нарѣчія Большой Земли. Въ низовой самояди говорятъ снова нѣсколько отлично. Нѣкоторая примѣсь русскихъ словъ получилась къ языку по необходимости,—для обозначенія предметовъ, ранѣе неизвѣстныхъ: говорятъ табакъ, хорова (корова), кошка и т. д.

Самоѣды разсказываютъ сказки, и сказочниковъ въ чумахъ слушаютъ съ большимъ удовольствіемъ. Я слышалъ сказки трехъ типовъ по подраздѣленію самихъ самоѣдовъ:

1) *Сюдобобцъ* (отъ *сюдобе*—чудовище, богатырь, все, что отличается отъ обыкновеннаго): это нѣчто вродѣ былинъ, воспѣвающихъ приключенія и войны богатырей. Тутъ та же, что и въ былинахъ, преувеличенность образовъ, тѣ же безконечныя повторенія въ разсказѣ. Богатыри живутъ въ желѣзныхъ чумахъ, сражаются *витнями* (копьями, которыя надѣваютъ самоѣды на обратный конецъ оленьяго шеста), и отъ стрѣлъ ихъ рушатся горы и затмевается солнце. Эти былины поются тягучимъ речитативомъ.

2) *Яробцъ* (отъ *яръ*—плачъ)—сказки или пѣсни, воспѣвающія злоключенія отдѣльныхъ личностей,—бѣдствія промышленниковъ на морѣ, женскую долю и т. д. Также поются.

3) *Лаханаку*—сказки—смѣшаннаго содержанія, которыя не поются, а разсказываются.

Я приведу здѣсь сказку или пѣсню „Про закаменнаго оленнаго хозяина Выльку", относящуюся ко второй категоріи (Яробцъ) [1].

[1] Въ переводѣ сохранены возможно точно стиль и выраженія моего переводчика.

„Ловецъ чертей и лѣшихъ [1]) — Вылка стоитъ на самой срединѣ хребта. Оленей у него немного, всего 5 тысячъ, онъ не женатъ, у него хозяйкой въ чумѣ сестра. Долго ли, коротко ли жили, — въ одинъ вечеръ — разговаривать не съ кѣмъ — заговорилъ онъ съ сестрой. — Сестра — говоритъ — около этого мѣста бить лѣшихъ ужъ мнѣ надоѣло: хочу я съѣздить на море по рѣкамъ, которыя текутъ съ хребта, половить въ морѣ звѣря. Сестра ему сказала: — Чего искать поѣдешь? Если тебѣ жиру надо, у оленей сала много. — Сало-то есть — говоритъ Вылка — да упряжи нѣту. При отцахъ добытая моржовая упряжь устарѣла, нужно новую. — Развѣ — говоритъ сестра — непремѣнно ужъ надо шкуру морского зайца? Убей трехъ оленей-самцовъ, нарѣжь ремней, сошьешь ихъ втрое — будутъ какъ заячьи или моржовые. Послѣ этого перекочевали. На утро всталъ Вылка, сестры не послушался; безъ огня всталъ, пимы и малицу заразъ изъ подъ головы вынулъ, одѣлся и вышелъ на улицу. На улицу вышелъ — оленей 5 тысячъ домой къ чуму согналъ; а *тынзянъ*, которымъ оленей ловитъ, какъ толстое плавное бревно толщиной. Пять бѣлыхъ оленей поймалъ; передовой бѣлый обѣщанъ Ямальскому шайтану. Запрягъ оленей, зашелъ въ чумъ, ѣлъ не ѣлъ — объ этомъ слова нѣтъ, а варенаго мяса въ нарту наклалъ. Пимовъ пожалуй и не взялъ, — въ однихъ только поѣхалъ. Сестра ему говоритъ: — Зачѣмъ ѣдешь? Съ голода не пропадемъ, теперь и безъ новой упряжи обойтись можемъ. Но онъ ничего не послушалъ, вышелъ на улицу, сѣлъ на нарту и поѣхалъ къ самому морю. Съ правой стороны оленей рѣчка пошла, — въ море течетъ. У осыпей рѣчки остановился, изъ-за пазухи оловянную табакерку досталъ, сталъ на руку табаку накладывать. Пелековый олень чихнулъ.

[1]) Лѣшіе живутъ въ лѣсу семьями, имѣютъ хозяйство и оленей, обыкновенно невидимы, но могутъ показываться людямъ, бывать въ гостяхъ, принимать у себя и т. д. Однажды подъ Сургутомъ поймали двоихъ, приманивъ ихъ водкой, и держали въ амбарѣ на цѣпяхъ. Одинъ сдохъ, а другого представили по начальству (примѣчаніе разсказчика).

Думаетъ Вылка—къ чему олень чихнулъ? Къ тому ли, что я пропаду, назадъ не вернусь? Потомъ дальше поѣхалъ. Одинъ попрыскъ далъ, опять остановился,—вдоль рѣки такъ и ѣдетъ. Остановился, сталъ опять табакъ нюхать. Передовой олень чихнулъ. Сталъ опять Вылка думать,—что со мной будетъ? Неужели сегодня же пропаду? И поѣхалъ дальше. Еще одинъ попрыскъ проѣхалъ, солнце ужъ дошло до Большого Урала, остановился опять табаку понюхать. Сталъ табакъ доставать,—всѣ пять быковъ стали за рѣку смотрѣть. Куда олени взглянули, туда и онъ взглянулъ. Видитъ,—по той сторонѣ рѣчки идетъ бѣлый медвѣдь. Теперь — сказалъ Вылка — Нумъ мнѣ послалъ, чего я искалъ,—вотъ и промыселъ. Прямо съ мѣста пятерыхъ быковъ за рѣчку погналъ, догналъ бѣлаго медвѣдя, и идутъ въ рядъ. Люди говорятъ (подумалъ Вылка), у бѣлаго медвѣдя силы много, бѣжитъ скоро,—и ткнулъ его *тюромъ* въ бокъ,—бѣги скорѣе. Бѣлый медвѣдь осердился, съ гривы шерсть впередъ между ушей надвинулась, кинулся бѣжать во весь махъ, куски земли изъ-подъ заднихъ лапъ черезъ него летятъ. И весь день рядомъ бѣгутъ. Потомъ бѣлый медвѣдь отставать сталъ, и опять его (Вылка) шестомъ въ пахъ ткнулъ,—бѣги, говоритъ, крѣпче, мой передовой Яумальскій тебѣ не уступитъ. Попали край моря у крутыхъ осыпей. Бѣлый медвѣдь по льду въ море къ большой *тáлицѣ* (полыньѣ) кинулся,—до тяжелыхъ льдовъ (торосовъ) отъ берега попрыскъ будетъ. Ѣдучи, замѣтилъ Вылка около нарты во льду *рвину* (щель) въ палецъ шириной. Только перескочили черезъ рвину, медвѣдь снова отставать сталъ, а Вылка его опять шестомъ ткнулъ. Бѣлый медвѣдь осердился и сильно пошелъ,—изъ-подъ ногъ осколки льда черезъ голову летятъ. До послѣднихъ льдовъ дошли,—замѣтилъ Вылка подъ нартой щель въ нарту шириною. Далеко отъ этого мѣста отпускать не сталъ, у самой талой воды *стрѣлилъ* медвѣдя. Сталъ *бѣловать* его, мясо тутъ бросилъ, а шкуру взялъ съ собою; поворотилъ и назадъ поѣхалъ,—ни о чемъ не думая, тихонько ѣдетъ. Доѣхавши до первыхъ торосовъ, уви-

дѣлъ,—бережного льда и глазомъ не видать,—отнесло въ море. Бѣлаго медвѣдя шкуру подъ нарту подвязалъ, потомъ Ямальскаго бѣлаго передового въ воду *понужнулъ*, такъ что Ямальсэръ (Ямальскій бѣлый) всѣхъ 4-хъ быковъ въ воду потащилъ, и нарту тащитъ. Долго ли, коротко ли плылъ, къ бережному льду олени подплыли. Вода ли ушла на море,—какъ подплылъ ко льду береговому, увидѣлъ кромку льда высоко,—какъ подтаганныя палки въ чуму висятъ. Вскочилъ Вылка оленю на спину, самъ кое-какъ съ оленя на гребень льда вспрыгнулъ. Ямалъ-сэра на ледъ вытащилъ, за нимъ остальныхъ четырехъ. Крайній пятый олень ужъ сдохъ, ноги въ крови *окольли* (окоченѣли). Совсѣмъ сталъ нарту на ледъ поднимать,—выплыла изъ-подо льда желтая льдина, ребромъ вышла, подъ передъ нарты попала и ребромъ ремень перерѣзала,—уплыла нарта въ море, остались въ рукахъ только шестъ да четыре быка. Пошелъ Вылка пѣшкомъ къ горѣ, цѣлыхъ 7 дней идетъ: подошелъ къ щели, которую переѣзжалъ,—была шириной въ палецъ, а теперь льда и глазомъ не видать, только валы морскіе загибаются.—Сколько ни кричи, сколько ни плачь (сказалъ Вылка), берегъ ко мнѣ не подойдетъ. Три года на льду плавалъ, трехъ быковъ съѣлъ, одинъ бѣлый быкъ остался. Однажды навязалъ всю упряжь бѣлому ямальскому на спину: семь прядей длинныхъ волосъ у Вылки на головѣ было: одну прядь отрѣзалъ, оленю на спину привязалъ.—Ступай—говоритъ—къ своей хозяйкѣ,—а самъ на льдинѣ стоитъ,—и стегнулъ оленя въ воду. А олень, когда поплылъ, оглянулся, и слёзы у него изъ глазъ потекли. Отплылъ саженъ на 100 и опять обратно вернулся, выскочилъ на ледъ, къ Вылкѣ подошелъ и два раза его обнюхалъ. Подумалъ Вылка:—Должно быть, олень сказать хочетъ,—если умирать, такъ лучше умирать вмѣстѣ. Вылка сказалъ:—Ты хоть свои кости донеси до земли, а мнѣ всё равно здѣсь пропадать. И съ того же мѣста погналъ опять оленя въ воду. Отплылъ олень саженъ на 200, чихнулъ и опять вернулся; вскочилъ на ледъ, подошелъ къ

Вылкѣ и три раза у него обѣ щеки понюхалъ, а слезы изъ глазъ оленя такъ и текутъ. Подумалъ Вылка: — Вѣрно онъ сказать хочетъ,—лучше умирать намъ съ тобой вмѣстѣ. Два раза олень свою морду къ себѣ на спину положилъ. Думаетъ Вылка:—Вѣрно, олень сказать хочетъ,—садись мнѣ на спину, поплывемъ вмѣстѣ. Поцѣловалъ онъ оленя въ *норку* (морду) и опять одного отправилъ, самъ на льду остался. Саженъ триста отплылъ олень, въ третій разъ назадъ вернулся, на ледъ выскочилъ, съ обѣихъ сторонъ по 4 раза хозяина языкомъ лизнулъ, у самого слезы изъ глазъ текутъ. Поцѣловалъ Вылка оленя и пустилъ его снова въ воду:—Что хорошаго, говоритъ, если мы оба сгинемъ? Ты хоть донеси кости до земли. Отплылъ олень саженъ на 400, только назадъ оглянулся. Понялъ тутъ хозяинъ, что говоритъ олень:—Вѣрно, ужъ идти надо; оставайся, что съ тобой подѣлаю. И скрылся бѣлый изъ глазъ *за спиной воды*. И сталъ послѣ этого богачъ Вылка плакать, самъ не помнитъ, живой онъ или мертвый. Сталъ думать,—вѣрно ужъ я лѣтъ 20 на льду плаваю. И платье его сносилось, и постели обопрѣли, и остался нагой. Когда солнце свѣтитъ, отогрѣется: а когда морозъ,—не понимаетъ, живой онъ или мертвый, обезсилѣлъ совсѣмъ. Разъ—почувствовалъ—точно теплѣе стало, и глаза лучше видятъ. Взглянулъ подъ себя,—(видитъ) вся льдина обломалась, только кусокъ цѣлъ. Послѣ опять уснулъ. Слышитъ, надъ головой говоритъ кто-то.—Что же, ты—говоритъ—ловецъ чертей и лѣшихъ, какъ жилъ ты на землѣ, былъ человѣкъ видный, а теперь что съ тобой сталось? Ты ужъ совсѣмъ погибаешь: погляди,—возлѣ тебя лодка идетъ. Открылъ Вылка глаза—ни льду, ни лодки, одна льдинка небольшая подъ нимъ. И сказалъ Вылка:—должно быть, ты, *одноногій*, [1]) возлѣ меня. Послѣ опять забылся,—и холодъ его донимаетъ, и голодъ донимаетъ. Опять слышитъ надъ головой:—Поднимайся, хозяинъ

---

[1]) *Уэнгэ́котя.* Ни разсказчикъ, ни переводчикъ не могли объяснить смыслъ этого слова.

Вылка, близко лодка идетъ. Взглянулъ,—ни лодки, ни льду, сидитъ, гдѣ сидѣлъ, только шестъ въ рукахъ держитъ.

Прошло мало времени,—вдругъ около него что-то шаркнуло и льдину изъ подъ него вытолкнуло. Разглядѣлъ хорошо,—подъ нимъ *лыйна* съ корнями, вся въ пескѣ. Онъ между корней забился и сѣлъ на лѣсину. Всё понимать пересталъ, видитъ только, какъ солнце всходитъ, да валъ бьетъ, да пѣна плещетъ. Сидитъ на лѣсинѣ и думаетъ:—Вѣрно, ужъ лѣтъ 30 я плаваю. Слышитъ опять сверху голосъ:—Гдѣ ты, хозяинъ Вылка, живой ты или мертвый? Земля идетъ, подымайся! Поднялъ голову, взглянулъ,—никакой земли не видать. Опять услыхалъ:—Подымайся, Вылка, земля идетъ, чтобъ землю тебѣ не проплыть! Голову поднялъ,—не только земли, нигдѣ льдинки не видно, одни валы ходятъ. Голову положилъ, уснулъ,—самъ не знаетъ, живой онъ или мертвый, только *тюръ* держитъ. Опять слышитъ Вылка:—Поднимись, земля идетъ! Поднялъ голову, глядитъ,—возлѣ него желтый ледъ. И сталъ думать Вылка,—на одномъ мѣстѣ умирать не хочется; и видитъ,—вдали что-то чернѣетъ, земля или облака,—не разберетъ. На ноги подняться не могъ, а на локтяхъ, на шестъ опираясь, на ледъ попалъ, и куда дѣвался, не помнитъ. Какъ очувствуется,—на боку ли, ползкомъ ли къ темному мѣсту ползетъ. Долго ли коротко ли ползъ,—увидалъ ясно, что земля впереди. Гдѣ придется, на ногахъ идетъ, гдѣ не можетъ, ползкомъ ползетъ, гдѣ изъ силъ выбьется, тутъ и свѣтъ изъ глазъ потеряетъ (заснетъ). До земли доползъ,—былъ конецъ льда на самой землѣ,—хоть кости, думаетъ, попали на землю, хоть и помру здѣсь, все же на землѣ. Ужъ не сороковой ли годъ мучаюсь? У самыхъ осыпей засыпанная землей лѣсина лежала, подъ корнями въ землѣ ямина. Видитъ Вылка,—первый снѣгъ ужъ выпалъ. Въ яму подъ корни Вылка залѣзъ, живой или мертвый, самъ не знаетъ. Очнулся,—чувствуетъ, кто-то лѣсину рубитъ иль колотитъ по ней, вся лѣсина трясется. Слышитъ разговоръ,—точно двѣ бабы разговариваютъ. Одна

баба къ самому корню подошла, нечаянно подъ корни взглянула и съ крикомъ назадъ бросилась, испугалась такъ, что чуть не обо . . . лась.—Сестра, что съ тобой случилось?—Пойдемъ домой, брось лѣсину, тутъ подъ корнями чортъ сидитъ. Бросила лѣсину, къ нартѣ пошла и ужъ за возжечку взялась.—Сестра — другая сказала — отецъ нашъ говаривалъ: когда рубите дрова край моря, что ни увидите, смотрите хорошенько. Посмотримъ хорошенько, что тамъ такое. Смотрятъ со стороны на Вылку, и старшая сестра сказала:—Это не чортъ, а ровно человѣкъ,— по костямъ, по рукамъ и по глазамъ. Должно быть, объ ледъ изорвалъ тѣло, что кости видны. Отецъ намъ говаривалъ: что возлѣ моря найдете, не оставляйте. Возьмемъ его домой. Если годенъ, будетъ живой,—отецъ возьметъ; а не будетъ годенъ, отецъ броситъ.—собакамъ ѣсть тоже надо. Пощупали подъ мышками,—онъ еще теплый, есть мѣста талыя у сердца, а духа ужъ нѣтъ. Старшая сестра сказала: — Это птичка-самецъ [1]). И взяла его старшая сестра и положила въ напалокъ рукавицы. Поѣхали домой на пустой нартѣ,—дровъ не наложили. Дома въ чуму отца нѣтъ, только мать дома. Стали Вылку у огня таить; началъ онъ растаивать, и свѣжая кровь стала показываться,—должно быть растаялъ порядочно и вдругъ вздохнулъ, и глаза пошевелились. Ноги и руки стали потихоньку шевелиться,—пока еще только пальцы шевелятся. Потомъ завернули его въ теплую ягушку и на постели положили. Сидятъ въ чуму и слышатъ,—точно нарта подъѣхала: вѣрно отецъ [2]) пріѣхалъ. Двѣ дѣвки на улицу выскочили, встрѣчаютъ вперегонку отцовскую нарту. Подбѣжали къ отцу.—Чего—говоритъ онъ—дочки, торопитесь? Привезли ли дровъ?—Какихъ мы дровъ привезли?! Нашли птичку-самца!
-Отпустите нарту, я самъ посмотрю, чего вы тамъ нашли. На двухъ оленяхъ отецъ вернулся: сразу отпустили дѣвки оленей

---

[1]) Хбра-лэмороку. Пожалуй, можно перевести словомъ „мужичокъ".

[2]) Отецъ дѣвицъ—*Илибёмъ-бэрти*, иначе *Па́дури*, духъ—покровитель оленей.

и за отцомъ въ чумъ побѣжали: а тѣ олени вышиною какъ двѣ большія горы.—Гдѣ — спросилъ отецъ — вы птичку держите, не задохлась бы она у васъ. Посмотрѣлъ и говоритъ:— И вправду, это птичка-самецъ: вы, дочки, его не знаете. А я, какъ объѣзжаю я всю землю, когда-то видалъ его. Ровно это хозяинъ Вылка, который лѣсныхъ чертей промышляетъ. Какому это онъ сильному человѣку попался? Около его мѣстъ не найдешь такихъ людей, чтобы съ нимъ борьбу выдержать. Какъ бы ни было, берегите его хорошенько, чтобы онъ ожилъ. Пусть хоть на вашихъ рукахъ помретъ,—человѣкъ онъ былъ хорошій. Хоть оленей я ему давалъ и немного, а не знаю, какая нужда и чего его искать заставила, что онъ такъ себя вымучилъ. Стали дѣвки, какъ ребенка, растить Вылку; Вылка ходитъ подъ себя,—онѣ его вытираютъ и каждый день платье мѣняютъ.—Дѣвки—говоритъ Па́дури — ѣздилъ я когда-то въ городъ и привезъ съ собой синюю воду (лѣкарство), принесите ее. По одной ложкѣ его пойте, — навзничь положите и вылейте въ ротъ одну ложку. Напоили Вылку водой.—черезъ нѣсколько дней онъ губами зашевелилъ. Сказалъ Падури: — Развѣ ѣды нѣтъ у насъ,—дайте ему поѣсть чего-нибудь. Принесли дѣвки ѣды такой, какъ морская пѣна, въ ротъ понемногу Вылкѣ пускаютъ. Какъ проглотилъ Вылка, опять обмеръ,—живой или мертвый—не слыхать стало. Потомъ сказалъ Падури дочерямъ:—Подите къ оленямъ и приведите одну худую пѣшку; удавите ее и принесите немного крови: хорошей пищи (отъ здороваго оленя) онъ еще не можетъ ѣсть. Дѣвки сбѣгали и принесли крови,—по одной ложкѣ Вылкѣ въ ротъ вливаютъ, мѣшаютъ съ водой пополамъ. Накормили Вылку кровью, — онъ опять уснулъ, лежитъ не двигается. На низъ ходить сталъ правильно, на щекахъ немного краснаго стало. Долго ли коротко ли прожили, — сталъ ползкомъ на улицу выползать. Началъ ползать, началъ ѣсть настоящую пищу, а языкъ еще прильнувши. Прошло сколько-то времени. Разъ сказалъ старикъ Падури:—Откуда ты сюда попалъ? Богачъ Вылка.

добыватель лѣшаковъ, ему отвѣчаетъ: — было оленей у меня 5 тысячъ, а я захотѣлъ другого мяса поѣсть *(здѣсь Вылка разсказываетъ слово-въ-слово все, что съ нимъ произошло).* И спросилъ Падури: — За что ты принялъ желтый ледъ? — Почемъ я знаю, какой это ледъ? — Если не знаешь, я тебѣ скажу. Это мой мостъ, по этому мосту я хожу за море; и это не ледъ, а желѣзо. А ты, Вылка, проживъ столько времени, видалъ ли меня въ лицо? — Нѣтъ, — сказалъ Вылка — никогда не видалъ. — На что тебѣ свѣжее мясо понадобилось? У тебя ѣды было достаточно. Сколько Нумъ посылалъ, того бы и хватило. Теперь знаешь ли ты, гдѣ твое мѣсто? — Кто его знаетъ — отвѣтилъ Вылка — не знаю, откуда пришелъ, и гдѣ мое мѣсто. — Коли не знаешь меня — (сказалъ старикъ) — такъ я самъ Илибёмъ-бэрти. Конечно, у кого ѣсть нечего, какъ не поѣхать на промыселъ? А тебѣ на ѣду я давалъ оленей довольно. Вѣрно, и поѣхалъ ты на промыселъ для мученья. Вы пока оставайтесь втроемъ въ чуму. Теперь по всей землѣ у людей промысла не стало, я поѣду и сколько-нибудь промысла отпущу, а по пути въ городъ проѣду. Одну ночь Падури въ чуму ночевалъ. — хозяинъ Вылка сталъ ужъ на колѣняхъ ходить. Сказалъ старикъ: — Хозяинъ Вылка, поди сгони оленей; силы въ тебѣ еще нѣту, такъ ты поди напротивъ дверей чума, есть тамъ высокое мѣсто. Взойди на сопку и прокричи три раза, — больше ничего не надо, олени сами прибѣгутъ. Я всегда такъ, три раза съ этого кургана кричу. Гдѣ ползкомъ, гдѣ на колѣняхъ, доползъ Вылка до кургана. Взлѣзъ на курганъ, смотритъ, — въ виду ни одного оленя нѣтъ. Однако заревѣлъ три раза съ вершины сопки. Взглянулъ, — со всѣхъ сторонъ, какъ носы лодокъ, бѣгутъ олени. Весь день бѣжали мимо олени, не могъ Вылка конца стада увидѣть. Потомъ поползъ Вылка снова въ чумъ, отъ чума смотритъ, — не видать конца оленямъ. Наймали старику оленей и запрягли анасъ. — Три года — сказалъ старикъ — меня не будетъ, а ты на третій годъ выѣзжай ко мнѣ на встрѣчу. Только эти слова и сказалъ старикъ. За нартой при-

вязалъ старикъ десять старыхъ важенокъ; какъ анасъ пошевелился, какъ пошли олени,—важенки сзади таскомъ тащутся, а рога у нихъ ужъ до ушей высохли. Сталъ скрываться изъ глазъ анасъ, важенки все сзади тащутся. Смотритъ Вылка,—какъ сталъ скрываться анасъ, за анасомъ пошло тысячъ 20 оленей. Какъ поверстались олени съ анасомъ, старыя важенки шибко пошли, даже нарты на бокъ сворачиваютъ. Такъ уѣхалъ старикъ,—и старуха съ нимъ, а Вылка съ дочерьми въ чуму остались. Тэттоко-Вылка черезъ три года на ногахъ сталъ ходить,—поправился. Дѣвки и днемъ его на улицу не пускаютъ, днемъ и ночью спитъ Вылка у нихъ за пáзухами. Прошло три года. Сказала старшая сестра Вылкѣ:—Поѣдешь ты старику на встрѣчу, будетъ у васъ дорога, будетъ тебѣ старикъ всякія дива показывать,—ничѣмъ не прельщайся, а то своихъ мѣстъ больше не увидишь. Поѣзжай теперь ему на встрѣчу, запряги тѣхъ двухъ быковъ, которыхъ онъ лѣтомъ держитъ. Запряжешь ихъ,—они сами знаютъ, куда итти,—гдѣ они лѣтомъ ходили; знаютъ дорогу на святую сопку, гдѣ старикъ останавливается; тутъ и будешь стоять и ждать его, а дальше не проѣзжай. Долго ли, коротко ли, пріѣдетъ къ тебѣ старикъ и остановится. Какъ остановится старикъ, спроситъ.—Что это значитъ, что мы съ тобой здѣсь съѣхались въ одинъ день? А ты отвѣчай ему:—Должно быть, то и значитъ, что я старшую твою дочь съ собой увезу въ свое мѣсто. Старикъ тебѣ скажетъ:—Должно быть, такъ и будетъ. Много страдающихъ на морѣ въ мой чумъ пріѣзжало, но ни съ однимъ не съѣзжались мы на этой святой сопкѣ. Скоро собрали оленей, два быка впередъ всѣхъ пришли, ихъ и поймали дѣвки, въ стариково лѣтнюю нарту запрягли. Этимъ оленямъ ни вожжи, ни шеста не надо, безъ вожжи и безъ шеста сами бѣгутъ; дороги не потеряютъ, знаютъ дорогу и знаютъ, гдѣ остановиться.—

—За святой курганъ—говорятъ дѣвки—не ѣзди, тамъ дальше худые люди есть. Пошевелилъ оленей,—пошли. Долго ли, коротко ли ѣдетъ,—посмотрѣлъ на ноги оленей,—едва идутъ

Издѣлія каменныхъ самоѣдовъ. 1. Сошки для стрѣльбы изъ винтовки. 2. Якорь, отягощающій капканъ. 3. Палка для стряхиванья снѣга съ платья. 4. Лопатка для чесанья спины. 5. Блочки, черезъ которые пропускаются ремни упряжи, тянущіе нарту. 1—4 изъ оленьяго рога, 5—изъ моржоваго зуба. 6. Плёнки (силки) для ловли водяныхъ птицъ.

Издѣлія самоѣдовъ изъ оленьяго рога, мамонтовой и моржовой кости, олова, красной мѣди, дерева и кожи. 1, 2, 3 и 4—табакерки изъ мамонта, олова (2 и 3) и дерева. 5—охотничій приборъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°., Москва.

олени, едва ноги тащутъ; а на лѣсъ посмотритъ, видитъ,— лѣсъ скоро сзади остается. Должно быть, до святой сопки доѣхали,—остановились олени. Остановился на святомъ кургaнѣ,—видитъ,—стоятъ тамъ сядаи; взглянулъ на нихъ хорошенько,—рты шевелятся и глазами хлопаютъ, точно живые. Выдернулъ Вылка изъ ноженъ ножъ и распоролъ себя: досталъ изъ себя легкое и каждому шайтану по куску далъ, а они съѣли. И только скормилъ куски шайтанамъ, и Падури на двухъ быкахъ подъѣхалъ. Падури-старикъ удивляться сталъ:— Что бы это значило? Много я спасалъ народу изъ погибающихъ на морѣ, и много народу мнѣ ѣздило на встрѣчу, но ни съ кѣмъ не съѣзжался я на этой сопкѣ. Говоритъ Вылка:— Удивительнаго мало; вѣрно, мнѣ твою старшую дочь увезти придется.—Должно быть—сказалъ Падури—такъ и будетъ: спасалъ я много народу, а такъ съѣзжаться ни съ кѣмъ не приходилось. Подъѣхала потомъ старуха, стала и старуха говорить:—Что это значитъ, что съѣхались мы на святомъ курганѣ? Много народу мы спасали, а такого случая не было. Сказалъ Вылка:—Вѣрно то и значитъ, что старшую вашу дочь я замужъ увезу.—Должно такъ и будетъ—сказала старуха. Падури сказалъ старухѣ:—Старуха, онъ у насъ много лѣтъ живетъ; нѣтъ ли у насъ въ нартѣ чего, его попотчивать. Достала старуха изъ нарты четвертную бутыль съ водкой. Далъ старикъ водку Вылкѣ, а Вылка сразу всю водку выпилъ. Потомъ Па́дури сказалъ старухѣ,—нѣтъ ли еще у тебя, дай ему на дорогу, будетъ ѣхать и выпивать понемногу. Старуха достала еще бутыль, опять Вылкѣ ее отдали, и всѣ поѣхали. Какъ поѣхали, взялъ Вылка четверть, выпилъ сразу изъ горлышка. Долго ли, коротко ли ѣхали, доѣхали до своего чума. Живутъ въ чуму два мѣсяца, черезъ два мѣсяца говоритъ старикъ Вылкѣ:—Теперь посмотри оленей, скоро ты поѣдешь, вѣрно твое мѣсто давно тебѣ на умъ приходитъ. Поймали оленей и поѣхали со старикомъ къ стаду. Цѣлыхъ семь дней ѣхали, и всё ѣхали по оленямъ, глазомъ конца не видать, какъ травы.

оленей. Въ 7-ой день вечеромъ доѣхали до конца стада и остановились не на самомъ краю: дальше, какъ глазъ видитъ, еще табуны тысячъ по 5 ходятъ. — Вотъ и всѣ мои оленишки—сказалъ Пáдури:—какъ пріѣдешь въ свою землю, будешь, чай, разсказывать, какое у меня стадо. — Если бы пріѣхать на мѣсто, какъ не разсказывать; до мѣста-то доѣду ли? Не пропасть бы. Сказалъ старикъ:—Завтра поѣдемъ къ моимъ младшимъ братьямъ. Потомъ назадъ поѣхали: глядитъ Вылка, никакихъ оленей нѣтъ, куда дѣвались — неизвѣстно, даже и слѣду не видно; какъ осенью снѣгъ выпалъ, такъ чистый и лежитъ. Пріѣхали въ чумъ, одну ночь ночевали. Старшая дочь старика утромъ рано встала и говоритъ Вылкѣ: — Повезетъ тебя старикъ, всякихъ людей увидишь; будутъ съ тобой говорить и надъ тобой смѣяться, а ты ни съ кѣмъ не говори, не шути и не смѣйся, а то умрешь на мѣстѣ. Развѣтало, встали, напились, наѣлись, запрягли двухъ оленей и поѣхали старикъ съ Вылкой. Ѣхали 7 дней все между оленей, на 8-й день стало оленей меньше; когда олени кончились, два зимнихъ попрыска проѣхали, опять къ другимъ оленямъ выѣхали и опять 5 дней межъ оленей ѣдутъ. До чумовъ доѣхали. Смотритъ Вылка на людей, — у которыхъ половина рукъ, у которыхъ ногъ половина, которые одноногіе, которые только половина человѣка—1 рука, 1 нога, 1 плечо и 1 глазъ; которые вверхъ ногами ходятъ, которые голые, которые другъ на другѣ стоятъ, у которыхъ спереди и сзади по лицу. Вылка ни чему не дивится, а смотрѣть—смотритъ. Подъѣзжаютъ къ чуму, видятъ, должно быть, Пáдури брата—черезъ чумъ голову видать, а народу и чумовъ много, вѣрно два брата въ одномъ стадѣ живутъ. Угостились, поѣхали домой. Отъѣхали—Вылка назадъ оглянулся: ни чумовъ, ни оленей — ничего нѣтъ, только слѣдъ отъ своей нарты виденъ. Старикъ Падури спросилъ: — Насмотрѣлся ли на нихъ, красивы ли? Сказалъ Вылка: — Какъ не видать, въ глазахъ были. — Какъ доберешься до своего мѣста, своимъ будешь разсказывать?—

Если бы пріѣхать живымъ въ свое мѣсто, такъ какъ не разсказывать. Потомъ пріѣхали домой въ чумъ и сталъ Вылка съ женой жить. Еще годъ живутъ. Хозяинъ Вылка разъ утромъ изъ-за женииной спины заговорилъ: — Дѣдушка насъ не отпуститъ ли въ свою землю? Падури старикъ съ той стороны голову поднялъ, ими любуется и спрашиваетъ: — Что, милые, хотите ужъ ѣхать отсюда? Сказала старшая дочь: — Мужикъ мой въ свое мѣсто хочетъ. Сказалъ старикъ: — Худого тутъ нѣтъ, ѣхать можете. На улицѣ ужъ анасъ самъ собой готовъ, — вставайте, *имайте* оленей и поѣзжайте. Напились, наѣлись, вышли на улицу, ужъ анасы запряжены, и нарты готовы, только садиться, а кто запрягалъ, неизвѣстно. У Падури-старика у двухъ оленей, на которыхъ онъ ѣздитъ, отъ головы до хвоста длины 7 саженъ. Старикъ на улицу вышелъ и говоритъ: — Вотъ для этихъ быковъ тебѣ вожжа и тюръ, и эти два быка дорогу не потеряютъ, они знаютъ твое мѣсто. И слушай: поѣдешь ты, будешь видѣть чумы, не заѣзжай въ нихъ. Если въ свое мѣсто пріѣдешь, къ своимъ извѣстнымъ людямъ заходи, а къ чужимъ не заходи. А пока не доѣдешь до своего мѣста, быковъ изъ анаса не выпрягай; и двухъ быковъ не выпрягай, — богу худымъ глазомъ взглянуть не долго. Поцѣловалъ старикъ обоихъ въ носы и сзади за послѣдней бабьей нартой привязалъ три старыхъ важенки. И подумалъ Вылка: — Для чего онъ мнѣ пропащихъ важенокъ привязалъ? Но жена сказала: — Что у тебя умъ бродитъ напрасно? Поѣзжай впередъ скорѣе. Поѣхали. Ѣдетъ Вылка впереди, оглянулся, — видитъ — тащатся сзади важенки, шкуру объ землю ободрали. Смотритъ — изъ стада оленей тысячъ 10 отдѣлилось и за ними пошли. Направилъ Вылка анасъ и поѣхалъ. Всю зиму идутъ. Видитъ разъ Вылка, — анасы прошли, дорога осталась такая шириной, что глазомъ едва видно, и оленьихъ слѣдовъ меньше, а человѣческихъ больше. — Жена — говоритъ Вылка — ты пока поѣзжай, къ вечеру остановишься, а я поѣду погляжу, чей чумъ прошелъ. Сказала жена: — Слушай, мужъ, старый-то ни-

куда заѣзжать не велѣлъ.—Что-жъ такое?—сказалъ Вылка—къ людямъ ѣхать хочу; худого имъ не сдѣлаю, и они мнѣ не сдѣлаютъ. Не послушалъ жену, въ сторону по дорогѣ поѣхалъ. Не долго ѣхалъ, до чумовъ доѣхалъ. Смотритъ—старики, старухи и молодые костяныя лопатки [1]) у головъ, какъ рога, держатъ, такъ и бѣгаютъ; испугались и отъ Вылки въ сторону побѣжали. Видитъ, въ снѣгу люди роются, нароютъ чего-то и поѣдятъ. Думаетъ Вылка:—вѣрно, это *мохъ ъдящіе люди*. А *Нядамъ-ópmu-éрва* [2]) съ двумя сыновьями сзади чума сидитъ. Сказалъ Нядамъ-ортп-ерва Вылкѣ: — Другъ друга мы съ тобой не знаемъ, а оленей-то твоихъ я знаю: надо быть, отъ *него* ты пріѣхалъ.—Да—сказалъ Вылка—пріѣхалъ я изъ его чума; когда онъ въ городъ ѣздилъ, потерялся изъ его чума одинъ олень, я его разыскиваю, не зашелъ ли къ вамъ? Тотъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, ко мнѣ такого оленя не заходило, а въ городъ въ то время и я ѣздилъ и его встрѣтилъ. А оленей его я всѣхъ знаю,—призналъ бы. Потомъ *мохъ ъдящихъ хозяинъ* сыновьямъ сказалъ:—Поймайте гостю *на сырý* [3]) оленя, онъ у насъ никогда не бывалъ. Смотритъ Вылка,—оба молодые парни *тынзяны* [4]) схватили, съ тынзянами межъ людей ходятъ, а люди отъ нихъ бѣгаютъ. Одну дѣвочку красивую долговолосую тынзяномъ поймали, привели ее, она рвется во всѣ стороны, а ничего подѣлать не можетъ. Потомъ ее давить стали, а хозяинъ Вылка сказалъ: — Не давите ее, у меня дома дѣтей много, не дадите ли мнѣ ее живьемъ домой на котелъ. Старикъ сказалъ: — Не давите, ребята, пусть везетъ живьемъ домой, все равно дома съѣстъ. Посадилъ Вылка дѣвку на нарту и укатилъ. Она рвется, а онъ уговариваетъ:—Чего рвешься, я людей не ѣмъ. Домой въ чумъ пріѣхалъ, въ чумъ завелъ,—дѣвка огня боится. Взяли съ женой, завязали

[1]) Лопатки, которыми обиваютъ снѣгъ съ платья.

[2]) *Мохъ ъдящихъ хозяинъ или начальникъ.*

[3]) Чтобы ѣсть сырьемъ.

[4]) Арканы.

ее въ нарту. Ночевали въ чуму. Разсвѣтало, сняли чумъ, поѣхали. дѣвка въ нартѣ завязана. Переѣхали еще анаспую дорогу,—чей-то чумъ прошелъ. Вѣрно бѣдные люди прошли,—иныя нарты на себѣ тащили. Говоритъ Вылка женѣ:—Поѣзжай, отъѣдешь, чумъ поставишь, я поѣду по дорогѣ, посмотрю, чей чумъ прошелъ. Говоритъ жена:—Забылъ ты, что старикъ сказалъ.—Почто—говоритъ Вылка—не поѣхать? Я имъ худого не сдѣлаю, и они мнѣ не сдѣлаютъ. Повернулъ оленей и поѣхалъ по дорогѣ. Недалеко и чумы поставлены, огни въ чумахъ разложены. Старики и старухи, какъ и въ первыхъ чумахъ, съ лопатками на головахъ бѣгаютъ. Видитъ Вылка,—должно быть хозяинъ тутъ, да не знаетъ, который. Сказалъ одинъ пожилой человѣкъ: — Откуда ѣдешь? Видимъ, ты не нашей земли человѣкъ, а олени твои намъ знакомы.—Откуда—говоритъ Вылка—я пріѣхалъ? Отъ того старика и пріѣхалъ, чьихъ оленей вы признали. Онъ ѣздилъ въ городъ, — оленя потерялъ; я его теперь ищу. Вылка съ хозяномъ въ чумъ зашли,—у хозяина сынъ женатый, у сына ребенокъ. Старикъ говоритъ сыну:—чѣмъ будемъ гостя потчивать? *На сырý* чего-нибудь нужно. Сынъ сказалъ:—Колоть нечего.—А нечего колоть, нужно твою жену *на сырý* заколоть. Стали жену давить и задавили. Задавили и ягушку сняли, рѣзать начали. Старикъ говоритъ:—На ногахъ [1]) у бабъ жирное мѣсто, его мнѣ, сынокъ, отдай. Потомъ мяса въ чашку наклали и Вылкѣ чашку подали. Сказалъ Вылка:—У меня олени не запутались ли, надо оленей посмотрѣть. Вышелъ на улицу, отвязалъ оленей и уѣхалъ. Только отъѣхала Вылка,—оглянулся назадъ, а хозяина сынъ его пѣшкомъ догоняетъ, вотъ-вотъ за нарту схватитъ. Ударилъ Вылка хозяйскаго сына *витнёй* [2]) въ грудь и закололь его. А позади его бѣжало людей много, и слышитъ Вылка—

[1]) Inter pedes.

[2]) *Нарэ*, по-русски *витня́*, желѣзное копье, которое надѣвается на комлевой конецъ *тюръ*'а—оленьяго шеста.

говорятъ:—Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, что приготовилъ намъ, чего поѣсть. Испугался Вылка, доѣхалъ до чума, скаслалъ и ѣхалъ всю зиму, не останавливался. Доѣхалъ до Плавниковой рѣки [1]). Какъ рѣку переѣхалъ, все лѣто тутъ стоялъ, только съ мѣста на мѣсто каслалъ. Осень встала, Вылка дальше пошелъ. Перешелъ Енисей-рѣку, много и другихъ рѣкъ и рѣчекъ переѣхалъ. Переѣхалъ Тазовскую рѣку, Надымъ и рѣку Обдорскую (Обь) и попалъ къ Камню.—попалъ не на то мѣсто, откуда уѣхалъ. Покуда ходилъ, сестра одна жила, — смотритъ, на лицѣ у ней морщины, и голова стала бѣлая. Поставили чумъ поодаль. Пошелъ Вылка къ чуму сестры, смотритъ,—лежитъ бѣлый ямальскій быкъ у шайтанской нарты, и упряжь на немъ, какъ ее Вылка на морѣ завязалъ. И смотритъ Вылка,—рога у оленя до ушей высохли. Вскочилъ бѣлый олень на ноги и къ Вылкѣ подошелъ. Подошелъ и понюхалъ Вылку въ обѣ щеки, точно сказать хочетъ:—пріѣхалъ хозяинъ. Взялъ его Вылка и снялъ съ него упряжь. Послѣ того сестра поставила суконный чумъ, а Вылка къ сестрѣ не пошелъ, пошелъ прямо домой. Пришелъ Вылка домой,—на другой день скаслали и у сестринаго чума встали. Какъ встали, задавили 7 оленей въ жертву. Принесли жертву, взошли въ суконный чумъ. Потомъ Вылка изъ шайтанской нарты принесъ мамонтовой кости *пензеръ*. Стала Вылкина жена въ барабанъ колотить, пѣсню подъ барабанъ тянетъ, какъ *быстреть* льется; 7 разъ въ бубенъ ударила, въ 7-ой разъ на 7 частей себя изрѣзала и 7-ю часть тѣла собакамъ бросила. Дѣвку, которую въ нартѣ привезли, тоже изрѣзала, потомъ опять оживила, и стала та человѣкомъ, огня и людей бояться перестала, и стала ѣсть, какъ люди ѣдятъ. А сама жена была велика шибко, а какъ изрѣзала себя, стала роста средняго. Обѣихъ ихъ Вылка въ женахъ держать сталъ. Пока ѣздилъ, у него дома 10.000 оленей стало. Тѣмъ и по

---

[1]) Лы-хуте-яга.

кончилось, тутъ и жить стали, а Вылка послѣ сдѣлался шайтаномъ рода“ [1]).

Въ приведенной сказкѣ, какъ видитъ читатель, какъ и во многихъ другихъ сказкахъ, набросано много бытовыхъ чертъ. Сказки въ общемъ многочисленны, сказочники среди самоѣдовъ и остяковъ вообще не рѣдки, и собрать большое ихъ количество (что можно сдѣлать и въ Обдорскѣ) было бы дѣломъ интереснымъ. Возможно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было бы найти и намеки на тѣ или другіе эпизоды изъ историческаго прошлаго сѣверныхъ инородцевъ.

Какъ быстро слагаются иногда легенды въ тундрѣ, я самъ могъ убѣдиться по опыту. Переводчикъ мой вечеромъ въ чумѣ случайно слышалъ (присутствующіе считали его спящимъ) изложеніе самоѣдомъ (стоявшимъ близко отъ Ямальскаго шайтана и провожавшаго—на положеніи жреца—туда пріѣзжихъ самоѣдовъ) поводовъ и причинъ прибытія моего на Ямалъ. Такъ какъ о путешествіи экспедиціи самоѣды заблаговременно широко оповѣщались черезъ старшинъ во время Обдорской ярмарки, то они и не преминули придать моей особѣ необычайно высокое офиціальное значеніе. Къ тому же приходилось какъ-нибудь объяснять ту охоту, съ которой я принималъ въ подарокъ и вымѣнивалъ на вещи сядаевъ. Легенда объяснила мое появленіе, поддержавъ кстати и престижъ послѣднихъ. Когда была послѣдняя война — говорилъ самоѣдъ — русскіе разъ попали въ критическое положеніе и принуждены были отступить; враги бросились ихъ преслѣдовать. Но внезапно сами послѣдніе были объяты паникой, такъ какъ на мѣстѣ, только что покинутомъ русскими, увидали они длинные ряды сядаевъ, махавшихъ саблями. Враги бѣжали въ безпорядкѣ. Узнавъ объ этомъ случаѣ,

[1]) Самоѣдскій родъ *Вылка* донынѣ кочуетъ въ Большой Землѣ. Нѣсколько представителей его въ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ жили на Новой Землѣ. Константинъ и Прокопій Вылка въ Маточкиномъ шарѣ знакомы многимъ путешественникамъ.

царь приказалъ доставить въ Петербургъ нѣкоторое количество подлинныхъ самоѣдскихъ сядаевъ.

Появленіе такой легенды не говоритъ, конечно, за то, что самоѣды совершенно не понимали цѣли экспедиціи. Многіе изъ нихъ представляли себѣ хорошо значеніе картъ, условія мореплаванія, торговли и т. д. Содержаніе приведенной легенды просто было интереснѣе для молвы, и я не думаю, чтобы многіе приняли въ серьезъ ея содержаніе. Въ самоѣдахъ часто замѣтны слѣды какого-то скептицизма по отношенію къ сядаемъ и святымъ мѣстамъ, гадальщикамъ и т. под.

Многія описанныя мною выше симпатичныя черты характера самоѣдовъ не присущи, конечно, всѣмъ. Какъ и всюду, есть среди нихъ люди безтолковые, пьяные, буйные и т. под. Но, судя по крайней мѣрѣ по бѣглымъ впечатлѣніямъ путешественника, гораздо больше встрѣчаешь въ глубинѣ тундры людей, которыхъ можно уважать. Въ особенности пріятное впечатлѣніе оставляетъ та обдуманность, осторожность и точность, съ которой отвѣчаютъ они на вопросы, касающіеся географіи обитаемыхъ ими мѣстностей. Я помню только одинъ случай, когда самоѣдъ пытался—и довольно неумѣло—ввести меня въ грубое заблужденіе. Онъ пріѣхалъ въ нашъ лагерь, когда мы стояли вблизи сліянія Морды и Сё-яга, и въ отвѣтъ на разспросы объ условіяхъ пути къ Юрюбею началъ увѣрять меня, что до устья Юрюбея только 4 дневныхъ перехода, и что онъ знаетъ это отлично. Желая подшутить надъ нимъ въ свою очередь, я сказалъ ему, что такой близкой дороги къ Юрюбею я не знаю, почему и удержу его въ качествѣ проводника до этой рѣки. Ночью онъ тайно бѣжалъ изъ лагеря, и случай этотъ служилъ долго предметомъ веселости для самоѣдовъ.

Въ общемъ и въ среднемъ и благосостояніе и положительныя черты характера самоѣдовъ прямо пропорціональны разстоянію мѣстъ ихъ постоянныхъ кочевокъ отъ дельты Оби и русскихъ промысловъ. Они очень мало способны перено-

сить культуру, — въ томъ видѣ, по крайней мѣрѣ, какъ она имъ предлагается. Вѣроятно, для существованія этого народа было бы самымъ лучшимъ, если бы территорія ихъ осталась навсегда закрытой отъ вторженія русскихъ и зырянъ.

Я не привожу здѣсь многихъ изъ записанныхъ мною данныхъ, касающихся обычаевъ и нѣкоторыхъ условій жизни Каменныхъ самоѣдовъ. Одни изъ свѣдѣній, которыя я собралъ, отрывочны; излагая другія, мнѣ пришлось бы повторять уже напечатанное. Я закончу этотъ бѣглый очеркъ отзывомъ объ одномъ недоразумѣніи, проникшемъ въ географическую литературу и касающемся „племени *Няхъ-самаръ-яхъ*". Приведенными здѣсь данными обязанъ я игумену Иринарху.

„Народъ Няхъ-самаръ-яхъ" былъ открытъ въ Обдорскомъ краѣ проф. А. И. Якобіемъ во время поѣздки его въ 1894 году на Надымъ. Извѣстія о Няхъ-самаръ-яхъ впервые были опубликованы въ Тобольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1895 годъ въ статьѣ объ устройствѣ миссіонерскаго стана на Надымѣ. Послѣ этого извѣстіе о вновь открытомъ народѣ перепечатано было въ цѣломъ рядѣ книгъ [1]). Проф. Якобій сдѣлалъ свое заключеніе, руководствуясь тѣмъ фактомъ, что бывшій съ нимъ переводчикъ, говорившій по-самоѣдски и по-остяцки, не понималъ языка встрѣченныхъ на Надымѣ инородцевъ.

Въ періодъ 1898—1900 годовъ обдорскіе миссіонеры во время своихъ частыхъ поѣздокъ по Надымскому краю употребляли всѣ старанія, чтобы найти какіе-нибудь слѣды открытаго проф. Якобіемъ племени. Сдѣлать это не удалось. Всѣ поиски привели только къ нахожденію на Надымѣ безоленныхъ самоѣдовъ или обсамоѣдившихся остяковъ, проживающихъ полуосѣдлою жизнью круглый годъ въ лѣсахъ по Надыму и называющихъ себя *піано-хасово* — лѣсными людьми. Эта остяцкая или самоѣдская вѣтвь, говорящая преимуще-

[1]) Бартеневъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. 1898.—Дунинъ-Горкавичъ. Тобольскій Сѣверъ.—Россія, изд. Девріена, т. XVI, стр. 265.

ственно по-самоѣдски, дѣйствительно, по выговору отличается отъ самоѣдовъ другихъ мѣстностей Обдорскаго края, но не настолько, чтобы ихъ не понималъ человѣкъ, владѣющій самоѣдскимъ языкомъ. Въ то же время миссіонеры наводили справки о Няхъ-самаръ-яхъ среди торговцевъ—русскихъ и зырянъ Обдорскаго края, между которыми не мало лицъ, разъѣзжающихъ съ товарами по всему району кочевыхъ стойбищъ обдорскихъ инородцевъ. Среди этихъ лицъ, знающихъ чуть не поименно всѣхъ инородцевъ края, не нашлось никого, кто бы слышалъ что-нибудь о неизвѣстномъ племени съ неизвѣстнымъ языкомъ.

Бывшій въ Обдорскѣ въ 1898—99 гг. членъ венгерской экспедиціи графа Зичи Іосифъ Папай высказывалъ предположеніе, что названіе, приведенное проф. Якобіемъ, произведено отъ словъ: *піяхъ*—народъ и *ньюхось*—соболь: что *Няхъ-самаръ-яхъ*—это названіе группы самоѣдовъ, — *соболиные* самоѣды или самоѣды, живущіе въ районѣ соболя [1]). Вѣроятно, проф. Якобій встрѣтился съ группой инородцевъ—самоѣдовъ или остяковъ—которые назвали себя Няхъ-самаръ-яхъ, какъ миссіонерамъ приходилось встрѣчать инородцевъ, называвшихъ себя піано-хазово. Послѣдніе, судя по словопроизношенію, самоѣды, причисленные по платежу ясака къ Обдорской волости; первые же, вѣроятно, принадлежатъ къ обсамоѣдившимся остякамъ. Проф. А. И. Якобій подымался по Надыму не далѣе 90 верстъ отъ устья. Мѣстность эта хорошо извѣстна почти каждому изъ обдорскихъ торговцевъ и миссіонеровъ. Проживающіе въ этой мѣстности остяки говорятъ по-самоѣдски. Заселеніе Надыма остяками должно быть отнесено, вѣроятно, къ 1841 году, — времени набѣга на Обдорскъ самоѣдовъ съ Ваули во главѣ. Вѣсть о подготовлявшемся нашествіи съ большой быстротой распространилась по Березовскому уѣзду и достигла Казымской волости. Казым-

[5]) Ежегодникъ Тобольск. Губ. Музея, 1902, в. XII. Хроника Губ. Муз. за 1899 г.

скіе остяки, знавшіе по преданіямъ о набѣгахъ самоѣдовъ въ XVIII столѣтіи, перекочевали тогда вверхъ по Казыму, верховья котораго почти соприкасаются съ верховьями Надыма. Языкъ мѣстныхъ надымскихъ самоѣдовъ оказалъ вліяніе на языкъ остяковъ. А такъ какъ казымскіе остяки говорятъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ остяцкаго обдорскаго, то смѣшанный языкъ ихъ и не могъ быть хорошо понятенъ толмачу проф. Якобія, знавшему остяцкое обдорское нарѣчіе и не вполнѣ—самоѣдскій языкъ.

Я долженъ еще прибавить, что мой переводчикъ Г. П. Кудринъ, хорошо владѣющій и остяцкимъ языкомъ, названіе Нях-самаръ-яхъ производилъ отъ словъ *нялсамъ*—чищенный и *оръялъ*—самоѣды (по-остяцки)—т.-е. *самоѣды, чистящіе рыбу*. По его мнѣнію, Няхъ-самаръ-яхъ или, вѣрнѣе, *Нялсамъ-оръялъ*—это родъ юраковъ, зашедшихъ съ Тазовской губы. Самоѣды называли ихъ *пя́данъ-ха́зеу*—лѣсными самоѣдами.

ГЛАВА X.

Оленеводство Тобольской губерніи [1]).

Во время продолжительнаго пути черезъ тундры Ямала я старался по мѣрѣ возможности присмотрѣться къ условіямъ самоѣдскаго оленеводства, съ которымъ былъ я уже нѣсколько знакомъ по прежнимъ поѣздкамъ въ Архангельскую губернію. Оленеводство нужно считать основою благосостоянія кочевого населенія тундры, но оно распространено въ Тобольской губерніи, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, также и въ сѣверной части области тайги. Подавляющее большинство оленьихъ стадъ находится въ рукахъ самоѣдовъ и зырянъ. Въ полосѣ тундръ, прилегающихъ къ Ледовитому океану, оленеводство имѣетъ большое государственное значеніе не потому только, что позволяетъ использовать пастбища тундры, но главнымъ образомъ потому, что обезпечиваетъ сколько-нибудь замѣтную населенность обширныхъ сѣверныхъ пустынь и возможность сношеній по сухому пути съ любыми точками сѣверной береговой линіи имперіи.

Для опредѣленія размѣровъ оленеводства Тобольской губерніи я могу привести за 1908 годъ, пользуясь различными источниками, слѣдующія цифры. По отчетамъ Березовскаго

[1]) Изложенный въ этой главѣ матеріалъ вошелъ отчасти въ мою работу: „Сѣверный олень, какъ домашнее животное“ (Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, 1909, іюнь).

исправника А. Н. Ямзина, мѣстнаго старожила и хорошаго знатока края, общее число оленей по Березовскому уѣзду достигаетъ цифры 436.000 головъ. Именно въ этомъ уѣздѣ, самомъ сѣверномъ въ Тобольской губерніи, разводится подавляющее большинство оленей, такъ какъ въ предѣлахъ Березовскаго уѣзда находятся Каменная и часть Низовой тундры.

Нѣсколько меньшей цифрой опредѣлялъ на основаніи собранныхъ имъ опросныхъ свѣдѣній численность оленей въ Березовскомъ уѣздѣ податной инспекторъ въ г. Березовѣ Ѳ. И. Пугачевскій, любезности котораго я и обязанъ этими свѣдѣніями. Установленныя имъ цифры количества оленей по волостямъ Березовскаго уѣзда таковы:

Въ Обдорскихъ волостяхъ.

„ Русской	1000	головъ.
„ Остяцкой	90100	„
„ Самоѣдской	155900	„
Всего . . .	247000	головъ.

Въ Березовской городовой . .	230	головъ.
„ Котской	23	„
„ Куноватской.	7350	„
„ Казымской	2443	„
„ Ляпинской	9544	„
„ Подгородной	445	„
„ Сосвинской	4369	„
Всего	24404	головы.

Всего по уѣзду около 271.000 головъ.

Въ подсчетъ этотъ не вошли, повидимому, зырянскія стада, такъ какъ кочевые зыряне-оленеводы не входятъ въ составъ коренного населенія Березовскаго края. Это выходцы изъ Печорскаго уѣзда, занимающіе своими кочевьями склоны сѣвернаго Урала, доходя зимою до Оби и даже до Надыма. Труд-

ность подсчета здѣсь, въ Тобольской губерніи, гораздо значительнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Архангельской, и большой процентъ оленей легко можетъ быть не зарегистрированъ. Изъ Низовой тундры многіе самоѣды (а стада низовыхъ остяковъ и самоѣдовъ велики) тяготѣютъ къ Туруханску, никогда не появляясь въ Обдорскѣ; точно также и многіе изъ оленеводовъ Сургутскаго уѣзда, какъ мнѣ приходилось слышать, вывозятъ промыслы на Туруханскъ.

Собранныя Э. И. Пугачевскимъ цифры даютъ представленіе также о той количественной разницѣ, которую даетъ сравненіе тундроваго оленеводства съ оленеводствомъ зоны урмановъ (высокоствольныхъ лѣсовъ). По оленеводству лѣсной полосы Тобольской губерніи интересныя и болѣе подробныя данныя собраны А. А. Дунинымъ-Горкавичемъ [1]).

„Хотя оленеводство — говоритъ А. А. Дунинъ-Горкавичъ — распространено далеко на югъ до Сургутской Оби (61° с. ш.) и даже переходитъ за Обь (исключительно по рѣкѣ Югану), но въ этой южной зонѣ оно развито въ малой степени и служитъ лишь для удовлетворенія насущныхъ нуждъ мѣстныхъ жителей“.

„Обитатели этой второй зоны, по сравненію съ полярными самоѣдами, осѣдлы: олени пасутся и лѣто и зиму на однихъ мѣстахъ въ окрестностяхъ жилья. Развитіе здѣсь оленеводства невозможно и крайне затруднительно за неимѣніемъ удобныхъ мѣстъ для пастбищъ: мѣста лѣсистыя, а въ нихъ оводъ, мошка и комаръ, досаждающіе оленю; почему въ лѣтнее время олени пасутся ночью у рѣчекъ, гдѣ прохладно и не бываетъ овода; по утру же, обезпокоенные оводомъ, они собираются къ кочевью, гдѣ для нихъ устроенъ бревенчатый пригонъ, покрытый рѣдко жердями; въ пригонѣ этомъ зажигаютъ курево (мохъ, хвоя и гнилье), дымъ спасаетъ оленей отъ овода, а крыша защищаетъ отъ солнца“.

---

[1]) Тобольскій Сѣверъ. СПБ. 1904 г.

Оленеводство въ лѣсной полосѣ носитъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ тундрѣ. Вмѣсто стадъ во многія сотни, иногда тысячи головъ, здѣсь отдѣльные хозяева держатъ по 10—20 оленей, необходимыхъ для передвиженія. Мнѣ приходилось слышать на нижней Оби, что болѣе значительное относительно количество оленей держатъ Казымскіе остяки, вообще выгодно отличающіеся отъ другихъ остяковъ и физически, и морально, и болѣе зажиточные. Въ ихъ стадахъ, какъ объ этомъ упоминаетъ и А. А. Дунинъ-Горкавичъ, олени очень крупны, и много такъ называемыхъ „авокъ" или „избенныхъ оленей", о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

На пространствѣ отъ Бѣлаго моря до Енисея нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ чуть не всѣ оленьи стада находились въ рукахъ исконныхъ оленщиковъ—самоѣдовъ. Но обстоятельства и ходъ культуры (существующій и въ тундрахъ) измѣнили съ тѣхъ поръ многое. Уже академикъ Лепехинъ въ описаніи своего путешествія по сѣверной Россіи, сдѣланнаго въ 1772 году, упоминаетъ о значительныхъ оленьихъ стадахъ зырянъ-ижемцевъ. За послѣднія 100 лѣтъ все большее и большее количество оленей переходило отъ прежнихъ владѣльцевъ-самоѣдовъ въ руки зырянъ и русскихъ. Въ настоящее время въ Большеземельской тундрѣ приблизительно 50% всѣхъ оленей находится въ рукахъ зырянъ, 20% у русскихъ и не болѣе 30% у самоѣдовъ. Еще быстрѣе, чѣмъ въ Большеземельской тундрѣ, уходятъ олени изъ рукъ самоѣдовъ въ Тиманской и Канинской тундрахъ, въ общемъ, пожалуй, болѣе доступныхъ для русскихъ торговцевъ и для русской водки. Въ сѣверныхъ тундрахъ Тобольской губерніи самоѣды находятся относительно въ гораздо лучшемъ положеніи, такъ какъ ни зыряне, ни русскіе въ глубину этихъ обширныхъ тундръ донынѣ еще не прошли.

Въ настоящее время зырянскія стада проникаютъ (несмотря на нѣкоторыя препятствія, которыя мѣстами ставитъ зырянамъ администрація) на западъ до Канинской земли (мнѣ пришлось

въ 1902 году встрѣтить ижемцевъ въ глубинѣ Канинской тундры на рѣкѣ Чёшѣ), на востокъ—черезъ Уралъ до Оби и Надыма, и всюду, куда проникаютъ зыряне, оленеводство постепенно переходитъ въ ихъ руки. Самоѣдовъ побѣждаютъ они по праву людей болѣе сильныхъ и одаренныхъ и обыкновенно болѣе трудолюбивыхъ. Къ тому же они нерѣдко совершенно свободны и отъ морали и при устройствѣ своихъ дѣлъ умѣютъ итти прямо къ цѣли. Русскіе не могутъ конкурировать съ зырянами, не будучи способны такъ, какъ тѣ, къ кочевой жизни въ тундрѣ. Однако и русскіе въ нѣкоторыхъ областяхъ тундръ владѣютъ значительными стадами, которыхъ, однако, не пасутъ лично, а поручаютъ пастухамъ-самоѣдамъ. Такъ, напримѣръ, на островѣ Колгуевѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ пасущихся тамъ оленей болѣе трехъ четвертей принадлежитъ пустозерамъ. Въ Тобольской губерніи русскимъ принадлежитъ сравнительно ничтожное количество оленей: мало оленей и у лѣсныхъ остяковъ. Только немногіе остяки — и почти исключительно живущіе по-самоѣдски въ глубинѣ тундры и отчасти осамоѣдившіеся—владѣютъ большими стадами.

Между самоѣдскимъ и зырянскимъ оленеводствомъ есть существенная разница. Самоѣдъ прежде всего любитель оленя, что называется „охотникъ". Владѣлецъ большого стада въ большинствѣ случаевъ почти не бьетъ оленей на продажу, ограничиваясь убоемъ столькихъ головъ въ годъ, сколько необходимо ему для пищи и платья. Не убиваютъ также и „пѣшекъ" (новорожденныхъ оленей-пыжиковъ, мѣхъ которыхъ идетъ на выдѣлку шапокъ, мѣховыхъ чулокъ и т. п.), такъ что шкуры этихъ послѣднихъ, поступающія отъ самоѣдовъ на рынки, принадлежатъ, главнымъ образомъ, животнымъ, погибшимъ отъ случайныхъ причинъ — чаще всего замерзшимъ во время позднихъ весеннихъ бурановъ, совпадающихъ со временемъ рожденія пѣшки. Хорошій хозяинъ-самоѣдъ постоянно стремится къ увеличенію своего стада. Стадо — его гордость и слава, и оно растетъ обыкновенно рядъ лѣтъ, пока взрывъ

„холеры“ (сибирской язвы) или копытной болѣзни не сократитъ его на добрую половину. Стоящій со своими стадами въ глубинѣ тундры богатый самоѣдъ проводитъ часто много времени среди стада, даже когда не требуется караула, или для этого достаточно работниковъ. „Хозяинъ *въ оленяхъ*“ —отвѣтятъ вамъ часто въ чуму на вопросъ, гдѣ хозяинъ. Для почетнаго гостя исправный самоѣдъ не постѣснится заколоть оленя, но продаетъ неохотно. Мнѣ передавали такой разговоръ. „Продай оленя“.—Нѣтъ продажныхъ.—„Что не берешь денегъ? Купишь вина“.—Я виномъ запасся.—„Купишь чего бабамъ, или песцовъ на калымъ“. — У меня песцовъ двѣ нарты. — „У тебя оленей три тысячи—куда бережешь“. — Олени ходятъ, я на нихъ смотрю, а деньги спрячешь,—не видно.

Самое большое несчастіе, которое вообще можетъ выпасть на долю самоѣда, это потеря всего стада. Каждый самоѣдъ, отъ эпизоотіи или иной причины потерявшій оленей (если только онъ не опустится отъ пьянства), старается вновь положить основаніе стаду. Обыкновенно, по крайней мѣрѣ въ Тобольской тундрѣ, даже парни-работники, нанимающіеся пастухами въ стада богатыхъ самоѣдовъ, заводятъ себѣ нѣсколько головъ оленей (чаще всего получая ихъ вмѣсто платы деньгами), которыхъ и держатъ или въ стадѣ хозяина, или у своихъ родственниковъ. Зажиточные самоѣды имѣютъ по нѣскольку сотъ головъ, — количество, уже хорошо обезпечивающее хозяина. Богачи владѣютъ стадами въ нѣсколько тысячъ головъ. Такъ на полуостровѣ Ямалѣ я встрѣтилъ нѣсколько стадъ численностью въ 4 и 5.000 головъ, несмотря на то, что два года передъ этимъ стада страдали отъ падежей. Такія же большія стада есть въ Тазовской тундрѣ.

Самоѣды цѣнятъ животныхъ съ особенно быстрымъ бѣгомъ, хорошо выѣзжанныхъ „передовыхъ“, также бѣлыхъ и пестрыхъ оленей, изъ которыхъ первые даютъ особенно цѣнимый бѣлый мѣхъ для „совиковъ“ или „гусей“ (платье шерстью вверхъ), вторые очень цѣнятся въ упряжкѣ. Въ

большихъ стадахъ выѣзжаютъ въ упряжи обыкновенно немного оленей; остальными только любуется хозяинъ.

Зыряне относятся къ своимъ стадамъ болѣе практично. Они вводятъ правильный убой молодыхъ оленей на мѣхъ, а взрослыхъ на шкуру и мясо; полнѣе используютъ силы оленей, какъ упряжныхъ животныхъ, годныхъ для перевозки товаровъ; и вообще стремятся извлекать изъ своихъ стадъ возможно большій доходъ и превращать излишній приростъ стадъ въ деньги. Поэтому зырянское оленеводство сравнительно болѣе способно переживать такія катастрофы, какими являются, напримѣръ, падежи отъ сибирской язвы.

Въ жизни стадъ большое значеніе имѣетъ періодъ отела самокъ. Періодъ этотъ значительно растягивается, причемъ начало его падаетъ приблизительно на средину апрѣля, конецъ— на вторую половину и даже конецъ мая. Въ сѣверныхъ областяхъ тундры дикіе олени, по словамъ самоѣдовъ, въ общемъ телятся нѣсколько позже домашнихъ. Во время пребыванія моего на Ямалѣ къ 15-му мая въ большинствѣ стадъ важенки кончали телиться.

Новорожденный олень носитъ названіе *пѣшка* въ сѣверозападной Сибири и *пыжикъ* въ европейскихъ тундрахъ (у Каменныхъ самоѣдовъ — *сую*; по Шренку большеземельскіе самоѣды то же слово произносятъ *суhи*). Новорожденная пѣшка почти сейчасъ же можетъ слѣдовать за матерью. Болѣе обыкновенный цвѣтъ ея—темнокоричневый, иногда свѣтло-коричневый, рѣдко бѣлый. Мягкая и мало плотная шерсть пѣшки сильно отличается отъ шерсти взрослаго оленя. Шкурка ея идетъ главнымъ образомъ на приготовленіе *треуховъ* для малицъ и зырянскихъ шапокъ. Средняя цѣна такой шкурки равняется двумъ рублямъ. Къ августу мѣсяцу, т. е. къ трехмѣсячному возрасту, пѣшка мѣняетъ шерсть на болѣе короткую и плотную и называется въ этомъ возрастѣ *неплюй*. Шкура неплюя идетъ на изготовленіе малицъ и гусей (совиковъ), а также дохъ и также носитъ названіе *доховою* или *маличнаго неплюя (мали-*

ценюба у тобольскихъ самоѣдовъ). Цѣна хорошей шкуры неплюя въ 1908 году въ Обдорскѣ была 3 р. 50 к. за штуку. Къ зимѣ олень вырастаетъ (случается иногда, что самцы покрываютъ самокъ въ шестимѣсячномъ возрастѣ), причемъ шерсть его грубѣетъ. Шкура вполнѣ взрослаго и стараго оленя называется „постелью", идетъ на постилку въ чумахъ, укупорку возовъ, выдѣлку замши и изготовленіе гусей низшаго сорта. Въ годовомъ возрастѣ, а иногда и позже, оленя, назначеннаго для ѣзды, кастрируютъ.

Взрослый кастрированный олень-самецъ называется у русскихъ *быкъ*, по самоѣдски *хаптъ*. (Шренкъ для большеземельской тундры приводитъ соотвѣтственное названіе „хааптъ", но въ произношеніи этого слова Каменными самоѣдами мнѣ не удавалось уловить удвоеннаго *а*). Племенной взрослый олень носитъ у самоѣдовъ названіе *хора*, и названіе это перешло и къ тобольскимъ русскимъ, нерѣдко его употребляющимъ. Взрослая самка называется *важенка*, по-самоѣдски *яһадэй*.

Кромѣ этихъ основныхъ названій существуетъ нѣсколько дополнительныхъ. Такъ важенку одного года русскіе обыкновенно называютъ *сырица*, самца по второму году въ Большеземельской тундрѣ зовутъ *лончакъ* (отъ слова *лони*, *лонись*— въ прошломъ году; въ Тобольской губерніи я этого выраженія не слышалъ). Самоѣды обозначаютъ иногда возрастъ самцовъ словами приставными къ слову хора: такъ двухлѣтняго племенного самца называютъ *сидясь-хора*, трехлѣтняго—*няранъ-хора*. Слово *хаптерка* обозначаетъ важенку, которая не телится. *Менорузями* (самоѣдское слово *меноруй*) и самоѣды, и русскіе называютъ быковъ, которыхъ никогда не запрягаютъ. Въ большихъ стадахъ самоѣдовъ такихъ меноруевъ бываетъ очень много, и они составляютъ главную красу стада. Отъѣдаются они, конечно, гораздо лучше упряжныхъ оленей, и ихъ потому самоѣды бьютъ на ѣду.

По цвѣту шерсти домашніе олени мало отличаются отъ дикихъ. Зимою окраска ихъ шерсти свѣтлѣе, лѣтомъ болѣе

темнаго, сѣраго цвѣта. Линька весною совпадаетъ приблизительно съ таяніемъ снѣга; въ это время, въ особенности на худыхъ оленяхъ, шерсть виситъ клочьями. Въ большихъ стадахъ на Ямалѣ я почти не видѣлъ совершенно бѣлыхъ и пестрыхъ оленей,—стада очень однообразны по цвѣту. Качество шерсти оленя приспособлено въ высокой степени для сопротивленія холоду. Волосы шерсти грубы и ломки, но сидятъ очень плотно, а сердцевинныя клѣтки ихъ, наполненныя воздухомъ, играютъ при сохраненіи тепла, вѣроятно, такую же роль, какъ слои воздуха, лежащіе между нѣжными волосами пуха пушныхъ звѣрей. Зимняя шерсть оленя такъ плотна, что при нажиманіи рукой сопротивляется, точно гуттаперча, а на оленьей шкурѣ, положенной поверхъ мелкихъ камней или на кочковатую поверхность сухой почвы, можно лежать, какъ на тюфякѣ, не ощущая неровностей, находящихся подъ шкурой.

Совершенство строенія мѣхового покрова дѣлаетъ для оленя возможнымъ существованіе подъ всѣми широтами крайняго сѣвера. Не говоря о низкой температурѣ, даже въ сильные бураны олени, повидимому, не страдаютъ отъ холода и перестаютъ пастись и даже жмутся иногда къ чумамъ и нартамъ только въ томъ случаѣ, если бушующая на просторѣ тундры буря уже слишкомъ сильно сѣчетъ сухимъ снѣгомъ. Только новорожденныя пѣшки не выдерживаютъ сильныхъ и продолжительныхъ снѣжныхъ бурь и пропадаютъ иногда въ большомъ количествѣ. Поэтому Каменные самоѣды поздніе весенніе, совпадающіе съ отеломъ важенокъ, бураны называютъ „пѣшечьими“.

Рога у пѣшекъ появляются очень рано, становясь замѣтными уже въ мѣсячномъ возрастѣ. У взрослыхъ оленей рога достигаютъ сильнаго развитія и притомъ обыкновенно хорошо развиты и у кастрированныхъ быковъ, и у важенокъ, у которыхъ они лишь производятъ впечатлѣніе образованій болѣе легкихъ и стройныхъ (какъ и сама важенка кажется нѣсколько легче и стройнѣе хора и быка). Сбрасываютъ рога домашніе

олени въ очень различное время,—болѣе упитанные и крѣпкіе олени раньше и раньше же развиваютъ новые; болѣе слабые и худые позже. Въ стадѣ экспедиціи въ концѣ марта нѣкоторая часть быковъ была уже безъ роговъ, другіе носили еще одинъ или оба рога. Въ половинѣ апрѣля у отдѣльныхъ крѣпкихъ быковъ развились уже новые рога въ вершокъ величиною. Нѣкоторые же болѣе слабые олени носили старые рога еще въ маѣ. У старой дикой важенки, стельной и убитой 28-го мая, были старые, очень небольшіе по размѣрамъ рога. Рѣзкая довольно разница между рогами быковъ и рогами племенныхъ животныхъ сказывается по отношенію къ одѣтой шерстью кожѣ, покрывающей рога. Между тѣмъ какъ хоры и важенки, какъ только затвердѣетъ выросшій рогъ, быстро обтираютъ этотъ шерстистый покровъ, у быковъ онъ держится въ болѣе или менѣе сохранившемся видѣ до времени сбрасыванія роговъ, иногда еще покрывая почти весь рогъ, иногда сохранившись только въ видѣ остатковъ. Племенные самцы сбрасываютъ рога всегда раньше быковъ. Во время роста молодыхъ роговъ они сильно кровоточатъ при порѣзѣ или случайномъ поврежденіи. И самоѣды и русскіе охотно употребляютъ ихъ это время въ пищу въ сыромъ и жареномъ видѣ, и я могу засвидѣтельствовать по опыту, что молодые рога дѣйствительно представляютъ собою очень недурное блюдо. Зыряне нерѣдко обрѣзываютъ растущіе рога у оленей, назначенныхъ на убой, такъ какъ по ихъ теоретически вполнѣ справедливому замѣчанію безрогіе олени быстрѣе отъѣдаются и дѣлаются жирнѣе. У оленей, ходящихъ въ упряжкѣ, рога иногда подрѣзаютъ, такъ какъ, идя рядомъ, они путаются рогами. Бывшіе со мною въ экспедиціи самоѣды обыкновенно возражали противъ такого пріема, отчасти несомнѣнно изъ эстетическихъ побужденій, увѣряя, что олени дѣлаются некрасивыми,—отчасти оттого, что по рогамъ легче узнавать оленей при выборѣ очередныхъ животныхъ для запряжки. Интересно отмѣтить, что рога часто мѣшаютъ оленю во время откапыванія изъ подъ снѣга ягеля,

такъ какъ, просовывая голову въ сдѣланную яму, онъ передними отростками роговъ осыпаетъ снѣгъ съ краевъ ямы.

При внѣшнемъ сходствѣ рога самокъ, самцовъ и кастрированныхъ оленей, однако, несходны по качеству матеріала, изъ котораго рогъ выстроенъ. Самоѣды, употребляющіе рогъ оленя на различныя подѣлки (ручки ножей, части упряжи и т. п.), отлично различаютъ рога различныхъ животныхъ. Лучшіе по качеству костяного вещества рога имѣютъ дикіе олени; за ними по качеству стоятъ рога хора, хаптерки и, наконецъ, важенки. Быки имѣютъ рога, мало пригодные для подѣлокъ, такъ какъ въ центрѣ рога быка обыкновенно находится замѣтный каналъ, окруженный пластами очень рыхлой костной массы. Форма роговъ отдѣльныхъ животныхъ довольно измѣнчива и гораздо менѣе правильна, нежели въ группѣ благородныхъ оленей. Такъ называемый „гребень" (глазной отростокъ) часто достигаетъ большого размѣра и развиваетъ широкую лопату, но въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ вовсе отсутствовать. Лопата на концахъ роговъ развивается различно у разныхъ оленей: въ общемъ она развита сильнѣе у болѣе старыхъ экземпляровъ. Картина роста молодыхъ роговъ часто представляетъ сильныя уклоненія отъ обычной схемы развитія роговъ у оленей. У нѣкоторыхъ оленей, дѣйствительно, выростаютъ сначала прямые стволы „спичака", смѣняющіеся вилкой, т. е. рогомъ съ однимъ боковымъ отросткомъ, и вообще отростки развиваются въ привычной постепенности. Но бываетъ, что мягкая шишка, появляющаяся на мѣстѣ развитія будущихъ роговъ, превращается какъ бы въ розетку, несущую зачатки будущихъ отростковъ. Часто это бываетъ слѣдствіемъ случайныхъ поврежденій шишки. При сбрасываніи роговъ—въ особенности если ихъ отломить нѣсколько раньше времени, что случается очень часто, когда оленей для запряжки ловятъ за рога—поверхность черепного пенька иногда нѣсколько кровоточитъ и всегда оказывается

покрытой зеленоватымъ нагноеніемъ: спадающій рогъ предварительно какъ бы отбаливаетъ.

Домашній олень живетъ лѣтъ до 15, отдѣльные экземпляры, по словамъ самоѣдовъ, и до 20. Оплодотвореніе самокъ происходитъ въ среднемъ въ теченіе сентября мѣсяца. Такъ какъ къ этому времени племенные самцы становятся драчливы, быки также часто безпокоятся, то самоѣды въ тундрахъ сѣверозападной Сибири часто еще задолго до этого времени, уже съ весны, раздѣляютъ стада на племенное, въ составъ котораго входятъ самцы — хора, важенки, прошлогодніе телята, ходящіе въ это время обыкновенно еще за матерями, и пѣшки этого года; и стадо, состоящее изъ быковъ—ѣздовыхъ и менонруевъ. Для обозначенія стада перваго состава Обдорскіе русскіе употребляютъ названіе „мелкій скотъ“, для второго „крупный скотъ“. Всего чаще и правильнѣе дѣлятъ свои стада тѣ изъ самоѣдовъ, кочевыя мѣста которыхъ лежатъ вблизи морскихъ береговъ. На Ямалѣ, по побережью Карскаго моря, пролива Малыгина, а мѣстами и по берегамъ Обской губы, лежатъ низменныя сравнительно тундры, лишенныя ягеля. Поэтому, пока лежитъ снѣгъ и стоитъ зима, эти области тундры пустынны; когда же появляются проталины, и олени начинаютъ подкармливаться свѣжею зеленью, промышленники подходятъ къ морскимъ берегамъ, имѣя съ собою лишь ѣздовыхъ быковъ, а мелкій скотъ, подъ надзоромъ другихъ членовъ семьи, оставляютъ на ягельныхъ пастбищахъ въ глубинѣ полуострова.

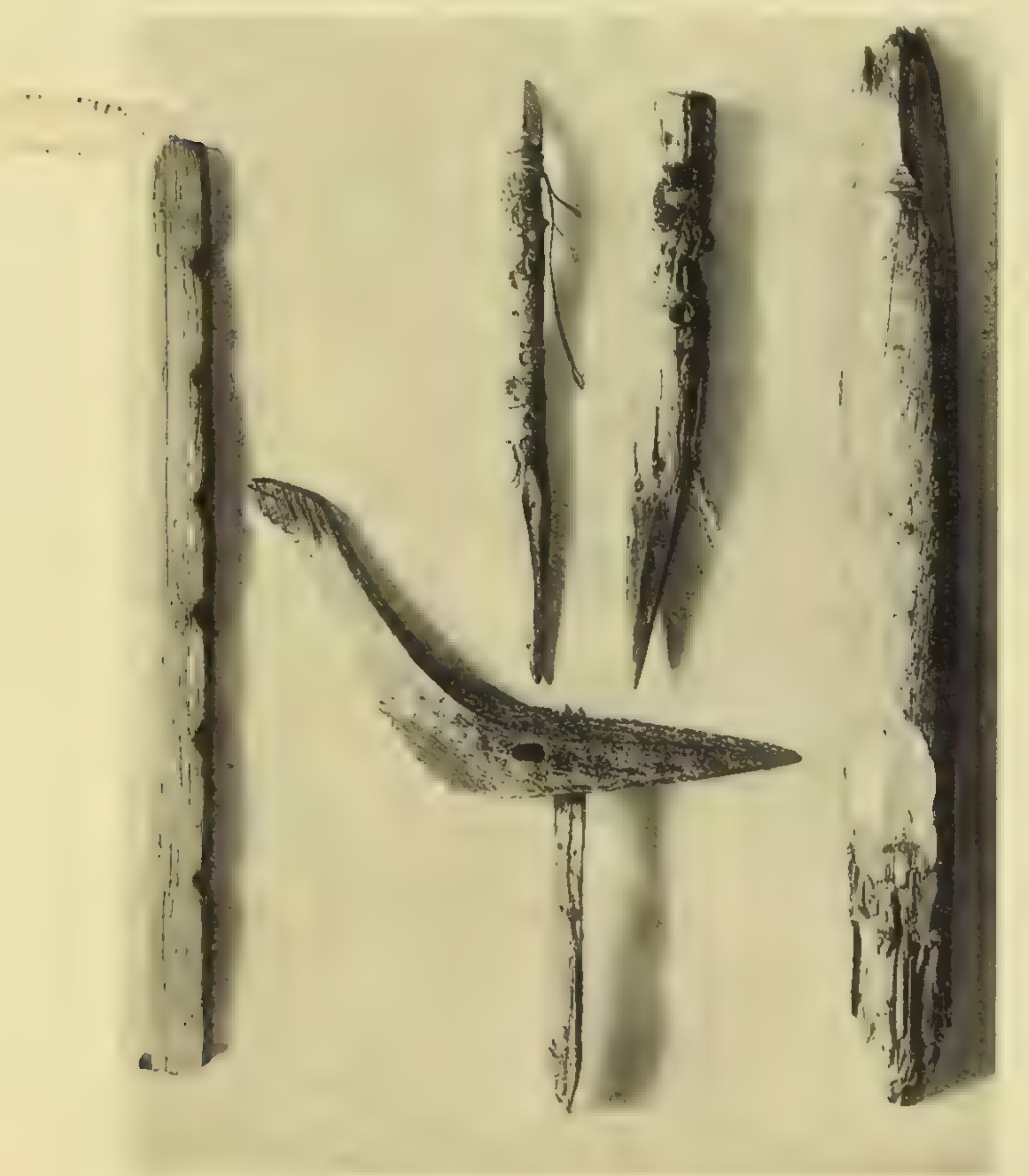
Составъ самоѣдскихъ стадъ, по относительному количеству важенокъ, ѣздовыхъ быковъ и менонруевъ, довольно разнообразенъ. Составъ этотъ легко измѣняется отъ падежей, потери пѣшекъ отъ бурановъ во время отела и большихъ или меньшихъ средствъ хозяина—въ смыслѣ въ особенности количества рабочихъ или членовъ семьи, нужнаго для пріученія къ упряжкѣ и выѣздки быковъ. Племенныхъ оленей (хора) держатъ обыкновенно 6—7 головъ на каждую сотню важенокъ. У зырянъ относительное количество животныхъ и абсолютная ве-

личина стада регулируются. Шренкъ для Большеземельской тундры приводитъ такое соотношеніе: въ стадѣ численностью въ 1,000 головъ нужно считать приблизительно около 1/3 всего числа оленей, именно 350 головъ, важенокъ; на каждую сотню важенокъ 4 племенныхъ оленя и еще нѣсколько головъ въ запасъ; около 100 головъ ѣздовыхъ быковъ; отъ 150 до 200 быковъ, назначенныхъ для закола и продажи, остальное— молодыя животныя. При благополучномъ ходѣ дѣла такое стадо въ 1,000 головъ будетъ имѣть ежегоднаго приплода по крайней мѣрѣ около 250 головъ или 25%. Поэтому при поступленіи въ продажу 200 головъ или 20% стадо, давая 20% дохода, будетъ все еще непрерывно возрастать.

Разсчетъ этотъ показываетъ высокую доходность оленеводства. Необходимо прибавить, однако, что для благополучнаго теченія дѣлъ и здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, требуется прежде всего зоркій и заботливый глазъ хозяина. Русскіе въ сѣверныхъ городкахъ и селахъ Архангельской губерніи и Западной Сибири нерѣдко держатъ въ тундрѣ небольшія стада, ввѣренныя надзору пастуховъ изъ самоѣдовъ или соединенныя съ самоѣдскими стадами. Въ большинствѣ случаевъ тутъ дѣло идетъ ни шатко, ни валко, и олени не торопятся обогощать своего хозяина.

Зимой на ровной территоріи тундры и особенно по холмамъ снѣгъ сдирается вѣтрами, и ягель иногда бываетъ на виду, и во всякомъ случаѣ докопаться до него не трудно. По низкимъ мѣстамъ и въ полосѣ лѣсовъ оленю работы больше, но при мягкомъ снѣгѣ стадо все же безъ труда достаетъ кормъ. Опасна для стадъ твердая снѣжная корка или гололедица, обволакивающая поверхность пастбища тонкимъ слоемъ льда. Тутъ олень легко разбиваетъ себѣ копыта, слабѣетъ отъ безкормицы и отказывается работать. При движеніи чума самоѣда, идущаго въ дальнюю перекочевку, стадо идетъ вблизи обоза изъ многихъ нартъ, на которыхъ сложено все имущество семьи, не исключая и переноснаго жилища—чума, и которыя

Игрушки самоѣдскихъ дѣтей. 1. Тройка оленей, запряженная въ нарту. 2, 3 и 4. Куклы. 5. Люлька.



Сядаи (деревянные идолы) съ различныхъ жертвенныхъ мѣстъ на Ямалѣ (уменьшено приблизительно въ 6 разъ).

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко. Москва.

запряжены упряжными быками. Особые пастухи на нартахъ гонятъ оленей, которые иногда пріостанавливаются и кормятся по дорогѣ. Послѣ остановки чума на ночлегъ стадо разбредается по ближайшей части тундры, все время находясь, однако, подъ надзоромъ одного или двухъ караульщиковъ. Олень довольно быстро наѣдается, и затѣмъ стадо ложится. Но и тутъ оно не можетъ остаться безъ надзора. Зимой всюду въ тундрѣ и особенно въ чертѣ или вблизи границъ криволѣсья стаду угрожаютъ волки. Объ опасности нападенія волковъ, которые могутъ разогнать стадо, равно и о стремленіи оленей бѣжать отъ нападеній комаровъ мнѣ уже приходилось говорить выше.

Густая шерсть спасаетъ оленей отъ нападенія комаровъ только въ области туловища; но болѣе нѣжныя и менѣе одѣтыя части головы и морды—части около глазъ, носъ, губы, уши—доступны укусамъ. Въ жаркіе и тихіе дни, когда туча комаровъ окутываетъ каждое изъ животныхъ и столбомъ колышется надъ ними, олени страдаютъ очень сильно. Особенно сильно облѣпляютъ и мучаютъ комары уставшихъ или почему-нибудь ослабѣвшихъ оленей, которые уже слабѣе начинаютъ отбиваться и отмахиваться движеніями головы и ногъ. Потерявъ силы, такой олень лежитъ иногда уже безпомощно и неподвижно, а комары сплошной сѣрой пеленой покрываютъ его морду и голову и пятнами собираются на различныхъ частяхъ туловища. Сколько-нибудь свѣжій вѣтеръ, отдувая поднимающихся съ земли комаровъ, спасаетъ въ тундрѣ и людей и животныхъ отъ сильныхъ мученій. Если совсѣмъ тихо, то въ теплую погоду стадо сильно страдаетъ и не находитъ себѣ мѣста, но положеніе еще не такъ трудно, такъ какъ оленей легче удержать на мѣстѣ. Если же дуетъ небольшой вѣтеръ, нерѣдко поднимающійся въ жаркіе лѣтніе дни, то положеніе бываетъ гораздо труднѣе. Олени замѣчаютъ, конечно, что при движеніи противъ вѣтра послѣдній отдуваетъ комаровъ, и стараются поэтому обыкновенно бѣжать на вѣтеръ, въ одномъ направленіи, часто развивая постепенно все большую скорость бѣга.

Тогда требуется полное искусство, бдительность, а иногда и исключительная выносливость со стороны пастуховъ и сопровождающихъ стадо собакъ, чтобы, безпрерывно обгоняя стадо и заворачивая его назадъ, заставлять его кружиться на одной небольшой территоріи, постоянно повторяя одинъ и тотъ же путь. Иначе стадо можетъ убѣжать по прямой линіи на многія десятки верстъ.

Такое же паническое бѣгство со стороны стада могутъ вызвать и овода, кружащіеся съ жужжаніемъ надъ оленями. Животныя сильно боятся этихъ мучителей, укусъ которыхъ, видимо, очень болѣзненъ, и личинки которыхъ, проникая подъ кожу оленя, къ веснѣ обыкновенно портятъ шкуру животнаго, которая въ области хребта бываетъ продырявлена большимъ количествомъ довольно крупныхъ отверстій.

Возможность бѣгства въ „комариное время" стада, которое въ лучшемъ случаѣ придется искать нѣсколько дней, дѣлаетъ жаркіе дни во время путешествія въ тундрѣ довольно опасными. Если же стадо и не убѣгаетъ, и легко удерживается на мѣстѣ, все же олени во время комаровъ сильно истощаются, дѣлаются мало способными къ работѣ и легко поддающимися заболѣваніямъ. Комары и овода являются одною изъ побудительнѣйшихъ причинъ, заставляющею ежегодно перегонять стада на лѣто возможно дальше къ сѣверу.

Позднимъ лѣтомъ пастьбу оленей часто затрудняетъ обиліе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тундры грибовъ. Олени очень любятъ ихъ и въ поискахъ за грибами широко разбредаются и часто бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто — „гоняютъ за грибомъ", какъ говорятъ въ Обдорскомъ краѣ. Обыкновенно олень не пропускаетъ также случая поднять и съѣсть мертваго лемминга, а иногда поймать и живого.

Стадность оленей, вредная при различныхъ случайностяхъ, вызывающихъ панику стада, полезна въ то же время при пастьбѣ. При обычномъ теченіи дѣлъ олени довольно дружно держатся вмѣстѣ, не разбредаются очень широко, и вслѣд-

ствіе этого слѣдить за стадомъ не чрезмѣрно трудно. Бываетъ, конечно, что отдѣльные олени почему-нибудь отбиваются отъ стада, а иногда, собирая стадо, пастухи просмотрятъ нѣсколько головъ, которыя лягутъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ въ рытвинѣ или густомъ кустарникѣ ивы. Зимой легче провѣрить наличность всего стада при началѣ перекочевки—*касланіи*—путемъ объѣзда района, на которомъ паслось стадо. Если изъ круга, который объѣхалъ пастухъ, нѣтъ выходныхъ слѣдовъ, значитъ, все стадо въ сборѣ. Лѣтомъ терять оленей легче. Иногда отбивающіяся или забытыя животныя сами догоняютъ стадо, иногда ихъ приходится искать, въ чемъ самоѣды большіе мастера, отличаясь рѣдкой способностью разбирать слѣды животныхъ и людей даже на твердой поверхности сухой тундры. Замѣчательно, что инстинктъ свободы часто проявляется у важенокъ, когда онѣ телятся. Часто важенка съ пѣшкой пытается уйти отъ стада, такъ что стада въ періодъ отела нуждаются въ особенно тщательномъ надзорѣ. При отыскиваніи отбившихся животныхъ, которыя часто присоединяются къ встрѣтившемуся чужому чуму, самоѣдамъ-хозяевамъ помогаетъ ихъ поистинѣ удивительная способность знать „въ лицо“ всѣхъ или почти всѣхъ оленей своего стада. Люди, достойные довѣрія, разсказывали мнѣ случаи, когда оленеводъ узнавалъ своего оленя въ чужомъ стадѣ черезъ пять лѣтъ послѣ его пропажи. Пропавшаго оленя, конечно, не всегда удается найти. При несомнѣнной честности большинства оленеводовъ глубокой тундры, все же нѣкоторые, а пожалуй и многіе, не удерживаются отъ искушенія съѣсть зашедшаго въ ихъ стадо чужого оленя. Домашняго же оленя, который одиноко встрѣтится вдали отъ чумовъ, и котораго поймать, конечно, никогда не удастся, самоѣды обыкновенно стрѣляютъ изъ винтовки: обычное право разрѣшаетъ это, такъ какъ олень, окончательно отбившійся отъ стада хозяина и не приставшій къ чужому чуму, признается за res nullius. Кромѣ признаковъ внѣшняго вида—формы роговъ, морды и т. д., самоѣды узнаютъ своихъ

оленей и доказываютъ ихъ принадлежность по *тамгъ*—знаку, который выстригается, а иногда и выжигается, на шкурѣ (обыкновенно на передней лопаткѣ).

Чувствомъ стадности оленей пользуются также при переправахъ. Олени великолѣпно плаваютъ, и *переплавить* стадо даже, напримѣръ, черезъ Югорскій шаръ съ его быстрымъ теченіемъ не слишкомъ затруднительно. Чтобы стадо пошло въ воду, нужно заставить пойти впередъ нѣсколько оленей. При неширокой рѣкѣ четверку оленей привязываютъ на длинную веревку, конецъ которой перевозятъ на лодкѣ на противоположный берегъ, и заставляютъ оленей идти въ воду; за ними бросается все стадо. Если рѣка очень широка, передовыхъ оленей заставляютъ плыть за лодкой. Черезъ Югорскій шаръ, впрочемъ, какъ мнѣ разсказывали, плавятъ оленей партіями, на привязи за лодкой.

Самоѣды Ямала сообщали мнѣ о слѣдующемъ довольно любопытномъ фактѣ. Свойственная нормально дикимъ оленямъ привычка къ правильнымъ кочеваніямъ унаслѣдована до извѣстной степени и домашними. При большихъ перекочевкахъ весенней и осенней, стада охотно идутъ въ нужномъ направленіи—осенью на югъ, весною на сѣверъ. Но если по какой-нибудь причинѣ чумъ временно долженъ откочевать въ противоположномъ направленіи, то иногда бываетъ очень трудно заставить стадо пойти въ неподходящемъ по времени года направленіи, т.-е. къ сѣверу осенью и на югъ весною.

При пастьбѣ оленей и всѣхъ заботахъ о стадѣ очень большое значеніе у кочевниковъ имѣютъ собаки. Въ большинствѣ случаевъ роль пастушьихъ собакъ играютъ такъ называемыя оленьи лайки, собаки небольшого роста, бѣлаго цвѣта, со стоячими ушами и черными, очень выразительными глазами. Складомъ своимъ типичныя собаки мало отличаются отъ лѣсныхъ охотничьихъ лаекъ. Но далеко не всегда собаки, которыхъ держатъ при оленьихъ стадахъ въ тундрахъ Западной Сибири, типичны по признакамъ. На Ямалѣ я видѣлъ нерѣдко

собакъ съ шерстью и головой типичныхъ лаекъ, но очень коротконогихъ; попадаются также собаки съ темной шерстью и вообще болѣе похожія на лѣсныхъ охотничьихъ лаекъ. Присутствіе хорошихъ собакъ при стадѣ необходимо. Онѣ поднимаютъ тревогу при приближеніи волковъ или чужихъ людей—въ частности и воровъ оленей, которыхъ мѣстами много развелось въ тундрѣ — держатъ стадо въ сборѣ при перекочевкѣ чума, не давая оленямъ отбиваться, подгоняютъ отсталыхъ и т. д.

Хорошія собаки позволяютъ безъ труда собрать оленей къ чуму съ цѣлой большой площади, на которой пасется стадо. Есть такія, которыя дѣлаютъ это безъ помощи людей. Вышедшій изъ чума хозяинъ стада отдаетъ приказаніе, вслѣдъ за которымъ собаки уносятся въ тундру, иногда исчезая изъ глазъ. Черезъ 10—15 минутъ съ различныхъ сторонъ показываются косяки оленей, которые скачутъ къ чуму, подгоняемые собаками, лай которыхъ раздается со всѣхъ сторонъ. Безъ нужды собаки никогда не кусаютъ оленей, но если олень упорно отбивается въ сторону и не идетъ „въ неводъ“ (стадо, охваченное длинной веревкой, изъ котораго выбираютъ оленей нужныхъ для упряжки), то собака иногда хватаетъ его за ляжки и прокусываетъ до крови. Поэтому олени въ большинствѣ случаевъ повинуются собакамъ безпрекословно.

Хорошую собаку самоѣдъ не продастъ иногда и за 10—15 головъ оленей. Кромѣ сметливости и знанія своего дѣла, такая собака должна еще обладать нестомчивостью, чтобы въ жаркое „комарное“ время возможно дольше быть, если это необходимо, въ работѣ и вмѣстѣ съ пастухами кружить стадо, не давая ему возможности „пойти на вѣтеръ“. Конечно, не рѣдко бываютъ при стадахъ и безтолковыя собаки, отъ которыхъ помощи мало. Такихъ самоѣды чаще поворачиваютъ на шкуру, идущую на обшивку подоловъ женскихъ малицъ и ягушекъ.

Случаи кражи оленей изъ стадъ въ Большеземельской тундрѣ нерѣдки. Новосильцевъ въ своемъ очеркѣ „Больше-

земельская тундра и Ледовитый океанъ" [1]) указываетъ, что нерѣдки случаи, когда воры угоняли цѣлыя стада. „Воровъ находятъ, но они, бросивъ украденное стадо, удаляются внутрь тундры, куда за ними погоня и невозможна, и безполезна. Имена и фамиліи воровъ извѣстны и самоѣдамъ, и промышленникамъ, но поймать ихъ нѣтъ возможности, ибо они у селъ не появляются, а въ тундрѣ съ ними немыслимо справиться, да и некому".

Въ глубинѣ тундръ на полуостровѣ Ямалѣ такіе случаи угона оленей во всякомъ случаѣ бываютъ очень рѣдко. Воруютъ лишь оленей, приставшихъ къ стаду, о чемъ я уже упоминалъ выше. Но ближе къ Обдорску, вблизи промысловъ Обской губы, на Надымѣ и между Обью и перевалами Уральскихъ горъ, гдѣ лежатъ торговые пути на Печору, торгуютъ и промышляютъ зыряне и скитаются обѣднѣвшіе самоѣды, случаи угона оленей не составляютъ рѣдкости. Самоѣды разсказывали мнѣ о любопытномъ способѣ, которымъ воры ловятъ оленей. Олень обыкновенно не дается въ руки, хотя довольно смиренъ. Не загоняя стада „въ неводъ", можно поймать оленя только арканомъ (*тынзяномъ*). Но воровать приходится ночью, въ метель или вѣтеръ, когда набрасывать арканъ не легко, и въ то же время, бросая тынзянъ, легко напугать часть стада и привлечь вниманіе собакъ и пастуховъ, хотя бы и находящихся на большомъ разстояніи отъ мѣста кражи: въ случаѣ испуга ближайшихъ оленей, они могутъ стронуть слѣдующихъ, и паническое движеніе можетъ постепенно передаться на одну-двѣ версты, встревоживъ все стадо. Олени чрезвычайно любятъ ѣсть снѣгъ, смоченный человѣческой мочей. Стоитъ поэтому человѣку выйти изъ чума и отойти въ сторону, какъ къ нему со всѣхъ сторонъ сбѣгаются олени и окружаютъ его тѣснымъ кольцомъ. Когда олени съ рогами и всѣ тянутся въ одно мѣсто, оттоняя и оттѣсняя въ то же время другъ

---

[1]) Записки по гидрографіи. Вып. XXVIII. Стр. 149.

друга, положеніе попавшаго въ ихъ кругъ человѣка бываетъ и довольно комично, и часто затруднительно. Этой страстью оленей и пользуются воры. Подойдя къ хорошо обсмотрѣнному стаду съ той стороны, которая наиболѣе удалена отъ пастуха-караульщика, воры продѣлываютъ рядъ движеній, долженствующихъ убѣдить оленей въ томъ, что ихъ ожидаетъ лакомство. Когда олени столпятся вплотную вокругъ человѣка, имъ нетрудно бываетъ безъ труда и шума набросить на рога или шею петли и *завязать* пять—шесть оленей за нартой, которая ожидаетъ гдѣ-нибудь поблизости въ рытвинѣ или за холмикомъ, которыми богата поверхность высокой тундры.

Во всѣхъ популярныхъ книжкахъ и даже дѣтскихъ разсказахъ издавна пишется, что олень доставляетъ инородцу все необходимое для жизни. Это дѣйствительно такъ, и до настоящаго времени въ тундрахъ Европы и Западной Сибири оленьи стада являются основою благосостоянія лопарей, самоѣдовъ и части зырянъ и остяковъ. Съ паденіемъ пушного и звѣринаго промысла, каковое въ послѣднее время замѣчается всюду на сѣверѣ вслѣдствіе постепеннаго истребленія промысловыхъ животныхъ, и которое неминуемо будетъ и впередъ прогрессировать, и съ развитіемъ сѣвернаго рыболовства, требующаго усиленныхъ перевозочныхъ средствъ,—оленье хозяйство должно получить еще болѣе значительную роль въ жизни сѣверянъ-инородцевъ. Главное экономическое и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ государственное значеніе оленей заключается не въ доставляемыхъ оленеводствомъ продуктахъ—не въ мясѣ, шкурахъ и замшѣ, а въ томъ, что олень представляетъ собою ѣздовое животное, которое прекрасно приспособлено къ условіямъ передвиженія на сѣверѣ, и съ помощью котораго дѣлаются доступными наиболѣе глухіе и отдаленные углы пустынныхъ сѣверныхъ областей нашего государства, не исключая и всѣхъ пунктовъ побережья Ледовитаго океана.

Только одна собака въ качествѣ возового и ѣздового животнаго можетъ на крайнемъ сѣверѣ соперничать съ оленемъ.

Но собака нужна при движенiи по льду или вообще черезъ области, лишенныя подножнаго корма. При движенiи же въ тундрѣ ей далеко до оленя. Путешественникъ для собакъ, на которыхъ онъ ѣдетъ или перевозитъ грузы, долженъ запасать кормъ. На охоту и вообще добыванiе пищи дорогой обыкновенно нельзя надѣяться. Еще въ предѣлахъ Ледовитаго океана — на Землѣ Франца-Iосифа или Новой Землѣ—легче наткнуться на медвѣдя или моржа и запастись надолго мясомъ; при передвиженiи же зимою въ тундрѣ можно пройти тысячи верстъ, не увидавъ ни одного живого существа. При такихъ условiяхъ кормъ собакамъ (обыкновенно вяленая рыба) долженъ быть запасенъ на все время пути, и при большомъ путешествiи этотъ безполезный грузъ дѣлается такимъ большимъ, что не остается мѣста для другихъ грузовъ.

Олень питается подножнымъ кормомъ, и для благополучнаго движенiя каравана черезъ тундры нуженъ только опытный глазъ инородца, хорошо опредѣляющаго моховыя мѣста. Раскапывая особой лопаточкой снѣгъ на мѣстѣ, предназначенномъ для стоянки, самоѣды опредѣляютъ по количеству и состоянiю ягеля качества пастбища и при неудовлетворительности таковаго продолжаютъ итти и искать дальше. Когда же въ тундрѣ появится зелень, путь открытъ всюду. Хотя, съ другой стороны, лѣтнiй путь, конечно, гораздо тяжелѣе для оленей.

Въ Архангельской губернiи и Западной Сибири оленемъ пользуются только, какъ упряжнымъ животнымъ; въ восточной половинѣ Сибири онъ употребляется и подъ верхъ и вьюки. Олени впрягаются въ *нарту*,—легкiя санки, которыя бываютъ нѣсколькихъ типовъ. Основными типами являются *легковая* нарта, или нарта для ѣзды *на легкихъ*, какъ говорятъ въ Западной Сибири, и грузовая. Полозья нартъ всегда довольно широки и дѣлаются обычно изъ лиственницы. Сидѣнье поднято на довольно высокихъ (футовъ до 2 у легковыхъ нартъ) копыльяхъ, 3—4 съ каждой стороны числомъ, которыя поставлены нѣсколько наклонно внутрь, такъ что полозья срав-

нительно съ шириною нарты нѣсколько раздвинуты; отъ этого увеличивается устойчивость нартъ, которыя въ общемъ рѣдко опрокидываются, что зависитъ и отъ большого умѣнья самоѣдовъ управлять оленями. Доски, образующія сидѣнье, окружены съ боковъ и спереди узкими дощечками, поставленными на ребро, а сзади сдѣлана высокая спинка. Сидя въ нартѣ, человѣкъ можетъ или положить и ноги въ нарту, упираясь въ переднюю доску, или спустить ихъ съ боку, или, наконецъ,—что, впрочемъ, для непривычнаго человѣка довольно трудно — скрестить ихъ. Грузовая нарта длиннѣе легковой, иногда немного ниже, копылья ея стоятъ прямо, спинки и досокъ кругомъ нѣтъ. Грузовая нарта въ Тобольской губ. обыкновенно запрягается парой оленей, легковая тремя, чаще четырьмя, иногда и пятью оленями. Способъ припряжки оленей къ нартѣ довольно оригиналенъ и остроуменъ. Къ перекладинѣ, связывающей спереди поднятые концы полозьевъ, привязаны ремнями небольшія деревяшки (*ендели*, по самоѣдски *пяатсе*), пробуравленныя впереди широкимъ отверстіемъ. У богатыхъ самоѣдовъ Ямала, въ особенности у тѣхъ, которые кочуютъ на Малыгинѣ или вблизи побережья Карскаго моря, эти блочки, какъ и нѣкоторыя другія части упряжи, дѣлаются иногда изъ моржовыхъ клыковъ или изъ мамонтовой кости. Черезъ нихъ продѣвается ремень (обыкновенно изъ кожи морского зайца), котораго концы прикрѣплены — посредствомъ деревяннаго или костяного штифтика, пропускаемаго въ петлю— къ широкимъ кожанымъ лямкамъ (*алокъ* у обдорскихъ русскихъ), одѣваемымъ на шею упряжнымъ оленямъ, такъ что ремень, за который тянетъ животное, проходитъ между его передними и задними ногами. При такой системѣ ремень, за который тянутъ оба животныя, подвиженъ, плохо везущій олень сейчасъ же начинаетъ отставать, а сильно везущій выдвигается впередъ, и первый можетъ быть поощренъ ударомъ шеста, а то и автоматически подгоняется надвигающейся нартой. При очень неравныхъ силахъ тянущихъ оленей слабый на-

чинаетъ систематически отставать, и его мѣняютъ. При упряжкѣ въ три оленя третій ендель надѣвается по срединѣ между двумя крайними на ремень, за концы котораго тянутъ оба боковые оленя. При упряжкѣ въ четыре оленя приспособляютъ 5 блочковъ—три привязаны къ нартѣ и 2 надѣты на ремнѣ.

Второй необходимой частью упряжи служитъ узда, застегивающаяся такимъ же, какъ на лямкѣ, приспособленіемъ подъ горломъ у животнаго и охватывающая заднюю половину головы оленя. Узда слажена изъ ремня со вставками, обык-

Упряжка легковой нарты (четвертый олень слѣва не виденъ на снимкѣ; у оленей отрастаютъ молодые рога).

новенно изъ оленьяго рога, а въ нарядной упряжи — изъ мамонтовой кости. Никакого приспособленія, соотвѣтствующаго удиламъ, на уздѣ нѣтъ. Въ легковой упряжкѣ на тѣло упряжныхъ оленей надѣвается еще поясной ремень (*тасма* по русски, *йондина* по самоѣдски), къ которому пристегивается поводъ сосѣдняго, правѣе стоящаго оленя. Въ легковой упряжкѣ олени выпущены такъ, что стоятъ нѣсколько клиномъ, такъ что лѣвый олень немного выдвинутъ впередъ. Этотъ олень и называется *передовымъ*; къ его уздѣ прикрѣплена единственная вожжа, которой правитъ самоѣдъ, и удобство и скорость ѣзды въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько хорошо

выѣзженъ этотъ олень. Самый правый олень называется *пелековымъ*. Погоняютъ оленью упряжку колющими ударами *шеста* (въ Архангельской губерніи называется и у русскихъ зырянскимъ словомъ *хорей*; по-самоѣдски *тюръ*), длиной въ 5—6, иногда и болѣе аршинъ, который правящій оленями держитъ въ лѣвой рукѣ, опирая его обыкновенно на правую, въ которой держитъ возжу. На тотъ конецъ шеста, которымъ бьютъ—прямымъ штосомъ—оленей, надѣвается шишечка изъ мамонтовой или моржовой кости или оленьяго рога; на противоположный конецъ иногда надѣваютъ копье, которое въ древнія воинственныя времена исторіи самоѣдовъ, конечно, было необходимо, теперь же часто отсутствуетъ на шестахъ.

На почтовыхъ трактахъ, которые обслуживаются оленями, употребляются для пассажировъ нарты увеличеннаго размѣра, которыя къ тому же устраиваются или ввидѣ вполнѣ закрытаго возка, куда пассажиръ входитъ сбоку черезъ дверцу, или ввидѣ кибитки съ фартукомъ впереди. Въ такой закрытой нартѣ можно удобно сидѣть и лежать, и путь въ ней, по моему, пріятнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ саняхъ или кибиткѣ русскаго типа, такъ какъ такая нарта длиннѣе саней. Устраивается она для одного пассажира, впереди же у ногъ его сидитъ человѣкъ, управляющій оленями. Мѣстами и на трактахъ Западной Сибири, и почти всегда въ тундрѣ, инородцы предпочитаютъ, однако, оставлять пассажира одного на нартѣ, запряженной меньшимъ числомъ оленей (тремя или четырьмя вмѣсто пяти), причемъ олени эти пристегиваются къ передовой или *заводной* нартѣ, на которой сидитъ проводникъ. Иногда ихъ пристегиваютъ сзади, какъ грузовыя нарты *въ анасъ*, иногда же и такъ, что обѣ нарты, запряженныя каждая самостоятельно, идутъ рядомъ. Такая ѣзда легче для оленей и удобнѣе для пассажира и кучера, изъ которыхъ каждый занимаетъ цѣлую нарту.

При движеніи обоза таковой раздѣляется на отдѣленія изъ 6—8 грузовыхъ нартъ каждое. Въ нарту, на которую зимой

грузятъ 7—8 пудовъ (въ крайнемъ случаѣ при сильныхъ осеннихъ оленяхъ до 10 пудовъ) впрягаютъ двухъ оленей. Олени каждой слѣдующей нарты привязываются къ предыдущей, а олени передней грузовой къ заводной нартѣ, на которой сидитъ человѣкъ, управляющій частью обоза. Такая цѣпь грузовыхъ нартъ съ передней заводной нартой въ Тобольской губерніи носитъ названіе *анасъ* (въ Архангельской губерніи обыкновенно употребляютъ слово *аргишъ*).

Однимъ изъ неудобствъ ѣзды на оленяхъ—и легковой, и грузовой — является продолжительность сборовъ, неразрывная съ тѣмъ обстоятельствомъ, что олени выпускаются на пастбище. На трактѣ, если путь впередъ не подготовленъ особымъ нарочнымъ, приходится на каждой станціи часами ждать, пока соберутъ оленей; то же и при движеніи караваномъ по тундрѣ. При сборѣ оленей ставятъ полукругомъ сдвинутыя нарты, подгоняютъ къ нимъ оленей (причемъ, какъ я уже говорилъ выше, большую роль играютъ собаки) и протягиваютъ со стороны, противоположной линіи нартъ, веревку, замыкая кругъ. Этотъ моментъ подготовки къ запряжкѣ обозначаютъ словами „олени въ неводѣ“. Внутрь круга входятъ люди, выбирая оленей, нужныхъ для упряжки. Обыкновенно нѣкоторые олени перепрыгиваютъ черезъ веревку или нарты и отбѣгаютъ прочь: за ними сейчасъ же бросаются собаки, пригоняющія ихъ обратно. Встрѣчаются, однако, животныя, очень упорно уклоняющіяся такимъ способомъ отъ упряжи, и это важный порокъ для ѣздового оленя. Вырвавшагося оленя ловятъ также иногда *тынзяномъ* (арканомъ), бросать который самоѣды большіе мастера. Ловить же арканомъ всѣхъ оленей, нужныхъ для обоза перекочевывающаго чума, слишкомъ долго, такъ какъ хозяйство богатаго самоѣда можетъ состоять изъ 80 — 100 грузовыхъ нартъ. При приходѣ обоза на мѣсто оленей сейчасъ же отстегиваютъ и пускаютъ пастись.

„Дикій“ олень, взятый прямо изъ стада, нуждается въ выѣздкѣ, чтобы превратиться въ ѣздового. Особаго труда,

впрочемъ, обыкновенно обученіе оленя не стоитъ. Богатые самоѣды въ Каменной тундрѣ отдаютъ „дикихъ“ оленей изъ своихъ стадъ на подержаніе болѣе бѣднымъ хозяевамъ, которые и возвращаютъ ихъ уже выѣзженными. Въ ѣзду идутъ главнымъ образомъ быки, но ѣздятъ и на важенкахъ, которыя считаются сравнительно съ быками менѣе сильными и выносливыми, но болѣе горячими и быстрыми на-короткѣ. Выѣзжать оленей обыкновенно начинаютъ съ двухъ лѣтъ, но окончательно въ ѣзду идутъ они не раньше трехъ и хорошо работаютъ въ среднемъ лѣтъ до 10.

Въ качествѣ ѣздового животнаго—для пути „на легкихъ“ черезъ обширныя пространства сѣверныхъ лѣсовъ и тундръ—олень имѣетъ много положительныхъ качествъ. Бѣгъ хорошо откормленнаго оленя быстръ и выносливъ. Возможно, что многіе изъ случаевъ исключительной выносливости ѣздовыхъ оленей, которые въ качествѣ примѣровъ переходятъ изъ одной книжки въ другую, не вполнѣ достовѣрны; мнѣ разсказывали, однако, за вѣрное, что бывали случаи, когда на одной смѣнѣ оленей проѣзжали 150 верстъ въ сутки. Хорошій ходъ легковыхъ оленей—верстъ 13—14 въ часъ, средній—верстъ 10. Весенній олень слабъ и отъ зимней безкормицы и оттого отчасти, что у него отрастаютъ рога. Въ это время способность ихъ къ бѣгу гораздо ниже, и трудно, не мѣняя оленей, проходить безъ остановокъ разстояніе болѣе 30—40 верстъ. Лѣтомъ, когда снѣгъ въ тундрѣ сойдетъ совсѣмъ, ѣзда, конечно, труднѣе и медленнѣе, но и тутъ, мѣняя оленей, можно подвигаться впередъ довольно успѣшно все на тѣхъ же нартахъ.

Въ грузовой нартѣ пара оленей, входящихъ въ составъ аргиша, идетъ обыкновенно очень легкой рысью, дѣлая приблизительно 6—6½ верстъ въ часъ. По хорошему снѣгу, при благопріятной погодѣ и не очень утомленныхъ оленяхъ, обозъ можетъ пройти и до 35—40 верстъ въ день, но такіе переходы тяжелы для оленей; средній дневной переходъ—15—20 верстъ. При большомъ пути за двумя ходовыми днями самоѣды дѣлаютъ

обыкновенно дневку. Бураны и случайныя остановки также замедляютъ движеніе, такъ что на большомъ пути перекочевывающій чумъ или обозъ проходитъ на кругъ не болѣе 10—12 верстъ въ сутки.

Бѣгущій въ легковой нартѣ или идущій въ обозѣ олень, тронувшись съ мѣста и пройдя извѣстное разстояніе, нуждается въ остановкѣ, чтобы отдышаться и похватать снѣга. Такой пробѣгъ оленей отъ остановки до остановки русскіе Обдорскаго края называютъ *попрыскъ*, а иногда также какъ отдѣленіе обоза — *анасъ*. О величинѣ *зимняго* и *лѣтняго* попрысковъ я говорилъ уже въ главѣ VI. Слабый весенній олень—въ особенности, если кормовыя мѣста по пути слѣдованія обоза недостаточно обильны ягелемъ—легко устаетъ и вообще нуждается при работѣ въ постоянномъ надзорѣ. Опытный инородецъ, окидывая глазами нарты анаса, который онъ ведетъ, сразу безошибочно замѣчаетъ оленя, силы котораго близки къ истощенію; этого оленя отстегиваютъ и вмѣсто него впрягаютъ другого изъ стада, поймавъ его тынзяномъ. Если оленя не смѣнить во время, то онъ тянетъ до полняго истощенія силъ, но потомъ останавливается или ложится. О такомъ оленѣ говорятъ, что онъ *присталъ*. *Присталой* олень нуждается въ продолжительномъ отдыхѣ на хорошемъ пастбищѣ, чтобы снова начать работать. Иногда и на слѣдующій день такой выбившійся изъ силъ олень не можетъ еще итти даже и на свободѣ, и при дальнѣйшемъ движеніи каравана его везутъ на нартѣ. Мясо присталого оленя почти совершенно не годится въ пищу. Выбившимся изъ силъ оленямъ самоѣды иногда пускаютъ кровь, надрѣзывая хвостъ животнаго, и утверждаютъ, что такая операція сильно облегчаетъ оленя. Натрудившимъ ноги, и потому хромающимъ, животнымъ бросаютъ кровь изъ копытъ.

Для успѣшнаго движенія на большое разстояніе—въ особенности весною, когда олени сильно слабѣютъ — необходимо имѣть оленей по крайней мѣрѣ на двѣ смѣны, т.-е. двойное число сравнительно съ числомъ, идущимъ ежедневно въ упряжь.

При этомъ на каждыя шесть-семь грузовыхъ нартъ нужно имѣть человѣка на заводной нартѣ и кромѣ того двухъ людей, чтобы гнать на легковыхъ нартахъ стадо запасныхъ оленей. Увеличивать длину анасовъ и составлять ихъ болѣе, чѣмъ изъ 7 — 8 нартъ, трудно, такъ какъ, чѣмъ длиннѣе анасъ, тѣмъ труднѣе двигаться и слѣдить за всѣми оленями. Если въ анасѣ упадетъ олень—случайно или приставши—то передовые олени тащатъ его за узду по землѣ, и очень часто при этомъ застегнутая подъ нижней челюстью узда удавливаетъ оленя. Лѣтомъ такое несчастіе часто вызывается оводами. Когда оводъ опустится на спину оленя, послѣдній пріостанавливается, чтобы отряхнуться или лягнуть ногой. Въ это время двигающійся анасъ легко можетъ уронить его на землю и потащить за собой на уздѣ, причемъ олень легко задыхается. Поэтому, когда летаютъ овода, люди должны особенно зорко слѣдить за своими анасами. При длинныхъ анасахъ трудно также проходить неровности и препятствія, на которыхъ опрокидываются нарты, и т. д.

Если нужно сдѣлать продолжительный путь налегкѣ, безъ чума и стада, съ одной-двумя легковыми нартами и не на смѣнныхъ оленяхъ, то оленей при остановкахъ приходится подкармливать на веревкахъ. Большое стадо держится вмѣстѣ и не уходитъ далеко отъ чума, одинъ же или два десятка оленей могутъ легко разбрестись или, зачуявъ издалека дымъ сосѣдняго чума, убѣжать къ нему, оставивъ путниковъ въ положеніи критическомъ.

Олень въ особенности хорошо приспособленъ къ путямъ сообщенія сѣвера тѣмъ, что ему не нужно дороги. Зимою снѣгъ на поверхности тундры обыкновенно твердъ и хорошо держитъ оленя; но и по рыхлому снѣгу онъ, хотя и проваливаясь, безъ особаго труда протаскиваетъ мало грузящія нарты. Широкія копыта помогаютъ ему довольно легко переходить и позднимъ лѣтомъ топкія, иногда зыбучія, болота въ тундрѣ. Подходя къ топкому мѣсту, олени обыкновенно на бѣгу начинаютъ широко разставлять ноги и иногда ускоряютъ бѣгъ, чтобы не загрузнуть.

Движенія хвоста животнаго часто указываютъ на чувство затрудненія, которое испытываетъ олень, подходя къ трудному участку пути: въ затруднительныхъ случаяхъ, напримѣръ, передъ прыжкомъ черезъ ручей, пробѣгомъ черезъ болотце и т. д., животныя обыкновенно ставятъ хвостъ вертикально. Лѣтомъ по сухой высокой тундрѣ—въ особенности, если есть моховыя кочки—нарты идутъ довольно тяжело, и тогда выгоднѣе ѣхать болотами, если дно ихъ твердо, или близко подъ поверхностью лежитъ мерзлота. Переправа черезъ рѣки не затрудняетъ оленей—при нуждѣ упряжка всегда переплыветъ рѣку вмѣстѣ съ нартой. Весной мнѣ приходилось переходить на оленяхъ заполненные снѣгомъ овраги и русла рѣкъ, когда снѣгъ уже подтаялъ, разъ-

На льду Карскаго моря.

ѣденъ водой, и гдѣ нельзя отважиться пройти пѣшкомъ. Провалившись по брюхо въ такомъ мѣстѣ, олени энергично карабкаются, перебирая ногами, точно плывя, пока не вытащатъ нарту на болѣе твердое мѣсто.

При движеніи съ тяжестями лѣтомъ еще одно обстоятельство сильно мѣшаетъ движенію и заставляетъ имѣть много запасныхъ оленей. Если даже очень облегчать грузовыя нарты (и при крѣпкихъ оленяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ на парную нарту грузить больше трехъ пудовъ, выгоднѣе же для сохраненія силъ оленей грузить 2, даже $1^{1}/_{2}$ пуда), все же, въ особенности если олени худы, лямки часто имъ натираютъ плечи. Тогда олень начинаетъ хромать и часто надолго не годится въ работу. На зеленомъ кормѣ, впрочемъ, животныя вообще поправляются гораздо скорѣе, чѣмъ на ягелѣ.

Въ качествѣ ѣздового животнаго олень имѣетъ прекрасный характеръ. Онъ никогда не упрямится и работаетъ безпрекословно, пока хватаетъ силъ. Хорошій передовой олень отлично повинуется возжѣ и хорею, управляя тѣмъ самымъ остальными оленями упряжки. Легкимъ подергиваніемъ возжи поворачиваютъ его влѣво, ударами возжей по боку — вправо (возжа лежитъ вдоль лѣваго бока лѣваго или передового оленя, опираясь обыкновенно на костяную или металлическую поддержку, прикрѣпленную къ ремню, опоясывающему оленя). Натянувъ возжу, оленей притягиваютъ къ нартѣ и тѣмъ останавливаютъ. Но если передовой выѣзженъ хорошо, то достаточно выдвинуть конецъ шеста впереди его головы, чтобы онъ по этому знаку остановился и задержалъ всю четверку. Если нужно остановиться на нѣкоторое время и сойти съ нарты, то оленей притягиваютъ возжей къ нартѣ и привязываютъ къ ней. Въ такомъ видѣ упряжки иногда оставляютъ на продолжительное время, когда нельзя спустить оленей (напримѣръ, при пріѣздѣ самоѣдовъ по дѣламъ въ Обдорскъ). Это называется „завязать оленей". Передовой олень долженъ безпрекословно итти и въ глубокую воду, прыгать черезъ ручьи (передъ такимъ прыжкомъ самоѣдъ сходитъ съ нарты и выравниваетъ оленей, какъ на стартѣ, шестомъ) и т. д.

Легко поддаваясь паникѣ въ стадахъ, олени въ упряжкѣ не легко пугаются. Встрѣчные предметы, даже непривычнаго вида, никогда не вызываютъ въ нихъ того нелѣпаго чувства испуга, которому часто поддаются пугливыя лошади. Одинъ разъ только случилось при мнѣ, что испугавшіеся олени потащили нарту и сбросили сидѣвшаго на ней самоѣда, который разбился въ кровь. Интересно, что ни запряженные, ни свободно пасущіеся олени совершенно не пугаются выстрѣла: можно безъ всякаго опасенія стрѣлять съ нарты, что очень облегчаетъ въ тундрѣ, напримѣръ, зимнюю охоту на куропатокъ. Самоѣды выѣзжаютъ хорошихъ оленей также для охоты на бѣлыхъ медвѣдей, о чемъ я уже говорилъ выше. При запряжкѣ

или отпряжкѣ привычные олени хорошо повинуются; изрѣдка только встрѣчаются такіе, которые не прочь ударить человѣка—обыкновенно передней ногой. При недоразумѣніяхъ между собою на пастбищѣ олени также дерутся передними ногами, довольно комично поднимаясь при этомъ на дыбы, почти вертикально, и очень рѣдко пускаютъ въ ходъ рога. Задними ногами владѣютъ они легко, но защищаются ими только въ томъ случаѣ, если ихъ держатъ за переднюю часть туловища (при обрѣзываніи роговъ, напримѣръ). Задней ногой олень очень легко чешетъ морду или за ухомъ.

На меня олени всегда производили впечатлѣніе животныхъ добродушныхъ и послушныхъ, но туповатыхъ и врядъ ли хорошо отличающихъ одного человѣка отъ другого. Самоѣды усматриваютъ въ нихъ большую душевную глубину и относятся къ нимъ любовно, уважая ихъ, если можно такъ выразиться, гораздо больше, чѣмъ собакъ.

На протяженіи сѣверной Сибири съ помощью оленей поддерживается сообщеніе на многихъ почтовыхъ трактахъ. Даже на такомъ сравнительно бойкомъ пути, какъ дорога изъ Березова черезъ Мужи на Обдорскъ, лошадей держатъ мало, и гоньба производится частью на оленяхъ. Но важнѣе, чѣмъ почтовые и пассажирскіе, и гораздо многочисленнѣе торговые грузовые тракты, которые образуютъ мѣстами въ Архангельской губерніи и Сибири цѣлую сѣть дорогъ, и по которымъ съ незапамятныхъ временъ передаются продукты промысловъ и привозные товары изъ отдаленнѣйшихъ частей тундры къ городкамъ и селамъ, имѣющимъ зимнія ярмарки, и обратно. Я приведу сейчасъ нѣкоторыя важныя торговыя оленныя дороги, которыя обслуживаютъ Тобольскую и Архангельскую губерніи.

По западному берегу полуострова Канина до устья рѣки Чижи и далѣе къ сѣверу въ теченіе осени и первой половины зимы мезенскіе промышленники ведутъ довольно большой ловъ рыбы, преимущественно наваги. Весь уловъ (въ 1902 году

одной наваги было поймано здѣсь около 30.000 пудовъ, а теперь ловится, вѣроятно, до 80.000) вывозился до самаго послѣдняго времени главнымъ образомъ на оленяхъ черезъ поселки Несь и Мглу на Мезень, а оттуда на Пинегу.

Въ Большеземельской тундрѣ жители Пустозерска и другихъ селъ низовья Печоры (Куя, Великовисочное и др.) въ началѣ весны перегоняютъ свои оленьи стада къ Югорскому шару, отчасти для того, чтобы олени лѣтовали при наилучшихъ условіяхъ, отчасти для скупки и вывоза самоѣдскихъ промысловъ. Съ наступленіемъ осени обозы съ товарами тянутся отъ Югорскаго шара обратно къ Печорѣ. Отсюда рыба и отчасти пушнина также на оленяхъ идетъ въ Пинегу на Никольскую ярмарку (въ декабрѣ). Оленьи же обозы поддерживаютъ сообщеніе съ богатыми торговыми селами зырянъ, лежащими выше по Печорѣ. Такъ оленьи шкуры идутъ въ Ижму и Усть-Цыльму, гдѣ выдѣлывается замша.

Въ сѣверной части Тобольской губерніи по цѣлому ряду торговыхъ путей сырье свозится къ январской ярмаркѣ въ Обдорскъ. Съ промысловъ южной части Обской губы идетъ мороженая рыба, она же съ Надыма и отчасти изъ Тазовской губы. Пушной товаръ, тюленьи и моржовые ремни, мамонтову кость, оленьи постели вывозятъ самоѣды Ямала и Низовой тундры. Приходитъ оленье мясо и иные продукты изъ-за Урала, съ Печоры. Инородцы увозятъ обратно въ тундры изъ Обдорска закупаемые на ярмаркѣ товары.

Вотъ нѣсколько цифръ продуктовъ оленеводства, привезенныхъ на Обдорскую ярмарку въ 1908 г.:

Оленьихъ постелей . . .	2.900 шт.	стоимостью	по 2 р.	50 к.
Неплюя	6.200 „	„	„ 3 „	50 „
Пѣшки	5.600 „	„	„ 2 „	75 „

Эти цифры по годамъ сильно мѣняются въ зависимости отъ условій оленеводства даннаго года. Гибель пѣшки у самоѣдовъ, падежъ оленей въ тѣхъ или иныхъ частяхъ тундры увеличиваютъ привозъ шкуръ. Значительная часть пушного

товара идетъ изъ урмановъ, лежащихъ южнѣе Обдорска, и тоже вывозится по оленьимъ дорогамъ.

Весьма важны для низовьевъ Оби, съ одной стороны, и для Печоры, съ другой стороны, торговые оленные пути, ведущіе изъ Обдорска на западъ черезъ Уралъ въ Европейскую Россію, и путь на Ирбитъ. Пушнина и мороженая рыба идутъ изъ Обдорска на Ирбитъ по тракту черезъ Тобольскъ-Тюмень (протяженіемъ около 1.700 верстъ). Но кромѣ этого пути есть еще болѣе прямой оленный (короче на 250 верстъ) черезъ Сосьвинскую пристань и село Никито-Ивдельское (на Лозьвѣ), на Богословскій заводъ и Верхотурье. Этимъ путемъ идетъ въ Ирбитъ и на Богословскій заводъ пушной товаръ и рыба изъ бассейна Сѣверной Сосьвы.

Зырянскій оленный путь изъ Обдорска на село Ижму на Печорѣ ведетъ черезъ Мужи, далѣе черезъ Ляпинъ и село Щугорское. Этой дорогой съ Оби на Печору везутъ—въ небольшомъ количествѣ — рыбу и главнымъ образомъ (тысячъ на 50—60 рублей въ годъ) оленьи шкуры, идущія на выдѣлку замши. Кромѣ того есть два сѣверные пути на Печору: одинъ отъ Мужей черезъ верховья Войкара на рѣку Лемву, притокъ Усы, второй отъ Обдорска черезъ Собскія юрты и верховья Собской рѣки (Собь) на Елецъ и Усу. Невысокія долины, прорѣзывающія здѣсь Уралъ, позволяютъ обозамъ безъ труда переваливать хребетъ. Мѣшаютъ движенію жестокіе вѣтры, дующіе часто въ горныхъ долинахъ. Часть товаровъ, доставляемыхъ на Усу, сплавляется въ Печору водой съ наступленіемъ весны. Всѣми перечисленными путями черезъ Уралъ идетъ на Печору въ небольшомъ количествѣ хлѣбъ, а изъ Ижмы приходятъ металлическія и нѣкоторыя другія издѣлія.

Совершенно очевидно то значеніе, которое имѣло бы для благосостоянія и экономическаго подъема сѣвера значительное развитіе оленеводства для цѣлей именно грузового движенія. На первомъ планѣ въ этомъ дѣлѣ стоитъ транспортъ зимою

мороженой рыбы. Вотъ какой сравнительный разсчетъ приводитъ въ своей книгѣ „Тобольскій сѣверъ" А. А. Дунинъ-Горкавичъ: „Чтобы указать, насколько важно расширеніе далѣе на сѣверъ района, съ котораго была бы возможна транспортировка мороженой рыбы къ рынкамъ, я приведу слѣдующее соображеніе. Товарная цѣнность мороженаго муксуна въ $1^1/_2$—2 раза, т.-е. на 50—100%, выше цѣнности соленаго, а дѣйствительная, продуктивная, въ $2^1/_2$—$3^1/_3$ раза, т.-е. на 150—233%. Для поясненія привожу слѣдующій разсчетъ. Сто пудовъ свѣжаго муксуна, будучи посажены въ садъ, по выловѣ зимою составляютъ въ замороженномъ видѣ цѣнность въ 600—800 рублей. То же количество муксуна, будучи засолено, даетъ лишь 60 пуд. соленой рыбы цѣнностью только въ 240 рублей".

Оленье мясо въ настоящее время попадаетъ и въ столицы; на мѣстѣ, въ сѣверныхъ районахъ оленеводства, оно стоитъ отъ рубля до 2 рублей пудъ. Олень даетъ мяса 3—5 пудовъ. Шкуры взрослыхъ оленей („постели") въ значительномъ количествѣ перерабатываются на замшу главнымъ образомъ на Печорѣ. Въ началѣ 1900 годовъ числилось заведеній для выработки замши: въ Архангельскомъ уѣздѣ 6 (сумма производства 5.200 руб.), въ Шенкурскомъ 4, въ Пинежскомъ 3, въ Печорскомъ 62 завода съ 230 рабочими и суммой производства въ 168.000 рублей. Въ послѣднее время значительное количество продуктовъ оленеводства вывозится пароходами Мурманскаго общества черезъ устье Печоры въ Архангельскъ и оттуда за границу. Вывозится между прочимъ оленья шерсть. На нижней Оби и въ другихъ мѣстахъ Сибири шерсть и рога еще не имѣютъ правильнаго сбыта. Зыряне изъ оленьихъ роговъ вывариваютъ клей отличнаго качества.

Кромѣ пѣшки, неплюя и постелей въ продажу на мѣстахъ идутъ оленьи *кисы* — шкура, снятая съ ногъ, употребляемая на выдѣлку рукавицъ къ малицамъ и обуви. Цѣна двухъ паръ кисовъ—40—60 коп. Сортовъ неплюя нѣсколько, разнятся

они по возрасту битыхъ оленей. Мѣхъ молодыхъ (трехмѣсячныхъ) нѣжнѣе, болѣе похожъ на пѣшку; мѣхъ болѣе взрослыхъ (пятимѣсячныхъ) грубѣе (это такъ называемый *выростокъ*), но зато и прочнѣе. Изъ постелей лучшія—осеннія, и по качеству шерсти, которая короче, и потому, что къ осени зарастаютъ свищи, вызванные личинками оленьяго овода.

Одежда инородцевъ, сдѣланная изъ шкуръ оленей, слишкомъ много разъ описывалась, чтобы стоило останавливаться подробно на этомъ предметѣ. Упомяну только для лицъ, незнакомыхъ съ предметомъ, что основнымъ платьемъ, принятымъ и зырянами, и русскими на сѣверѣ, является *малица* внизу и *гусь* (въ Архангельской губ. *совикъ*) сверху. Та и другой кроятся въ видѣ широкой рубашки, первая мѣхомъ внутрь, второй мѣхомъ наружу и такъ, чтобы было возможно меньше швовъ, которые къ тому же дѣлаются очень тщательно (платье шьется нитками изъ оленьихъ сухожилій, въ швѣ прокладываютъ волосъ). Такое двойное платье непроницаемо для вѣтра и мороза. Покрой малицы позволяетъ вынимать изъ рукавовъ руки и держать ихъ около тѣла, что очень удобно при спаньѣ въ платьѣ. Этотъ же покрой позволяетъ, напримѣръ, въ холодномъ чумѣ или на воздухѣ перемѣнить рубашку или все бѣлье, не снимая малицы (ее при этомъ можно нѣсколько приподнять руками надъ головой, причемъ человѣкъ очутится какъ бы въ маленькой палаткѣ). Одежда эта легкая и удобная, но требуетъ ухода. Особенно важно хорошо высушивать верхнее платье и сапоги передъ огнемъ, если они почему-нибудь вымокли. Безъ должнаго ухода платье скоро портится. *Ягушкой* называется домашнее самоѣдское платье — обыкновенно изъ двойныхъ неплюевъ, мѣхомъ и внутрь и наверхъ—сшитое, однако, не ввидѣ рубашки, а ввидѣ распашного халата.

Нужно удивляться тому, что при большомъ удобствѣ малицы, какъ зимняго платья, она донынѣ не получила распространенія среди охотниковъ или вообще людей, проводящихъ

много времени на воздухѣ, въ средней Россіи. На Оби малицы шьютъ и изъ овчины, и это платье несомнѣнно имѣетъ свои преимущества передъ деревенскимъ овчиннымъ полушубкомъ.

Выше уже было упомянуто о томъ, что, нуждаясь зимою въ ягелѣ, олень въ то же время не слишкомъ разборчивъ въ пищѣ, поѣдая, кромѣ растеній разныхъ породъ, при случаѣ не только грибы, но даже леммипговъ. Олени, попробовавшіе разъ хлѣба, дѣлаются до него большими охотниками, и если въ оленьемъ караванѣ есть нарты, груженыя хлѣбомъ или сухарями, то обыкновенно находятся и олени, отъ которыхъ приходится оберегать эти запасы, и которые упорно стремятся растрепать или прогрызть покрышки такихъ возовъ. Въ большихъ стадахъ при рожденіи пѣшекъ, если погода неблагопріятна и въ особенности если разразится „пѣшечій“ буранъ, всегда нѣкоторый—иногда и значительный — процентъ новорожденныхъ телятъ падаетъ; но случается иногда наоборотъ, что пропадаетъ отъ какой-нибудь причины важенка, отъ которой остается новорожденный теленокъ. Нерѣдки также случаи, когда отбившаяся отъ своего стада пѣшка попадетъ въ руки другихъ хозяевъ, иногда и въ руки самоѣдовъ, „сидящихъ на ѣдомѣ“, т.-е. вовсе не имѣющихъ оленей. Въ такихъ случаяхъ, если это нужно, сколько-нибудь уже подросшую пѣшку выкармливаютъ безъ труда моченымъ хлѣбомъ, рыбой и всякими отбросами со стола, которые животное ѣстъ довольно охотно. Вскармливаемые такимъ образомъ изъ рукъ молодые олени ручнѣютъ, какъ собаки, слѣдуютъ неотступно за женщинами, которыя ихъ кормятъ, охотно лежатъ въ чумахъ и служатъ иногда забавою маленькимъ дѣтямъ, которыя съ ними играютъ, впрягая ихъ въ легкія нарты. И выросши, такой олень, называемый обыкновенно самоѣдскимъ словомъ *авка*, охотно ѣстъ хлѣбъ, рыбу, а часто и заготовленное сѣно. Выѣзженныя авки очень удобны для пріѣзда самоѣдовъ въ русскія поселенія, когда дѣла, а иногда и

винная лавка, задержатъ хозяина на два-три дня, въ теченіе которыхъ олени стоятъ завязанные безъ корма. Авокъ въ такихъ случаяхъ гораздо легче наскоро подкормить.

Такихъ оленей, извѣстныхъ мѣстами въ европейскихъ тундрахъ и въ лѣсахъ Березовскаго края также подъ названіемъ „избенные олени", кое-гдѣ въ глуши лѣсовъ разводятъ и сознательно. Вотъ свѣдѣнія, которыя даетъ А. В. Маркграфъ:

„Отъ Колы до устья Енисея включительно я засталъ оленье хозяйство въ самомъ первобытномъ состояніи. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ видѣ оно приноситъ значительную пользу и бываетъ даже предметомъ обогащенія извѣстныхъ оленеводовъ".

„Начать съ того, что ведутъ хозяйство кочевое и даже утверждаютъ, что иначе и нельзя, такъ какъ приготовленнаго человѣкомъ корма сѣверный олень не принимаетъ. При скопленіи ихъ большими табунами олени мельчаютъ, вытаптываютъ кормъ, пропадаютъ тысячами отъ болѣзней, хищниковъ и насѣкомыхъ, особенно въ раннемъ возрастѣ. Ихъ не доятъ, не подкармливаютъ, не даютъ солонцовъ, не предохраняютъ отъ „гнуса" и прочихъ невзгодъ, а потому немудрено, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ сѣверный олень сохранилъ цвѣтъ своихъ дикихъ сородичей, отличается еще сравнительной дикостью и не только не развилъ къ лучшему своихъ качествъ, но слабѣетъ, вырождается, почему для обновленія крови сѣверяне прибѣгаютъ къ припуску дикихъ".

„Но въ двухъ незначительныхъ сравнительно районахъ (по рѣкамъ Казыму, Пуру и въ верховьяхъ рѣки Тромъ-Югана къ городу Сургуту, между низовьями рѣкъ Оби и Таза) я нашелъ рыбацкій народецъ изъ остяковъ и лѣсныхъ самоѣдовъ, которые не откочевываютъ, имѣютъ зимнія избушки и прибрали этого оленя ближе къ рукамъ. Ихъ олень извѣстенъ у Березовскихъ русскихъ подъ названіемъ „избенного". Благодаря нѣкоторому уходу и подкорму, здѣсь находятся экземпляры въ 12—16 пудовъ живого вѣса вмѣсто 6—8 пу-

1. Деревянный идолъ съ жертвеннаго мѣста у мыса Хаенъ (Ямаль-хэ). 2 и 3. Идолъ съ устья рѣки Пясидай, снятый въ профиль и en face (уменьшено приблизительно въ 4 раза).

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко, Москва.

довъ, какъ бываетъ обыкновенно. Затѣмъ много бѣлыхъ, есть пѣгія и арлекиновыя масти, а также экземпляры комолые и всеядные, до рыбьяго жира включительно. Кожи такого избеннаго оленя цѣнятся на рынкѣ вдвое, а болѣе темные экземпляры „пыжика" втрое противъ обыкновеннаго. Олень этотъ, оказывается, ѣстъ березовые вѣники, траву, талъ и т. п. заготовленные корма: мѣстами доится, и крупные возовики этихъ избенныхъ породъ способны подымать значительно большія тяжести противъ прочихъ".

Сѣверный олень въ тундрѣ по характеру своему и по способу содержанія является въ сущности животнымъ полуодомашненнымъ. Но можно думать, что онъ имѣетъ способность сжиться съ человѣкомъ болѣе тѣсно. Лѣсные олени Тобольской губерніи, о которыхъ говоритъ А. В. Маркграфъ, и верховыя животныя гористой полосы Восточной Сибири въ гораздо большей степени одомашнены, чѣмъ многочисленныя стада кочевниковъ тундръ. Эти „избенные" (употребляя этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ) олени могутъ быть безъ особыхъ хлопотъ и труда содержимы и осѣдлыми поселенцами, и распространеніе такихъ оленей въ качествѣ домашнихъ животныхъ можетъ быть гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ въ настоящее время. Со стороны климата особыхъ препятствій къ расширенію области распространенія домашняго оленя ожидать нельзя. Чѣмъ сѣвернѣе родился олень и чѣмъ сѣвернѣе привыкъ онъ проводить лѣто, тѣмъ труднѣе переноситъ онъ и жаръ и нападеніе комаровъ и оводовъ. Для оленей, взятыхъ изъ стадъ, лѣтующихъ въ сѣверныхъ частяхъ полуострова Ямала, по словамъ самоѣдовъ, слишкомъ жаркими и обильными гнусомъ кажутся области тундръ по рѣкамъ Щучьей и Надаратѣ. А въ то же время привычные и выросшіе при другихъ условіяхъ олени переносятъ лѣто на широтѣ Иркутска и даже южнѣе. Распространеніе дикаго сѣвернаго оленя до 50° служитъ доказательствомъ способности этого животнаго переносить и умѣренный климатъ.

Для возможности содѣйствія распространенію оленя въ качествѣ домашняго животнаго и для поддержки существующаго уже оленеводства въ лѣсахъ и тундрахъ необходимо хотя сколько-нибудь полно изучить и оленя, и оленеводство, и, что необходимо въ той же мѣрѣ, тундру въ качествѣ оленьяго пастбища. На сѣверѣ—въ Архангельской, какъ и въ Тобольской губерніи—вещью общеизвѣстною сдѣлались недоразумѣнія и столкновенія между оленеводами изъ-за ягельныхъ пастбищъ. Самоѣды тамъ, гдѣ соприкасаются оленеводства самоѣдское и зырянское, обыкновенно обвиняютъ зырянъ въ нераціональной пастьбѣ ихъ стадъ и не въ вытравливаніи только, а въ вытаптываніи „моховыхъ мѣстъ", которыя будто бы послѣ неумѣлой и неосторожной пастьбы на нихъ оленей не поправляются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вопросъ о столкновеніи въ тѣхъ или другихъ частяхъ европейской и западно-сибирской тундръ интересовъ русскаго, зырянскаго и самоѣдскаго населенія—это вопросъ, очень серьезный для жизни цѣлаго обширнаго края. А между тѣмъ, поскольку дѣло касается оленеводства, не имѣется самыхъ нужныхъ данныхъ для разбора и рѣшенія хотя бы претензій, касающихся пастбищъ. Тщетно человѣкъ, который хочетъ познакомиться съ дѣломъ, искалъ бы отвѣтовъ на вопросы: что такое ягельное пастбище, какова его продуктивность, какъ отрастаетъ ягель послѣ потравы и вытаптыванія и т. д. Даже на мѣстѣ, путемъ опросовъ людей, практически знакомыхъ съ дѣломъ, не удается составить сколько-нибудь полное представленіе объ этомъ предметѣ.

Въ Европейской Россіи зырянское оленеводство начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе подавлять самоѣдское. Нужно, конечно, стараться отыскать средства, которыя по возможности мѣшали бы такому подавленію (оно ведетъ и къ уничтоженію самихъ самоѣдовъ), но и зыряне имѣютъ право на существованіе. Въ Западной Сибири самоѣды, по счастью, еще мало затронуты: ихъ главныя оленныя вотчины лежатъ слишкомъ далеко на сѣверѣ. Зыряне же, проникая болѣе къ востоку,

заселили уже частью Надымъ и, безъ сомнѣнія, со временемъ займутъ и используютъ въ рыбопромышленномъ отношеніи пустую, но очень богатую Тазовскую губу. Ихъ оленямъ и оленямъ ближайшихъ самоѣдскихъ родовъ хватитъ работы при развитіи грузового движенія между Обдорскомъ и Тазомъ.

За изученіемъ оленеводства, быть можетъ, наконецъ, послѣдуетъ и осуществленіе хотя бы тѣхъ мѣръ для борьбы съ повальными болѣзнями оленей, которыя не требуютъ слишкомъ сложной организаціи, и польза которыхъ неоспорима, какъ, напримѣръ, предохранительная прививка сибирской язвы.

Что сибирская язва постоянно живетъ въ тундрѣ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Пастбища на многихъ мѣстахъ вслѣдствіе бывшихъ ранѣе падежей—заражены. Сильные жары или иныя причины періодически вызываютъ подъемъ вирулентности болѣзненнаго начала. Періодически долженъ поддаваться заразѣ и скотъ. Разразившаяся въ извѣстномъ году болѣзнь убиваетъ часть животныхъ и иммунизируетъ остальныхъ, уцѣлѣвшихъ. Но проходитъ рядъ лѣтъ, составъ оленей въ стадахъ перемѣнится, и тундра вновь готова къ взрыву и развитію эпизоотіи.

Послѣдніе опыты прививокъ антракса оленямъ въ Архангельской губерніи, какъ кажется, прошли довольно удачно. Организація періодическихъ прививокъ не можетъ стоить дорого, и оленеводы, конечно, всюду пойдутъ навстрѣчу такой мѣрѣ, техника которой — и въ смыслѣ объѣзда стадъ, и въ смыслѣ прививокъ—вовсе не слишкомъ сложна. Но если бы пришлось истратить и сколько-нибудь замѣтную сумму на оленеводство,—она окупится.

ГЛАВА XI.

Происхожденіе и значеніе названія Ямалъ. Дѣленіе полуострова въ географическомъ отношеніи на три области. Рѣчные пути черезъ полуостровъ. Вопросъ о положеніи инородцевъ.

Географически полуостровъ Ямалъ хорошо отграниченъ съ юго-запада отъ материка теченіемъ рѣкъ Щучьей и Надараты. Въ географію перенесено и прилагается ко всему полуострову туземное названіе, которое собственно самоѣдами употребляется для обозначенія только самыхъ сѣверныхъ областей полуострова, побережья пролива Малыгина. Самоѣдъ съ Малыгина на вопросъ,—гдѣ стоишь? — отвѣтитъ: *Я-малъ тальня́*— „поближе конца земли". т.-е. поближе сѣвернаго берега или побережья пролива. Я упоминалъ уже. что на картѣ Малыгина и Скуратова самый полуостровъ не названъ. а мысъ Ялмалъ помѣченъ на западной сторонѣ южнаго берега пролива. и что нѣсколько самоѣдскихъ семействъ. числящихся по ясакамъ изъ рода Окотэтта и стоящихъ близъ западнаго устья пролива Малыгина, извѣстны среди прочихъ самоѣдовъ подъ родовымъ прозвищемъ *Ямалъ*.

На новѣйшихъ картахъ полуостровъ назывался обыкновенно *Ялмалъ*, что не совсѣмъ правильно. Слово это пробовали производить и отъ Elmert-Land [1]) древнихъ картъ. и

[1]) Ельмертъ—имя боцмана голландскаго судна, на которомъ Флемингъ въ 1664 году обогнулъ N—конецъ Новой Земли и входилъ въ Карское море. Экипажъ корабля видѣлъ—или полагалъ, что видѣлъ—на Ю.-В. землю, которую и стали изображать на картѣ въ видѣ большого

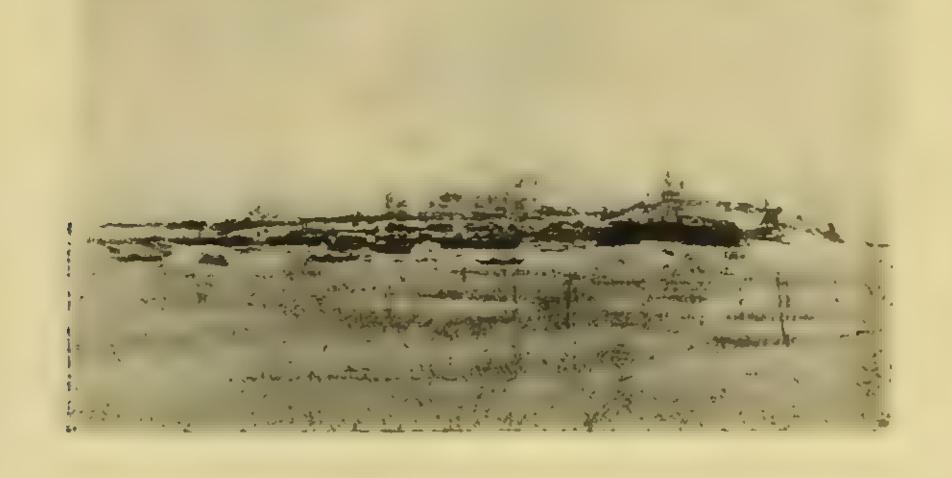
отъ идола Іомалы. Точное названіе полуострова—*Ямалъ*—слагается изъ двухъ самоѣдскихъ словъ: *я* (земля) и *малъ* (конецъ). Принятое ранѣе въ географіи неправильное названіе Ялмалъ произошло, быть можетъ, вотъ откуда. По самоѣдски есть слово *яу*, которое мои переводчики переводили словомъ „рѣчной", а Шренкъ передаетъ понятіемъ „устье" или „устьевой". Въ Обдорскомъ краѣ, кажется, слово это прилагается преимущественно къ Оби. Такимъ образомъ слово *Яу-малъ* (искаженное въ Ялмалъ) значитъ „конецъ" или „устье рѣки", и этимъ названіемъ самоѣды обозначаютъ устье Обской губы, откуда и произошло названіе почитаемаго идола вблизи мыса Хаэ—*Яумалъ-хэ* (Яумальскій шайтанъ).

Въ географическомъ отношеніи территорію полуострова можно раздѣлить на три полосы: сѣверную, лежащую къ сѣверу отъ теченія рѣкъ Вануйта-Сё-яга и Сё-яга-Морды, т.-е. отъ древняго торговаго пути; среднюю или озерную—къ югу отъ этого пути до широты озеръ Ярро-то; и южную—отъ озеръ Ярро-то до границъ полуострова—Щучьей и Падараты.

Сѣверная часть относительно низменна, причемъ центральныя области ея образуютъ постепенно склонъ къ проливу Малыгина: поверхность, чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ становится однообразнѣе и ровнѣе. Здѣсь очень мало озеръ, и природа носитъ наиболѣе рѣзко выраженный полярный характеръ. Большихъ ивовыхъ зарослей нѣтъ,—ива стелется по землѣ; мало и тундровой березы, такъ что въ качествѣ топлива самоѣды употребляютъ черный лишайникъ. Фауна млекопитающихъ характеризуется распространенными главнымъ образомъ здѣсь сѣвернымъ оленемъ, бѣлымъ медвѣдемъ и моржомъ и присутствіемъ копытной мыши. Фауна птицъ бѣднѣе видами и бѣдна особями сравнительно съ южнѣе лежащими областями полу-

острова. Послѣ названіе ***Ельмертова земля*** перенесено было на полуостровъ, раздѣляющій Карское море и Обскую губу. Въ музеѣ города Инспрука пришлось мнѣ видѣть старинный глобусъ, на которомъ названіе **Elmert-Land** было написано въ области Таймырскаго полуострова.

острова. Въ частности изъ гусей здѣсь именно лежитъ область распространенія черной казарки; здѣсь же главнымъ образомъ гнѣздится снѣжный подорожникъ, и тундровая куропатка обыкновеннѣе бѣлой. Самоѣдское населеніе этой полосы, владѣющее большими стадами, весною и лѣтомъ тяготѣетъ къ берегамъ пролива Малыгина и Карскаго моря, гдѣ ведется промыселъ за бѣлымъ медвѣдемъ и ластоногими. Нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь самоѣдовъ иногда остаются и на зиму, чтобы промышлять ранней весной медвѣдя. Они же правильно про-



Обдорскъ.

мышляютъ сѣвернаго оленя, и вообще главнымъ, послѣ оленеводства, занятіемъ мѣстныхъ самоѣдовъ служитъ охотничій промыселъ.

Средняя часть—болѣе высокая и очень обильная озерами—богата по рѣчнымъ долинамъ и озернымъ лайдамъ зарослями ивы въ 2 — 4 фута вышиною, полярной березой по тундрѣ и—мѣстами—пышными травяными зарослями. Многочисленъ обскій леммингъ. Изъ гусей массами гнѣздятся гуменникъ и бѣлолобая казарка. Въ жаркіе дни здѣсь уже очень тяжелы комары. Самоѣды-вотчинники этой части Ямала, пасущіе по снѣгу свои обыкновенно многочисленныя стада на ягельныхъ пастбищахъ „хребтовъ“, лѣтомъ подходятъ къ большимъ озерамъ, гдѣ промышляютъ рыбу. Промыселъ ластоногихъ имѣетъ сравнительно малое значеніе; важнѣе промыселъ гусей для питанія и песца на продажу.

Южная часть полуострова — уже по южнымъ берегамъ озеръ Ярро-то — имѣетъ мѣстами заросли кустарной ольхи, южнѣе — хвойнаго и бѣлоберезоваго криволѣсья и — вблизи южныхъ границъ полуострова — небольшія пространства высокоствольнаго хвойнаго лѣса. Мѣстами на низменностяхъ особенно пышно разрастаются злаки. Многочисленныя озера этой полосы въ общемъ не велики и мелки, рѣки малозначительны и частью пересыхаютъ лѣтомъ. Изъ млекопитающихъ обыкно-

Приказъ и пакетъ „съ перомъ" по обдорскому обычаю.

веннѣе, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ частяхъ полуострова, волки, лисица, россомаха и заяцъ. Гусей здѣсь мало. Къ тундровой фаунѣ птицъ средней области примѣшиваются нѣкоторые виды утокъ (чирокъ, широконоска), куликовъ (бекасъ, щеголь, малый веретенникъ) и воробьиныхъ: изъ хищниковъ появляется ястребъ-тетеревятникъ, а еще южнѣе — полевой лунь. Нѣкоторыя изъ сѣверныхъ, многочисленныхъ въ средней полосѣ формъ птицъ (напр., бѣлая сова, большой поморникъ, гаги) исчезаютъ. Богаче становится фауна прѣсныхъ водъ и многочисленнѣе и разнообразнѣе насѣкомыя, среди которыхъ появляются такія формы, какъ стрекозы и прыгающія прямокрылыя. Въ мелкихъ ручьяхъ и лужахъ попадаются гольяны.

Близость болѣе южной фауны долины Оби и сплошныхъ лѣсовъ сказывается во всѣхъ отношеніяхъ. Стада въ этой полосѣ въ большинствѣ сборныя. Владѣющіе десятками или даже единицами оленей мелкіе хозяева отдаютъ ихъ въ пастьбу, а сами нанимаются часто рабочими на рыбные промысла Обской губы. Сюда стягиваются самоѣды, потерявшіе почему-нибудь оленей и обѣднѣвшіе. Такимъ образомъ самоѣдское населеніе тяготѣетъ здѣсь къ Оби и русскимъ промышленникамъ, и близость промысловъ сказывается на инородческомъ населеніи весьма невыгоднымъ для него образомъ.

Двѣ рѣчныя системы связываютъ Обскую губу съ Карскимъ моремъ. Одна изъ нихъ—это лежащія сѣвернѣе 70° рѣки и озера, по которымъ въ XVI и началѣ XVII столѣтія русскія торговыя флотиліи проходили Ямалъ по пути изъ Бѣлаго моря въ Мангазею. Въ настоящее время нельзя, конечно, говорить о значеніи этого пути для морской торговли въ современномъ ея видѣ. Но онъ можетъ получить извѣстное мѣстное значеніе въ будущемъ, когда морскіе промыслы—что рано или поздно должно случиться—разовьются на всемъ протяженіи Обской губы и Карскаго побережья. И теперь, при приближающемся развитіи торговаго пароходства черезъ Карское море въ устья Сибирскихъ рѣкъ, важно знать, что въ случаѣ необходимости можно пройти въ лодкахъ изъ Карскаго моря въ Обскую губу поперекъ Ямала.

Вторая система, сближающая Карское море съ Обской губой и въ частности съ теперешней областью рыбныхъ промысловъ на губѣ—это рѣка Юрюбей съ озерами Ярро-то. Рѣка эта, по всему вѣроятію, проходима по всей длинѣ для небольшихъ рѣчныхъ судовъ, такъ какъ, по словамъ самоѣдовъ, и западный истокъ рѣки изъ западнаго озера Ярро-то глубокъ. Къ Ярро-то и Юрюбею лѣтомъ стягивается довольно много самоѣдскихъ чумовъ для рыбной ловли. Съ озерами Ярро-то сближены верховья рѣчекъ Ною-те, О-яга и Яды, впадающихъ сѣвернѣе и южнѣе бухты Находки. Рѣчки эти

бѣдны водой, и въ сухое время, вѣроятно, непроходимы и для лодокъ; въ полую воду и дождливое время воды въ нихъ, нужно думать, достаточно. Со среднимъ теченіемъ Юрюбея сближены верховья Еръ-яга (озеро Сяу-то). Отъ Ярро-то къ Пуйко, Хамапёлу и другимъ промысламъ на губѣ лежитъ проторенная и привычная самоѣдская дорога, и съ осени начинаются оживленныя сношенія на оленяхъ. Самоѣды говорили мнѣ, что передвиженіе клади отъ Ярро-то до Обдорска или наоборотъ можетъ быть организовано по снѣгу безъ всякихъ затрудненій, и стоимость транспорта не должна превышать 50 коп. за пудъ.

Изложенное показываетъ, что грузовое сообщеніе между западнымъ и восточнымъ берегами Ямала вообще нельзя считать дѣломъ особенно затруднительнымъ. Для болѣе точныхъ данныхъ обѣ описанныя мною системы нуждаются, конечно, въ болѣе обстоятельныхъ и подробныхъ гидрографическихъ изслѣдованіяхъ, чѣмъ мы имѣли возможность это сдѣлать. Развѣдочная экспедиція наша могла только констатировать, что кое-какіе пути черезъ полуостровъ есть, и опредѣлить — съ точностью для насъ доступною, — гдѣ нужно ихъ искать. Мы могли также убѣдиться въ томъ, что тундры Ямала не представляютъ собою недоступной пустыни, что почти всюду на полуостровѣ можно найти людей, имѣющихъ и запасы провизіи, и достаточныя перевозочныя средства. Значеніе этихъ выводовъ связано съ вопросомъ о морскомъ судоходствѣ въ обходъ Ямала въ устья Сибирскихъ рѣкъ. При всѣхъ подготовительныхъ работахъ, которыя понадобилось бы вести на берегахъ Ямала, при устройствѣ, поддержкѣ и охранѣ всякихъ сооруженій, которыя оказались бы необходимыми, мѣстное самоѣдское населеніе можетъ принести большую пользу.

Объ этомъ же самоѣдскомъ населеніи говорилъ я выше, что въ болѣе сѣверно-лежащихъ областяхъ Ямала оно сохранило еще въ значительной мѣрѣ свой первобытный характеръ и затронуто „культурой" (понимать этотъ терминъ нужно въ

обычномъ для инородцевъ неблагопріятномъ смыслѣ) гораздо меньше, чѣмъ самоѣды европейскихъ тундръ. Эта культура—въ томъ ея видѣ, въ которомъ она доходитъ до инородцевъ—обыкновенно ведетъ сначала къ ихъ обнищанію, потомъ къ вымиранію. Жизнь безпощадна къ слабымъ, и съ государственной точки зрѣнія, быть можетъ, такой ходъ дѣлъ часто можетъ быть признанъ неотвратимымъ и естественнымъ. Однако. по отношенію къ инородцамъ, обитающимъ области, примыкающія къ побережью Ледовитаго океана, вопросъ долженъ быть поставленъ и рѣшенъ иначе. Самоѣды со своими стадами около устьевъ Оби и Енисея занимаютъ такія территоріи, въ которыхъ врядъ ли скоро разовьется осѣдлая русская колонизація,—если вообще когда-нибудь разовьется. Съ исчезновеніемъ самоѣдовъ области эти должны были бы остаться пустынными, т.-е. не только не использованными съ точки зрѣнія оленеводства и сухопутныхъ промысловъ, но и недоступными съ суши. Обитаемость же этихъ частей тундры очень важна, такъ какъ мимо нихъ пролегаетъ морская торговая дорога въ устья Сибирскихъ рѣкъ, — дорога, которая имѣетъ большую будущность.

Вопросъ о положеніи инородцевъ въ тундрахъ европейскихъ къ востоку отъ Бѣлаго моря и въ особенности на сѣверѣ Тобольской и Енисейской губерній уже давно нуждается въ изслѣдованіи и разрѣшеніи. Государству приходится здѣсь считаться съ явленіями очень сложными. Давно уже замѣчено обнищаніе и даже вымираніе извѣстныхъ частей инородческаго населенія, мало приспособленнаго къ борьбѣ за жизнь и не получающаго помощи и поддержки, которыя вели бы къ устройству его быта въ согласіи съ измѣняющимися условіями жизни государства. Желательно привести къ какому-нибудь концу и борьбу отдѣльныхъ группъ инородцевъ за пастбища тундры, и найти средства для оказанія помощи оленеводству, необходимому уже для того, чтобы тундры могли быть обитаемы. Важенъ и обострившійся въ послѣднее время вопросъ о правѣ

владѣнія инородцевъ на рыболовныя угодья въ низовьяхъ Оби и Енисея, которыя, съ одной стороны, должны давать пропитаніе части инородческаго населенія, а съ другой,—нуждаются въ широкой эксплоатаціи въ рыбопромышленномъ отношеніи и свободномъ притокѣ капиталовъ и рабочихъ рукъ.

Разрѣшеніе этихъ и другихъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью сѣверныхъ инородцевъ, врядъ ли можетъ произойти скоро. Но рано или поздно дѣло это сдвинется и должно будетъ неминуемо пройти извѣстную стадію опытовъ. Если когда-нибудь будетъ сдѣлана попытка примѣнить въ жизни самоѣдовъ отводъ для нихъ отдѣльныхъ территорій, какъ это сдѣлано для краснокожихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то для такого опыта трудно найти болѣе подходящее и естественнѣе отграниченное мѣсто, чѣмъ территорія полуострова Ямала.

ГЛАВА XII.

Списокъ самоѣдскихъ названій урочищъ съ переводомъ на русскій языкъ.

Прилагаемый ниже списокъ самоѣдскихъ названій заключаетъ въ себѣ не только имена, встрѣчающіяся въ текстѣ книги и на картахъ, но и тѣ, которыя помѣщены на значительно болѣе подробныхъ сравнительно съ картой пятиверстныхъ планшетахъ экспедиціи, переданныхъ въ архивъ Географическаго Общества, а также (въ исправленномъ видѣ) и помѣщенныя на картѣ Иванова. Списокъ этотъ, заключающій и переводы названій (понятно, что нѣкоторый процентъ названій нельзя было перевести, частью оттого, что таковыя произведены отъ собственныхъ именъ, частью, быть можетъ, по неточности отдѣльныхъ записей), создался слѣдующимъ образомъ. Я отправилъ о. Иринарху выбранныя изъ планшетовъ и дневниковъ имена, записанныя просто русскими буквами, причемъ только для части названій были записаны нами ихъ русскія значенія. Въ Обдорскѣ списокъ былъ пересмотрѣнъ переводческой комиссіей, обычно работающей при миссіи, и названія были переведены и написаны съ помощью значковъ, принятыхъ комиссіей для передачи русскими буквами самоѣдскаго текста. Многіе звуки самоѣдскаго языка, какъ извѣстно, русской азбукой переданы быть не могутъ. Вотъ надстрочные знаки, принятые при начертаніи названій, и ихъ значенія.

1) **а**, **о**, **у**, **э**, **в**, **д**, **м**, **н**, **т**, **х** — произносятся въ носъ.

2) нг = нг — произносится въ носъ (г едва слышно).

3) г — произносится какъ латинское h.

4) ў — произносится средне между буквами у и в.

5) j — какъ мягкій знакъ, но нѣжнѣе, въ концѣ словъ, какъ короткое і въ срединѣ.

6) ⁀ — для дифтонговъ, напр. хэ͡эн.

7) ӓ — среднее между буквами а и э.

8) ы̆ — среднее между ы и у.

9) знакъ ◡ — для обозначенія краткости надъ всѣми гласными буквами, кромѣ у и ы, которыя съ этими знаками произносятся согласно пунктамъ 4 и 8. На словахъ помѣщены ударенія (′).

Алфавитный списокъ географическихъ названій.

Амдорта — сидячая.

Арка-хáле-**а**рка-ягà — большая большой рыбы рѣка.

Вӓлли-яга — рѣка самоѣда Вэлли.

Вáнгуттэ-тóотэ-сéде — норы хвостовой курганъ.

Вáнгуттэ-яга — песцовой норы рѣка.

Вáрры-надў — крайнія осыпи.

Вóда-яга — крючковая рѣчка.

Вóр**н**ан-то — воронье озеро.

Вы̆дачедà — (самоѣдское имя).

Вэ́бэрка-сале — бѣлушій мысъ.

Вэ́мне-яга — рѣка самоѣда Вэмне.

Вэ́нэку (или ўэ́нэку)-яга — собачья рѣка.

Вэ́нуй — вонзь (ходъ рыбы въ губу и Обь).

Вэн-сотты-яга — собачьяго кургана рѣка.

Ед-яга — котельная рѣка.

Ёмзе-надў — заиндевѣвшія осыпи.

Е́пэр-седе — непутный курганъ.

Ептарма — линное мѣсто (гдѣ линяетъ птица).

Е́птарма-хазарю́-то — линныхъ птицъ мелкое озеро.

Е́птовы-е́птун-то — линныхъ гусей озеро.

Ер-надў — среднія осыпи.

Ер-нёй-те — среднее налимье озеро.

Ер-нянд-яга — средняго рога рѣка.

Ёрово-сéде — курганъ начальника.

Ер-то—среднее озеро.

Ер-то-éзеловы—средняго озера перебродъ.

Ер-яга—средняя рѣка.

Ид-яга—ключевая рѣка.

Лáмдико-наду́—низкія осыпи.

Лáмзи-то—лоскутное озеро.

Лáмзин-тон-сё—лоскутнаго озера жерло.

Лéмбем-пúди-то — орлинаго гнѣзда озеро.

Лобагáй-сéде — съ обрывами курганъ.

Лобагáй-то—обрывистое озеро.

Лу́це-хаВы-то — русскаго (русскихъ) умершаго озеро.

Лу́цэко-сéде — русскаго курганъ.

Лы́-салè—костяной курганъ.

Ля́ку-тéнзе—Ляку (самоѣд. имя) вспомни.

Ля́ку-то—озеро самоѣда Ляку.

МеНгáн-то—омутное озеро.

Мóрды—ломанная.

Мóрра-салè — оленьяго рога мысъ.

Мóттюй-салè—острый мысъ.

Мя́дерма-сéде—чумовища курганъ.

Наду́тте—осыпи.

НГангу́ра-яга — вродѣ лодки рѣка.

Нáну-ррагá-яга — похожая на лодку рѣка.

Нéдарма—лѣтняя дорога.

Нéй-те (Нéй-то)—налимье озеро.

Ненгàдъ-пыи-то — сердитаго мыса озеро.

Нёр-то—озеро-дверь.

Нéрру-я́гако—таловый ручей.

Нéррутта-яга—таловая рѣка.

НéруОлово—такъ лежащее мѣсто.

Нэу́гы-салè—старинный мысъ.

Нэу́гы-сóтты—старинный курганъ.

НиНáгáй-салé—мысъ тайменей.

НиНáгáй-то—озеро тайменей.

Нись-хáзе-то—неблизкое озеро.

Ны́нгу-яга—будетъ рѣка.

Ны́не-мóрдомо — изломаннаго лука площадь.

Нюде-нгы́не-яга—малаго лука рѣка.

Нюде-хáле-а́рка-то—маленькой рыбы большое озеро.

Ня́бы-яга—утиная рѣчка.

Ня́да-сéде—бѣлаго моха курганъ.

Ня́да-яга—бѣлаго моха рѣка.

Ня́да-се́де-О—бѣлаго мохового кургана островъ.

Нядай-пы́и—бѣлаго моха мысъ.

Ня́дате—моховое мѣсто.

Ня́дово-салѐ — промысловый мысъ.

Ня́мза-гэ́ртӓ-се́де — съ сѣтьми сидѣть курганъ.

Ня́рӑма-се́де—подбитаго полоза курганъ (словомъ ня́рӑма самоѣды называютъ подшивку деревомъ стершагося полоза нарты).

Няр-Вӑнгуте—три норы (песцовыя).

Няр-яга—третья рѣка.

Ня́рме-яга—рѣка подшивки полоза.

Няр-со́тты-яга — трехъ кургановъ рѣка.

Няру́й—(самоѣдскій родъ).

Нягар-нэ́Вотэ-се́де — трехглавый курганъ.

Ня́укы-на́ду—матери осыпи.

Нэвӧгы-нёй-те — первое налимье озеро.

Нэ-не́лка-яга — ножной кости рѣка.

О́де-е́Во-се́де—ягоднаго мѣста курганъ.

О́лёко—маленькая (рѣка).

О́лёко-таню́-яга — маленькой площади рѣка.

О́-яга (и О-я́ко) — островная рѣка.

Па́ды-яга—рѣка-мѣшокъ.

Пай (или Пэ)—камень (Пай-салѐ).

Па́йгам-пе́нзе—ручей сырковъ.

Па́ндаты-яга—рѣка панды (*пандой* называется мѣховая обшивка подола у малицы).

Пӓрте-мя́дерма-яга — прежняго чумовища рѣка.

Пе́нзер-Но́мы-со́тты — лежавшаго барабана рѣка.

Пе́нзер-яга—рѣка священнаго барабана.

Пе́ун-то—первое озеро.

Пе́ўгы нёй-те—верхнее налимье озеро.

Пе́у-салѐ—устьевой мысъ (первый отъ устья).

По́зын-си́ги-яга—vulvae flumen.

Пой-салѐ—кривой мысъ.

По́лкур-то—озеро пыжьяновъ.

По́нгаловы-яга—неводная рѣка.

По́нга-сале—сѣтной мысъ.

Понгы-яга—сѣтная рѣка или междурѣчье.

ПорНэ́-салѐ — лягушечій мысъ.

По́рриде-со́тты — черный курганъ.

Пору́ (й)—(самоѣдское имя).

По́рцä-се́де — рыбьей *варки* (жира) курганъ.

Поюте́—ольховая.

Пу́йко—(самоѣдскій родъ).

Пу́уча-(яга)—бабушка или старуха.

Пу́учи-нгыне—старухинъ лукъ.

Пы́рри-то—щучье озеро.

Пы́рри-яга—щучья рѣка.

Пя́сидай (-э)—безъ деревьевъ (кустарника) рѣка.

Пя́сидай-то́бан-та́рка — безлѣсная копытная развилина.

Саб-яга — жирная рѣка (?) (*Саб*—густой налимій жиръ).

Сабарри̇-сё — наполняющее жерло.

Сабе́ттä—треуха (капишонъ малицы) рѣка.

Сабо́л-яга—болотная рѣка.

Сабо́ло̇чэ—болото.

Са́йбори—черноглазый.

Са́ллата̀-яга—оборотная рѣка.

Салта́на-сё—поворотное жерло.

Са́нди-то—глубокое озеро.

Сапка́й — изрытое (кочковатое) мѣсто.

Сапкаля́у—изрытая (рѣка).

Сарравы́-яга—прорванная рѣка.

Сизю-яга—пѣнная рѣка.

Се́да—курганъ.

Сё-яга — горловая (проходная) рѣка.

Си́де-юн-яга — двухъ заводей рѣчка.

Со́зянг-то—безродное (или одиноко стоящее) озеро.

Соок-наду́—осыпи „гуся“ (зимняя одежда).

Су́ю-уа́нуда̀ — мнѣ переводили „лежащая пѣшка“; комиссія пишетъ *су́ю-не́уды*—пѣшечій вы—къ.

Сюмбунг-то-салѐ—муксуноваго озера мысъ.

Сюней-салѐ—(вымершій самоѣдскій родъ).

Сяда́й — деревянный шайтанъ (идолъ).

Ся́дан-гэу-яга—половины рожи рѣка.

Сярлы́-яга—табакерки рѣка.

Ся́у-то (Ся́утен-то) — озеро нельмъ.

Сяутен-сё — протокъ озера нельмъ.

Сэрро̀-то—ледяное озеро; такъ же Сэр-яга, сэр-о (о. Бѣлый), сэр-салѐ. Слово *сэр* имѣетъ значенія *ледяной*, *бѣлый* и *соль*.

Тай-сэр-я—бѣлаго лба рѣка.

Та-ла́та—лѣтняя дорога.

Талмы́-се́де — туманный курганъ.

Та́нгаптюн-то — неторопливое озеро.

Тандѐ-яга — поднимающееся озеро.

Танмы́-то—топтанное озеро.

Таню́-яга—площадная рѣка.

Та́рка-со́тты-яга — прерывистаго кургана рѣка.

Тар-нгы́не-сё—шерстяной лука протокъ [1]).

Те-мяд-се́де — того чума курганъ.

Тёндер-седе — передней доски отъ нарты курганъ.

Тибе́й-наду́ — гнилыя (образ. тундровымъ слоемъ) осыпи.

Тин-яга—амбарная рѣка.

Ти́ник-яга—(самоѣдское имя).

Тир-се́де—облачный курганъ.

Тирчј-яга—гребня рѣка.

Тіутѐ-(яга)—моржъ-(рѣка).

То-сё—озерное горло.

То-яга—озерная рѣка.

То́бан-тарка—копыто раздвоенное.

Тобан-то—копытное озеро.

Того̀-пимѐ-я́ко — ситцевыхъ штановъ рѣка.

То́гон-то—озѐрное озеро.

То́кочен-сё—озерковое жерло.

Томбо́й—озерко.

То́ра-юн-сале — мелкой заводи рѣка.

Торобе́—мелкое.

Ту́мбы-яга (-то) — кремневая рѣка (озеро).

Ту́рма — штурмана (Иванова) (рѣка).

Ту́рманъ-юмба—штурмана земляной знакъ.

Ту́рманъ-наду́ (-недарма) — штурмана осыпи (дорога).

Тэму́й-се́де—желтый курганъ.

Тэ́утэ-седе—хвостовой курганъ.

Хабей-яга—остяцкая рѣка.

Хаву̀вы́-пя—упавшее дерево.

Хады-тѐге (Хадыте́) — еловая рѣка.

Хазаря́-то — мелкое (пересыхающее) озеро.

Ха́јери-нгы́не-яга — ближней площади рѣка.

Хай-седе—святой курганъ.

Ха́ле—рыба.

Ха́ле-во́йво-то — худой рыбы озеро.

Ха́ле-воНга—рыбная падь (заводь, загибъ).

Ха́лы—китъ.

[1]) Названіе объясняется самоѣдами такъ: протокъ похожъ на жерло, пробитое богатырскимъ лукомъ; по нему растетъ трава густая, какъ шерсть.

Хаманёлъ—(остяцкое) — выступающій мысъ (по самоѣдски Ха́ма-салѐ).

Ханáвáй-сале—соколій мысъ.

Хара́савай—извилистая.

Харво́тта-яга—лиственничная.

Харт-(яга)—село (-рѣка).

Ха́рта-сё—само собою жерло.

Ха́ртэ-то-сале — своего озера мысъ.

Ха́ртю-яга—(самоѣдское имя).

Хару́м-ба́да-я́гако—приносчаго дерева рѣчка.

Ха́э-салѐ (-то) — шайтанскій мысъ (-озеро).

Хой—хребетъ (водораздѣлъ).

Хой-се́де-ня́ў—горнаго кургана устье.

Холи-яга—(самоѣдское имя).

Хо́нде-яга—куропаточья рѣка.

Хун-хо́ба-салѐ—бараньей шкуры мысъ.

Хун-хо́ба-се́де—бараньей шкуры курганъ.

Хунарѝ-се́де — когда-то курганъ.

Хэ-яга—святая рѣка.

Хэ́йбиде-О́за (-наду́) — святой островище (осыпи).

Хэ́йбиде-я́рра-салѐ — святой песчаный мысъ.

Хэ́ўгы-е́зеловы — подлѣ перебродъ.

Хэ̑э-яга-се́де—святой рѣки курганъ.

Хэ̑эн-ган-седе (- -то)—шайтанской нарты курганъ (-озеро).

Ю-яга—запорная рѣчка.

Ю́мба-яга — земляного знака рѣка.

Ю́мбар-яга—кочковатая рѣка.

Юн-(яга)—заводь (-рѣка).

Юрюбе́й—(не переводится).

Юрюбе́чи—маленькій Юрюбей.

Я-ла́ттӓ-яга—земляная широкая рѣка.

Я-яга—земляная рѣка (словомъ „я“ часто называются выходы черныхъ торфяныхъ пластовъ въ берегахъ рѣкъ и озеръ).

Я́дне-то—озеро Ядне (самоѣдское имя).

Я́ды-мал-то—конца (верховья) Яды озеро.

Я́лле-пя-се́де—„дневныхъ“ палокъ курганъ (жертвенныя палки съ 7-ю зарубками).

Я́мба-пензе-яга—длиннаго ручья рѣка.

Я́мбу (-то)—длинное (озеро).

Я́мбук—длинненькій.

Я́нгатj-яга—обивающей лопатки рѣка (лопатка, которой обиваютъ платье отъ снѣга).

Янг-саваи-яга — съ горѣлымъ лѣсомъ рѣка.
 Япта-салё—тонкій мысъ.
Япта-яга—узкая рѣка.
Яптик-яга—рѣка рода Яптикъ.
Яптоко-яга (-нéдарма)—узенькая рѣка (-дорога).
Ярра-мо́ккодä — песчаная верхушка чума.
Ярра-няў-яга — осыпи устья рѣки.
Ярра-О—песчаный островъ.
Ярра-яга — песчаная (словомъ *ярра* называютъ обыкновенно песчаные холмы и склоны, лишенные растительности, также коросту на головѣ).
Ярро-то—песчаное озеро.
Яртан-то—плачущее озеро.
Ясава́й—земляная.

Приведенный списокъ показываетъ, какой характеръ имѣютъ въ общемъ самоѣдскія названія. Иногда они носятъ чисто-описательный характеръ, иногда являются слѣдствіемъ какой-нибудь случайности (найденъ или забытъ пензеръ на берегу озера, подбивали полозья нарты у холма и т. д.). Конечно, врядъ ли можно считать всѣ названія вполнѣ установившимися. Мѣстные вотчинники хорошо знаютъ имена и мелкихъ урочищъ въ своихъ районахъ, дальніе самоѣды знаютъ точно главныя и иной разъ не упустятъ случая окрестить ручей или курганъ вновь. Происхожденіе многихъ названій въ настоящее время забыто, и они не могутъ быть истолкованы (напр., Яды, Мо́нготта, Юрюбе́й, Янзоръ, Томбе́й—или Тамбе́й?—и другія). Нѣкоторыя названія отдѣльными самоѣдами произносятся нѣсколько различно, и носовые и гортанные звуки языка вообще трудно уловимы для слуха: отъ этого зависитъ разница въ начертаніяхъ отдѣльныхъ именъ на картахъ и въ спискѣ переводческой комиссіи, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ вынуждена была нѣсколько измѣнять записанныя нами (иногда, несомнѣнно, не вполнѣ правильно) названія, устанавливая ихъ смыслъ.

Возможно, что въ число приведенныхъ здѣсь названій не

вошли нѣкоторыя изъ находящихся на планшетахъ и картахъ по неполнотѣ списка, доставленнаго на просмотръ комиссіи. Между прочимъ не были просмотрѣны комиссіей полностью названія, находящіяся на отдѣльной картѣ озеръ Нёй-те и Ямбу-то.

ГЛАВА XIII.

Метеорологическія наблюденія экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Ямалъ въ 1908 г. подъ начальствомъ Б. М. Житкова.

Обработаны д. чл. **Л. Ф. Рудовицемъ.**

Области наблюденій (по новому стилю).

Апрѣль	между	67°	и	68°20′
Май	„	68°20′	и	70°15′
Іюнь	„	70°10′	и	70°20′
Іюль	„	70°10′	и	68°30′
Августъ	„	68°30′	и	66°50′

Примѣчаніе: Съ 14 апрѣля по 17 мая, съ 27 іюня по 16 іюля, съ 24 іюля по 13 августа давленіе воздуха выведено изъ показаній двухъ анероидовъ, въ остальное время —по показаніямъ одного анероида. Курсивомъ напечатаны величины давленія воздуха, выведенныя изъ опредѣленій по гипсотермометру.

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ*)	Температура воздуха.		Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
Апрѣль. 14/1	Обь; Песокъ Тарвайнуй, 40 в. выше р. Щучьей	7 ч. у.	750,0	—13,2	—13,2			10	NNS кр.	*	Вѣтеръ порывистый. Отъ 9 ч. до 11 ч. у.—штиль.
	Обь. Песокъ Тарвайнуй 30 в. выше р. Щучьей	1 ч. д.	752,0	—16,0	—16,0			0	WNW св.		
	Обь. Тади бехарбіе сале. Близъ устья р. Щучьей	9 ч. в.	750,2	—21,1	—20,8			4 Ci	SSW сл.		Облака только на западѣ.
15/2		7	748,6	20,0	—19,5			4 Ci	W ср.		⦶ п.
		1	748,9	—17,0	—17,0			10°	W св.	*	Буранъ.
		9	749,2	—20,0	—20,0			1 S	W сл.		Облака на западѣ.
16/3	-	7	746,4	—20,7	—20,2			1 CiS	E сл.		
	Обь. 4 в. къ западу отъ р. Щучьей.	1	748,8	—16,5	—16,5			5° N	NNE ср.		⊛
	24 в. къ WNW отъ у. р. Щучьей.	9	749,6	—21,0	—21,0			0	WNW сл.		⦶
17/4	Сопкай. 24 в. къ NNW отъ у. р. Щучьей . .	7	749,2	—24,0	—24,5			0	NNW сл.		Въ 7¼ ч. у. вѣтеръ W.
		1	753,5	—16,0	—16,5			0	S сл.		[illegible]

18/5	Верховья р. Хадыте; притокъ Вода-яга. .	7	749,1	—20,5	20,5			4 CiS	SE ср.		Снѣговой покровъ плотный, на ровной тундрѣ около 6 вершк. Мѣстами заструги.
	—	1	747,1	12,2	12,2			10° N	S св.	*	Буранъ; снѣгъ мелкой пылью.
	20 в. далѣе на NNE.	9	743,4	—13,0	—13,0			7 N	S ср.	*	Буранъ.
19/6		7	743,6	10,5	—10,7			10 N	SSE сл.	*	✠
	Р. Хадыте	1	749,8	—12,5	—12,7			8 N	NNW св.		
	—	9	754,4	—18,0	—18,5			0	NW св.		[●] при закатѣ.
20/7	Верховья р. Хадыте.	7	759,1	—19,4	—19,5			0	SSW сл.		
	—	1	762,0	14,8	—15,0			5 CiS	SSW сл.		
	Р. Табан-тарка (у кургана).	9	759,4	—22,0	—22,0			2 S	E сл.		
21/8	—	7	758,9	—15,0	—15,0			10 N	SE св.	*	Буранъ.
	—	1	756,5	—9,0	—9,0			10 N	SE св.	*	Буранъ; снѣгъ мелкій, сухой.
	—	9	753,5	—7,5	—7,5			10 N	SE св.	*	Буранъ; * въ видѣ мелкихъ ледяныхъ кристалловъ.
22/9		7	752,3	—2,4	—2,5			9 N, S	SW сл.		
	—	1	756,1	4,7	4,2			9 S	SSW сл.	● p	
		9	758,3	1,0	1,0			10 N	W сл.	*	

*) Не приведено къ уровню моря.

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.		Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
23/10	Верховья р. Яды, притокъ Порце-яга. .	7	758,9	0,0	0,2			10 N	SE ср.	*	
	—	1	753,2	1,5	1,1			10 N	SSW ср.	●°	
	Водораздѣлъ. Перевалъ у верховій р. . .	9	753,7	2,5	0,8			9 N	SW сл.		
24/11	Перевалъ съ Обской г. на Карское море. 20 в. южнѣе оз. Ярро-то .	7	750,5	2,0	1,5			1 CiS	SW св.		
	—	1	751,3	3,0	2,5			7 S	SW сл.		Зенитъ и южная часть неба чисты.
	Южный берегъ оз. Ярро-то	9	757,9	0,0	0,0			10 N	SW сл.	●° р.	
25/12	—	7	758,7	—1,7	—1,7			2 SCi	SW сл.	*° n	
	—	1	759,8	—2,0	—2,0			5 SCu	W ср.		До наблюденій вѣтеръ крѣпкій.
	Сѣверный бер. оз. Ярро-то	9	758,0	11,0	11,0			1 S	W сл.		$5^{\text{п}}_{\text{р}}$ снѣжная буря отъ W
26/13	—	7	764,1	—14,0	—14,0			0	NNW шт.		Буранъ.
	—	1	763,6	—10,5	—10,5			N?	WNW оч. кр.	*	Буранъ { неба не видно за тучами
	-	9	764,0	—11,2	—11,7			N?	NW шт.	*	Буранъ { поднятаго съ

27/14	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]					
	—	1	768,7	10,0	—10,0		0	NNW оч. кр.		Буранъ.
	—	9	769,5	—15,0	—15,0		1 S	NW сл.		
28/15	—	7	767,6	12,5	—12,0		5 S	SW сл.		
	—	1	765,4	—6,0	—6,0		1 CiS	S ср.		
	—	9	758,7	—7,0	—7,0		10 N	S ср.	*° р.	
29/16	—	7	750,2	—4,0	—4,0		10 N	E оч. кр.	*	Буранъ.
	—	1	750,1	—2,1	1,9		10 N	E ср.	*	
	—	9	750,1	—3,1	—3,1		10 N	ENE сл.	*	Ночью порывы сильнаго NW вѣтра. Снѣжная буря.
30/17		7	756,6	—3,2	3,5		10 N	NW оч. кр.		Буранъ.
	—	1	759,2	—0,8	—1,0		0	W ср.		Около $5^{п}_{р}$ свѣжій W, буранъ.
	—	9	759,5	—8,0	—8,0		9 S	W сл.		
Май. 1/18 апр.	—	7	758,8	—4,0	—4,0		9 S, Ci	0		
	—	1	758,6	—0,5	—2,5		3 S, Ci	NNE сл.		
	—	9	760,0	—7,0	—8,5		10 N	N сл.	*°	
2/19	Лѣвѣе верховья Юрубея	7	758,4	—9,2	—9,4		10 N	WSW ср.		
	—	1	761,5	—9,6	—9,8		1 S	W ср.		
	—	9	760,0	—17,5	—17,5		2 S	0		

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.		Влажность.		Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
						Абсолютн.	Относит.				
3/20	50 в. къ NW отъ Ярро-то	7	757,8	—14,0	—14,2			0	NNE сл.		
	60 в. къ NW отъ Ярро-то	1	753,0	—8,8	—9,0			8 S	NNE сл.		
	—	11 ч. в.	753,5	—13,0	—13,0			10 N	NNE сл.		
4/21	—	7	752,3	—10,5	—10,5			10 N	N сл.	*n* 1	
	—	1	756,2	—9,0	—9,5			10 N	NE сл.		
	—	9	754,7	—12,5	—12,5			10 N, S	NE ср.		
5/22	Юрубей, средн. теченіе.	7	755,2	—15,1	—15,2			10 N	NNE св.		
	Р. Нензета-яга. . .	1	755,0	—15,1	—15,2			3 S	ENE ср.		
	Близъ оз. Сяото ло.	9	756,1	—21,6	—21,6			5 Ci	N сл.		
6/23	Близъ оз. Сяото . .	7	756,7	—13,7	—14,0			10 N	E ср.		
	—	1	756,6	—7,5	—8,5			9 S, N	E сл.		
	—	9	755,6	—19,0	—19,0			1 S	N сл.		
7/24	—	7	747,8	—16,5	—16,5			10 N	NE кр.		Буранъ.
	—	1	741,9	—12,0	—12,0			?	NE буря.		Буранъ.
	—	9	740,5	—9,5	—9,5			1 S	SSW сл.		
8/25	—	7	738,7	—0,6	—0,6			10 N	ENE сл.		
	—	1	742,4	—8,6	—8,6			10 N	SW [illegible]		[illegible]

9/26	—	7	751,0	—9,5	—9,5			10 N	W св.		Буранъ.
	—	1	753,1	6,5	—6,5			9 N, S	SW св.		Буранъ.
	—	9	757,9	—8,0	—8,0			4 S	SW ср.		
10/27	20 в. болѣе на NNE.	7	758,3	5,5	5,5			2 S	SSW ср.		
	—	1	759,4	1,5	0,5			0	SSW сл.		
	—	9	759,8	—6,0	6,5			0	S сл.		
11/28	Р. Собрей-яга . . .	7	757,2	5,0	—5,4			1 Ci	SE ср		
	—	1	755,9	—0,2	—0,2			0	S св.		
	—	9	755,9	—5,5	—5,6			1 S	S ср.		
12/29	20 в. сѣвернѣе отъ р. Собрей	7	755,9	2,5	3,0			0	SE св.		
	10 в. къ N (Панкыяга).	1	755,8	2,5	1,5			5 CiS	SE ср.		
	—	9	755,6	—3,5	—3,5			9 S	SE ср.		
13/30		8	753,1	0,5	0,2			10 N	SSE ср.		
	—	1	747,1	1,0	0,5			10 N	SSE св.	●°	
	—	9	741,4	0,5	0,5			10 N	SW ср.		Вѣтеръ измѣнчивый.
14/1 мая	Р. Ясавай	7	742,1	0,5	0,5			10	SE ср.		ϰ
	—	1	742,7	3,1	3,1			10 N	S ср.	*	
	—	9	742,0	—0,8	—0,8			10 N	SW св.		Съ 11 ч. веч. снѣжная буря отъ SW.
15/2		7	744,0	—1,0	—1,0			10 N, S	SW св.		Солнце временами просвѣчиваетъ сквозь тучи.
		1	744,2	—1,0	—1,0			10 N, S	W ср.		
		9	743,7	—6,0	—6,0			1 S	NW сл.		

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.		Влажность.		Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
						Абсолюти.	Относит.				
16/3	Близъ озера Луцехауто.	7	745,5	—6,5	—6,5			S	W ср.		⊛ при восходѣ.
	—	1	748,3	—0,5	—1,0			8 S, N	W ср.		
	—	9	749,6	—7,0	—7,0			3 S	SW сл.		
17/4	Близъ озера Луцехауто.	7	748,7	—2,4	—3,0			1 S	SSE ср.		
	—	1	748,6	—0,0	0,0			5 Cu	S сл.		
	—	9	746,4	—1,0				9 N, S	SSW сл.		
18/5	—	7	745,7	—2,0				10 N, S	WNW сл.		
	—	1	745,9	—2,0				7 N, S	WSW сл.		
	—	9	746,6	—1,0				1 S	W сл.		
19/6	—	8½ ч.	746,5	—1,5				7 S, N	SW сл.		
	—	1	747,3	0,0				9 S, N	W ср.		
	—	9						7 S, N	NE сл.		
20/7	—	7	749,1	0,0				10 S, N	S сл.		≡
	—	1	749,1	1,0				10 S, N	S сл.		
	—	9	748,9	—0,5	—0,5			5 S	S сл.		
21/8	—	7	748,4	—2,5	—2,5			1 S, Ci	SSW сл.		
	—	1	749,8	0,0	0,0			10	N ср.		

22/9	Оз. Луце-хауто . . .	7	752,8	—4,0	—4,0			2 S, Ci	WSW сл.		
	—	1	752,7	2,0	2,0			9 S, Cu	W сл.		
	—	9							W сл.		Слегка подморозило.
23/10	—	7	755,6	—2,5	—2,5			9 S, N	W сл.		
	—	1	757,3	0,2	0,2			10 N, Ci	WSW ср.	*°	
	—	9	759,0	—2,5	—3,0			10 N	W ср.		
24/11	—	9½	756,5	—0,7	—0,7			10 N	SW сл.	*°	
	—	1	756,4	—0,4	—0,5			10 N	SSE ср.		
	—	9	753,3	—0,2	—0,2			9 N, S	SSE ср.		Ночью и до 5 ч. утра снѣжная буря.
25/12	—	7	748,4	—1,0	—1,0			10 N, S	SSE кр.		
	—	1	748,3	1,1	0,9			10 N	SE св.		
	—	9	749,7	—2,5	—2,6			2 Ci	S ср.		
26/13	—	7	748,2	—1,5	—2,0			5 Ci, S, N	SE сл.		
	—	1	748,8	1,5	1,5			4 Ci, N	ENE сл.		
	—	9	750,3	3,4	—3,4			3 CiS	NNE сл.		
27/14	—	7	750,1	—0,5	—0,5			10 N, S	NW ср.		
	—	1	752,3	0,0	0,1			10 N, S	NW св.		
	—	9	755,4	—2,8	—3,0			10 N	N св.		
28/15	—	7	757,5	—4,2	—4,2			10 N	NNW ср.		
	—	1	757,1	—0,8	—0,8			10 N, S	NNW ср.		
	—	10	755,9	—3,0	—3,0			10 N, S	ENE сл.		
29/16	—	7	753,0	—1,5	—1,5			10 N	E сл.		
	—	1	750,2	—1,5	—1,5			8 S	ESE ср.		
	—	9	750,3	—4,5	—4,5			4 CiS	ESE сл.		

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.		Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
30/17	—	7	749,8	—0,6	—0,8			10 N	N сл.		≡
	—	1	750,0	2,5	2,5			10 N	N ср.	*	
	—	9	752,2	—0,2	—0,2			10 N	NNE сл.		
31/18	—	8	751,5	2,0	2,0			10 N	NNE сл.		
		1	752,2	3,0	3,0			10 N, S	SSW ?	*°	
	—	9	750,0	0,5	0,6			9 N	O		
Іюнь. 1/19 мая	—	7	747,1	0,5		4,8	100	10 N	SE сл.	*°	
	—	1	745,6	2,0		—	—	10 N	ENE ср.	●°	
	—	9	745,2	1,0		—	—	8 N, Cu	S сл.	● p	
2/20	—	7	744,6	4,0		6,1	100	10N, S, Cu	SE сл.		
	-	1	744,3	4,0		6,1	100	8 N, S Cu	SE сл.		
	—	9	743,9	2,0		5,3	100	3 S, Ci	E сл.		
3/21	—	7	747,4	1,0		—	—	10 N	SSE сл.	*°	
	—	1	744,3	4,5		—	—	10 N	SE сл.	*	
	—	10	744,1	1,0		—	—	8 S, SCu	SE сл.		
4/22	—	8	741,3	3,0		—	—	10 N, S, SCu	NNE ср.	*n	
	—	1	738,0	2,5		—	—	10 N	NNE св.	**	

		7	729,3	– 0,5		—	—	10 N	WNW шт.	*	Буранъ } ка проглядывало сквозь тучи солнце.
		1	734,0	0,5		4,8	100	10 N	W буря	*	Буранъ
		9	736,3	0,0		4,6	100	10 N	WSW буря	*	
6 24	—	3	—	–1,0		4,3	100		SW шт.	*	Буря со снѣг. } изрѣдка сквозь тучи солнце проглядывало.
	—	7	736,0	0,0		4,6	100	10 N	SW шт.	*	Буря со снѣг.
	—	1	739,4	0,0		4,6	100	10 N	SSW кр.	*	
	—	9	741,9	–2,0		4,0	100	2 S, CiS	SSW сл.		
7 25	—	3	—	–0,5		4,4	100	8	S сл.		
	—	7	741,2	1,0		4,5	91	7 S, Ci	S св.		Изрѣдка сквозь тучи проглядывало солнце.
		1	742,9	2,5		5,0	92	6 S, N	SSW сл.		
	—	9	743,9	2,2		4,8	89	9 N, S	WSW сл.		
8 26		3	—	0,5		4,3	91	10 N	W св.	*	
	—	7	744,5	0,0		4,4	96	10 N	NNW св.	*	Сквозь тучи слабо видно солнце.
	—	1	747,8	3,0		4,8	84	6 Cu	W св.		
	—	9	749,7	1,0		4,5	91	9 N, Cu, S	SW сл.		
9 27		8	751,0	2,4		5,1	94	10 N	WSW св.	*△n	
	—	1	751,6	3,0		4,8	84	10 N	W св.	*∧a p	
	—	9	752,8	0,6		4,5	93	9 N	NW св.		
10 28	—	7	755,0	0,0		4,0	87	10 N	NNW сл.	*ᶜ	
	—	1	755,8	5,0		—	—	9 N	NNE сл.		Временами видно солнце.
	—	9	757,2	1,0		—		3 Cu, S	NNW сл.		

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.	Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
11/29	—	7	757,2	2,5	5,0	92	10 N	NNE сл.		
	—	1	757,3	3,5	5,0	85	10 N, S	NNE сл.	*a	
	—	9	757,1	—0,5	4,3	96	4 S, Ci	N сл.		
12/30	—	7	755,3	—0,2	4,5	100	10 N	NNE ср.	*°	
	—	1	753,8	2,0	4,9	92	7 N, S	N ср.		
	—	9	756,3	—0,5	4,0	91	10 N, S	NW		
13/31	Оз. Луце-хауто . . .	7	757,3	—0,6	-	—	10 N	NNW св.	*	
	Окр. оз. Луце-хауто	1	758,5	2,5	5,0	92	10 N, S	NNW сл.		Временами видно солнце.
	—	9	759,1	0,6	4,4	91	10 N	NNW сл.		
14/1 іюня	Р. Япта-яга	7	762,9	6,6	5,7	79	4 CS, Cu	WSW сл.		
	—	1	762,0	5,5	5,8	86	10 N	SW сл.		
	—	9	761,3	5,5	5,8	86	6 S, Ci	SW сл.		
15/2	—	7	762,8	9,8	7,0	77	3 Ci	SSW сл.		На солн. припекѣ 19°,5.
	Р. Се-яга.	1	764,6	15,9	9,0	67	1 Ci	S ср.		„ „ „ 20°,8.
	—	9	764,1	13,0	7,7	69	0	SW сл.		
16/3	—	7	765,0	13,5	8,0	69	0	SSE сл.		
	—	1	764,7	18,0	13,3	86	0	SSE ср.		

17/4	Р. Тамбой-яга . . .	10	757,5	10,0		12,9	[illegible]	[illegible]	[illegible] кр.		
	—	1	757,8	11,5		8,0	79	8Cu, Ci	ESE св.		
		9	755,7	9,0		8,6	100	10 N	NNE сл.	●	Тр.
18/5	—	7	751,3	13,5		9,7	81	3 S, Ci	SE сл.		
		1	749,2	15,0		10,2	80	2 Cu, Ci	N сл.		
	—	9	747,0	8,5		8,0	96	3 N	NNW сл.		≡
19/6	Р. Тамбой-яга (устье).	7	746,2	4,5		6,3	100	10 ≡	W ср.		≡
	—	1	748,5	5,0		6,1	93	10 N	WSW ср.	●	
	—	9	752,6	1,5		5,1	100	10 N	W св.	●c	
20/7		7	756,9	5,1		6,0	91	10 N	W сл.		
	—	1	757,7	7,5		6,3	81	10 Cu, S	W сл.		
	—	9	757,0	5,5		5,6	83	7 S	SSW сл.		
21/8	—	7	756,9	4,5		6,3	100	10 ≡	W св.		≡
		1	758,8	7,0		6,5	87	3 S, Ci	NW сл.		
	—	9	760,2	12,0		9,3	89	2 S	SES сл.		
22/9	Р. Сё-яга.	8	751,2	18,0		12,6	82	0	S св.		
		1	749,5	23,6		16,4	76	0 Cu	S кр.		
	—	9	752,1	2,5		5,5	100	10 N	W кр.	●c	
23/10	—	7	752,9	0,2		4,7	100	10 N	NW кр.	● n	
	—	1	756,5	5,5		6,7	99	9 S, N	NNW кр.		Временами видно солнце.
	—	9	759,4	3,0		5,3	94	9 S, N	NNW кр.		

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.	Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
24/11	Р. Сё-яга.	1 ч. н.	—	1,5	3,4	67	4	NNW сл.		Въ яминкахъ вода покрылась льдомъ.
	Въ окр. р. Се-яга (оз. Сяотетта-то). . . .	7	760,1	2,5	4,6	84	8 Cu, S	N сл.		
		1	759,2	8,5	7,3	87	4 Cu	N кр.		
		9	758,4	4,0	5,5	91	1 S	N ср.		
25/12	Оз. Сыро-то (въ окрестност. р. Се-яга). .	7	757,1	5,5	5,7	84	3 S, Ci	NNE кр.		
		1	757,2	12,5	9,6	89	6 S, N	NNE кр.		
		9	757,2	9,5	8,8	99	3 S, Ci	NNW св.		
/13	Оз. Табай-то (въ окрестн. р. Се-яга). .	8	756,6	11,5	8,7	85	2 S, Ci	NNE св.		
	—	1	756,0	15,7	12,4	93	2 S	N св.		
	—	9	756,2	11,5	7,9	78	0	NNE сл.		
27/14	—	7	755,2	9,8	8,7	96	2 S, Ci	0		
	—	1	755,5	17,0	13,8	95	3 S, Ci	W сл.		
	—	9	754,9	11,7	10,0	98	9 N	S сл.		
28 15	Оз. Табай-то	7	751,8	10,0	9,2	100	10 ≡	S сл.	●°	≡
	—	1	752,6	12,5	10,8	100	10 N	W сл.		

29/16	—	7	—								☰ n; утромъ погода ясная.
	—	1	755,8	17,0		13,8	95	3 S, Cu	SE сл.		
	—	9	757,0	15,5		12,5	95	3 S, Cu, Ci	SE сл.		T на S.
30/17	—	7	755,5	17,2		13,0	89	1 CiS	S св.		☰ ² n.
	—	1	755,4	25,5				0	SSW св.		
	—	9	758,1	20,5				0° CiS	0		∞ ap.
Іюль. 1/18	—	7	757,5	21,5		17,7	96	4 N, Ci	N сл.		
	—	1	757,1	27,5		—	—	2 S, Cu	N сл.		∞ °.
	—	9	757,7	16,0		10,6	78	5 S, S-Cu, Ci	NNS сл.		
2/19	Р. Морды	7	757,8	15,1		10,1	79	1 S, Cu	N ср.		
	—	1	758,2	16,5		10,9	78	3 CiS	N св.		
		9	—	—		—	—	—	—		
3/20		7	759,0	7,6		7,7	99	10 N	ENE кр.		
	—	1	759,1	17,0		14,5	100	8 S, Ci	E св.		
	—	9	758,5	14,5		11,1	90	4 Cu	ENE св.		
4/21	—	7	755,8	11,5		10,1	100	10 S, N	SE св.	●	
	—	1	755,0	18,5		11,0	69	3 S	SE ср.		
	—	9	751,8	9,5		8,3	94	3 S	ESE ср.		Tр.
5/22	—	7	746,3	18,2		10,5	67	9 S, N	SSE сл.		
	—	1	744,4	19,0		11,9	73	9 S, SCu, N	NNW сл.		
	—	9	744,9	8,5		7,8	94	10 N, S	NNE св.	●	

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.	Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
6/23		7	744,6	4,1	6,1	100	10 N	NNE кр.	● n 1	
	—	1	745,3	3,5	5,9	100	10 N	NNE кр.	● a 2	
	—	9	746,3	3,1	5,2	91	10 N	NNE св.	● p	
7/24	—	7	748,6	3,0	—	—	10 N, S, S	NNE кр.	● △ n	
	—	1	747,6	6,5	6,8	93	9 S, N	N ср.		
	—	9	748,7	7,0	7,1	95	2 S, Cu, N	WNW ср.		
8/25	Р. Морды (въ тундрѣ 3—4 м. надъ долиной).	7	743,2	3,0	5,7	100	10 N	W ср.	* n	
		1	744,9	6,0	5,1	73	10 S	W св.		
		9	745,6	2,0	4,1	77	9 N, S	W ср.		
9/26		7	747,7	3,0	4,4	77	10 N, Cu	W ср.		
		1	748,9	7,5	5,0	64	9 N, S	SW ср.		
		10	753,4	5,5	5,3	79	7 N, S	E сл.		
10/27	Р. Морды (верховье)	7	752,5	9,5	7,1	80	10 N	0	●°	
	—	1	753,2	12,6	7,2	66	9 Cu	0		
	—	9	751,9	9,5	8,4	95	8 S, Cu	SE сл.		
11/28	—	7	757,2	10,5	9,5	100	9 N	SW ср.		
	—	1	755,3	12,5	9,6	89	1 Cu	W ср.		

	Неру-то)	7	757,4	15,5		11,8	90	1 S	S св.		
	—	1	757,6	19,0		12,8	78	2 CiS	S ср.		
	—	9	757,1	14,0		9,5	79	1 CiS	S сл.		
13/30	—	7	756,2	14,5		9,2	75	9 N, S	NNE сл.		
	—	1	754,2	16,5		9,1	65	9 N, S	N ср.	●°	
	Оз. Неру-то	9	753,3	10,0		8,6	94	9 S, Cu	NNE сл.	●°	
14/1 іюля.	—	7	753,0	7,9		7,2	90	10 N	NNW св.		
	—	1	753,6	13,0		8,9	80	10 Cu	NW ср.		
	Оз. Ямбу.	9	751,8	12,1		8,1	77	1 S	WNW ср.		
15/2	—	7	752,3	7,8		7,3	92	4 ≡	NNW св.		≡ n.
	—	1	752,2	16,5		12,6	90	0	N ср.		
	—	9	755,3	9,5		8,3	94	0	NNE сл.		
16/3	Бл. долины Ясавай .	7	757,7	10,5		8,4	88	8 CiS	N ср.		Въ 2 ч. у. t° = 6,0.
		1	759,2	14,0		8,3	70	10 S	N ср.		
		9	761,6	8,0		7,1	89	8 S	NE сл.		
17/4	Р. Ясавай	7	764,2	6,0	—	—	—	4 S	ENE ср.		Около 12 ч. дня на W — гориз. нѣсколько разъ миражи.
		1	765,3	7,0	—	—	—	3 S, CiS	NNE сл.		
		9	766,1	5,0	—	—	—	9 S, S-Cu N	NE ср.		
18/5	5 в. къ S отъ долины Ясавай	7	767,4	3,5		4,5	77	10 S	NE ср.		Въ 2 ч. у. t° = 2,0.
	—	1	767,1	9,0		7,5	88	4 S	NE сл.		
	—	9	766,4	7,5		7,8	100	0	NE ср.		Въ 6 ч. в. t° = 16,0.

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.	Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
19/6	—	7	765,4	7,0	6,3	84	1 S, SCu	NNW св.		
	—	3	763,4	10,5	6,8	71	1 S	NNW св.		
	—	9	763,0	5,1	5,5	84	2 S, Ci	NNE ср.		
20/7	10 в. къ N отъ Юрубея.	7	760,0	8,5	6,7	81	10 S, N	NNW кр.		
		1	759,5	9,7	6,4	71	9 S,S Cu	NW кр.		
		9	758,6	5,5	6,8	100	0	NW св.		≡ на W.
21/8	Р. Юрубей.	7	756,2	5,0	6,5	100	1 N, S	WSW св.		
		1	756,4	15,0	11,4	90	2 S	W ср.		
		9	757,0	9,3	8,4	96	9 N, S	NNE сл.	●°	
22/9	Р. Юрубей.	7	759,6	13,0	10,7	96	0	0		
		1	762,2	17,2	13,7	93	0	0		
		9	760,6	10,0	9,2	100	0	E сл.		
23/10	Р. Юрубей.	7	759,8	10,2	8,8	94	2 N, S, Ci	S ср.		
		1	758,7	22,5	14,6	72	1 S, Cu, Ci	SSW св.		
		9	758,0	15,0	12,1	95	2 S, SCu	S ср.		
24/11	Р. Юрубей.	7	759,0	14,0	10,7	90	10 S	NW ср.		
		1	758,5	13,0	9,5	85	10 S	N ср.		
		[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]		

25/12	—	7	758,9	8,5		7,8	94	8 N, S, SCu	NNE ср.		
		1	758,8	13,0		9,0	81	4 S, SCu	NNW св.		
		9	758,6	5,0		5,6	86	10 N	NNW св.		
26/13	Среднее теч. Юрубея.	7	758,0	5,5		6,2	91	10 SCu	WNW ср.		
		1	757,5	6,9		6,1	81	10 N	NNW св.	●°	
		9	759,0	5,0		5,4	83	8 N	WNW кр.		
27/14	2ое оз. Найво-то и Ямбу-то	7	758,8	3,6		4,8	80	10 N	NNW ср.		
		1	757,6	7,5		6,3	81	10 N	NNW ср.		
		9	753,8	7,5		6,7	87	8 S	NNW сл.		
28/15		7	753,8	5,0		6,3	97	10 N	N кр.		
		1	753,4	6,0		6,9	99	10 S, N	N св.		
		9	752,2	5,0		6,5	100	10 N	N св.	● p 3	≡
29/16		7	752,7	9,5		7,9	89	3 S, SCu, N	NE ср.		
		1	752,6	11,5		7,3	72	9 SCu, N,	NNE ср.		
		9	754,3	8,0		8,0	100	10 N	NE ср.	●° p 3	
30/17	Воронье озеро . . .	7	756,4	8,0		7,5	94	10 N	W сл.		
	—	1	757,1	10,5		7,4	78	10 Cu, N	NNW ср.		
	Близъ Ярото	9	755,6	8,7		8,2	98	10 Cu	NNW ср.	●° p 3	
31/18	Близъ оз. Ярото . .	7	755,0	12,5		8,6	79	2 CiS	NNE св.		≡ n.
	—	1	754,5	15,1		7,8	61	1 S	N св.		
	—	9	757,2	11,0		8,5	86	8 CiS	N ср.		

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.	Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
Августъ. 1/19 іюля	—	7	757,5	13,0	9,4	84	0	N ср.		
		1	758,0	19,0	13,5	82	0	N св.		
		9	757,8	10,5	7,8	83	0	N ср.		
2/20		7	759,2	10,0	7,6	82	3 S, N	N ср.		
		1	758,6	14,7	7,6	61	1 S	NNE св.		
		9	757,2	10,2	8,0	86	1 S	N ср.		
3/21	Оз. Ярото	7	755,9	12,0	10,5	100	10 S, N	N св.	●c	Въ 2 ч. 40 м. t° = 20,5.
	—	1	755,5	19,3	13,3	80	3 CiCu	NE св.		
	—	9	755,0	14,8	10,9	87	10 N	NNE ср.	●° р.	≡ 3, Тр.
4/22	—	7	754,5	15,2	12,0	93	0	ENE сл.		∞
	—	1	754,1	19,1	15,6	94	2 CiCu	ENE сл.		∞
	—	9	752,9	14,5	9,8	80	0	N сл.		∞
5/23	I переходъ къ югу отъ Яро-то.	7	752,3	16,7	12,5	88	0	NNE сл.		∞
		1	752,0	19,5	12,5	74	0	NNE сл.		∞ Та.
		9	751,7	13,5	11,6	100	5 CiS?	0		∞ ' ⩨
6/24	Водоразд. у верш. р. Яды.	7	751,7	15,2	12,8	99	10 N	NE сл.		∞ ⌒ n ≡ n.
	—	1	751,6	20,9	16,0	87	8 Cu, N	ENE сл.		∞ по горизонту.
	Верховья р. Яды [illegible]	9	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]		[illegible]

	Р. Ялы	1	752,1	19,4		12,6	75	1 ACu	E ср.		x
		9	753,3	14,6		11,0	89	10 Cu	NE сл.		x
8/26	Верховье р. Ялы . .	7	752,9	16,7		13,2	93	4 CiS	NE сл.		x
		1	752,7	20,2		16,5	94	8 ACu	NE сл.		x
		9	752,8	11,5		9,6	94	2 Ci	NNE сл.		x
9/27	Перевалъ между Ядой и Хадыте	7	753,7	15,3		11,9	92	2 S	N сл.		‿
		1	753,8	21,0		10,4	56	0	NNE сл.		
		9	755,1	11,5		9,0	89	0	N сл.		
10/28		7	755,7	12,1		10,3	98	10 N	N ср.		
		3	756,8	16,6		11,3	80	1 Cu, S	N ср.		
		9	757,1	9,5		7,8	88	1 S	N ср.		
11/29	Р. Тобан-тарка (ср. теченіе)	7	757,6	8,2		8,0	99	10 N	N кр.	●	
		1	757,8	9,5		8,3	94	10 N	NNE св.	●	
		9	758,7	8,6		7,8	94	10 N	N св.	●	
12/30	Между рѣчками Тобан-тарка и Хадыте .	8	758,4	9,2		8,5	97	10 N	NNE ср.	●°	
		1	759,0	10,6		9,3	98	10 N	NNE ср.	●	
		9	759,7	10,8		9,0	93	10 N, S	NNE ср.		
13/31	2 переходъ отъ Пуйкова	7	761,9	7,8		7,7	97	10 S	NNE св.		
	—	1	763,0	9,2		6,9	79	10 S	NNE св.		
	20 в. отъ Пуйкова .	9	763,0	5,6		6,8	100	9 S	NNE сл.		

Числа нов./стар. стиля.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Время наблюденій.	Барометръ.	Температура воздуха.	Влажность. Абсолютн.	Влажность. Относит.	Облачность.	Вѣтеръ.	Осадки.	Примѣчанія.
14/1 авг.		7	—	7,0	7,0	93	10 N	N ср.	●°	
		1	—	8,1	7,6	94	10 N	N ср.	●°	
		9	—	7,3	7,7	100	10 N	NNW сл.	●°	
15/2	Сапкай (вершина) .	7	—	9,0	8,6	100	5 S, Cu	0		
		1	—	14,5	9,1	74	9 Cu	WSW сл.		
		9	—	10,0	8,4	92	9 Cu	S сл.		
16/3	Хонде-яга	7	—	7,5	7,2	93	0	SW сл.		∞ ⌒
		1	—	15,0	9,2	72	2 Ci	SW сл.		∞
		9	—	8,7	7,4	88	0	NE сл.		∞
17/4	20 в. къ NE отъ Пуйко	7	—	10,5	8,2	86	2 CiS	0		⌒ n.
		1	—	14,5	7,5	61	2 Cu	0		
	Берегъ тундры бл. Пуйко	9	—	7,0	7,5	100	0	0		⌒ =
18/5	Бл. Пуйко	7	—	10,7	9,1	94	1 SCu	0		⌒
		1	—	16,5	9,7	69	0	SE сл.		
		9	—	10,0	8,6	94	0	ENE сл.		≡
19/6	Песокъ Пуйко . . .	7	—	13,5	10,9	95	0	NE сл.		⌒
		1	—	19,9	11,8	68	10	0		

Число дней съ:

	●	*	≡	∞	К,Т	⇸	Ясныхъ.	Пасмурн.	Морозн.	Безъ оттеп.	Осадками.
Апрѣль (14—30). .	3	11	0	0	0	8	1	4	17	14	11
Май (1—31). . . .	1	9	2	1	0	5	2	10	29	16	10
Іюнь (1—30) . . .	5	11	6	1	3	3	4	12	5	0	15
Іюль (1—31). . . .	10	1	4	1	1	0	5	12	0	0	11
Августъ (1—19) . .	5	0	4	7	2	0	8	4	0	0	5
Съ 14 апр. по 19 авг.	25	32	16	10	6	16	20	42	51	30	52

	Температура воздуха.					Абсол. влажность.					Относит. влажн.			Облачность.
	Средн.	Max.	День.	Min.	День.	Средн.	Max.	День.	Min.	День.	Средн.	Min.	День.	
Апрѣль (14—30) 67°—68°20′ . .	—10,3	4,7	22	—26,5	17	—	—	—	—	—	—	—	—	5,8
Май (1 — 31) 68°20′—70°15′.	—4,0	3,1	14	—21,6	9	—	—	—	—	—	—	—	—	7,0
Іюнь (1 — 30) 70°10′—70°20′.	6,5	25,5	30	—2,0	6	6,9	16,4	22	3,4	24	91,1	67	15,24	6,5
Іюль (1 — 31) 70°10′—68°30′.	10,2	27,5	1	2,0	8	8,3	17,7	1	4,1	8	86,4	61	31	6,3
Августъ (1—19) 68°30′—66°50′.	12,9	21,0	9	5,6	13	9,9	16,5	8	6,8	13	87,8	56	9	4,7

Повторяемость вѣтровъ.

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Штиль.
Апрѣль (14—30) 67°—68°20′ . .	4	1	5	7	7	10	9	8	0
Май (1—31) 68°20′—70°15′ . . .	13	11	6	11	16	14	14	5	3
Іюнь (1—30) 70°10′—70°20′ . .	19	7	4	11	13	10	14	10	2
Іюль (1—31) 70°10′—68°30′ . . .	30	16	5	4	7	3	10	13	4
Августъ (1—19) 68°30′—66°50′ .	23	17	4	1	1	2	1	0	7
Съ 14 Апр. по 19 Авг.	89	52	24	34	44	39	48	36	16
Число бурь, оч. крѣпк. и крѣпкихъ вѣтровъ съ 14 апр. по 19 авг.	9	6	3	0	2	3	4	8	—

Повторяемость вѣтровъ одинаковой силы.

	Буря и оч. крѣпк. вѣт.	Крѣпк. вѣтеръ.	Свѣжій вѣтеръ.	Средній вѣтеръ.	Слабый вѣтеръ.	Штиль.	Число дней съ бурей, очень крѣпк. и крѣпкимъ вѣтромъ.
Апрѣль (14—30)	7	1	9	11	23	0	5
Май (1—31)	1	3	12	33	41	3	3
Іюнь (1—30)	4	10	17	11	46	2	6
Іюль (1—31)	0	8	22	39	19	4	6
Августъ (1—19).	0	1	8	14	26	7	1
Съ 14 апр. по 19 авг. . .	12	23	68	108	155	16	21

ГЛАВА XIV.

Гипсометрическія опредѣленія экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Ямалѣ подъ начальствомъ Б. М. Житкова.

Обработалъ **Ю. М. Шокальскій.**

Для наблюденій имѣлись два анероида и гипсотермометръ, поправки коихъ были опредѣлены до и послѣ поѣздки и приняты во вниманіе. Высоты всѣ вычислены по Обдорску, ближайшей станціи къ мѣсту работъ экспедиціи. Наблюденій по гипсотермометру было сдѣлано всего шесть, и высоты, вычисленныя по этимъ даннымъ, на значительную величину удаляются отъ высотъ по наблюденіямъ анероидовъ, кромѣ двухъ пунктовъ №№ 42 и 44.

Значительная удаленность мѣстъ наблюденій отъ Обдорска, конечно, обусловливаетъ малую точность опредѣленій высотъ. Всѣ цифры округлены до десяти футъ.

№	Мѣсто наблюденій.	Высота въ футахъ по анероидамъ.	Высота въ футахъ по гипсотермометру.
1	Мѣстность Соакай	160	95
2	Верховья р. Хадыте (притокъ Воба-яка)	180	85
3	Р. Тобошары	230	—
4	Верховья р. Яды	260	350
5	Перевалъ съ Обской губы на Карское м.	300	400
6	Южный берегъ оз. Ярро-то . .	300	—

7	Сѣверный берегъ оз. Ярро-то .	220	—
8	Лѣвое верховье р. Юрубея . .	210	—
9	60 вер. къ NW отъ оз. Ярро-то	170	
10	Р. Юрубей, среднее теченіе . .	100	—
11	Р. Нензета-яга	140	—
12	Близъ оз. Сяуто	130	—
13	20 верстъ далѣе на NNE . . .	190	—
14	Р. Собрей-яга	140	—
15	20 верстъ къ N отъ р. Собрей.	70	—
16	Р. Ясовай	320	—
17	Близъ оз. Луце-хауто	250	
18	Оз. Луце-хауто	220	—
19	Р. Ябта-яга	210	—
20	Р. Сё-яга	80	—
21	Р. Тумбай-яга	130	—
22	Р. Тумбай-яга (устье)	160	—
23	Р. Сё-яга	180	—
24	Оз. Сыро-то, въ окрестностяхъ р. Сё-яга	80	
25	Оз. Табай-то	140	
26	Оз. Табай-то	140	—
27	Р. Морды	20	—
28	Р. Морды (верховье)	40	—
29	Р. Морды (близъ оз. Неру-то) .	20	—
30	Оз. Неру-то	110	
31	Оз. Ямбу	150	—
32	Близъ дол. Ясовай	90	—
33	Р. Ясовай	0	—
34	5 верстъ къ S отъ дол. Ясовай.	0	—
35	10 верстъ къ N отъ Юрубея .	90	—
36	Р. Юрубей	70	—
37	Среднее теченіе Юрубея . . .	180	—
38	Оз. Найванто и Ямбу-то . . .	210	—
39	Воронье оз.	200	—
40	Близъ Яро-то	180	—
41	Переходъ къ S отъ Яро-то . .	200	
42	Водораздѣлъ у верховьевъ р. Яды.	220	—
43	Верховье р. Яды	150	—
44	Перевалъ между Ядой и Ходы-то	190	—
45	Р. Табатарка (среднее теченіе).	230	
46	Между р. Табатарка и Ходы-то.	220	—
47	20 верстъ отъ Пуйково . . .	160	—

ГЛАВА XV.

Карта полуострова Ямалъ [1]).

Объяснительная записка.

Составилъ **К. Мещерскій.**

I.

Карта полуострова Ямалъ составлена въ Главномъ Гидрографическомъ Управленіи Морского Министерства штурмановъ II-го разряда д. чл. К. М. Мещерскимъ, подъ наблюденіемъ Начальника Главнаго Гидрографическаго Управленія генералъ-лейтенанта А. И. Вилькицкаго (нынѣ покойнаго) и редактора картъ того же Управленія подполковника К. И. Мордовина и по непосредственнымъ указаніямъ генералъ-маіора Ю. М. Шокальскаго и Б. М. Житкова.

Кромѣ выше названныхъ лицъ, въ трудѣ по составленію карты принимали участіе своими указаніями Начальникъ картографической части полковникъ Н. В. Морозовъ и капитанъ 2-го ранга В. С. Васильевъ 3-й.

Карта составлена въ меркаторской проекціи по главной параллели 70°30′ N-й, въ масштабѣ $\frac{1}{1.050.000}$ или 25 верстъ въ 1 дюймѣ.

---

[1]) Внутренняя область полуострова составлена по съемкамъ экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1908 г. подъ начальствомъ Б. М. Житкова.

Границы карты слѣдующія: отъ параллели 60°00′ N-й до параллели 75°00′ N-й и отъ меридіана 65°00′ до меридіана 75°00′ О-й долготы отъ Гринвича.

Сѣтка вычислена штурманомъ II-го разряда К. М. Мещерскимъ и провѣрена капитаномъ 2-го ранга Васильевымъ 3-мъ.

Вычисленія приложены къ запискѣ въ подлинникѣ.

II.

Перечень матеріаловъ, послужившихъ для составленія настоящей карты и хранящихся въ архивѣ Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского Министерства:

№№ по порядку.	Наименованіе матеріала.	№№ катал. архива Гл. Гидр. Упр.	№№ шкаф.	№№ портф.
1.	Карта западнаго берега полуострова Ямалъ и о-ва Бѣлаго въ Карскомъ морѣ. Составлена по морской описи и судовому промѣру 1904 г. подъ начальствомъ полковника Дриженко.	17443—17	11	9
2.	Карта части Карскаго моря отъ Югорскаго шара до рѣки Кары. Составлена по описи и промѣру въ 1902 г. подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Варнека	17398—9	11	9
3.	Атласъ рѣки Енисея отъ города Енисейска до Енисейскаго залива. Составлена въ 1900 г. Гидрографич. экспедиціей подъ начальствомъ подполковника Вилькицкаго.			
4.	Планъ Тазовской губы. Къ рапорту подполковника Вилькицкаго за № 6 отъ 17-го января 1897 г.. . .	17153—1	1	11
5.	Временная карта Обской губы и Енисейскаго залива. Составлена по работамъ 1894—1896 г.г. Гидрограф. экспедиціей подъ начальствомъ			

№№ по порядку.	Наименованіе матеріала.	№№ катал. архива Гл. Гидр. Упр.	№№ шкаф.	№№ портф.
	подполковника Вилькицкаго въ 1897 г.	17195—3	1	2
6.	Карта Обской губы и Енисейскаго залива. Составлена по работамъ 1894—1896 г.г. Гидрограф. экспедиціей подъ начальствомъ подполковника Вилькицкаго и пополнена промѣромъ на пароходѣ „Пахтусовъ“ въ 1905 г. подъ начальствомъ полковника Морозова.	17509—2	17	6
7.	Карта Енисейскаго залива. Составлена по работамъ 1894—1895 г.г. Гидрограф. экспедиціей для изученія устьевъ рѣкъ Енисея и Оби и части Карскаго моря подъ начальствомъ подполковника Вилькицкаго.	17283—2	17	6
8.	Проливъ Малыгина по свѣдѣніямъ парохода „Лейтенантъ Малыгинъ“. Промѣръ произведенъ 19, 20 и 21 августа 1903 г. № 2. Очертанія берега снято съ карты изд. Главн. Гидрограф. Управл. 1872 г.	17036—б—4	1	11
9.	Карта Ледовитаго океана отъ о-ва Бѣлаго до о-ва Кузьмина. Промѣръ парохода „Лейтенантъ Малыгинъ“ съ 19 по 24 августа 1893 г. № 1.	17036—б—5	1	11
10.	Съемка рѣки Енисея отъ г. Туруханска до устья его, произведенная глазомѣрно и полуинструментально въ 1866 и 1867 г.г. топографомъ Андреевымъ, промѣръ партій Добротворскаго 1893 г.:			
	Листъ № 1 . . .	16993—в—1	1	11
	Листъ № 2 . . .	16993—в—2	1	11
	Листъ № 3 . . .	16993—в—3	1	11
	Листъ № 4 . . .	16993—в—4	1	11
11.	Сборный листъ съемки Обской экспедиціи рѣки Оби за 1881 г. При нихъ журналъ за № 10861. . .	16455—в	1	р. Обь.
12.	Съемка рѣки Обь. Листъ № 1, рядъ II.			

№№ по порядку.	Наименованіе матеріала.	№№ катал. архива Гл. Гидр. Упр.	№№ шкаф.	№№ портф.
	Съемку производилъ Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ въ 1881 г. (Обдорскъ)	16455—1	1	р. Обь.
13.	Съемка рѣки Обь. Листъ 8, рядъ III. Снималъ поручикъ Филиповъ съ 28 по 31 августа 1881 г.	16455—1	1	р. Обь.
14.	Съемка рѣки Обь. Листъ 8, рядъ III. Снималъ поручикъ Филиповъ съ 23 по 26 августа въ 1881 году . .	16455—1	1	р. Обь.
15.	Съемка рѣки Обь. Листъ 8, рядъ II. Снимали съ 28 по 31 августа Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ и съ 19 по 23 августа поручикъ Филиповъ въ 1881 году.	16455—1	1	р. Обь.
16.	Съемка рѣки Обь. Листъ 9, рядъ II. Снимали съ 3 по 5 августа Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ и съ 15 по 20 августа 1881 г. поручикъ Филиповъ	16455—1	1	р. Обь.
17.	Съемка рѣки Обь. Листъ 9, рядъ I. Снималъ Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ съ 22 по 28 августа 1881 г.	16455—1	1	р. Обь.
18.	Съемка рѣки Обь. Листъ 10, рядъ I. Снималъ съ 8 по 10 августа 1881 г. Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ	16455—1	1	р. Обь.
19.	Съемка рѣки Обь. Листъ 11, рядъ I. Снимали Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ съ 10 по 12 августа и кондукторъ Пешканскій съ 11 по 12 августа 1881 г..	16455—1	1	р. Обь.
20.	Съемка рѣки Обь. Листъ 12, рядъ I. Снималъ съ 12 по 14 августа 1881 г. Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ.	16455—1	1	р. Обь.
21.	Съемка рѣки Обь. Листъ 13, рядъ I. Снималъ съ 13 по 16 августа Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ въ 1881 г.	16455—1	1	р. Обь.
22.	Съемка рѣки Обь. Листъ 14, рядъ I. Снималъ съ 16 по 18 августа 1881 г.			

№№ по порядку.	Наименованіе матеріала.	№№ катал. архива Гл. Гидр. Упр.	№№ шкаф.	№№ портф.
	Титулярный Совѣтникъ Боголюбовъ	16455—1	1	р. Объ.
23.	Карта Русскаго берега Сѣвернаго Ледовитаго океана отъ Нордкапа до Берингова пролива. Составл. изъ путешеств. проф. Норденшильда на пароходѣ „Вега“ въ 1878 и 1879 г.г.	17039—6	1	11
24.	Карта полуострова Ямалъ; съемка Иванова 1826 и 1827 г.г. въ 2 частяхъ	3685	1	11
25.	Карта Сѣвернаго океана отъ рѣки Печоры до рѣки Оби. Составлена изъ описей лейтенантовъ Малыгина и Скуратова въ 1737 году.	1391	1	11
26.	19 планшетовъ маршрутной съемки, масштабъ 5 верстъ въ дюймѣ, и планъ озеръ, представленный Б. М. Житковымъ.			

Названные матеріалы использованы слѣдующимъ образомъ:

W-й берегъ полуострова Ямалъ отъ широты 69°20′ до 73°30′ N-й нанесенъ съ морской описи 1904 года, исполненной подполковникомъ Н. В. Морозовымъ подъ начальствомъ полковника Ф. К. Дриженко.

Вся Обская губа отъ мыса Поэлово и Тара-соль до селенія Обдорскъ съ работъ Гидрографической Экспедиціи Сѣвернаго Ледовитаго Океана 1894—05—06 г.г., произведенныхъ подъ начальствомъ подполковника А. И. Вилькицкаго.

Вся Байдарацкая губа отъ широты 68°00′ до широты 69°20′ N-й со съемки штурмана Иванова 1826—27 г.г.

Теченіе рѣки Оби и ея развѣтвленія (показано на картѣ пунктиромъ), а также протоки на о-вѣ Скопцовскомъ, протоки на о-вѣ Ермакѣ, Муринская Объ, Малая Хаманель и Наречинская, Хадобинская и Надымская дельта — съ работъ Дунина-Горкавича за 1908 г.

Вся материковая часть полуострова нанесена со съемокъ Экспедиціи Императорскаго Географическаго Общества за 1908 годъ, производившихся: инструментальной—капитаномъ В. Н. Введенскимъ и маршрутной—Начальникомъ Экспедиціи Б. М. Житковымъ.

Районъ отъ устья рѣки Щучьей до устья рѣки Пэдаррата, впадающей въ Байдарацкую губу, взятъ съ работъ экспедиціи 1877—78 г.г. топографа Орлова.

III.

Способъ составленія карты.

Всѣ матеріалы, послужившіе для составленія карты, были уменьшены посредствомъ пантографа К. М. Мещерскимъ (№ 1846, плечо 96). Всѣ эти уменьшенія хранятся въ архивѣ Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского Министерства за № карты 763.

Исходными точками для нанесенія береговъ послужили астрономическіе пункты, опредѣленные въ различное время, различными лицами. Пункты эти расположились по всему побережью неравномѣрно, а именно:

1. Опредѣленіе лейтенанта Бровцына 1902 года.

Байдарацкая губа: Мысъ Полковника (устье рѣки Кары) широта—69°15′28″.6 N-я, долгота—65°00′36″.15 О-я.

2. Опредѣленіе астронома Ахматова 1904 года.

W-й берегъ полуострова Ямалъ и о-ва Бѣлаго:

	Широта N-я.	Долгота О-я отъ Гринвича.
Мысъ Морра-сале.	69°43′13″.3	66°48′15″.9
„ Харасовай	71°09′13″.2	66°49′11″.55
„ Пайнте	72°38′31″.2	68°59′53″.7

Проливъ Малыгина:		
N-й берегъ М. Хаэ-сале.	72°52′54″.2	71°39′34″.95
Островъ Бѣлый:		
Мысъ Рогозинъ	73°25′01″.5	70°07′08″.25

3. Опредѣленіе подполковника Вилькицкаго 1894—95—96 гг.

Обская губа и рѣка Обь:		
Мысъ Трехбугорный . . .	69°03′27″	74°04′45″.00
„ Ямсале	66°54′09″.5	71°44′09″
О-въ Опредѣленный. . . .	66°53′49″.7	71°22′28″.5
Мысъ Хаманелъ.	66°45′23″.2	70°41′45″
„ Ныдскій	66°43′46″.4	73°01′25″.5
Селеніе Обдорскъ.	63°31′22″.1	66°35′31″.5

4. Опредѣленіе астронома Фуса 1880—81 гг.

	Широта N-я.	Долгота О-я отъ Гринвича.
О-въ Пуйково.	66°48′17″.6	69°31′24″
„ Скопцовскій.	66°34′18″	69°42′33″
„ Начальный	66°29′21″.6	70°02′27″
Устье рѣки Ватанги . . .	66°23′30″	69°48′00″
Мель противъ о-ва Хе . .	66°23′25″.1	70°59′31″.5
Варкуты у юртъ	66°21′14″	70°15′16″.5
Устье рѣки Шуга.	66°19′43″.5	71°30′58″

Весь W-й берегъ полуострова Ямалъ вмѣщенъ между слѣдующими астрономическими пунктами, широты и долготы которыхъ выше показаны:

О-въ Бѣлый, проливъ Малыгина и часть W-го берега Ямала до устья рѣки Пайнте нанесены по астрономическимъ пунктамъ М. Рогозинъ, М. Хаэ-сале и М. Пайнте.

Берегъ отъ устья рѣки Пайнте до М. Харасовай—по пунктамъ того же наименованія.

Берегъ между М. Харасовай и М. Морра-сале также по пунктамъ тѣхъ же наименованій.

Байдарацкая губа:

Отъ М. Морра-сале до М. Полковника по пунктамъ тѣхъ же наименованій.

Обская губа:

Берегъ между Мысами Хаэ-сале и Трехбугорный былъ нанесенъ слѣдующимъ образомъ: сѣтка карты была разбита на прямоугольники въ 15′ по широтѣ и 30′ по долготѣ, въ которые и были вмѣщены соотвѣтствующіе матеріалы; также было поступлено и съ берегомъ отъ М. Трехбугорный до Мысовъ Ныдскій и Ямсале.

Обская дельта и рѣка Обь:

Берегъ между Мысами Ныдскій, Ямсале и селеніемъ Обдорскъ вмѣщенъ по астрономическимъ пунктамъ въ названныхъ мѣстахъ, при чемъ вспомогательными пунктами послужили слѣдующіе: Мысъ Хаманелъ, Шуга (устье рѣки), Варкуты у юртъ, мель противъ о-ва Хе, Ватанги и о-ва Опредѣленный, Скопцовскій, Начальный и Пуйково.

О-й берегъ полуострова Ямалъ былъ пополненъ подробностями (какъ-то: рѣки, бухточки, островки и горы) съ карты Иванова и вмѣщенъ между соотвѣтствующими точками, расположенными одна отъ другой въ среднемъ черезъ 3—4 дюйма.

Маршрутная съемка экспедиціи, нанесенная на копію съ карты штурмана Иванова 1826—27 г.г., была уменьшена въ масштабѣ составляемой карты и разбита на прямоугольники въ 15′ по широтѣ и 30′ по долготѣ, которые затѣмъ были вмѣщены въ соотвѣтствующіе прямоугольники и разбиты на составляемой картѣ. При этомъ въ большинствѣ случаевъ приходилось прямоугольники карты Иванова съ маршрутной съемкой сжимать по широтѣ. Исключеніе представляли прямоугольники:

1) отъ устья рѣки Еръ-яга (Средняя) до устья рѣки Поюте (Прутничная), каковой районъ пришлось растянуть въ виду невязки въ самой съемкѣ, и такимъ образомъ озера Ярро-то получились южнѣе приблизительно на 15′ по широтѣ, и

2) отъ устья рѣки Поюте (Прутничная) до о-ва Пуйково мѣстность была сжата.

Всѣ устья рѣкъ маршрутной съемки были сведены съ устьями рѣкъ, показанными на морскихъ съемкахъ.

Съемка топографа Орлова была вмѣщена также между примѣтными точками, а именно: устье рѣки Пэдаррата и устье рѣки Щучьей.

IV.

Вычисленіе сѣтки карты полуострова Ямалъ.

Размѣръ карты отъ широты 66°00′ N-й до широты 75°00′ N-й и отъ долготы 65°00′ O-й до долготы 75°00′ O-й отъ Гринвича, при разности широтъ 9°00′ и разности долготъ 10°00′.

Масштабъ $\frac{1}{1.050.000}$ или 25 верстъ въ 1 дюймѣ.

Главная параллель 70°30′.

lg ′м 12500=4.096910
lg′ м 12500=5.903090
lg Cos*u* =9.524812
lg Cos*u* +lg′ м=5.427902

Ср. Шир.=70°30′N-я
Пр. Шир.=70°26′18″15=*u*
75°00′=6041705
66°00′=4610701
1431004=6.155641
5.427902
1.583543=38.3304

М. Р. Д. 10°=521759
lg М. Р. Д.=5.717470
5.427902
1.145372=13.97

lg *a*=1.583543; 2 lg *a*=3.167086; a^2=1469.22
lg *b*=1.145371; 2 lg *b*=2.290742; b^2= 195.32
1664.54

lgtg 70°30′ = 10.450851
lg $\sqrt{1-e^2}$ = 9.998518
lgtg*u* =10.449369

C^2=1664.54
2lgC =3.221294
lgC =1.610647=40.799

75°00′	6041705					
		1431004	6.155641	1.583543	38.330	A=38.3304д
74°30′	5942562	99143	4.996268	0.424170	2.655	
		1331861	6.124458	1.552360	35.675	B=13.9756д
74°00′	5846493	195212	5.290506	0.718408	5.228	
		1235792	6.091945	1.519847	33.102	C=40.799д
73°30′	5753308	288397	5.459992	0.887894	7.725	
		1142607	6.057897	1.485799	30.605	
73°00′	5662832	378873	5.578494	1.006396	10.148	
		1052131	6.022070	1.449972	28.182	
72°30′	5574904	466801	5.669132	1.097034	12.504	
		964203	5.984168	1.412070	25.826	
72°00′	5489381	552324	5.742194	1.170096	14.794	
		878680	5.943830	1.371732	23.536	
71°30′	5406127	635578	5.803169	1.231071	17.024	
		795426	5.900600	1.328502	21.306	

71°00′	5325019	716686	5.855330	1.283232	19.196
		714318	5.853892	1.281794	19.134
70°30′	5245945	795760	5 900782	1.328684	21.315
		635244	5.802940	1.230842	17.015
70°00′	5168800	872905	5.940966	1.368868	23.381
		558099	5.746711	1.174613	14.949
69°30′	5093484	948221	5.976910	1.404812	25.398
		482783	5.683752	1.111654	12.932
69°00′	5019912	1021793	[illegible]	1.437264	27.369
		409211	[illegible]	1.039850	10.961
68°30′	4947992	1093713	6.038903	1.466805	29.295
		337291	5.528005	0.955907	9.035
68°00′	4877654	1164051	6.065972	1.493874	31.179
		266953	5.426436	0.854338	7.151
67°30′	4808821	1232884	6.090923	1.518825	33.024
		198120	5.296928	0.724830	5.306
67°00′	4741425	1300280	6.114037	1.541939	34.828
		130724	5.116356	0.544258	3.502
66°30′	4675406	1366299	6.135546	1.563448	36.597
		64705	4.810937	0.238839	1.733
66°00′	4610701	1431004	6.155641	.5835431	38.330

65°00′					
	10°00′	521759	5.717470	1.145372	13.976
70°00′	5°00′	260879	5.416440	0.844342	6.988
	5°00′	260879	5.416440	0.844342	6.988
75°00′	10°00′	521759	5.717470	1.145372	13.976

Вычисленіе астрономическихъ пунктовъ.

Широта.

		75°00′00″	6041705				
				1431004	6.155641	1.583543	38.330
1.	М. Рогозинъ . .	73°25′01″.5	5738121	303584	5.482279	0.910181	8.132
				1127420	6.052086	1.479988	30.198
2.	М. Хаэ-сале. . .	72°25′54″.2	5641807	399898	5.601949	1.029851	10.712
				1031106	6.013304	1.441206	27.618
3.	М. Пайнте . . .	72°38′32″.2	5599623	442082	5.645503	1.073405	11.842
				988922	5.995162	1.423064	26.488
4.	М. Харасовай . .	71°09′13″.2	[illegible]	[illegible]91979	5.840093	1.267995	18.535
				[illegible]025	5.868659	1.296561	19.795
5.	М. Морра-сале .	69°43′13″.3	[illegible]	[illegible]246	5.961538	1.389440	24.515
				[illegible]758	5.712446	1.140348	13.815
6.	М. Полковникъ у ус. р. Кары. .	69°15′28″.6	5[illegible]	[illegible]34052	5.993026	1.420928	26.358
				446952	5.650260	1.078162	11.972
7.	М. Трехбугорный.	69°03′27″	5028285	1013420	6.005189	1.433691	27.145
				417584	5.620743	1.048645	11.185
8.	М. Ямсале. . . .	66°54′09″.5	4728466	1313239	6.118343	1.546245	35.176
				117765	5.071017	0.498919	3.154
9.	О-въ Опредѣленный.	66°53′49″.7	4727735	1313970	6.118585	1.546487	35.195
				117034	5.068312	0.496214	3.135
10.	О-въ Пуйково. .	66°48′17″.6	4715503	1326202	6.122610	1.550512	35.523
				104802	5.020369	0.448271	2.807
11.	М. Хаманелъ . .	66°45′23″.2	4709098	1332607	6.124702	1.552604	35.695
				98397	4.992982	0.420884	2.635
12.	М. Ныдскій . . .	66°43′46″.4	4705548	1336157	6.125858	1.553760	35.789
				94847	4.977024	0.404926	2.541
13.	О-въ Скопцовскій.	66°34′18″	4684787	1356918	6.132554	1.560456	36.346
				74086	4.869736	0.297638	1.984
14.	С. Обдорскъ. . .	66°31′22″.1	4678388	1363317	6.134594	1.562496	36.517
				67687	4.830500	0.258402	1.813
15.	О-въ Начальный.	66°29′21″.6	4674013	1367692	6.135988	1.563898	36.635
				63312	4.801486	0.229388	1.695
16.	Ватанги.	66°27′30″	4669967	1371738	6.137271	1.565173	36.742
				59266	4.772806	0.200708	1.588
17.	Мель противъ Хе.	66°23′25″.1	4661100	1380605	6.140070	1.567972	36.980
				50399	4.702422	0.130324	1.350
18.	Варкуты у юртъ.	66°21′14″	4656363	1385342	6.141557	1.569459	37.107
				45662	4.659555	0.087457	1.223
19.	Шуга устье рѣки.	66°19′43″.5	4653099	1388606	6.142579	1.570481	37.195
				42398	4.627345	0.055247	1.135
		66°00′00″	4610701	1431004	6.155641	1.583543	38.330

Долгота.

		65°00′00″	10°00′00″	521759	5.717470	1.145379	13.976
1.	М. Рогозинъ . .	70°07′08″.25	5°07′08″.25	267086	5.426651	0.854553	7.154
			4°52′51″.75	254673	5.405983	0.833885	6.822
2.	М. Хаэ-сале . .	71°39′34″.95	6°39′34″.95	347476	5.540925	0.968827	9.308
			3°20′25″.5	174283	5.241256	0.669158	4.668
3.	М. Пайнте . . .	68°59′53″.7	3°59′53″.7	208613	5.319341	0.747243	5.588
			6°00′ 6″.3	313146	5 495747	0.923649	8.388
4.	М. Харасовай .	66°49′11″.55	1°49′11″.55	94953	4.977509	0.405411	2.544
			8°10′48″.45	426806	5.630231	1.058133	11.432
5.	М. Морра-сале .	66°48′15″.9	1°48′15″.90	94147	4.973806	0.401708	2.522
			8°11′44″.10	427612	5.631048	1.058950	11.454
6.	М. Полковникъ у ус. р. Кары . .	65°00′36″.15	00°00′36″.15	530	2.724276	2.152178	0.014
			9°59′23″.85	521229	5 717030	1.144952	13.962
7.	М. Трехбугорный.	74°04′45″	9°04′45″	473713	5.675517	1.103419	12.689
			0°55′15″	48046	4.681657	0.109559	1.287
8.	М. Ямсале . . .	71°44′09″	6°44′09″.0	351447	5.545861	0.973763	9.414
			3°15′51″.0	170312	5.231245	0.659167	4.562
9.	О-въ Опредѣленный.	71°22′28″.5	6°22′28″.5	332600	5.521922	0.949824	8.909
			3°37′31″.5	189159	5.276826	0.704728	5.067
10.	О-въ Пуйково. .	69°31′24″	4°31′24″	236009	5.372928	0.800830	6.322
			5°28′36″	285750	5.455986	0.883888	7.654
11.	М. Хаманелъ . .	70°41′45″	5°41′45″	297185	5.473027	0.900929	7.961
			4°18′15″	224574	5.351360	0.779262	6.015
12.	М. Ныдскій . . .	73°01′25″.5	8°01′25″.5	418647	5.621848	1.049750	11.214
			1°58′34″.5	103112	5.013309	0.441211	2.762
13.	О-въ Скопцовскій.	69°42′33″	4°42′33″	245705	5.390414	0.818316	6.582
			5°17′27″	276054	5.440996	0.868898	7.394
14.	С. Обдорскъ. . .	66°35′31″.5	1°35′31″.5	83072	4.919454	0.347356	2.225
			8°24′28″.5	438686	5.642153	1.070055	11.751
15.	О-въ Начальный.	70°02′27″	5°02′27″	263010	5.419972	0.847874	7.045
			4°57′33″	258749	5.412878	0.840780	6.931
16.	Ватанги	69°48′00″	4°48′00″	250445	5.398713	0.826615	6.708
			5°12′00″	271314	5.433473	0.861375	7.268
17.	Мель противъ Хе.	70°59′31″.5	5°59′31″.5	312642	5.495048	0.922950	8.375
			4°00′28″.5	209117	5.320389	0.748291	5.601
18.	Варкуты у юртъ.	70°15′16″.5	5°15′16″.5	274162	5.438007	0.865909	7.344
			4°44′43″.5	247597	5.393745	0.821647	6.632
19.	Шуга устье рѣки.	71°30′58″.6	6°30′58″.6	339993	5.531470	0.959372	9.107
			3°29′01″.4	181766	5.259513	0.687415	4.869
		75°00′00″	10°00′00″	521759	5.717470	1.145372	13.976

Вполнѣ или отчасти на основаніи матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей на Ямалъ 1908 года, опубликованы пока слѣдующіе отчеты и статьи.

1) Б. М. Житковъ—Письмо изъ Обдорска къ Ю. М. Шокальскому, содержащее свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи. Отчетъ Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1908 годъ.
2) Б. М. Житковъ—Краткій отчетъ о путешествіи на полуостровъ Ямалъ. Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XLV, в. VIII.
3) Б. М. Житковъ—Морской торговый путь въ Сибирь. Естествознаніе и Географія, 1910 г., кн. 5 (май).
4) Б. М. Житковъ—Сѣверный олень, какъ домашнее животное. Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, 1909, кн. 6 (іюнь).
5) С. А. Северинъ—Бактеріальное населеніе нѣсколькихъ образцовъ почвъ изъ далекаго сѣвера (Обдорскъ и полуостровъ Ямалъ). Вѣстникъ Бактер.-Агрономич. станціи имени В. К. Феррейнъ (Импер. Общ. Акклиматизаціи), № 15 (1909).
6) N. Grese—Die Spinnen der Halbinsel Jamal (mit Taf.). Ежегодн. Зоол. Муз. Импер. Акад. Наукъ, т. XIV, 1909.
7) А. В. Мартыновъ—Trichoptera Ямалской экспедиціи Имп. Р. Г. Общества 1908 г. подъ руков. Б. М. Житкова. Ежегодн. Зоол. Муз. Импер. Акад. Наукъ, т. XV, 1910.

8) B. M. Shitkow—Die Erforschung der Samojedenhalbinsel. Petermanns Geogr. Mitteil. 1911, II. Hefte 1 u. 2 (mit Karte)

9) Б. Житковъ—Полуостровъ Ямалъ. Записки по Ги[illegible] 1911, вып. XXXIII.

[illegible] —Планктонъ водоемовъ полуостров[illegible] и рис.). Ежегодникъ Зоологич. Му[illegible] 1911, т. XVI, № 2.

[illegible] [illegible]екрылыя полуострова [illegible] педицiей Б. М. Житкова въ 1908 [illegible] Импер. Акад. Наукъ, 1911, т. X[illegible]

[illegible] g nach Sibirien (mit [illegible] Geographische Zeitschrift. 1912, H. 4.

[illegible] Ю. Верещагинъ—Планктонъ водоемовъ [illegible] Cladocera (въ портфелѣ редакціи Еже[illegible] Акад. Наукъ).

[illegible] Б. М. Житковъ—Птицы полуострова Ямала [illegible] Зоолог. Муз. Импер. Акад. Наукъ, т. XVII (1912 г.)

15) Б. М. Житковъ—Млекопитающія полуос[illegible] (приготовляется къ печати).

Записки по Общей Географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. XLVIII 1911 г.